ISSN 2618-7302

2021 №1 ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

1
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2021

1 (15)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Периодическое издание
DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

А. В. Акимов
Л. Б. Алаев
Ю. Г. Александров
А. К. Аликберов
В. М. Алпатов
В. П. Андросов
С. Э. Бабкин
А. Г. Белова
В. Я. Белокреницкий
С. А. Бурлак
Е. Ю. Ванина
А. В. Воронцов
А. В. Демченко
А. С. Десницкий
А. Ю. Другов
А. С. Железняков
А. О. Захаров
Т. А. Карасова
Е. Л. Катасонова
А. И. Кобзев
В. А. Кузнецов
Ю. В. Любимов
Н. М. Мамедова
Д. В. Микульский
Д. В. Мосяков
В. Н. Настич
К. В. Орлова
С. А. Панарин
Н. И. Пригарина
Н. Г. Романова (*зам. гл. редактора*)
А. В. Сарабьев
В. Н. Саутов
Т. Л. Шаумян

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки — *С. В. Ветохов*; макет и верстка — *С. Е. Малых*

На обложке: Мумия раннептолемеевского времени в скальной гробнице Персенеба, Гиза, Египет (*фото С. В. Ветохова*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2021

1 (15)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

Peer-reviewed academic journal

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

A. V. Akimov
L. B. Alaev
Y. G. Aleksandrov
A. K. Alikberov
V. M. Alpatov
V. P. Androsov
S. E. Babkin
V. Y. Belokrenitsky
A. G. Belova
S. A. Burlak
A. V. Demchenko
A. S. Desnitskiy
A. Y. Drugov
T. A. Karasova
E. L. Katasonova
A. I. Kobzev
V. A. Kuznetsov
Y. V. Lyubimov
N. M. Mamedova
D. V. Mikulskiy
D. V. Mosyakov
V. N. Nastich
K. V. Orlova
S. A. Panarin
N. I. Prigarina
N. G. Romanova *(deputy ed.-in-chief)*
A. V. Sarabyev
V. N. Sautov
T. L. Shaumyan
E. Y. Vanina
A. V. Vorontsov
A. O. Zakharov
A. S. Zheleznyakov

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya *(Executive Editor)*
Svetlana E. Malykh *(Scholarly Editor)*

Вестник Института востоковедения РАН. № 1 (15). — М.: ИВ РАН, 2021. — 288 с.

ISSN 2618-7302
DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

© ФГБУН ИВ РАН, 2021
© Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН» (составитель), 2021

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
07.00.06 Археология
07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
10.01.08 Теория литературы, текстология
10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

23.00.00 Политические науки

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки
23.00.02 Политические институты, процессы и технологии
23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика
23.00.06 Конфликтология

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Прусаков Д. Б. Заметка о лодке в изобразительности дофараоновского Египта: «метафорический концепт» или транспортное средство? 12

Малых С. Е. Керамический комплекс позднего Древнего царства — Первого Переходного периода из гробницы Перинеджу в Гизе: новые данные о функционировании древнеегипетского некрополя в XXII–XXI вв. до н. э. 25

Орехов Р. А. «Место, где слушаются молитвы»: к альтернативному прочтению эпитета древнеегипетского бога Птаха 40

Куватова В. З. Сравнительный анализ картонажа мумии из гробницы Персенеба в Гизе (Египет) 56

PAX MONGOLICA

Гончаров Е. Ю., Биккиняев Н. Х. Тифлисские пулы хана Бердибека (758–760 гг. х.) 66

Тимохин Д. М. Арабо-персидские источники о восшествии на престол хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны 77

ВОСТОЧНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Герасимова М. П. Пути японской живописи 89

ORIENT ET OCCIDENT

Дубровская Д. В. Пресвитер Иоанн: деконструкция легенды 104

Норик Б. В. Чарльз Мэррей и дело Мирзы Хашем-хана: к вопросу о поводах для Англо-иранской войны 1856–1857 гг. 117

РОССИЯ И ВОСТОК

Загородникова Т. Н. Андрей Балакин, мюрид индийского суфия 129

Пак Б. Б. К 125-летию русско-китайского союзного договора. Интервью с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским от 19.01.2021. 141

Носенко Т. В. Советско-египетское соглашение по оружию 1955 г. 150

ФАЛЕРИСТИКА ВОСТОКА

Захаров А. О. Bintang Budaya Parama Dharma — индонезийский орден «За заслуги в области культуры» 162

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток XIII (перевод и комментарии). Часть I 177

Никольская К. Д. Путешествие в Ост-Индию (дневник Марии Доротеи Цигенбальг, урожденной Зальцман) 196

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДИСКУССИЯ

Ат-Турки М. «Вызовы», брошенные России в ее региональном окружении (анализ иранского фактора) 214

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Бабкин С. Э. О джихадистских группировках в зоне Сахеля и раскладе сил между ними 218

Хасан А. А., Сейидли С. А. Идлиб в сирийском конфликте (2011–2020) 225

ПОЛИТИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В XXI в.

Беляков В. В. Парламентские выборы в Египте в 2020 г. 238

Якимова Е. А. Проблема еврейских беженцев из арабских стран, Ирана и Турции в контексте ближневосточного мирного процесса 244

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

Шустова А. М. Обзор Четвертой Международной конференции «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии» 259

GRATULATORIA

К юбилею Елены Леонидовны Катасоновой 272

IN MEMORIAM

Дмитрий Дмитриевич Васильев (1946–2021) 276

Рябинин А. Л. Памяти друга. Дмитрий Дмитриевич Васильев 277

CONTENTS

Editorial 11

HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY

ANCIENT EGYPT

Proussakov D. B. A Note about the Boat in the Representationism of Pre-Pharaonic Egypt: "Metaphorical Concept" or Means of Transportation? 12

Malykh S. E. Ceramic Complex of the Late Old Kingdom — First Intermediate Period from the Tomb of Perinedju in Giza: New Data on the Functioning of the Ancient Egyptian Necropolis in the 22nd–21st Centuries B.C. 25

Orekhov R. A. "A Place Where Prayers Are Obeyed": An Alternative Interpretation of Ptah's Epithet 40

Kuvatova V. Z. Comparative Analysis of the Mummy Cartonnage from the Tomb of Perseneb in Giza Necropolis (Egypt) 56

PAX MONGOLICA

Goncharov E. Yu., Bikkinyaev N. H. Tiflis Puls of Berdibek Khan (758–760 A.H.) 66

Timokhin D. M. Arab-Persian Sources on the Accession of Khwarezmshah Jalal Ad-Din Mankburny to the Throne 77

ORIENTAL MENTALITY

Gerasimova M. P. The Ways of Japanese Painting 89

ORIENT ET OCCIDENT

Dubrovskaya D. V. Prester John: Deconstructing the Legend 104

Norik B. V. Charles Murrey and Mirza Hashem-Khan's Case: The Problem of *casus belli* for Anglo-Iranian War of 1856–1857 117

RUSSIA AND ORIENT

Zagorodnikova T. N. Andrew Balakin, Murid of the Indian Sufi 129

Pak B. B. To the 125th Anniversary of the Russian-Chinese Union Treaty. Interview with Prince Nikita D. Lobanov-Rostovsky, 19.01.2021 141

Nosenko T. V. Soviet-Egyptian Arms Deal of 1955 150

PHALERISTICA ORIENTALIA

Zakharov A. O. Bintang Budaya Parama Dharma — The Indonesian Order for Cultural Merits 162

TRANSLATIONS AND COMMENTS

Polkhov S. A. Ōta Gyūichi. «Shinchō-kō ki». Book XIII (Russian Translation with Comments). Part I 177

Nikolskaia X. D. Travel to the East Indies (The Diary of Maria Dorothea Ziegenbalg, Nee Salzman) 196

HISTORICAL AND POLITICAL STUDIES

DISCUSSION

At-Turki M. Challenges to Russia in Its Regional Environment (The Analysis of the Iranian Factor) 214

POLITICAL CONFLICT STUDIES

Babkin S. E. On Jihadist Groups in the Sahel Zone and the Balance of Power 218

Hassan A. A., Seyidli S. A. Idlib in Syrian Conflict (2011–2020) 225

POLITICS OF ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES IN THE 21ST CENTURY

Beliakov V. V. Parliament Elections in Egypt in 2020 238

Iakimova E. A. The Issue of Jewish Refugees from Arab States, Iran and Turkey in the Context of the Middle East Peace Process 244

ACADEMIC EVENTS

CHRONICLES OF CONFERENCES

Shustova A. M. Review of the International Conference "Tibetology and Buddhology at the Intersection of Science and Religion" 259

GRATULATORIA

To the Jubilee of Elena L. Katasonova 272

IN MEMORIAM

Dimitry D. Vasiliev (1946–2021) 276

Ryabinin A. L. In Loving Memory of a Friend. Dimitry D. Vasiliev 277

ОТ РЕДАКЦИИ

Весна надежды нашей

«Вестник Института востоковедения РАН» вступает в свою четвертую весну. Вместе с Институтом и всем научным сообществом за прошедший год мы пережили локдаун, изоляцию, закрытые библиотеки и архивы; не обошлось и без горьких потерь, в том числе среди членов редколлегии журнала. Однако мы искренне надеемся на возобновление привычной жизни — с живыми документами и материалами, очными конференциями и полноценным общением.

Журнал остается зеркалом научной жизни Института и гостеприимным хозяином для гостей из других востоковедных центров, с гордостью представляя вашему вниманию очередной выпуск. «Вестник» продолжает выполнять миссию расширения востоковедных горизонтов читателей — от египетских древностей до остродискуссионных материалов по Ближнему Востоку (в том числе, от гостя из Саудовской Аравии), от разоблачения средневековых легенд о пресвитере Иоанне до легендарного князя Нобунага, от умозрительных гостей в лице хорезмского шаха Джалал ад-Дина и английского дипломата-женолюба Чарльза Мэррея до реальных высоких гостей в лице князя Н. Д. Лобанова-Ростовского.

С глубоким прискорбием мы публикуем некролог Дмитрия Дмитриевича Васильева — учителя, коллеги и друга, одного из активных участников редколлегии «Вестника», эпиграфическая конференция памяти которого пройдет грядущей осенью, и с радостью, пусть и запоздало, поздравляем с прошедшим юбилеем Елену Леонидовну Катасонову, также члена редколлегии журнала, приглашая всех прочесть торжественную оду в ее честь от еще одной легенды нашего института — поэта, переводчика и японоведа Александра Долина.

С пожеланиями здоровья и возвращения к плодотворной работе,
редакция «Вестника Института востоковедения РАН»

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-12-24

ЗАМЕТКА О ЛОДКЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ ДОФАРАОНОВСКОГО ЕГИПТА: «МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ» ИЛИ ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО?

© 2021

Д. Б. Прусаков*

Большая лодка с многочисленным экипажем в египетской изобразительности додинастического периода Нагада (IV тыс. до н. э.) интерпретировалась исследователями и как реальное судно на водах Нила (и даже ближайших морей), и как «идеологический» символ, не имеющий отношения к материальной действительности. По разным научным оценкам и гипотезам, художественный образ крупной ладьи с десятками весел и опознавательным «тотемом» на мачте в дофараоновском Египте мог служить «метафорой» отдельного социального организма, где команда гребцов ассоциировалась с рядовыми членами общины, а «капитаны» — с ее лидерами (в перспективе царями); олицетворять победу вселенского порядка над хаосом в сценах «покорения природы», например, охоты и гарпунирования сильных и опасных животных (гиппопотама, крокодила и др.); в «потустороннем» контексте выступать в качестве перевозчика в загробный мир и т. п. Все подобные умопостроения не учитывают, что обсуждаемые изображения лодок представляют принципиально разные, причем меняющиеся во времени конструкции, в которых использовался разный материал: травянистые растения (папирус, тростник) и древесина. Лодка у истоков древнейшего государства в Египте, очевидно, входит в символику, отражавшую эволюцию «идеологии» или религиозных представлений населения страны на соответствующей стадии социо- и политогенеза; вместе с тем, изменения ее облика и значения в изобразительности Нагады и ранних династий можно связать с синхронным изменением физического состояния окружавшего египтян мира, прежде всего Реки, на которой происходили основные события.

Ключевые слова: Древний Египет, додинастический период, протодинастический период, раннединастический (архаический) период, Восточная пустыня, Верхний Египет, Нил, гидрология, петроглифы, расписная керамика, лодки.

Для цитирования: Прусаков Д. Б. Заметка о лодке в изобразительности дофараоновского Египта: «метафорический концепт» или транспортное средство? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 12–24. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-12-24

* Дмитрий Борисович ПРУСАКОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmprusakov@mail.ru

Dmitry B. PROUSSAKOV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmprusakov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6065-4610

A NOTE ABOUT THE BOAT IN THE REPRESENTATIONISM OF PRE-PHARAONIC EGYPT: "METAPHORICAL CONCEPT" OR MEANS OF TRANSPORTATION?

Dmitry B. Proussakov

A big boat with a large crew in the pictorial art of Predynastic Egypt (4th Millennium B.C.) is interpreted by scholars as both a real vessel on the River Nile (and even on the nearest seas) and "ideological" symbol unrelated to the material world. According to various hypotheses, depiction of a large boat with dozens of vessels and identification marks on masts could have served in pre-Pharaonic times as the "metaphor" for a social organization where crews and "captains" were associated, respectively, with members and leaders of a community; in scenes of "conquering the nature", for instance, hunting and harpooning strong and dangerous animals, such as hippos, crocodiles, etc., it could have embodied the victory of the universal order over chaos; in an "otherworldly" context, it could also have played the role of a carrier to another world, and so on. All these ideas miss the fact that boat images under consideration represent quite different constructions, changing in time and using different materials, namely, herbaceous plants (papyrus, reed) and wood. The boat at the origins of the most ancient state in Egypt is obviously included into a symbolism that reflects evolution of "ideology" or religious views of Egyptians at the corresponding stage of their social and political genesis; on the other hand, changes of the boat image and significance in the pictorial art of the Naqada and Early Dynastic periods may be connected with synchronous transformation of their natural world, first of all the River on which the main events took place.

Keywords: Ancient Egypt, Predynastic period, Protodynastic Period, Early Dynastic (Archaic) period, Eastern Desert, Upper Egypt, the River Nile, hydrology, petroglyphs, decorated pottery, boats.

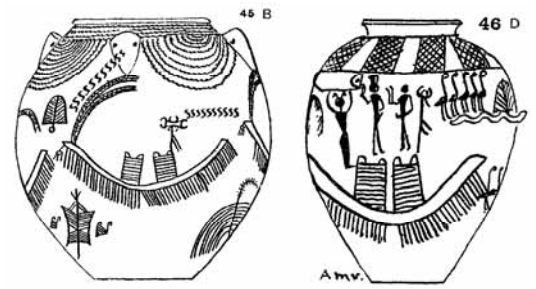
For citation: Proussakov D. B. A Note about the Boat in the Representationism of Pre-Pharaonic Egypt: "Metaphorical Concept" or Means of Transportation? *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 12–24. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-12-24

Редкая российская академическая статья касается актуального «лодочного» мотива в египетской до- и раннединастической изобразительности IV тыс. до н. э., представленного петроглифами на скалах вдоль Нила и вади Восточной пустыни, росписью по керамике, ремесленными изделиями и др. «В современной египтологии все чаще высказывается точка зрения о метафорическом значении лодок», — пишет в одной такой статье сотрудница Центра египтологических исследований РАН (см.: [Шеркова, 2019]) в обычной для нее произвольной манере (см.: [Прусаков, Большаков, 2006]). Здесь и «царь I династии Нармер», хотя пока нет исчерпывающих аргументов против того, что Хор Нармер предшествовал ее предполагаемому основателю и легендарному объединителю («древнейшему царю из людей» [Геродот, II, 4]) Египта Хору Аха (Мину)[1]; и Ком-Омбо на восточном берегу Нила «напротив Иераконполя», хотя равнина Ком-Омбо с одноименным городом находится в 60–70 км южнее, и т. п. Вот и процитированный тезис Т. А. Шерковой, «подкрепленный» ссылкой на единичную и сырую публикацию молодого и малоизвестного бельгийского исследователя, дает искаженную картину текущих научных тенденций, тем более что сам объект ссылки, постдокторант Брюссельского свободного университета Дориан Ванюль, оценивал свое сообщение о

[1] Ср.: [Heagy, 2014].

«символическом» характере египетских доисторических изображений лодок как «все еще маргинальное в египтологии» [Vanhulle, 2018].

В действительности подобных «метафорических» взглядов придерживался целый ряд египтологов, многие десятилетия оппонировавших другой группе специалистов («школе» Флиндерса Питри), которая возводила большие первобытные лодки, запечатленные в долине Нила и ее окрестностях "in all archaeological media", прежде всего к реальным материально-техническим прообразам [Прусаков, 2011; 2020в]. По мнению Д. Ванюля, в практическом контексте, как транспортное средство или священный (культовый) предмет, в Египте лодка изображалась во времена фараонов; в додинастический же период Нагады и на переходном [2] этапе ранних династий (IV тыс. до н. э.) ее иконография, которую он соотносил в основном с росписью герзейской «декорированной» керамики (D-ware по классификации Флиндерса Питри[3]), заключала в себе скорее (читай: только лишь) «яркую идеологическую символику». В его интерпретации, нарисованные на герзейских (Нагада II) глиняных горшках и прочих носителях многовесельные серповидные[4] лодки с их рядовыми гребцами и командным составом (*илл. 1*) символизировали «упорядоченные социальные группы», возглавляемые потестарными или протогосударственными лидерами, и, художественно-композиционно противоположенные различным враждебным силам (диким животным долины Нила и «пустыни», конкурентам-иноплеменникам на таких же или других лодках), выражали «архетипические» представления о происхождении «Порядка из Хаоса» и «главенстве» первого над вторым (ср.: [Brémont, 2018]). Играя «ключевую роль в политических, военных и погребальных мероприятиях», лодка, с его точки зрения, также могла видеться египтянам «перевозчиком души», помогавшим ей перебраться из этого в иной мир (ср.: [Červiček, 1986; Wilkinson, 2003]).

Илл. 1. Нильские «герзейские» лодки (по: [Petrie, 1921, pl. XXXIV])

«Нагадцы, — рассуждает Д. Ванюль, — как и большинство доисторических обществ по всему свету, в качестве выразительных средств использовали метафорические концепты», в том числе и образ лодки, которому эта нильская и любая ей подобная «лодочная культура» ("boat culture") закономерно отводила «центральное место в системах верований и идеологических воззрений» [Vanhulle, 2018]. В своем сравнительном исследовании он, хотя и не отрицает сомнительность «прямых параллелей» при такой пространственно-временной разделенности регионов и народов, сопоставляет Египет периода Нагада I–II (около 3900–3300 гг. до н. э.) — «омываемый морями, пересекаемый Нилом, регулярно затапливаемый разливами, имеющий судоходные озера» — с «прибрежными неолитическими обществами» Юго-Восточной Азии (Малайзии, Индонезии, Филиппин и т. д.) и островов западной Океании. Так, в

[2] См.: [Прусаков, 2006].
[3] См.: [Petrie, 1901a].
[4] См.: [Winkler, 1938].

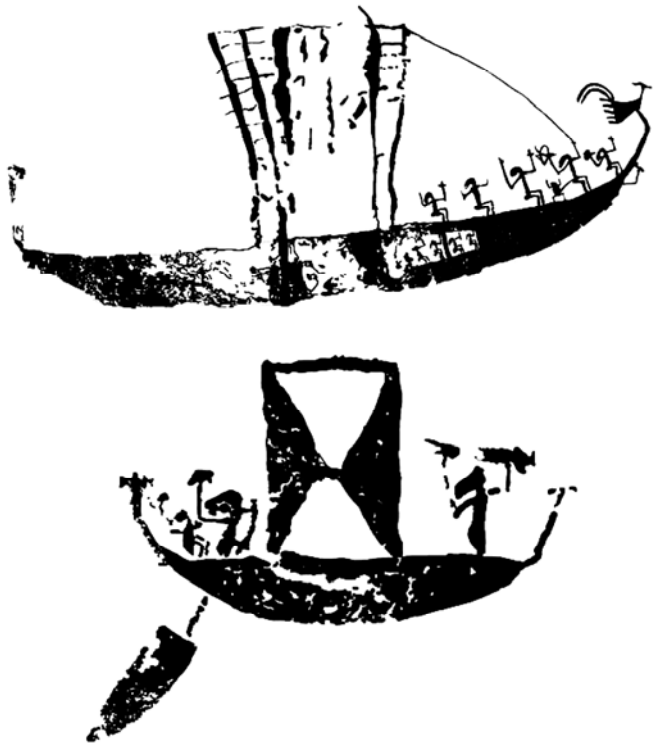
одной из знаменитых пещер Ниа на острове Калимантан (Борнео) [5] есть 46-метровая настенная роспись, где среди «человекоподобных фигур», животных (крокодила, черепах, змей и др.), фантастических существ и «криволинейных абстракций» выделяются многочисленные («все еще видно больше 20») лодки (*илл. 2*), причем на полу этой пещеры (Гуа Каин Хитам) найдены остатки человеческих захоронений в плоскодонных долбленках, по убеждению археологов, «хронологически неразрывных» с росписью и датированных радиоуглеродным методом между 2300 BP (≈ 389 г. до н. э.) и X в. н. э.; на взгляд специалистов, в отличие, например, от древних наскальных рисунков «кораблей» на острове Тимор [6] (*илл. 3*), петроглифы лодок Ниа предельно стилизованы и не несут «зримых черт морских технологий прошлого», а потому представляют чисто символические образы, которые, судя по археологическому контексту, «явно связаны с символикой смерти» [Szabó, Piper, Barker, 2008]. «Это относится также к доисторическому Египту» [Vanhulle, 2018], хотя его петроглифические местонахождения, распространенные преимущественно под открытым небом, сопутствующих захоронений не обнаруживают.

Илл. 2. Петроглифы пещеры Каин Хитам (фрагмент) на малайзийском почтовом блоке (по: Петроглифы Гуа Каин Хитам — Пещеры Ниах. *Megalithica.ru*. URL: https://megalithica.ru/petroglifyi-gua-kain-xitam-peshheryi-niax.html (дата обращения 15.02.2021))

По мысли Д. Ванюля, в обозначенном индо-тихоокеанском регионе в неолите лодка, служившая «идентификационным маркером» в дипломатических и военных действиях, при заключении политических и брачных союзов и т. п., ценилась чрезвычайно высоко и была «до некоторой степени священна»; она хранилась в особой постройке в центре поселения и воплощала в себе единство общины, что можно «постулировать» и для «начальных стадий додинастического периода» в Египте [Vanhulle, 2018]. Однако и без этих кросс-культурных аналогий никто не сомневается в том, что уже первобытная лодка на Ниле имела огромную важность «и для войны, и для торговли, и для положения ранних вождей (подобно тому как у нас лимузины или яхты подтверждают статус миллионера)» [Wilson, 2003]; и что египтяне издревле считали лодку «могучим символом власти», «иногда превращая ее буквально в святилище» [Kemp, 2005]. Смущает нивелирование функций и роли лодок в повседневной жизни и духовных традициях «морских, прибрежных, островных и речных» доисторических

[5] Ср.: [Harrisson, 1958; Табарев, Серовец, 2019].
[6] См.: [Lape, O'Connor, Burningham, 2007].

Ил. 3. Морские лодки. Петроглифы острова Тимор (по: [Lape, O'Connor, Burningham, 2007, fig. 4–5])

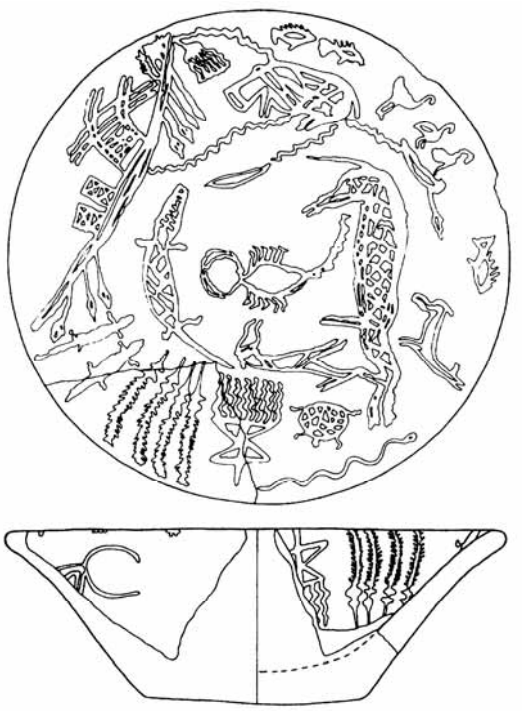
народов по всей ойкумене, где «спецификой» Египта, возникшего на такой своеобразной и *гидрологически изменчивой* [7] реке, как Главный Нил, является лишь то, что «культура Нагада эволюционирует в направлении политико-религиозного объединения под владычеством обожествленного монарха» [Vanhulle, 2018].

Как концептуальное и художественное отражение начавшегося государствогенеза в долине Нила, «лодка могла служить символической репликой общества, в которой матросы олицетворяют народонаселение, а капитан не кого иного, как царя. Жизнь на корабле в высшей степени иерархична и организованна. Это микрокосм, внутри которого матросы подчиняются суровому уставу и находятся под властью капитана. Капитан должен обладать всеми качествами лидера и управлять мудро во избежание мятежа в любой его форме… Для того, чтобы добиться такой организации на судне, она прежде непременно должна быть создана на суше» [Vanhulle, 2018]. Что касается последнего тезиса, то египетские изобразительные и письменные источники свидетельствуют как будто о прямо противоположном: социальная организация в древнем Египте (по крайней мере, в наследовавшую додинастике и архаике эпоху Старого царства) строилась по подобию лодочного экипажа («корабельной ватаги») [Перепелкин, 1988]. «В основе организации людских масс в староегипетскую эпоху лежит принцип некоего идеального судна, которое этими массами укомплектовывают… Отсюда и название рабочих отрядов по корабельным ориентирам: "носу" (*wAD*), "правому борту" (*jmj wrt*), "левому борту" (*tA wr*) и "корме" (*jmj nDst, nDst*)» [Берлев, 1972]. Можно не только предположить, но и аргументировать, что это отголосок особой *функциональной* значимости лодок на Ниле во времена, предшествовавшие ранним династиям фараонов [Прусаков, 2001].

Д. Ванюль, однако, призывает толковать нильскую лодку в «доисторических произведениях искусства» не буквально, как «обычное транспортное средство», а через призму того, «что она символизирует в общем композиционном контексте», например, в сценах охоты, якобы упорядочивающей «дикий (хаотический) мир» долины Нила, в которых лодку «постоянно изображают гарпунирующей опасных животных при

[7] См., например: [Said, 1993].

полном отсутствии охотников-людей. То, что лодка поражает животных гарпуном сама по себе, по-видимому, подтверждает ее статус защитницы Космического Миропорядка» [Vanhulle, 2018] (*илл. 4*). Вместе с тем известно немало одножанровых рисунков периода Нагада, где в лодке или рядом с ней фигурируют бьющие или арканящие животных люди (*илл. 5*), словно здесь акцентируется не «метафорическая» победа «порядка над хаосом», а реальная водная охота на Ниле, практически выпавшем из поля зрения бельгийского египтолога как физико-географический объект.

Илл. 4. Лодки, гарпунирующие гиппопотама. Период Нагада I (по: [Hendrickx, 2011, fig. 7])

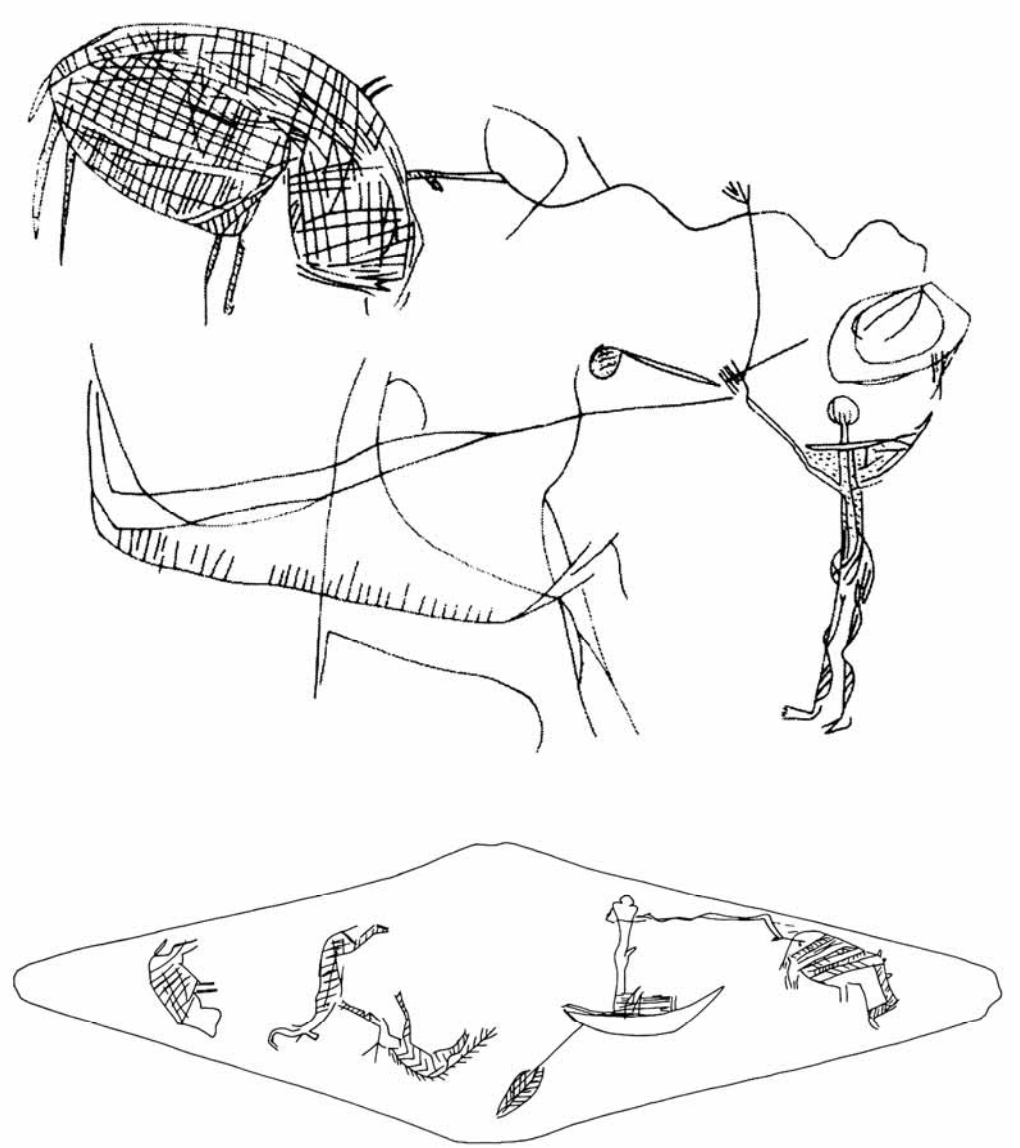
Нил в додинастические времена не столько «пересекал» Египет, сколько «собирал» его по мере высыхания Сахары и формирования в заливной пойме Реки наносных илистых почв [Прусаков, 2009]. Как отмечает Д. Ванюль, большие серповидные лодки, запечатленные на «декорированной» керамике (D-ware) [8], помимо множества часто расположенных огромных весел (возможно, символизировавших родовую сплоченность и силу гребцов), имели мачты с оригинальными опознавательными (тотемическими?) знаками, вероятно, различавшими в рамках «общей идентичности Нагады» разбросанные по Нилу локальные людские группы, союзы или территориально-политические образования (зародыши номов фараоновского Египта?). Эти отличительные изобразительные черты пропадают в период Нагада III, «параллельно государственному объединению Египта»; «действительно, лишь только царь возвышается как правитель Египта, лодка оказывается ненужной для выражения всех этих первобытных представлений. Теперь царь персонифицирует Маат [9] … лодка теряет свое первоначальное значение в иконографии». «Все стародавние традиции должны были быть адаптированы и встроены в институционализированную фараоновскую идеологическую систему. Религиозные верования и культы, связанные с царем, приходили на смену неолитическим обрядам и обычаям. Образ лодки как воплощение космического миропорядка и управления им уступил место фигуре царя, покоряющего врагов Египта. И если лодка еще могла обозначить государство фараонов при I династии[10], уже вскоре после нее она утратила все свои прежние символизирующие

[8] У. М. Ф. Питри полагал, что такие «галеры» достигали в длину 60 футов (свыше 20 м) [Petrie, 1939].

[9] См., например: [Assmann, 1990].

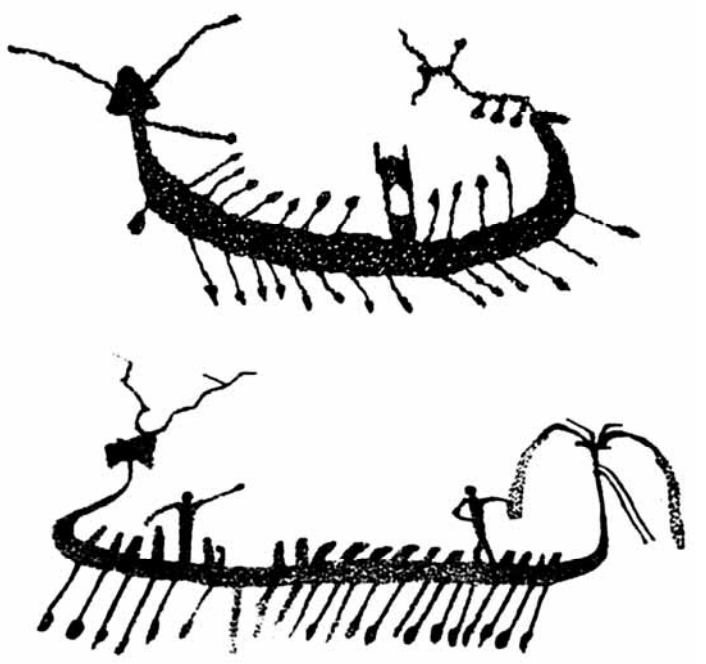
[10] В том числе — в петроглифах — его проникновение в южный Синай и Нижнюю Нубию (Вади Амейра, Гебель Шейх Сулейман) [Tallet, Laisney, 2012; Somaglino, Tallet, 2014].

прерогативы» [Vanhulle, 2018]. Так или иначе, но в Египте на стадиях[11] Нагада IIC–IIIA априори не мог царствовать “one particular king”, и, несмотря на начавшееся формирование письма и художественного канона, было далеко до общих для страны «институционализированных систем» социального, политического, экономического или идеологического свойства. Анализируя изменения в иконографии египетской лодки на данном этапе, следует также учитывать, что, по-видимому, именно в протодинастический период Нагада III произошел так называемый «неолитический спад» — резкое, в среднем почти на 60 %, снижение водоносности Главного Нила, ознаменовавшее его переход в современное гидрологическое состояние (подробнее см., например: [Прусаков, 2020a]).

Илл. 5. Охотники и лодки. Период Нагада I–II (по: [Hendrickx, 2011, fig. 6, 8])

[11] См.: [Kaiser, 1957].

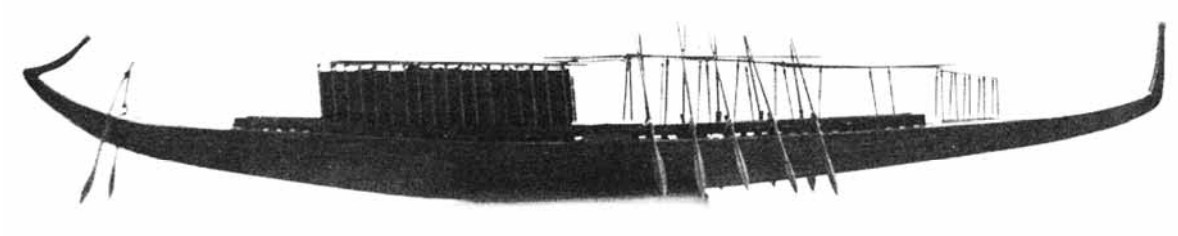
Ил. 6. Доисторические ладьи Восточной пустыни (по: [Winkler, 1938, pl. XXXVI])

Протоегипетский «лодочный символизм» восходил, несомненно, к *речной* лодке. «Омываемый морями», но прежде всего тяготевший и приспосабливавшийся к грозной и непредсказуемой Реке, зарождающийся Египет едва ли преуспевал в мореплавании: для вывода, что древний город Буто в северной Дельте, в 20 км к югу от лагуны Буруллус, уже в доисторическую эпоху являлся средиземноморским портом, ориентированным на Левант (Сирию [12]), нет достаточных оснований [von der Way, 1986]; редкие, порой случайные находки (фрагменты керамики и др.) в испытывавшей изостатическое опускание [13] дельтовой прибрежной полосе намекают на то, что она заселялась сравнительно поздно, местами не ранее конца Второго Переходного периода — начала Нового царства (около 1600–1500 гг. до н. э.) [Stanley, Arnold, Warne, 1992]. На Красном море первые отчетливые следы египетских морских кораблей, обнаруженные при раскопках древнего порта Вади эль-Джарф (деревянные фрагменты корпусов и весел, каменные якоря и др.), датируются началом Старого царства (ок. 2600–2550 гг. до н. э.) [Tallet, Marouard, 2014]. Если красноморское направление и рассматривалось исследователями в контексте доисторической навигации во «внешних» водах Египта, то исключительно в связи с некоей «Новой (Династической) расой» [14] иноземных мореходов-завоевателей, якобы вторгшихся в нильскую долину через верхнеегипетскую Восточную пустыню и массово увековечивших свои огромные «прямоугольные» ладьи в петроглифах обширных бассейнов Вади Хаммамат и Баррамийа [Winkler, 1938; ср.: Rohl, 1998] (*ил. 6*). Д. Ванюль, однако, вынес эти рисунки за рамки обсуждаемой статьи, поскольку, как ему кажется, развивавшееся в окрестностях Нила до фараонов «наскальное искусство имеет свои особенности и остается в некотором смысле загадочным» — до такой степени, что нильское поречье времен Нагады с его изобразительностью «не может быть прямо соотнесено с множеством разбросанных по пустыням граффити» [Vanhulle, 2018].

С другой стороны, на тех же страницах он пишет, что богатая роспись происходящей из Абидоса или Гебелейна позднеамратской[15] «крестолинейной» (C-ware

[12] См., например: [Köhler, 1992].
[13] См., например: [Warne, Stanley, 1993].
[14] См., например: [Petrie, Quibell, 1896; Derry, 1956].
[15] «Нагада I–IIA» [Hendrickx, Depraetere, 2004].

по классификации Питри[16]) плоскодонной керамической чаши CG 2076, хранящейся в Каирском музее (*илл. 4*), сливает воедино «пустыню и долину Нила посредством изображения растений и животных, типичных для этих двух экосистем». Формулируя еще более определенно, вся совокупность запечатленных на данном сосуде «символов или, скорее, североафриканских реалий влажной эпохи большого климатического оптимума голоцена — крупная ладья, антилопы, страусы, крокодил, гарпунированный гиппопотам и т. д., — тождественна доисторическому петроглифическому "микрокосму"[17] Восточной пустыни» [Прусаков, 2015]. Иными словами, эта роспись конца первой половины IV тыс. до н. э. (даже если она содержит «метафору» главенства лодки — «упорядоченного людского коллектива, управляемого командой лидеров» — над «целой вселенной» [Vanhulle, 2018]) может служить аутентичной иллюстрацией общности вмещающего ландшафта и биотопа Верхнего Египта и прилегающего к нему нильского водосбора, пока не затронутого аридизацией (см.: [Прусаков, 2019]).

Илл. 7. Ладья Хеопса (модель) (по: [Jenkins, 1980, fig. 123])

Илл. 8. Доисторический папирусный «плот» на Ниле (по: [Quibell, 1904, pl. 22])

Исключая из рассмотрения наскальные рисунки «пустынь», Д. Ванюль, кроме того, упускает из внимания, что на смену серповидным лодкам герзейской «декорированной» керамики с их «тотемами», частоколами весел и прочей гипотетической первобытнообщинной символикой и метафорикой в египетской

[16] См.: [Petrie, 1901a].
[17] См.: [Wilkinson, 2003].

«государственной» иконографии прото- и раннединастического периода пришли ладьи «прямоугольного» профиля, характерные для петроглифики верхнеегипетских восточных вади. Изображениями таких ладей в едином композиционно-смысловом контексте с царями в коронах и царскими *серехами* (именами Хора)[18] отличаются курильницы для благовоний из Кустула [Williams, 1986], палетка Хора Нармера [Quibell, 1898], табличка Хора Аха из Абидоса [Petrie, 1901b], петроглифы Гебель Шейх Сулеймана [Arkell, 1975] и ряд других артефактов. Аналогичный профиль имеет «солнечная барка» царя IV династии Хуфу (Хеопса)[19] (*илл. 7*), которая имитирует своими высокими деревянными «штевнями» бунтовый папирусный или тростниковый «плот» с плавучестью морского или большеозерного судна [Прусаков, 2015]. Появление подобных «кораблей» на египетском Ниле (*илл. 8*) логично соотнести с его доисторической многоводностью, когда (мой предварительный вариант палеоландшафтной реконструкции) с востока в него круглогодично впадали минимум две реки по поливаемым муссонными дождями Вади Хаммамат и Баррамийа [Прусаков, 2020в], 1-й порог был затоплен [Прусаков, 2020б], устья многих вади представляли собой протяженные речные заливы [Прусаков, 2020а], а Средний Египет покрывало разделявшее страну почти 200-километровое озеро [Прусаков, 2018]. В этих условиях большой, устойчивый на волне широких акваторий «плот» становился не просто важнейшим транспортным средством, но главным орудием первичного освоения страны с ее неизбежным[20] последующим объединением, тенденция к которому берет начало до «неолитического спада» Реки (в период Нагада II)[21]; и хотя в ходе формирования современного водотока Нила[22] и распространения металлического (медного) деревообрабатывающего инструмента[23] в Египте во второй половине IV тыс. до н. э. огромный травяной «плот», по-видимому, уступил место дощатой «герзейской» лодке, именно его «прямоугольные» обводы (как памятной, а то и все еще актуальной конструкции, стоявшей у истоков сборки государства фараонов?) канонизировала ладья, изобразительно сопровождавшая исконного древнеегипетского бога-царя Хора.

В целом же Нил с резко упавшим объемом годового стока и утвердившееся на его берегах государство, несомненно, существенно ограничили прежнюю «организующую» роль в повседневной жизни населения Египта (и, соответственно, «первоначальное значение в иконографии») больших гребных ладей, чьи общинного типа «ватаги» перевоплотились в трудовой контингент староцарских вельможеских «домов собственных»[24]… В социоестественном[25] ракурсе «метафорические концепты» могут обнаруживать вполне материальные корни.

[18] См., например: [Большаков, 2015].
[19] См., например: [Abubakr, Moustafa, 1971].
[20] Ср.: [Bard, Carneiro, 1989].
[21] См., например: [Kemp, 2005].
[22] См. также: [Stanley, Warne, 1993].
[23] См.: [Прусаков, 2015].
[24] См.: [Перепелкин, 1988].
[25] См.: [Кульпин, 1994].

Литература / References

Берлев О. Д. *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства*. М., 1972 [Berlev O. D. *Labour Population in Egypt in the Middle Kingdom*. Moscow, 1972 (in Russian)].

Большаков А. О. К чтению и идеологии хоровых имен первых царей Египта. Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Доклады*. СПб., 2015. С.24–37 [Bolshakov A. O. On the Reading and Interpretation of the Horus Names of the First Kings of Egypt. Bolshakov A. O. (ed.). *St. Petersburg Egyptological Readings 2013–2014. Papers of the Conference*. Saint Petersburg, 2015. Pp. 24–37 (in Russian)].

Геродот. *История в девяти книгах*. М., 1993 [Herodotus. *The Nine Books of the History*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Кульпин Э. С. Об основах социоестественной истории. *Восток (Oriens)*. 1994. № 1. С. 29–38 [Koulpin E. S. On the Foundations of the Socio-Natural History. *Vostok (Oriens)*. 1994. 1. Pp. 29–38 (in Russian)].

Перепелкин Ю. Я. *Хозяйство старoегипетских вельмож*. М., 1988 [Perepelkin Yu. Ya. *The Household of the Old-Egyptian Nobles*. Moscow, 1988 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Хор в ладье» и «ладейная ватага»: к проблеме раннего политогенеза в Египте. *Восток (Oriens)*. 2001. № 1. С. 5–23 [Proussakov D. B. "Horus in a Boat" and the "Boat Crew": On a Problem of the Early Political Genesis in Egypt. *Vostok (Oriens)*. 2001. 1. Pp. 5–23 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Фараоны без царства. *Наука в России*. 2006. № 2. С. 40–48 [Proussakov D. B. Pharaohs without a Kingdom. *Science in Russia*. 2006. 2. Pp. 40–48 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции)*. М., 2009 [Proussakov D. B. *Ancient Egypt: Soil of the Civilization (an Essay on the Neolithic Revolution)*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Династическая раса»? К природе «вторжений» в доисторический Египет. Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2009–2010. Доклады*. СПб, 2011. С. 203–226 [Proussakov D. B. A "Dynastic Race"? On the Nature of "Invasions" in Prehistoric Egypt. Bolshakov A. O. (ed.). *St. Petersburg Egyptological Readings 2009–2010. Papers of the Conference*. Saint Petersburg, 2011. Pp. 203–226 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Додинастический Египет: лодка у истоков цивилизации*. М., 2015 [Proussakov D. B. *Predynastic Egypt: A Boat at the Source of the Civilization*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. 1. С. 70–80 [Proussakov D. B. Lakes on the Prehistoric River Nile: "Hydrological" Outlook for Egyptian Archaeology. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2018. 1. Pp. 70–80 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Звериный стиль» до фараонов: египетская додинастическая наскальная и ремесленная изобразительность как палеогеографический источник (возвращение к проблеме). *Ориенталистика*. 2019. № 2 (3). С. 493–538 [Proussakov D. B. "Animal style" Before the Pharaohs: Egyptian Predynastic Rock-Art and Handicraft Representationism as a Palaeogeographical Source (Return to the Problem). *Orientalistica*. 2019. 2 (3). Pp. 493–538 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020а. № 1. С. 12–32 [Proussakov D. B. The Hypothesis of the "Land of Outpouring of the River": On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020a. 1. Pp. 12–32 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть III. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020б. № 2. С. 109–128 [Proussakov D. B. Hypothesis of the "Land of Outpouring of the

River": On Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part III. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020b. 2. Pp. 109–128 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Загадки додинастической петроглифики с поправкой на климат и гидрологию: лодки (и реки?) в верхнеегипетских восточных вади. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020в. № 4. С. 20–42 [Proussakov D. B. Riddles of the Predynastic Petroglyphs Adjusted for Climate and Hydrology: Boats (and Rivers?) in the Upper Egyptian Eastern Wadis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020c. 4. Pp. 20–42 (in Russian)].

Прусаков Д. Б., Большаков А. О. Рецензия на кн.: Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. М.: Праксис, 2004. — 376 с., ил. *Вестник древней истории*. 2006. № 1. С. 191–201 [Proussakov D. B., Bolshakov A. O. Book Review: Sherkova T. A. The Birth of the Eye of Horus: Egypt on the Pathway to the Early State. Moscow: Praxis, 2004. — 376 p., ill. *Vestnik Drevnei Istorii*. 2006. 1. Pp. 191–201 (in Russian)].

Табарев А. В., Серовец Г. В. Комплекс ранних захоронений в пещере Ниа (Борнео) и проблема многообразия погребальных традиций в островной части Юго-Восточной Азии. *Теория и практика археологических исследований*. 2019. № 2. С. 167–178 [Tabarev A. V., Serovets G. V. Complex of Early Burials in Niah Cave (Borneo) and the Problem of Funeral Traditions Diversity in Island Southeast Asia. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019. 2. Pp. 167–178 (in Russian)].

Шеркова Т. А. Сакральная архитектура додинастического и раннединастического Египта. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 55–68 [Sherkova T. A. Sacral Architecture of Predynastic and Early Dynastic Egypt. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo Universiteta. Series "Historical Studies"*. 2019. 3. Pp. 55–68 (in Russian)].

Abubakr A. M., Moustafa A. Y. The Funerary Boat of Khufu. *Beiträge zur Ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde*. 1971. 12. S. 1–18.

Arkell A. J. *The Prehistory of the Nile Valley*. Leiden, 1975.

Assmann J. *Ma'at: Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Alten Ägypten*. München, 1990.

Bard K. A., Carneiro R. L. Patterns of Predynastic Settlement Location, Social Evolution, and the Circumscription Theory. *Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et d'égyptologie de Lille*. 1989. 11. Pp. 15–23.

Brémont A. Into the Wild? Rethinking the Dynastic Conception of the Desert beyond Nature and Culture. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2018. 17. Pp. 1–17.

Červiček P. *Rock Pictures of Upper Egypt and Nubia*. Napoli, 1986.

Derry D. E. The Dynastic Race in Egypt. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1956. 42. Pp. 80–85.

Harrisson T. The Caves of Niah: A History of Prehistory. *Sarawak Museum Journal*. 1958. 8. Pp. 549–595.

Heagy T. C. Who Was Menes? *Archéo-Nil*. 2014. 24. Pp. 59–92.

Hendrickx S. Hunting and Social Complexity in Predynastic Egypt. *Académie Royale des Sciences d'Outre-Mer. Bulletin des Séances*. 2011. 57. Pp. 237–263.

Hendrickx S., Depraetere D. A Theriomorphic Predynastic Stone Jar and Hippopotamus Symbolism. Hendrickx S., Friedman R. F., Ciałowicz K. M., Chłodnicki M. (eds.). *Egypt at Its Origins: Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt". Kraków, August, 28 – September,1, 2002*. Leuven, 2004. Pp. 801–822.

Jenkins N. *The Boat beneath the Pyramid: King Cheops' Royal Ship*. London, 1980.

Kaiser W. Zur inneren Chrohologie der Naqadakultur. *Archaeologia Geographica*. 1957. 6. S. 69–77.

Kemp B. *Ancient Egypt: Anatomy of a Civilization*. 2nd Edition. London, 2005.

Köhler C. The Pre- and Early Dynastic Pottery of Tell el-Fara'în/Buto. Brink E. C. M. van den (ed.). *The Nile Delta in Transition: 4th–3rd Millennium BC*. Tel Aviv, 1992. Pp. 11–22.

Lape P. V., O'Connor S., Burningham N. Rock Art: A Potential Source of Information about Past Maritime Technology in the South-East Asia-Pacific Region. *The International Journal of Nautical Archaeology*. 2007. 36. Pp. 238–253.

Petrie W. M. F. *Diospolis Parva: The Cemeteries of Abadiyeh and Hu, 1898–1899*. London, 1901a.

Petrie W. M. F. *The Royal Tombs of the Earliest Dynasties*. Part 2. London, 1901b.

Petrie W. M. F. *Corpus of Prehistoric Pottery and Palettes*. London, 1921.

Petrie W. M. F. *The Making of Egypt*. London, 1939.

Petrie W. M. F., Quibell J. E. *Naqada and Ballas. 1895*. London, 1896.

Quibell J. E. Slate Palette from Hieraconpolis. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1898. 36. S. 81–84.

Quibell J. E. *Archaic Objects*. T. 2. Le Caire, 1904.

Rohl D. M. *Legend: The Genesis of Civilization*. London, 1998.

Said R. *The River Nile: Geology, Hydrology, and Utilization*. Oxford, 1993.

Somaglino C., Tallet P. Une campagne en Nubie sous la Ire dynastie: la scène nagadienne du Gebel Sheikh Suleiman comme prototype et modèle. *Nehet. Revue numérique d'égyptologie (Paris-Sorbonne — Université Libre de Bruxelles)*. 2014. 1. Pp. 1–46.

Stanley D. J., Warne A. G. Nile Delta: Recent Geological Evolution and Human Impact. *Science*. 1993. 260. Pp. 628–634.

Stanley D. J., Arnold D., Warne A. G. Oldest Pharaonic Site Yet Discovered in the North-Central Nile Delta, Egypt. *National Geographic Research and Exploration*. 1992. 8. Pp. 264–275.

Szabó K., Piper P. J., Barker G. Sailing between Worlds: The Symbolism of Death in Northwest Borneo. Clark G., Leach F., O'Connor S. (eds.). *Islands of Inquiry: Colonisation, Seafaring and the Archaeology of Maritime Landscapes*. Canberra, 2008. Pp. 149–169.

Tallet P., Laisney D. Iry-Hor et Narmer au Sud-Sinaï (Ouadi 'Ameyra). Un complément à la chronologie des expéditions minières égyptiennes. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*. 2012. 112. Pp. 381–398.

Tallet P., Marouard G. The Harbor of Khufu on the Red Sea Coast at Wadi al-Jarf, Egypt. *Near Eastern Archaeology*. 2014. 77.1. Pp. 4–14.

Vanhulle D. Boat Symbolism in Predynastic and Early Dynastic Egypt: An Ethnoarchaeological Approach. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2018. 17. Pp. 173–187.

Warne A. G., Stanley D. J. Archaeology to Refine Holocene Subsidence Rates Along the Nile Delta Margin, Egypt. *Geology*. 1993. 21. Pp. 715–718.

Way Th. von der. Tell el-Fara'in — Buto. 1. Bericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1986. 42. S. 191–212.

Wilkinson T. A. H. *Genesis of the Pharaohs: Dramatic New Discoveries Rewrite the Origins of Ancient Egypt*. London, 2003.

Williams B. B. *Excavations between Abu Simbel and the Sudan Frontier*. Part 1. *The A-Group Royal Cemetery at Qustul: Cemetery L*. Chicago, 1986.

Wilson P. *Sacred Signs: Hieroglyphs in Ancient Egypt*. Oxford, 2003.

Winkler H. A. *Rock-Drawings of Southern Upper Egypt. I. Sir Robert Mond Desert Expedition. Season 1936–1937. Preliminary Report*. London, 1938.

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-25-39

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОЗДНЕГО ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА — ПЕРВОГО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ИЗ ГРОБНИЦЫ ПЕРИНЕДЖУ В ГИЗЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО НЕКРОПОЛЯ В XXII–XXI ВВ. ДО Н. Э.

© 2021

С. Е. Малых*

В статье анализируется комплекс древнеегипетских керамических сосудов, обнаруженный Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН в 2019 г. в погребальной шахте 11 гробницы чиновника Перинеджу (GE 19), высеченной в восточном склоне известнякового плато Гиза во второй половине III тыс. до н. э. По морфологическим и технологическим признакам керамический комплекс, залегавший в нижней части заполнения шахты 11 и в ее погребальной камере 11A, может быть датирован финальной частью эпохи Древнего царства — Первым Переходным периодом (XXII–XXI вв. до н. э.). Слои, в которых найдена данная группа керамических изделий, разрушили оригинальное погребение, вероятно, совершенное в камере 11A во времена правления VI династии. Хотя интерпретация керамического комплекса затруднена нарушенностью археологических слоев в результате деятельности грабителей XIX в., особенности его залегания и присутствие здесь же фрагментов костей животных позволяет рассматривать его как остатки поминальной тризны, складированные в камере 11A в момент отправления похоронных ритуалов для другого захоронения времени конца Древнего царства — Первого Переходного периода, совершенного поблизости, но не найденного. Такая практика целенаправленного складирования предметов, использовавшихся в различных похоронных ритуалах, уверенно фиксируется на материалах современных археологических исследований в некрополях Мемфиса, куда входит и Гиза. Однако в случае с вещевым комплексом из шахты 11 гробницы Перинеджу его сохранность не предоставляет возможности делать однозначные выводы о его характере и назначении, но выявленные керамические типы значительно расширяют керамический корпус Гизы конца Древнего царства — Первого Переходного периода и дают новую информацию о функционировании этого столичного некрополя в период экономической и политической нестабильности.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Первый Переходный период, древнеегипетская керамика, древнее гончарство, древнеегипетские скальные гробницы, древнеегипетский погребальный обряд.

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

Для цитирования: Малых С. Е. Керамический комплекс позднего Древнего царства — Первого Переходного периода из гробницы Перинеджу в Гизе: новые данные о функционировании древнеегипетского некрополя в XXII–XXI вв. до н. э. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 25–39. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-25-39

CERAMIC COMPLEX OF THE LATE OLD KINGDOM — FIRST INTERMEDIATE PERIOD FROM THE TOMB OF PERINEDJU IN GIZA: NEW DATA ON THE FUNCTIONING OF THE ANCIENT EGYPTIAN NECROPOLIS IN THE 22ND–21ST CENTURIES B.C.

Svetlana E. Malykh

The article analyzes the ancient Egyptian complex of ceramic vessels, discovered by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in 2019 in burial shaft 11 of the tomb of the official Perinedju (GE 19), cut into the eastern edge of the Giza Plateau in the second half of the 3rd millennium B.C. Basing on its morphological and technological characteristics, the ceramic complex in the lower part of the filling of shaft 11 and in its burial chamber 11A can be dated to the final part of Old Kingdom — First Intermediate Period (XXII–XXI centuries B.C.). This group of pottery was found in the layers which destroyed the original burial, probably created in chamber 11A during the reign of the Dynasty VI. Although the interpretation of the ceramic complex is hindered by the disturbance of the archaeological layers as a result of the robbers' activities of the 19th century, the peculiarities of its occurrence and the presence of fragments of animal bones here make it possible to consider it as the remains of a funeral feast stored in chamber 11A at the time of the funeral rites for another burial of the end of the Old Kingdom — First Intermediate Period, completed nearby, but not found. This practice of purposeful storage of items used in various funeral rituals is confidently recorded on the materials of current archaeological researches in the necropoleis of Memphis, which includes Giza. However, in the case of the complex from shaft 11 of the tomb of Perinedju, its preservation does not provide an opportunity to make unambiguous conclusions about its nature and purpose, but the identified ceramic types significantly expand the ceramic corpus of Giza at the end of the Old Kingdom — First Intermediate Period and provide new information about the functioning of this capital necropolis during the period of economic and political instability.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, First Intermediate Period, Ancient Egyptian pottery, Ancient Egyptian rock-cut tombs, Ancient Egyptian burial rites.

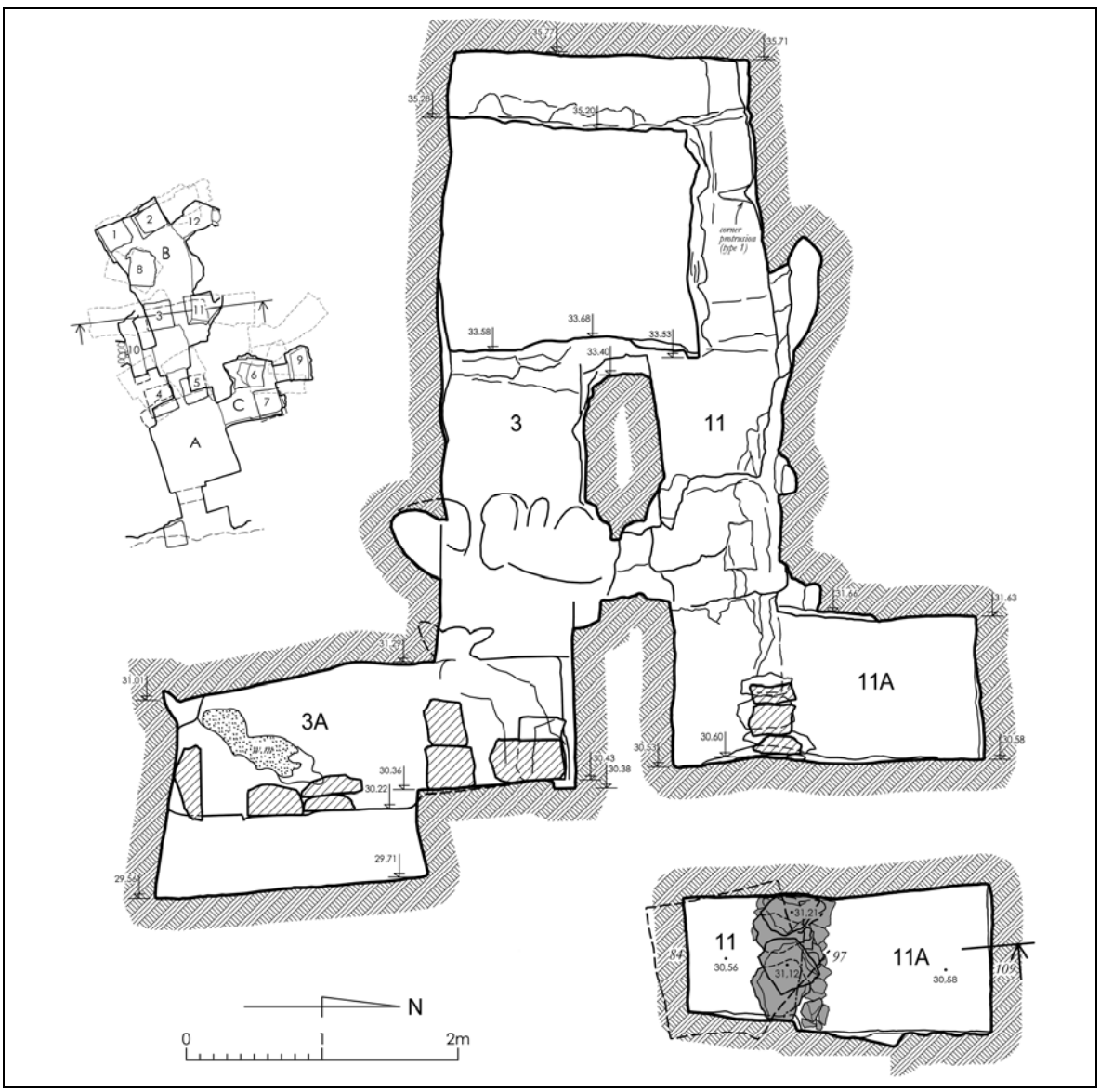
For citation: Malykh S. E. Ceramic Complex of the Late Old Kingdom — First Intermediate Period from the Tomb of Perinedju in Giza: New Data on the Functioning of the Ancient Egyptian Necropolis in the 22nd–21st Centuries B.C. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 25–39. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-25-39

В 2019 г. Российская археологическая экспедиция ИВ РАН в Гизе предприняла изучение погребальной шахты 11 в скальной гробнице египетского чиновника Перинеджу (GE 19), жившего во второй половине Древнего царства и носившего титул *im.j-rA is (n) Xkr.t-nsw.t* («начальник мастерской царских украшений»)[1]. Гробница располагается в южной части российской концессии,

[1] Подробнее о титулах Перинеджу и вариантах их интерпретации см.: [Лебедев, Малых, 2017, с. 160–164].

непосредственно под гробницей Персенеба (LG 78), и, в отличие от последней, практически не была известна более ранним исследователям некрополя Гизы[2].

Гробница Перинеджу имеет сложную планировку и состоит из трех скальных помещений, в которых вырублено двенадцать шахт и ниш для захоронений и культовых целей. Шахта 11 (*илл. 1*) находится в средней части гробницы, в помещении GE 19B, примыкая к северной стене. Исходя из особенностей засыпки и применяемой экспедицией методики работ, изучение заполнения шло послойно, в результате чего в шахте было выделено семь разных по мощности слоев, часть из которых отмечена и в погребальной камере 11A, где также присутствовали дополнительные слои.

Илл. 1. Разрез шахт 11 и 3 скальной гробницы Перинеджу (GE 19) и план погребальной камеры 11A (*рис. С. В. Ветохова*)

[2] Подробнее об этом см.: [Лебедев, Малых, 2017, с. 141, сноска 2].

Отдельные предметы заинтересовавшего нас керамического комплекса, которому посвящена данная статья, были обнаружены в слое 4, попавшем также в погребальную камеру. Он начался в 1,11 м от устья шахты, его мощность составила около 1,5 м (30,95–32,48 м над уровнем моря). Уже на глубине 31,98–32,18 м, вместе с более поздним материалом (черепками керамических, стеклянных и фарфоровых сосудов от I тыс. до н. э. до начала XX в., османской золотой монетой 1830/1831 г., сардовым амулетом-*джед* Позднего периода[3]) были выявлены фрагменты тонкостенных полусферических чаш 19/19-11/12, 31, 19/19-11/26, 29, 44, 19/19-11/30 и 19/19-11/31. Другие их части были найдены в залегавшем ниже слое 5, что позволило нам полностью реконструировать формы двух из перечисленных сосудов. Обнаружение фрагментов одних и тех же предметов в визуально отличающихся слоях наглядно показывает, что четкая граница между слоями 4 и 5 отсутствует: вероятно, в момент проникновения грабителей в шахту 11 примерно в середине XIX в. слой 5 был частично поврежден, а слой 4 сформировался в процессе и после ограбления.

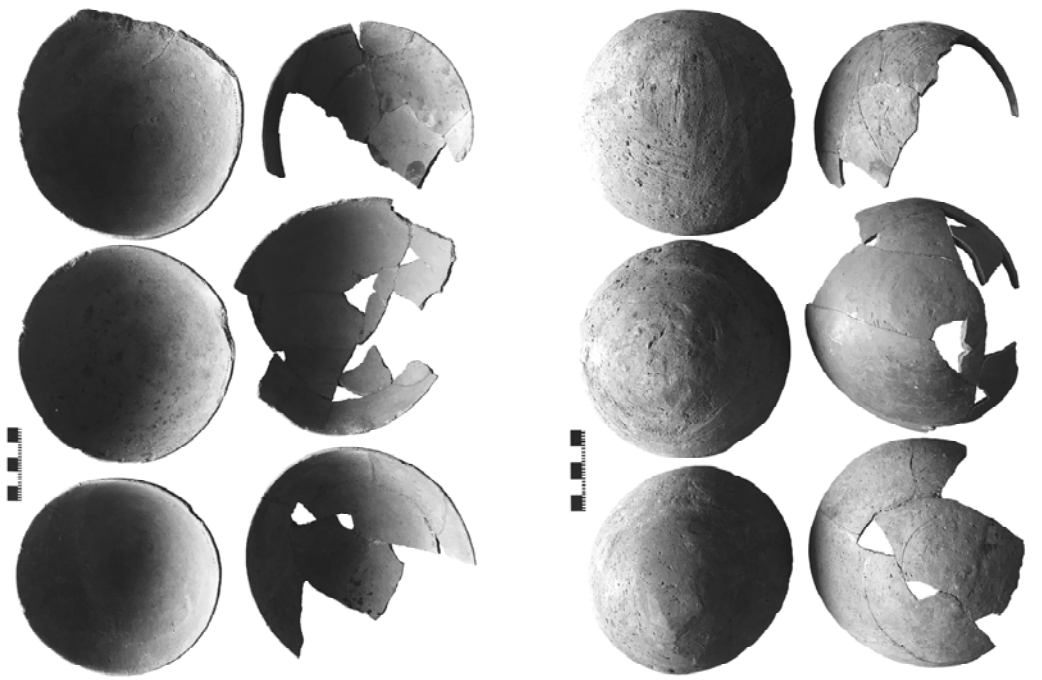
Подавляющее большинство тонкостенных полусферических чаш происходит из слоя 5, зафиксированного и в шахте 11, и в погребальной камере 11A, и включавшего не только керамические черепки, но и камни разрушенной стены (*илл. 2*), некогда блокировавшей вход в погребальную камеру, а также рабьи кости, нижнюю челюсть, лопатку, ребра и часть позвоночника свиньи.

Илл. 2. Верхняя часть керамического комплекса в камере 11A, слой 5 (*фото М. А. Лебедева*)

[3] Подробнее об этом см.: [Гончаров, Малых, 2020, с. 60; Лебедев, Малых, 2020, с. 100–103].

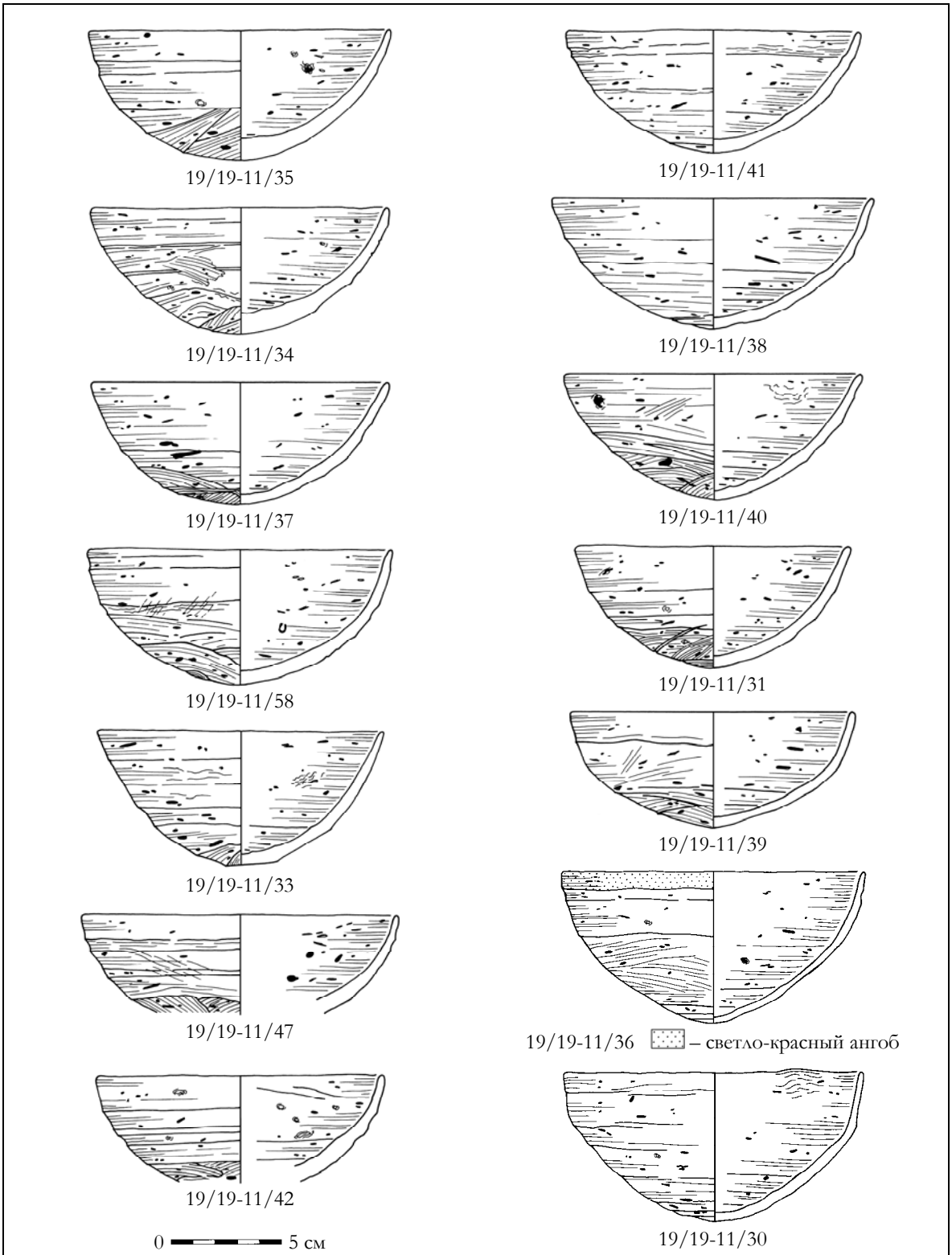
В слое 5 обнаружено 197 целых и фрагментированных тонкостенных полусферических чаш (*табл. 1, илл. 3–5*), а также 116 фрагментов от семи круглодонных красноангобированных кувшинов с простым слегка отвернутым наружу венчиком (*илл. 6*). На внешней поверхности одного из них хорошо виден отпечаток листа снаружи (*илл. 7*), вероятно, случайный и не имеющий эстетического или иного значения. Схожие отпечатки, но меньшего размера, присутствуют на венчике пивного кувшина 19/19-11/87 (*илл. 7*). Их породу пока точно определить не удалось, хотя по форме и выраженным прожилкам они напоминают листья фигового дерева *Ficus carica*. Это означает, что кувшин мог быть сделан на территории с древесной растительностью, возможно, на поселении. На другом кувшине с простым слегка отвернутым наружу венчиком 19/19-11/60, 61 после обжига была процарапана метка в виде овала; дошедшая до нас во фрагментарном виде (*илл. 6*). Такие сосуды нетипичны для керамического корпуса второй половины — конца Древнего царства, и по форме венчика и тулова скорее должны относиться к Первому Переходному периоду — примерно двухсотлетней эпохе экономической и политической нестабильности в Египте, пришедшейся на XXII–XXI вв. до н. э. Однако у рассматриваемых гончарных изделий нет полного сходства с классическими типами Первого Переходного периода и Среднего царства[4], что может говорить о возможности небольшого расширения датировки продолговатых круглодонных кувшинов для хранения продуктов из погребальной камеры 11А на финальную часть Древнего царства[5].

Илл. 3. Полусферические чаши конца Древнего царства — Первого Переходного периода из шахты 11 и погребальной камеры 11А гробницы Перинеджу в Гизе (*фото автора*)

[4] Типичные керамические формы сосудов Первого Переходного периода и Среднего царства задокументированы в Диосполис Парве, Дендере, Фивах, Балате: [Petrie, 1901, pl. XXXIII.13, 15; Ballet, Picon, 1992, p. 165–168; Wodzińska, 2009, p. 149 (no. 6); Seiler, 2012, p. 305, 309, fig. 6, 10 (no.5)].

[5] См., например, форму кувшина времени правления VI династии из Зараби [Petrie, 1907, pl. VIIf.25].

Илл. 4. Полусферические чаши конца Древнего царства — Первого Переходного периода из шахты 11 и погребальной камеры 11A (слой 5) гробницы Перинеджу в Гизе (*рис. автора*)

Табл. 1. Статистические данные по керамике финальной части Древнего царства — Первого Переходного периода из слоев 4 и 5 шахты 11 и погребальной камеры 11A гробницы Перинеджу в Гизе

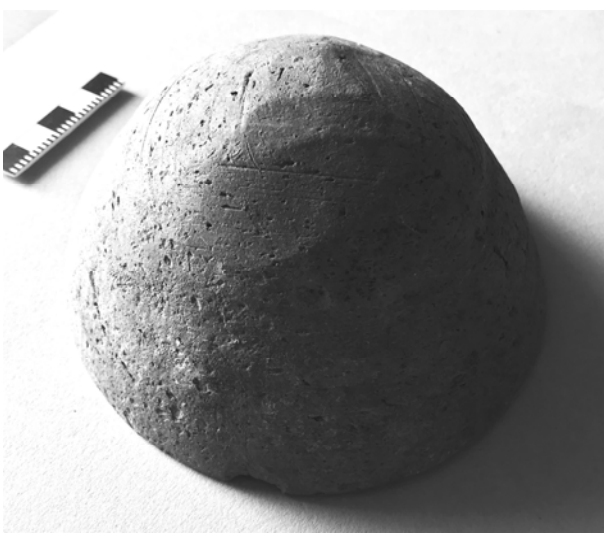
Тип керамики и гончарной глины	*Место находки и глубина залегания*				*%*
	заполнение шахты		*заполнение погребальной камеры*		
	слой 4 30.95–32.29 м	*слой 5 30.75–30.95 м*	*слой 4 30.95–32.29 м*	*слой 5 30.75–30.95 м*	
Красноангобированные полусферические чаши, OK1	2	10	–	52	6,7
Красноангобированные полусферические чаши, OK2	5	15	–	98	
Красноангобированные полусферические чаши, OK48	–	–	–	2	
Красноангобированные полусферические чаши, OK49	–	–	–	1	
Неангобированные полусферические чаши, OK2	–	–	–	11	
Неангобированные полусферические чаши, OK48	–	–	–	8	
Красноангобированные ребристые чаши, OK48	–	–	–	4	0,13
Неангобированные чаши с ребром, OK2	–	–	–	6	0,2
Неангобированные чаши с раскрывающимся венчиком, OK21	–	–	–	2	0,08
Красноангобированные шарообразные кувшины, OK2	–	–	–	5	0,19
Красноангобированные продолговатые кувшины, OK2	–	–	–	30	3,8
Красноангобированные продолговатые кувшины, OK19	–	–	–	31	
Красноангобированные продолговатые кувшины, OK34	–	–	–	55	
Всего: 337 экз.	7	25	–	305	11,1

Тонкостенные полусферические чаши характерны преимущественно для Первого Переходного периода и Среднего царства [Jacquet-Gordon, 2012, p. 20–21, 29–30, fig. 7a–d, 12a–j; Allen, 2014, p. 86, fig. 1a], хотя эта форма доживает и до Второго Переходного периода [Le Bohec, Millet, 2012, p. 151–153, fig. 1c–e; Jacquet-Gordon, 2012, p. 55–56, fig. 26a–c]. Наиболее ранние экземпляры, датированные финальной частью Древнего царства — началом Первого Переходного периода, найдены в Балате (оазис Дахла) [Vallogia, 1987, pl. XXXVIII (no. 541); Soukiassian et al., 1990, p. 144, pl. 15 (no. 4)]; морфологически они близки чашам из гробницы Перинеджу, что позволяет их датировать этим же хронологическим интервалом. Ранние варианты форм отличаются более мелким туловом, тогда как морфологическая эволюция полусферических чаш в эпоху Среднего царства идет по пути углубления тулова[6]. Близкие размерные параметры чаш могут свидетельствовать о существовании локальной стандартизации для

[6] Это хорошо заметно, например, по чашам из Дахшура и Фив. См.: [Baba, Yoshimura, 2011, p. 165, fig. 5.3 (nos.1–5); Seiler, 2012, p. 318, fig. 19].

определенных типов керамики в эпоху позднего Древнего царства[7]: диаметры венчиков подавляющего большинства найденных в шахте 11 и камере 11A полусферических чаш колеблются от 12,3 до 15,5 см, высоты — от 5,3 до 6,9 см. Керамическая тара стандартных размеров была необходима, например, при раздаче пищи работникам, участвовавшим в храмовом или пирамидном строительстве и жившим на время трудовой повинности по соседству с некрополем или даже в нем — о такой организации строительных работ и жизни бригад нам известно по масштабным археологическим исследованиям «поселения строителей пирамид» и «баракам рабочих» в юго-восточной и западной Гизе [Conard, Lehner, 2001; Lehner, 2002].

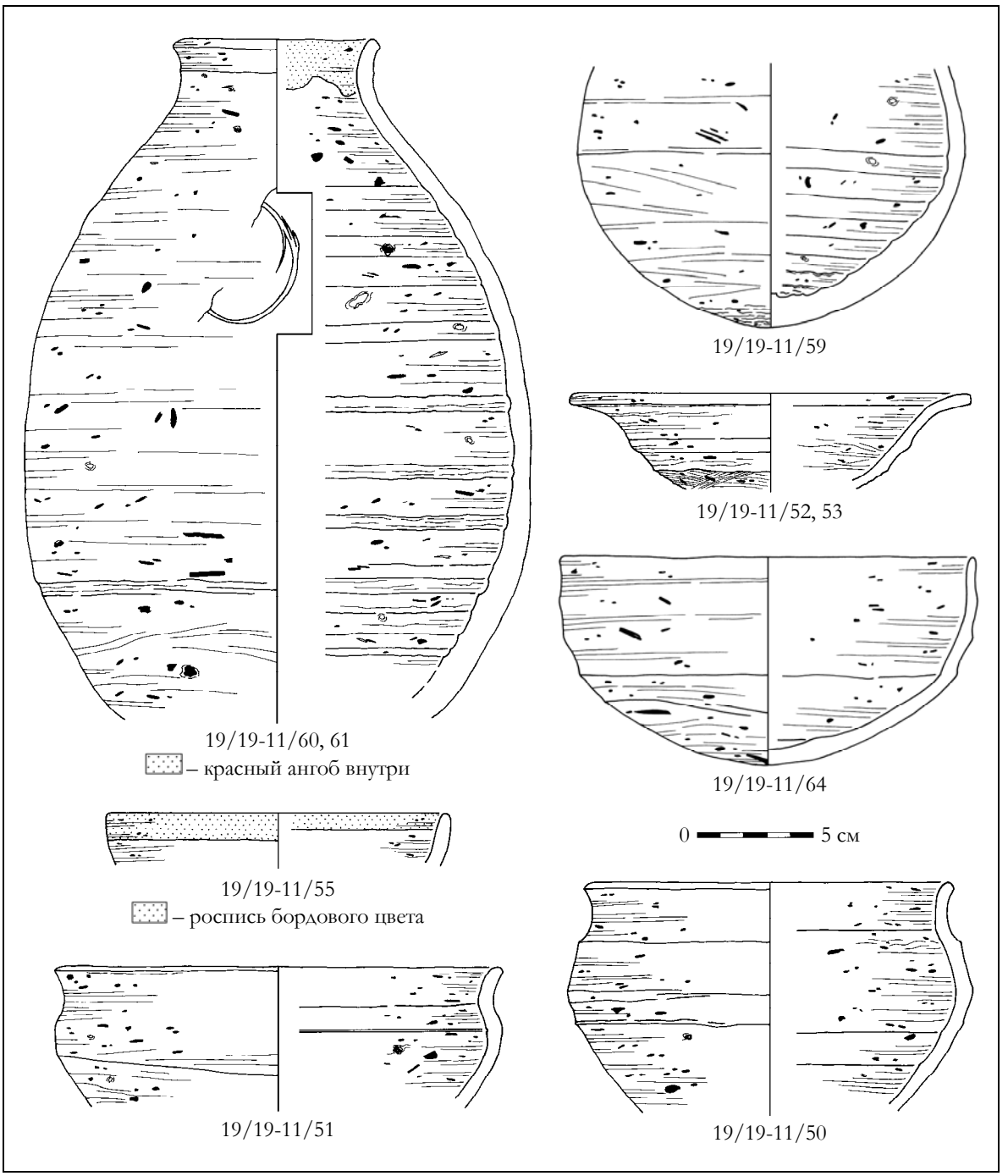
Впрочем, некоторые особенности формы и отделки сосудов скорее указывают на их погребальное назначение: многие ангобированные чаши демонстрируют тонкость и некачественность покрытия, у некоторых поверхность и вовсе осталась без оного, у чаши 19/19-11/34 видны брызги красного ангоба. Отдельные предметы несимметричные, частично деформированные: например, чаши 19/19-11/30 и 19/19-11/33 были сплюснуты с боков; чаша 19/19-11/34 имеет небольшое сквозное отверстие в тулове (гончарный брак). Судя по глине, чаши 19/19-11/34, 19/19-11/35, 19/19-11/47 и 19/19-11/49 принадлежат одной гончарной партии. Остальные сосуды по глине хотя и неодинаковы, но близки. Сходство следует отметить и в способе изготовления — на гончарном круге с подрезкой донца ножом (*илл. 5*). Однако у чаш 19/19-11/30, 19/19-11/36, 19/19-11/38 и 19/19-11/41 нет следов подрезки, их донца полностью сформованы на гончарном круге. Возможно, основная часть найденных в шахте 11 и погребальной камере 11A чаш была сделана в одной гончарной мастерской для погребальных нужд и потому достаточно неаккуратно сформована. Казус помещения в могилы некачественных предметов или их грубых имитаций мы уже отмечали в своих работах [Малых, 2010, с. 185–197; 2017a; Malykh, 2018]. В глиняном тесте типа OK48, из которого было изготовлено восемь представленных в каталоге предметов (14 фрагментов чаш, *табл. 1*), присутствуют измельченные кости животных и коричневый шамот — примеси, возможно, указывающие на поселенческий характер расположения гончарной мастерской. В глине типа OK49 (единственная чаша 19/19-11/54) кости и шамот отсутствуют, но заметны измельченные и целые речные раковины, которые могли попасть в тесто естественным путем вместе с нильским илом, или же быть специально примешаны в тесто. В этом случае логично локализовать мастерскую

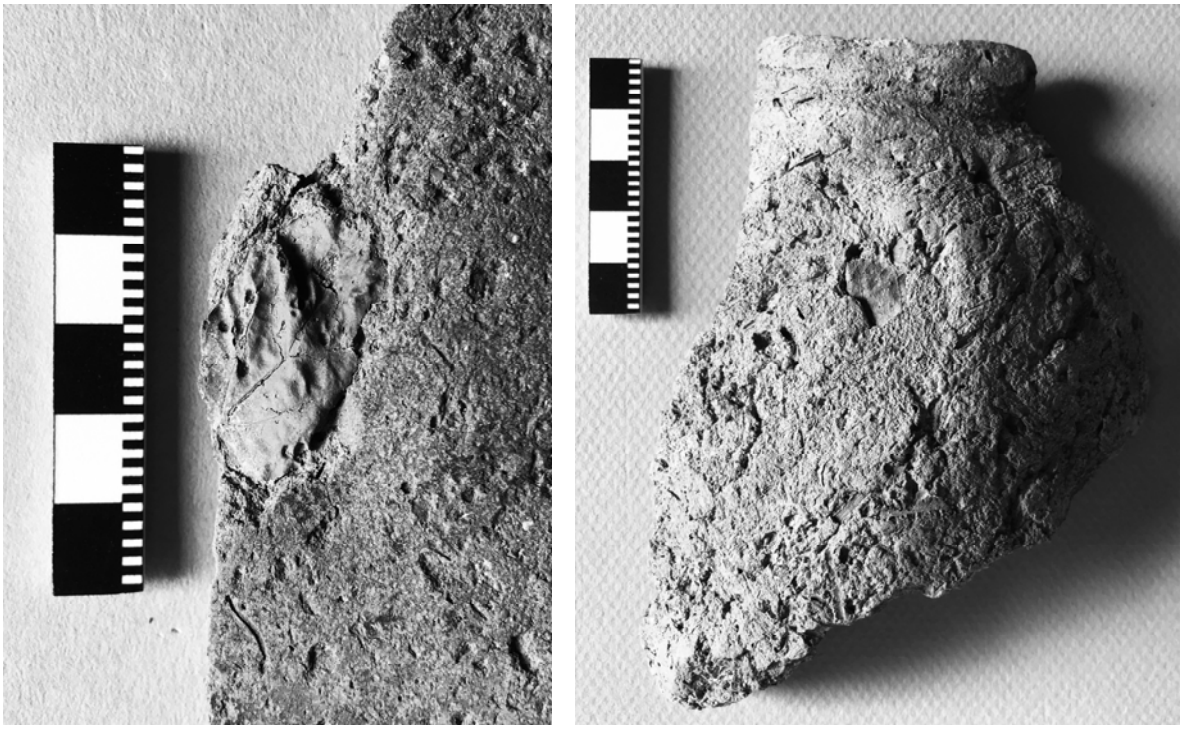
Илл. 5. Следы подрезки донца ножом на полусферической чаше 19/19-11/33 (*фото автора*)

[7] Подробнее об этом см.: [Warden, 2014, p. 245].

недалеко от речного берега. В то же время, наличие бытовых и речных примесей не исключает расположение мастерской недалеко от некрополя или в самом некрополе.

Илл. 6. Круглодонные кувшины и чаши позднего Древнего царства — Первого Переходного периода из погребальной камеры 11А (слой 5) гробницы Перинеджу в Гизе (*рис. автора*)

Илл. 7. Отпечатки листьев на продолговатом кувшине (слева) и пивном кувшине 19/19-11/87 (справа) из погребальной камеры 11A гробницы Перинеджу в Гизе (*фото автора*)

Керамический комплекс из шахты 11 репрезентативен и достаточного однороден в хронологическом отношении, тогда как ранее на некоторых участках восточной оконечности Восточного плато Гизы были найдены лишь отдельные предметы, которые можно было бы датировать финальной частью Древнего царства — Первым Переходным периодом, главным образом, это фрагменты керамики (пивные кувшины цилиндрической формы, полусферические чаши, шарообразные кувшины), а также каменная печать-пуговица [8]. Учитывая нахождение на Западном плато Гизы единичных и весьма скромных погребальных памятников времени Первого Переходного периода (небольших мастаб и отдельных шахтных погребений [Junker, 1943, S. 208–217, 244–248; Junker, 1947, S. 140–153]), закономерно предположить, что и восточная часть этого некрополя не была полностью заброшена в указанное время.

В нижнем слое заполнения шахты 11 — слое 6 обнаружен керамический материал исключительно эпохи Древнего царства (время царствования V–VI династий, XXV–XXII вв. до н. э.). В том числе здесь находились семь фрагментов пивного кувшина 19/19-11/56, фрагмент хлебной формы 19/19-11/57 и нижняя часть пивного кувшина 19/19-11/66 (*илл. 8–9*), уникальная находящимся на нем изображением быка и фрагментом иероглифического знака 𓃀 *kA*, который, по сути, и означал слово «бык». Изображение размером 14 x 10 см было прочерчено до обжига, по еще влажной поверхности сосуда, ловкими и смелыми линиями, выдающими уверенную руку. При сходстве метода нанесения изображения с гончарными метками, маловероятно, что это был знак изготовителя. Кроме того, трудно представить, что гончар мог быть

[8] Подробнее см.: [Малых, 2017б, с. 540–550].

грамотным, так как эта категория работников относилась к нижним слоям древнеегипетского общества[9]. Таким образом, значение изображения и его функции пока не ясны. На обратной стороне этого пивного кувшина также до обжига были прочерчены три тонких волнистых линии, однако их стиль и орудие, которым они были нанесены, отличается от изображения быка, и их можно интерпретировать как раз как знак мастера.

Изображения, подобные фигуре быка, нетипичны для керамики Древнего царства: на предметах обычно можно видеть нанесенные до обжига гончарные метки, имеющие простейшую форму (полосы, кресты, точки), реже — одиночные иероглифические знаки[10]. Единственное найденное нами на данный момент отдаленно похожее изображение — тело некоего копытного животного, различимое на стенке сосуда из Лахуна (Фаюм), датируется XII династией, но оно прочерчено уже после обжига [Gallorini, 1998a, p. 145 (a.5.12, UC 44856); Gallorini, 1998b, p. 149 (no. 458)].

В погребальной камере 11A последовательно залегали слои 4, 5, 8 и 9, при этом граница слоев 5 и 8 имеет размытый характер. Кроме того, фрагменты чаши 19/19-11/52, 53 (слой 5), происходят как из шахты 11, так и из погребальной камеры 11A, что свидетельствует о единовременности попадания слоя 5 и в камеру, и в шахту.

В слое 8, засыпавшем оригинальное погребение в камере 11A, были обнаружено 630 фрагментов пивных кувшинов времени V–VI династий, в том числе девять фрагментов кувшинов VI династии (в частности, 19/19-11/80, 82, *илл. 8*). Кроме этого, здесь находился небольшой фрагмент венчика красноангобированного кувшина для хранения продуктов 19/19-11/78 (*илл. 8*), предположительно датированный концом Древнего царства. Отсюда же происходит фрагмент небольшой каменной чаши с носиком 19/19-11/st7, выточенной из известняка и, по-видимому, сопутствовавшей оригинальному погребению эпохи Древнего царства.

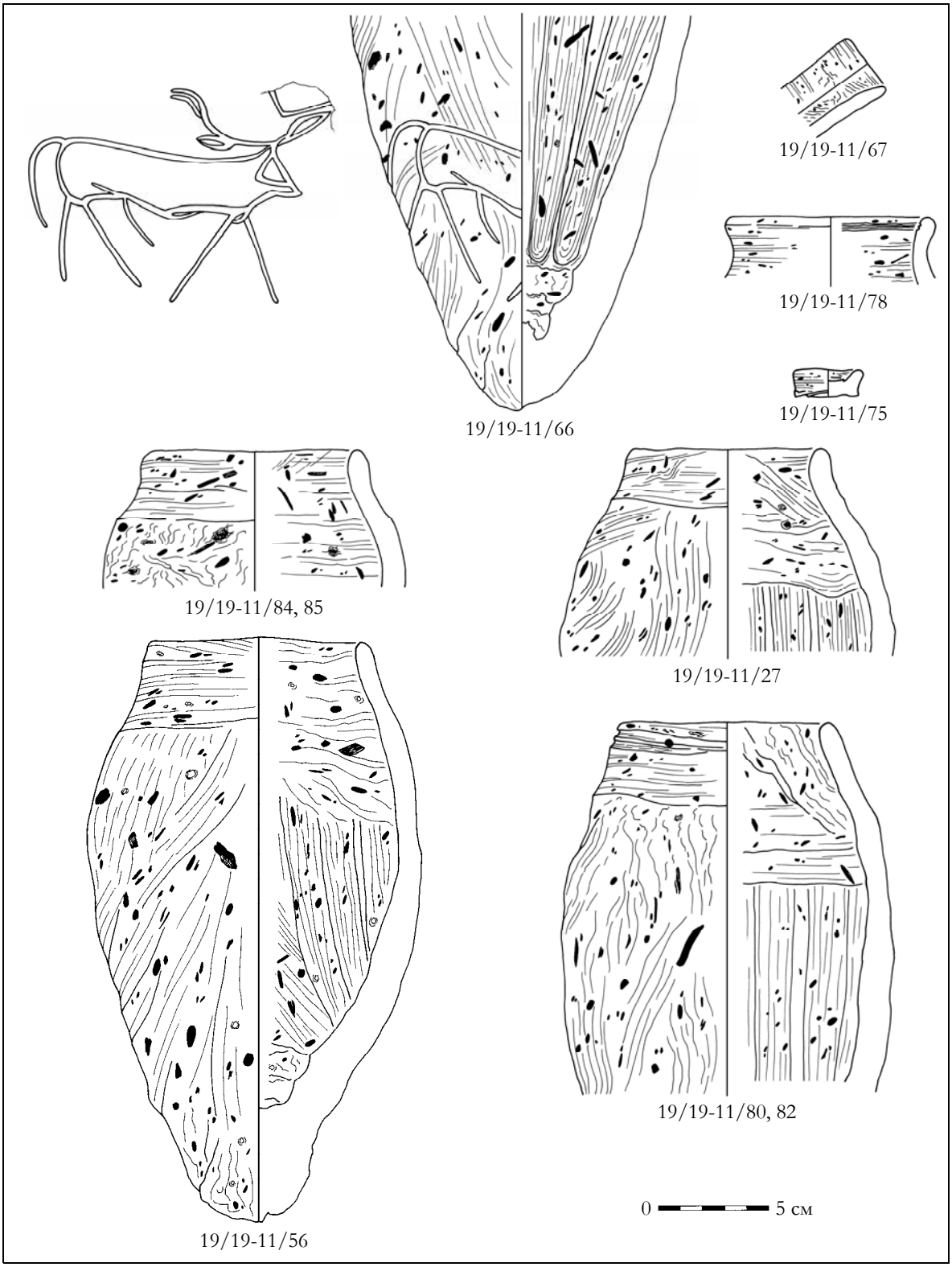
Слой 9 — древнейшее заполнение камеры 11A, в котором сохранились остатки оригинального погребения — фрагментированные кости человеческого скелета, видимо, первоначально уложенного в скорченной позе на левом боку, головой на север, лицом на восток. Такой способ ингумации был характерен для многих захоронений времени Древнего царства как в столичных, так и в провинциальных некрополях[11].

Число фрагментов керамики эпохи Древнего царства в слое 9 резко снижается (всего найден 71 экз.), более позднего материала не выявлено. Датирующим для погребения является венчик пивного кувшина 19/19-11/84, 85 (*илл. 8*): его форма бытовала в конце V и при VI династиях.

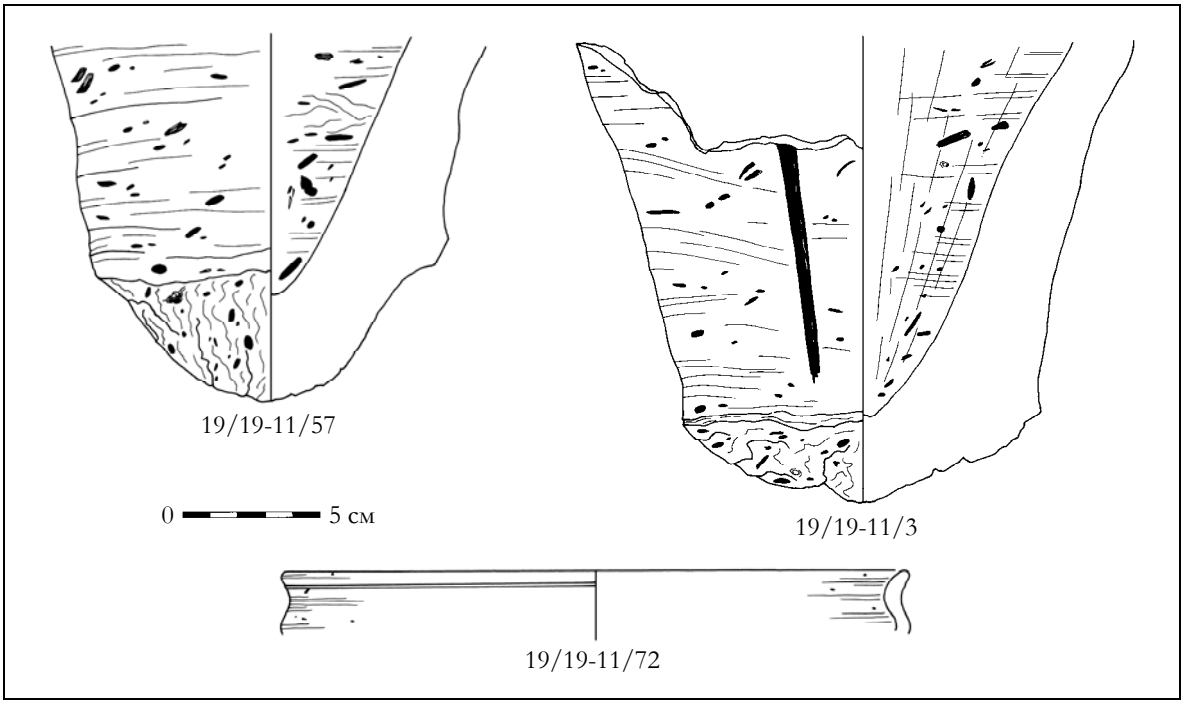
[9] Гончары трудились вместе с пивоварами и хлебопеками в *пер-шнау* («домах затвора»), и занимали вместе с ними одну из нижних ступеней социальной лестницы. См.: [Перепелкин, 1988, с. 214, 219].

[10] Подробнее см.: [Малых, 2018].

[11] См., например: [Fisher, 1924, p. 21–132; Bakr, 1992, p. 106–113; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 309–315].

Ил. 8. Керамика Древнего царства из шахты 11 и погребальной камеры 11A (слои 5, 6, 8 и 9) гробницы Перинеджу в Гизе (*рис. автора*)

Ил. 9. Керамика Древнего царства из шахты 11 и погребальной камеры 11A (слои 3, 5 и 6) гробницы Перинеджу в Гизе (*рис. автора*)

Итак, керамический комплекс конца Древнего царства — Первого Переходного периода в основном залегает в слое 5. Выше мы уже отмечали, что некоторые фрагменты тонкостенных полусферических чаш были обнаружены в перемешанном слое 4, видимо, сложившемся в результате грабительского проникновения в шахту 11, которое частично разрушило слой 5 и находящийся здесь керамический комплекс. Археологический контекст не позволяет рассматривать его как сопроводительный погребению инвентарь. Дело в том, что оригинальное погребение эпохи Древнего царства залегает в слое 9, который отделен от слоя 5 слоем 8; в слоях 8 и 9 найдена керамика исключительно Древнего царства, представленная преимущественно пивными кувшинами и коническими хлебными формами — наиболее частыми сосудами в некрополях эпохи Древнего царства. В слое засыпки оригинального погребения (слой 8) найдены фрагменты пивных кувшинов времени правления VI династии, тогда как в слое 9, относящемся к собственно погребению, выявлен венчик пивного кувшина типа, характерного для поздней V и VI династий. Соответственно, логично допустить датировку оригинального погребения в камере 11A временем правления VI династии. Видимо, оно было разрушено в интервале от финальной части Древнего царства до Первого Переходного периода: именно в этот момент в камеру попали керамические сосуды — тонкостенные полусферические чаши и продолговатые кувшины для хранения продуктов, сформировавшие слой 5, являющийся также слоем разрушения оригинального захоронения. Причины проникновения до конца не ясны. Закономерно было бы предположить, что целью было не столько ограбление погребения времени VI династии, сколько устройство нового (вторичного) захоронения в этой шахте, тогда керамический комплекс можно было бы интерпретировать как погребальный

инвентарь. Однако этого не произошло: кроме целых и фрагментированных сосудов в слое 5 камеры 11A найдены кости животных, но человеческих костей не выявлено. Также трудно связать керамический комплекс с защитным обрядом *sD dSr.wt* («разбивания красных сосудов»[12]), так как не все сосуды разбиты (например, чаши 19/19-11/33, 19/19-11/34 и 19/19-11/35 целы (*илл. 3*)), и не все они красного цвета. Можно предположить, что сосуды и кости животных, составлявшие части свиной туши, а также рыбьи кости — это остатки поминальной тризны, складированные здесь в момент отправления похоронных ритуалов для другого захоронения времени конца Древнего царства — Первого Переходного периода, совершенного поблизости, но не найденного. Видимо, по завершении ритуальных действий использованная посуда и пища были спрятаны недалеко от могилы. Такая практика целенаправленного складирования предметов, использовавшихся в различных похоронных ритуалах, уверенно фиксируется на материалах современных археологических исследований в некрополях Мемфиса[13], чему способствует усложнение методики раскопок. Однако в случае с вещевым комплексом из шахты 11 гробницы Перинеджу его сохранность не предоставляет возможности делать однозначные выводы о его характере и назначении, но выявленные керамические типы значительно расширяют керамический корпус Гизы конца Древнего царства — Первого Переходного периода и дают новую информацию о функционировании этого столичного некрополя в период экономической и политической нестабильности.

Литература / References

Гончаров Е. Ю., Малых С. Е. Исламские монеты из Восточной Гизы (Египет). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 57–62 [Goncharov E. Yu., Malykh S. E. Islamic Coins from Eastern Giza (Egypt). *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 57–62 (in Russian)].

Лебедев М. А., Малых С. Е. Погребение древнеегипетского мастера по металлу в Гизе. *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 5. М., 2017. С. 141–172 [Lebedev M. A., Malykh S. E. Burial of an Ancient Egyptian Metalworker in Giza. *Aegyptiaca Rossica*. Vol. 5. Moscow, 2017. Pp. 141–172 (in Russian)].

Лебедев М. А., Малых С. Е. Источник загадок: необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 99–108 [Lebedev M. A., Malykh S. E. The Source of Mysteries: The Unusual History of an Ancient Egyptian Burial Shaft in Giza. *Vostochnyi Kurier / Oriental Currier*. 2020. 1–2. Pp. 99–108 (in Russian)].

Малых С. Е. *Вотивная керамика Египта эпохи Древнего царства*. М., 2010 [Malykh S. E. *Egyptian Votive Pottery of the Old Kingdom*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Малых С. Е. Сакральные предметы в древнеегипетском поминальном культе эпохи Древнего царства. *Сакральное на традиционном Востоке*. М., 2017а. С. 181–196 [Malykh S. E. Sacral Objects in the Ancient Egyptian Funerary Cult of the Old Kingdom. *Sacred in the Traditional Orient*. Moscow, 2017a. Pp. 181–196 (in Russian)].

Малых С. Е. Функционирование Восточного некрополя Гизы в конце Древнего царства и Первом Переходном периоде. *Вестник древней истории*. 2017б. № 3. С. 537–554 [Malykh S. E. Functioning of the Eastern Necropolis of Giza at the end of the Old Kingdom and the First Intermediate Period. *Vestnik drevney istorii*. 2017б. 3. Pp. 537–554 (in Russian)].

Малых С. Е. Гончарные метки на египетской керамике эпохи Древнего царства из восточной

[12] Подробнее об обряде *седж дешерут* см.: [Малых, 2019].

[13] См., например: [Rzeuska, 2006, p. 492–512].

Гизы. *Эпиграфика Востока.* Вып. XXXIII. М., 2018. С. 106–121 [Malykh S. E. Potmarks on Egyptian Old Kingdom Ceramics from Eastern Giza. *Epigrafika Vostoka.* Vol. XXXIII. Moscow, 2018. Pp. 106–121 (in Russian)].

Малых С. Е. Древнеегипетский ритуал «разбивания красных сосудов» (cD dSr.wt) и красноангобированная керамика эпохи Древнего царства. *Вестник древней истории.* 2019. № 1. С. 5–22 [Malykh S. E. Ancient Egyptian Ritual of "Smashing the Red Pottery" (cD dSr.wt) and Red Ceramics of the Old Kingdom. *Vestnik drevney istorii.* 2019. 1. Pp. 5–22 (in Russian)].

Перепёлкин Ю. Я. *Хозяйство Старoегипетских вельмож.* М., 1988 [Perepyolkin Yu. Ya. *The Economy of the Old Egyptian Nobles.* Moscow, 1988 (in Russian)].

Allen S. J. Pottery from the Pyramid Complex of Senwosret III and the Middle Kingdom Mastabas at Dahshur 2003–2010 (The Metropolitan Museum of Art, New York). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne.* 2014. 24. Pp. 85–92.

Baba S., Yoshimura S. Ritual Activities in Middle Kingdom Egypt: A View from Intact Tombs Discovered at Dahshur North. Barta M., Coppens F., Krejči J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the year 2010.* Prague, 2011. Pp. 158–170.

Bakr M. I. *Tell Basta I. Tombs and Burial Customs at Bubastis. The Area of the so-called Western Cemetery.* Cairo, 1992.

Ballet P., Picon M. *Balat II. Le mastaba d'Ima-Pépi.* Le Caire, 1992.

Conard N. J., Lehner M. The 1988/1989 Excavation of Petrie's "Workmen's Barracks" at Giza. *Journal of the American Research Center in Egypt.* 2001. 38. Pp. 21–60.

Fisher C. S. *The Minor Cemetery at Giza.* Philadelphia, 1924.

Gallorini C. *Incised Marks on Pottery and Other Objects from Kahun: Systems of Communication in Egypt during the Late Middle Kingdom* (PhD dissertation, University College London). London, 1998a.

Gallorini C. *Incised Marks on Pottery and Other Objects from Kahun: Systems of Communication in Egypt during the Late Middle Kingdom. Catalogue of Marked Sherds from Kahun* (PhD dissertation, University College London). London, 1998b.

Jacquet-Gordon H. *Karnak-Nord X. Le trésor de Thoutmosis Ier. La céramique.* Le Caire, 2012.

Junker H. *Giza VI. Die Mastabas des* Nfr *(Nefer),* Qdfjj *(Kedfi),* KAHjf *(Kahjef) und die westlich anschließenden Grabanlagen.* Wien, Leipzig, 1943.

Junker H. *Giza VIII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofes. Zweiter Teil.* Wien, 1947.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948.* Moscow, 2012.

Le Bohec R., Millet M. Karnak. Le temple d'Amon. Étude de la poterie et des contextes stratigraphiques de la cour nord du IVe pylône. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne.* 2012. 23. Pp. 147–170.

Lehner M. The Pyramid Age Settlement of the Southern Mount at Giza. *Journal of the American Research Center in Egypt.* 2002. 39. Pp. 27–74.

Malykh S. E. Ancient Egyptian Burial Rites of the Vth and VIth Dynasties: The Problem of Rationality and Symbolism. *Chronique d'Égypte.* 2018. XCIII.185. Pp. 58–76.

Petrie W. M. F. *Diospolis Parva. The Cemeteries of Abadiyeh and Hu. 1898–9.* London, 1901.

Petrie W. M. F. *Gizeh and Rifeh.* London, 1907.

Rzeuska T. I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs.* Varsovie, 2006.

Seiler A. Middle Kingdom Pottery in the Theban Necropolis. Schiestl R., Seiler A. (eds.). *Handbook of Pottery of the Egyptian Middle Kingdom.* Vol. II: *The Regional Volume.* Wien, 2012. Pp. 299–320.

Soukiassian G., Wuttmann M., Pantalacci L., Ballet P., Picon M. *Balat III. Les ateliers de potiers d'aAyn-Asil.* Le Caire, 1990.

Vallogia M. *Balat I. Le mastaba de Medou-Nefer.* Le Caire, 1987.

Warden L. A. *Pottery and Economy in Old Kingdom Egypt.* Leiden, Boston, 2014.

Wodzińska A. *A Manual of Egyptian Pottery.* Vol. 2: *Naqada III – Middle Kingdom.* Boston, 2009.

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-40-55

«МЕСТО, ГДЕ СЛУШАЮТСЯ МОЛИТВЫ»: К АЛЬТЕРНАТИВНОМУ ПРОЧТЕНИЮ ЭПИТЕТА БОГА ПТАХА

© 2021

Р. А. Орехов*

В 1905 г. немецкий египтолог К. Зете впервые предложил трактовку эпитета бога Птаха — *rsj jnb(w).f* — «тот, кто южнее своей стены/стен» — связав ее с «Белыми стенами», первой, как полагал исследователь, столицей объединенного египетского государства. Эта точка зрения стала в науке преобладающей. Однако в 1968 г. в рецензии на издание материалов раскопок Университета Пенсильвании в Мит Рахине, Е. С. Богословский предложил иное толкование — «Птах южной стены (храма) его». Это было связано с тем фактом, что рядом с южной стеной храма располагался священный участок, где Птах слушал обращенные к нему молитвы. Вдоль этой же стены были расположены наиболее значительные царские памятники периода Нового царства. В этой связи автор статьи задается вопросом, можно ли применить подход Богословского к более древним периодам истории, так как эпитет Птаха был зафиксирован еще в середине правления V династии, когда строительная активность в районе его храма была крайне незначительна или не велась вовсе. Проанализировав египетские источники и данные Survey of Memphis (SoM), междисциплинарного исследовательского проекта, возглавляемого Д. Джеффрисом, автор исследования приходит к выводу, что в основе почитания южной стены храма Птаха могло лежать древнее представление о южной сакральной границе его земельных владений, маркированных небольшим храмом или часовней. В эпоху Древнего царства эта часовня не обладала большими размерами, так как располагалась на территории затопляемой поймы. Однако во времена Нового царства, когда русло Нила существенно сместилось в восточном направлении, значительная часть древних угодий стала участком суши и ядром будущего города Мемфис. Южная граница владений при этом также сохранила свое культовое значение, рядом с ней в эпоху Рамессидов (XIX–XX династии) был воздвигнут новый монументальный храм Птаха-Татенена. С подобных позиций подход Богословского сохраняет актуальность для всех периодов египетской истории и является серьезной альтернативой подходу К. Зете.

Ключевые слова: Древний Египет, Мемфис, Белые стены, Птах, К. Зете, Е. С. Богословский.

Для цитирования: Орехов Р. А. «Место, где слушаются молитвы»: к альтернативному прочтению эпитета бога Птаха. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 40–55. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-40-55

* Роман Александрович ОРЕХОВ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН, Москва; radamant67@mail.ru

Roman A. OREKHOV, PhD (History), Leading Research Fellow, Center for Egyptological Studies RAS, Moscow; radamant67@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3840-3529.

Автор выражает благодарность А. А. Коньковой, А. А. Кролу и С. Е. Малых за помощь в подготовке этой статьи.

“A PLACE WHERE PRAYERS ARE OBEYED”: AN ALTERNATIVE INTERPRETATION OF PTAH’S EPITHET

Roman A. Orekhov

In 1905 German Egyptologist K. Sethe for the first time proposed an interpretation of god Ptah’s epithet “South of his wall/walls”, associating it with the “White Walls”, which were, according to the researcher, the first capital of the united Ancient Egyptian state; this point of view prevailed in the academic circles. However, in 1968 E. S. Bogoslovsky in his review of the publication of the University of Pennsylvania excavations in Mit Rahina offered a different interpretation, namely: “Ptah of his southern (temple) wall”. This happened due to the fact that next to the southern wall of the temple there was a sacred site where Ptah listened to prayers addressed to him. The most significant royal monuments of the New Kingdom were located along this wall. In this regard, the author questions whether it is possible to apply Bogoslovsky’s approach to more ancient periods of history, since the epithet of Ptah was recorded in the middle of the reign of the V dynasty, when construction activity in the area of the temple was extremely insignificant or not carried out at all. Analyzing Egyptian sources and data from the Survey of Memphis (SoM), an interdisciplinary research project led by D. Jeffreys, the author concludes that the veneration of the southern wall of Ptah temple could be based on the ancient idea of the southern sacred border of his land holdings, marked with a small temple or a chapel. In the Old Kingdom era, this chapel had quite insignificant dimensions, since it was located on the territory of a flooded floodplain. However, during the New Kingdom, when the riverbed of the Nile shifted to the east, a large part of the ancient land became a land area and the core of the future city of Memphis. At the same time, the southern border of the possessions also retained its cult significance, and next to it in the Ramessid era (XIX–XX dynasties) a new monumental temple of Ptah-Tatenen was erected. From such positions, the Bogoslovsky approach remains relevant for all periods of Egyptian history and is a serious alternative to the approach of K. Zete.

Keywords: Ancient Egypt, Memphis, “White Walls”, Ptah, E. S. Bogoslovsky, K. Sethe.

For citation: Orekhov R. A. “A Place Where Prayers Are Obeyed”: An Alternative Interpretation of Ptah’s Epithet. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 40–55. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-40-55

В 2021 г. исполняется восемьдесят лет со дня рождения выдающегося отечественного египтолога Евгения Степановича Богословского (1941–1990). Значение его научных трудов огромно и будет сохранять актуальность еще долгие годы. Но заметим при этом, что великого человека характеризует не только количество и качество написанных им книг и статей, но и просто чрезвычайно меткие и верные наблюдения, брошенные порой случайно, в момент озарений. Возможно, впоследствии они о них даже забывают. Тем интереснее для нас, их потомков, изучающих наследие именитых предшественников, ворошащих старые архивные статьи и заметки, натыкаться на эти удивительные открытия. Об одном из них речь пойдет ниже.

В 1968 г. в рецензии на публикацию археологического отчета экспедиции Пенсильванского музея (Филадельфия, США) под руководством Р. Антеса во время раскопок в Мит Рахине (1955–1956 гг.) Е. С. Богословский предложил нетрадиционное, и в чем-то неожиданное истолкование главного эпитета бога Птаха — *PtH rsj jnb.f.*

Обычно понимаемое как «Птах, (тот, кто) южнее/к югу от своей стены/стен», он интерпретировал как «Птах южной стены (храма) его»[1] [Богословский, 1968, с. 311].

Данная трактовка нарушала привычные ассоциации[2], внося в нее определенную конкретику, в частности, избавляя от навязчивого вопроса, почему Птах должен был находиться в каком то неопределенном месте, южнее неких гипотетических стен, владыкой которых он при этом являлся. Другими словами, в центр толкования ставился уже сам храм Птаха, и при этом принципиально по-новому осмысливалось его культовое пространство. И хотя жанр рецензии не позволял подробно обосновать эту гипотезу, отметим, что у Богословского для подобной логики были все основания. В рамках данной статьи мы акцентируем положительные моменты в гипотезе Богословского, и вместе с тем, постараемся продемонстрировать применимость его подхода к более древним реалиям египетской истории.

После археологических исследований У. М. Ф. Питри в начале XX в. [Petrie, 1909a; 1909b; 1910], экспедиция Пенсильванского музея на тот момент вела самые масштабные раскопки в районе исторического Мемфиса, обогатившие науку новыми интереснейшими памятниками. На некоторые из них и обратил внимание Е. С. Богословский. Так, на территории мемориального храма Рамсеса II (*илл. 2*), носящего название «Дом Рамсеса, возлюбленного Амуном, бога–владыки Гелиополя», примыкающего к южной стене храма Птаха, был обнаружен бассейн для возлияний (посвященный жрецом Аменемхетом в храм Птаха), который содержал посвятительную

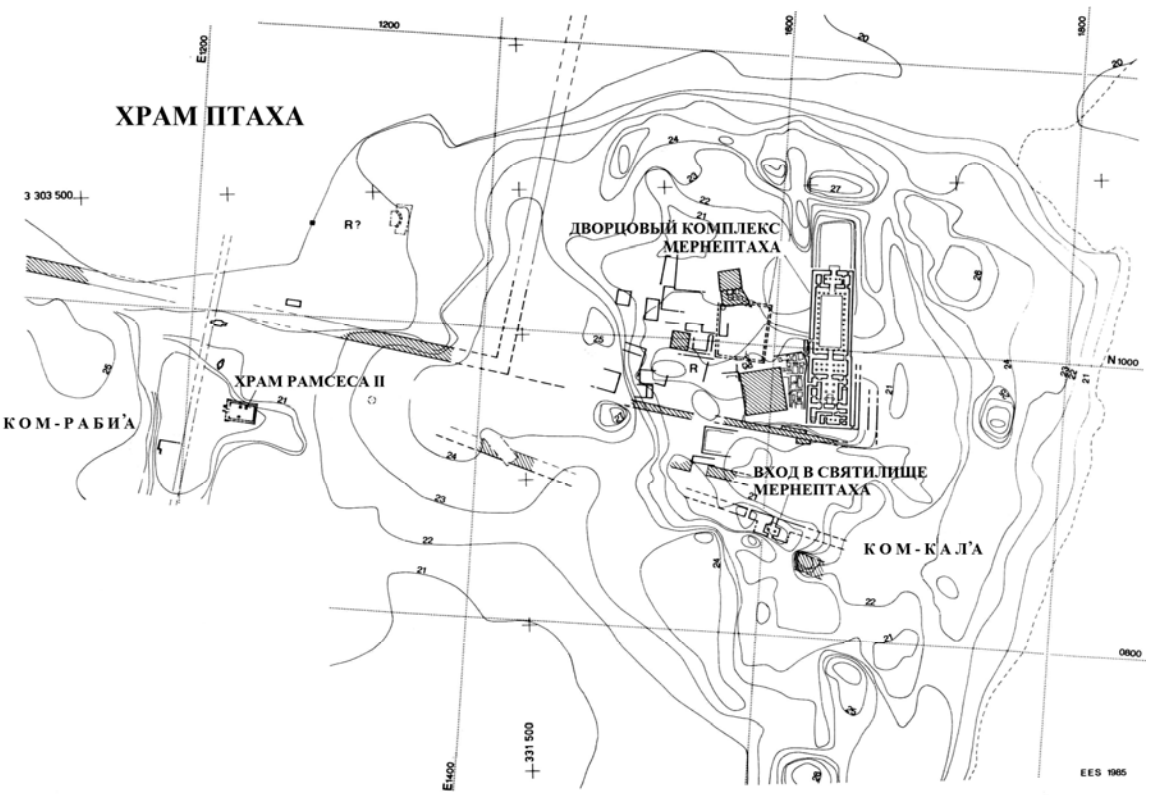
[1] Впервые автор статьи обратился к этой теме в 2018 г. [Орехов, 2018]. Однако недостаточная проработка источников не позволила ему детально обосновать ее основные положения и привести соответствующие доказательства. Были допущены и серьезные методологические ошибки, на которые почти сразу указали коллеги. Именно с их учетом и исправлением появился новый вариант статьи.

[2] Первое толкование данного эпитета было предложено К. Зете [Sethe, 1905]. Египтолог предположил, что расположенные близко друг к другу иератические знаки фразы — *PtH rsj jnb.f nb Jnb(w) HD(w)* Большого папируса Харрис (Pap. Harris I. 50), датированного временем Рамсеса IV, позволяют соотнести *jnb.f* с Белыми стенами, самой древней столицей-крепостью объединенного Египта, к югу от которой изначально и был расположен храм Птаха [Sethe, 1905, S. 131]. При этом термин Белые стены использовался не только для обозначения столицы государства, но и I Нижнеегипетского нома. Позднее статус столичного центра объединенного государства перешел от Белых стен к Мемфису, возникшему на месте припирамидного города царя Пепи I. Однако несмотря на это, как считал Зете, Белые стены сохранят свое значение как цитадель города Λευκὸν τεῖχος (Thuc. I. 104, 2; Diod. Sic. XI, 74) вплоть до Позднего времени, которая будет защищать его от внешних врагов [Sethe, 1905, S. 125–126]. Некий *status quo* сохранит в своем расположении и храм Птаха. Подобным образом на эпитет Птаха смотрели и другие ученые [te Velde, 1982, p. 1179; Helck, 1991, S. 159; Wilkinson, 2000, p. 180; Franke, 2002, S. 7, 9; van Dijk, 2001, p. 74; Verner, 2006, p. 221]. Несмотря на то что появление Мемфиса как столицы традиционно связывают с образованием централизованного государства в начале Раннединастического периода, т. е. около 3000 г. до н. э [Gonçalves, 2018, p. 49], кажется подозрительно странным, что собственно о самом городе Белые стены ничего не сообщают аутентичные источники [Malek, 1997, p. 91; Verner, 2014, p. 122; Moeller, 2016, p. 158–161]. Долгие и безуспешные поиски вынуждали ученых искать альтернативные подходы к решению проблемы прото-Мемфиса. В частности, Д. Джеффрис и его коллега С. Лав не исключают, что название Белые стены могло представлять собой метафору, связанную с естественной топографией региона. Она относилась к известняковым и аргиллитовым пластам, формирующим в районе от Вади Диглы до Вади Хоф склоны холмов белесого цвета. Исследователи полагают, что рядом со склонами северной Саккары и Хелуана располагались отдельные поселения, которые совокупно именовались «белыми стенами». На их месте позже возникнут припирамидные города [Jeffreys, 2003, p. 9; 2010, p. 10; Love, 2006, p. 212–213]. В данной ситуации гипотеза Богословского задает иной вектор решения проблемы раннего Мемфиса.

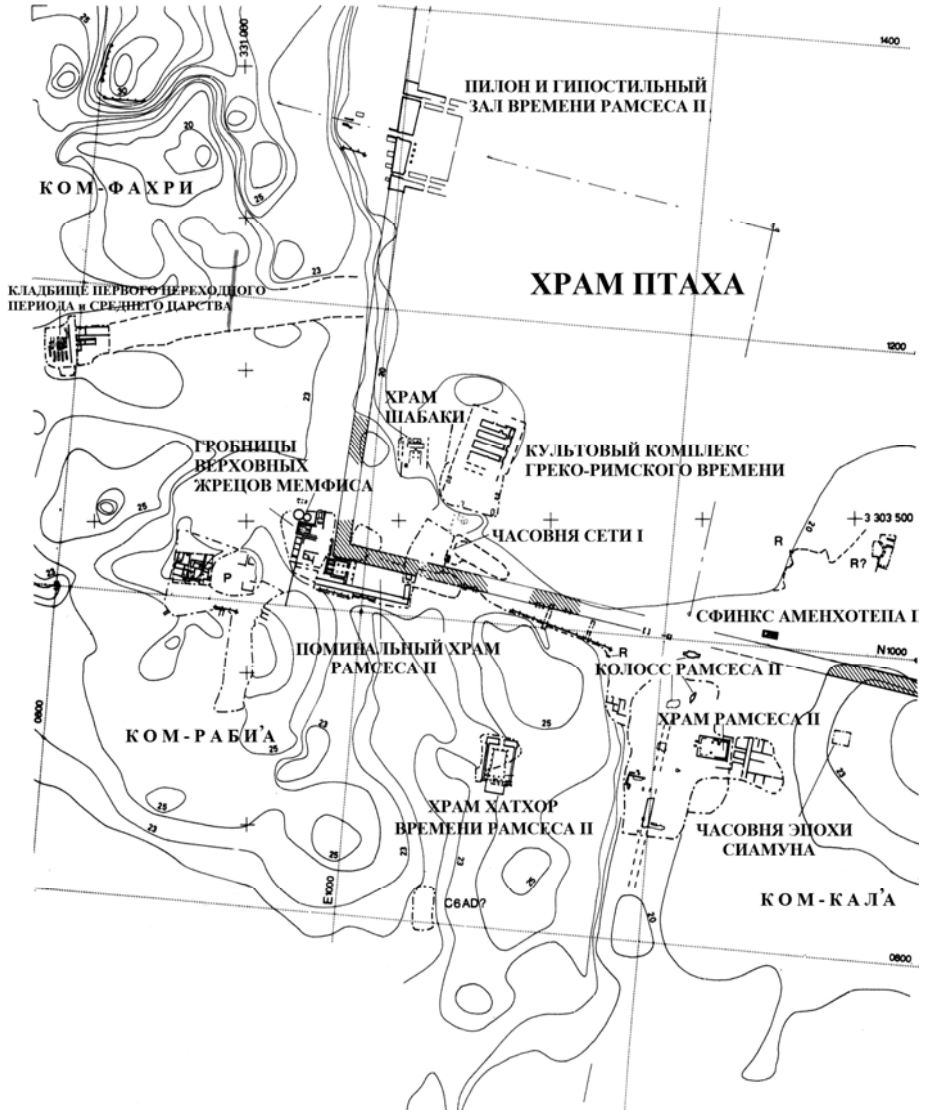
надпись с необычным славословием: «Хвала тебе (Птах) у Великой стены, места, где слушаются молитвы/ или/ того, кто слушает молитвы (*jAw n.k (PtH) r ỉsmt wrt st pw nt sDm snmH*)» [Anthes, 1965, p. 74].

Богословский обратил внимание и на другие находки, найденные рядом с храмом. Например, фрагменты вотивных (?) фаянсовых пирамидок с надписями, одна из которых содержала посвящение «Птаху, владыке Великой стены (*ỉsmt wrt*)» [Anthes, 1965, p. 75–76; Богословский, 1968, с. 312]. На некоторых из пирамидок даже присутствовало изображение пары ушей [Antes, 1965, fig. 5] — своеобразного символа «слушаемости» стеной молящегося. Таким образом, речь шла о неком священном месте, где Птаху возносили молитвы и, вероятно, приносили жертвы. Но почему именно южная стена храма Птаха почиталась особо, из надписи не было ясно.

Вместе с тем, достойно удивления, что большинство памятников эпохи Нового царства, в частности, XIX династии, обнаруженных в ходе различных археологических компаний, также тяготеют к южной стене храма Птаха [Gonçalves, 2018, p. 68–75, fig. 15–17] (*илл. 1–2*). Помимо упомянутого поминального храма Рамсеса II, стоит особо отметить часовню Сети I и колоссальную статую Рамсеса II. С западной стороны к южной стене примыкают гробницы верховных жрецов Мемфиса и храм богини Хатхор. Рядом с южной стеной был найден алебастровый сфинкс фараона Аменхотепа II. Дворец преемника Рамсеса II Мернептаха также выстроен по диагонали южного участка стены. Заметим, что в дальнейшем этот участок неоднократно перестраивался последующими царями вплоть до птолемеевского времени.

Илл. 1. Юго-восточный участок стены храма Птаха с дворцовым комплексом Мернептаха (по: [Jeffreys, 1985, fig. 13])

Илл. 2. Юго-западный участок стены храма Птаха с прилегающими постройками (по: [Jeffreys, 1985, fig. 15])

Эта строительная деятельность нашла отражение в уникальной жреческой титулатуре. Так, чиновник Птахмосе в обозначенный период являлся буквально — *HA.tj-a.w HA jnb.w n.w PtH* «управляющим за стенами Птаха», или *jmj-rA pr.w PtH [n.j] HA jnb.w PtH* «начальником дома Птаха за стенами Птаха» [Staring, 2015a; 2015b]. Как убедительно показал Н. Старинг, данная титулатура говорила о строительной активности в эпоху XIX династии. Именно Птахмосе отвечал за расширение территории храма Птаха и воздвижение его многочисленных южных пристроек, включая храм Сети-Мернептаха, великий гипостильный зал храма Птаха, поминальный храм Рамсеса II: «Дом Рамсеса, возлюбленного Амуном, бога-владыки Гелиополя», о котором мы упомянули выше. Другой храм этого царя, расположенный рядом с храмом Хатхор, был построен преемником Птахмосе, управляющим Мемфисом Аменхотепом-Хуи [Staring, 2015a,

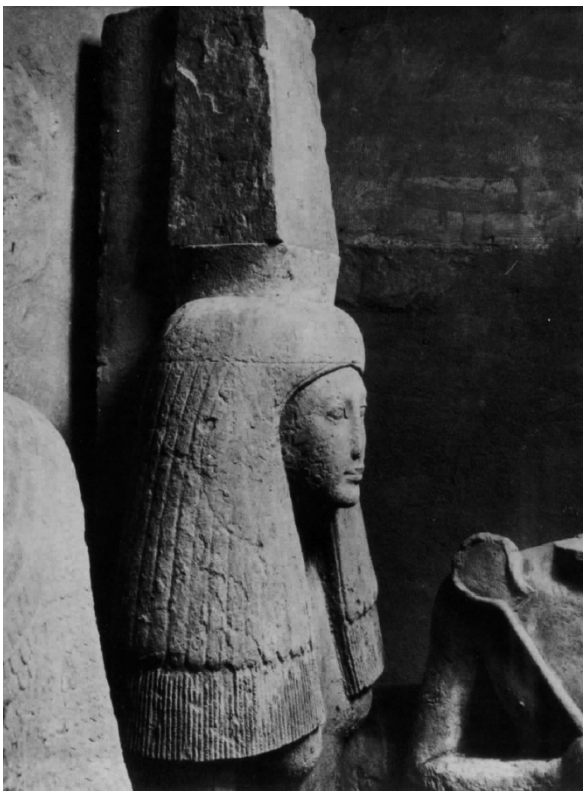
p. 182]. Следовательно, у Богословского были все основания выделять именно южный участок стены храма Птаха.

В этой связи рассмотрим более подробно один важный памятник, с которого начинается рамессидское доминирование на территории храма Птаха. Его форма, размеры и расположение представляются далеко не случайными. В 1948 г. во время работы ирригационных служб на городище Мемфис рядом с южной стеной, но уже с внутренней стороны храма, Л. Хабаши была обнаружена часовня Сети I, в которой располагалась скульптурная группа с богом Птахом в центре (*илл. 3*). По бокам от его фигуры, с северной и южной сторон, располагались скульптуры двух богинь, на коленях которых, как на троне, сидел Сети I. Южная богиня несет на голове уникальный тип короны в виде здания с зубчатой вершиной, напоминающего укрепленную стену или бастион (*илл. 4*). Головной убор северной богини, к сожалению, не сохранился.

Илл. 3. Часовня Сети I после раскопок (по: [Berlandini, 1984, fig. 1])

Надпись на троне южной богини звучит так: «Великая стена (*ỉsmt-wrt*)», надпись на северной статуе Ж. Берландини читается как *Mn-nfr* [Berlandini, 1984, p. 34, 38]. Как установила исследовательница, первый термин появляется в эпоху XIX династии и продолжает использоваться вплоть до Римского периода. Его значение доподлинно неизвестно. В целом она определяет его как «структуру, усиливающую оборонительные стены крепости», или «своеобразную точку прочности, обеспечивающую сплоченность и неуязвимость всех оборонительных звеньев» [Berlandini, 1984, p. 35]. В ряде случаев *ỉsmt* выступает как синоним слова «стена» (*sbtj* или *jnb*), а также может трактоваться и как «сторожевая башня» [Berlandini, 1984, p. 35]. Так

Ил. 4. Богиня-персонификация южной стены (по: [Berlandini, 1984, fig. III])

как в эпоху Нового царства Мемфис превратился в укрепленный лагерь, Д. Франке полагает, что речь в данном случае может идти о богине-персонификации, которая символизирует воинскую доблесть, а также защиту Мемфиса и его укреплений от врагов [Franke, 2002, p. 13–14]. Согласно исследователю, это чисто фиванская концепция, перенесенная на почву Мемфиса!

В этой связи можно предположить, что перед нами символическое воплощение города Птаха — Мемфиса, а точнее, его центральной части, которая представлена самим храмом Птаха — «Весы обеих земель». Его южная граница маркируется «Великой стеной (*ỉsmt-wrt*)» и ее культовыми постройками, северная — древним районом Меннефер, возникшем на месте припирамидного города царя Пепи I. Таким образом, в новоегипетскую эпоху именно южная стена храма Птаха стала играть важную культовую роль. Поэтому трактовка Е. С. Богословского полностью соответствовала реалиям того времени. Но при этом очевидно, что в эпоху Древнего царства, когда впервые появляется эпитет Птаха — *rsj jnb.f*, подобная строительная активность источниками не отмечается. Поэтому возникает вопрос, можно ли проследить подобную сакральную роль южной границы храма Птаха для Древнего царства? Если это возможно, то тогда трактовка Богословского будет актуальна и для более древних периодов египетской истории.

Храм Птаха, включая сам эпитет божества, был определенно засвидетельствован с середины правления V династии: *@wt PtH rsj jnb.f* [Urk. I, 37; Posener-Kriéger et al., 2006, pl. 47a]. Однако следует заметить, что в эпоху Раннего и Древнего царств термин *Hwt*, *Hwt-nTr* («двор бога») был многозначен и мог подразумевать как собственно храм и его стены, так и храмовое хозяйство, владения бога, которые обеспечивали его культ[3]. Другими словами, главным являлось не наличие святилища

[3] Данное положение было впервые высказано и обосновано Г. Юнкером [Junker, 1938, S. 172], затем развито В. Хельком [Helck, 1954, S. 79, 126], Ю. Я. Перепелкиным [Перепелкин, 1955, с. 165], а также дополнено Т. Н. Савельевой [Савельева, 1960]. В статье «Администратор доменов Красной короны» Е. Елинкова распространила это правило на Раннее царство, совершенно по-иному осмыслив термин *Hwt*. Исследовательница полагала, что все *Hwwt* Раннего царства были личными царскими владениями и представляли собой неогороженный комплекс земель со строениями и угодьями, соответственно, рисунок знака показывал границу земли, а не ее ограду [Jelínkova, 1950, p. 325–327]. Таким образом, была

божества, а прежде всего размер земельного владения для обеспечения его культа. При этом сам храм в раннюю эпоху не обладал значительными размерами. Скорее всего, чем-то он напоминал упомянутую выше часовню Сети I и мог просто располагаться на юге владения (*Hwt*), являясь его своеобразной южной границей/стеной[4]. Причина этого могла заключаться в следующем.

Хорошо известно, что нумерация египетских номов всегда начиналась на юге, от Элефантины, т. е. от самого первого нома, и далее продолжалась на север. Ровно по такому же принципу обмерялась и учитывалась земля согласно испокон заведенному обычаю — «начиная от Абу, вплоть до северных топей» (*xntj n Abw r pHww*) [Берлев, 1999, с. 14][5]. Поэтому владения любого бога (храма), включая Птаха, всегда начинались на юге и простирались далее к северу. Этому способствовала, прежде всего, принятая испокон веков нумерация номов, учитывающая движение реки и положение ее истоков.

Часовня или небольшая божница могли просто маркировать земельный надел бога, отмечать его границу. Это находит подтверждение в тексте Палермского камня времени правления первого царя V династии Усеркафа, где передача земли богу Хору (2 сот) сопровождается сооружением его божницы (*qd (jnb) Hwt-nTr.f*), или передача богам Пер-Джебаут пашни в 54 сот также сопровождается строительством божницы (*caHa Hwt-nTr DbAt.f*) [Савельева, 1992, с. 58–59; Wilkinson, 2000, p. 153–154]. Очевидно, что, формируя данные наделы, царь Усеркаф официально закреплял за ними право Хора и богов Пер-Джебаут сооружением их часовен. Аналогично происходило и во владении Птаха, большая часть хозяйственных угодий которого — садов, пашен, пастбищ, могли располагаться к северу от его храма.

Как следует из опубликованных документов архива Неферефра (V династия), храм Птаха, в частности, принимал участие в распределении жертвоприношений в рамках частного и пирамидного культов и имел стабильную экономическую основу [Posener-Kriéger et al., 2006, p. 264–266, 352–353, 382, pl. 47a–48a]. Так, надпись на фрагменте папируса из архива Неферефра свидетельствует о том, что поставка из (хозяйства) храма Птаха в праздник Сокара в пирамидный комплекс Неферефра делалась хлебом, пивом, птицей и крупным рогатым скотом; сверх этого поминальный

поставлена под сомнение изначальная феодальная теория Г. Масперо, видевшего в *Hwwt* прежде всего укрепленные замки, а в их владельцах — крупных феодальных сеньоров. См. также: [Савельева, 1992, с. 27].

[4] Данная идиома хорошо раскрывается в текстах «Истории Синухе» [Gardiner, 1916, p. 129] и «Пророчества Неферти» [Helck, 1992, S. 58, XVa], где «Стена властелина» служит обозначением восточной границы. Такой границей, вероятно, следует считать и границу Нейт, т. е. «Нейт северной стены (*Nt mHtjt jnb*)», которая защищала северо-западные рубежи страны. Данный эпитет богини часто связывали с ее храмом в Мемфисе [Kitchen, 1993, p. 92], о котором, однако, отсутствует даже косвенная информация. В «Стеле голода» бурлящие воды Первого порога также уподобляется стене/границе, которая препятствует людям-*кенстиу* проникнуть в Египет (*j(n)b xsf.tj knstjw*) [Панов, 2018, с. 91]. Равным образом и каналы северо-востока Дельты могут уподобляться «великим стенам Египта, препятствующим мятежникам (*jnbw wr(w) ntj kmt xsf sbjw*)» [Панов, 2018, с. 91 (128)].

[5] В соответствии с данной парадигмой, в ходе коронации царь в качестве преемника бога Хора, сына Осириса, получал футляр (*mks*) с «завещанием Геба» о наследовании всей площади земли Египта, которая составляла несколько миллионов *com* (данные для Птолемеевской эпохи — 1 млн. сот, т. е. чуть более 3 тыс. кв. км). При этом учету в завещании подлежала только та земля, которая была способна принести урожай. В момент вручения завещания царь становился опекуном всех египетских богов и их храмов, наделяя их землей и жертвами [Берлев, 1999].

храм Неферефра получал из храма Солнца Нефериркара особые хлеба-*pAt* [Posener-Kriéger et al., 2006, pl. 47a]. Но при этом эта основа всегда составляла 2 сот (5470 кв. м, 16,5 га), другими словами, она заметно уступала экономическому потенциалу святилищ главных богов страны (таких как Ра, Хатхор, Эннеада, боги Хериаха, боги Пер-Джебаут) [Савельева, 1992, с. 58]. Так, одинаковое по размеру пожалование передавали храму Птаха цари V династии Сахура[6] и Нефериркара [Wilkinson, 2000, p. 160–161, 179]. Площадь пожалования в обоих случаях остается почти неизменной — 2 сот. Объяснить это можно тем фактом, что пойма в районе Саккары была крайне зауженной, местами даже заболоченной [Jeffreys, Smith, 1988, p. 55–56], что не позволяло этот клин увеличить, когда его вновь и вновь возобновлял коронованный царь (*цветная вклейка, рис. 1*). Как следствие, среди клиентов храма упоминаются не так много персон. Помимо упомянутого выше царя Неферефра, из гробничной надписи Персена мы узнаем еще о двух — царице Неферхетепес, супруге Усеркафа, и, собственно, самого вельможи Персена:

jnt prt-xrw n sHD pr-aA Pr-sn m wDb-rd n HtA psn sft xppt m Hwt-nTr PtH rsj-jnb.f
n mwt-njswt Nfr-Htp.s m Xrt-hrw m Awt-Dt rdw n .f r prt-xrw jm m rk %AHw-Ra

«Поставка возгласительной жертвы для дворцового инспектора Персена, из подношений, хлебом, лепешками, маслом, которые доставляются из храма Птаха для (культа) царской матери Неферхетепес ежедневно и в долготу вечности. Это было даровано ему (т. е. Персену) для возгласительной жертвы там (т. е. в некрополе) в правление царя Сахура» [Urk. I, 37].

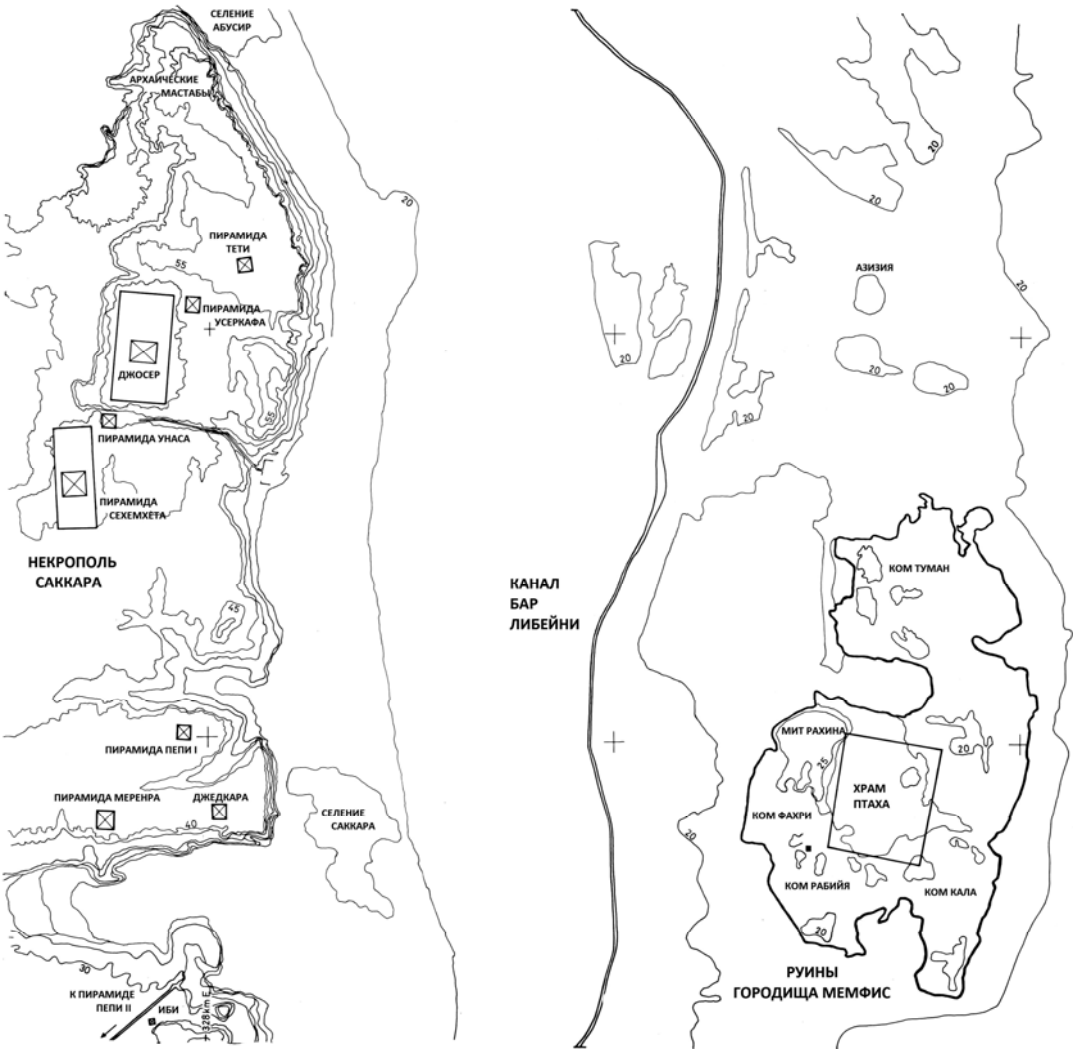
Текст надписи хорошо поясняет механизм «круговой жертвы» (*wDb-rd*), т. е. распределения продуктов, которые поступают из храма Птаха в качестве жертвы для царской матери, часть из которой затем перераспределяется в рамках поминального культа самого Персена и членов его семьи, а также очевидно тех жрецов, кто в свою очередь будет отправлять их культ в Саккаре, рядом с пирамидой Джосера. Инициатива данного дарения, соответственно, исходит от царя Сахура, наместника бога Хора. Но при этом важно иное: это те люди, гробницы и храмы которых находились на территории владений Птаха, т. е. были приписаны к его хозяйству! Территория владений храма не была на тот момент значительной. Можно предположить, что она начиналась рядом с Саккарой и заканчивалась южным Абусиром. Соответственно, на юге, рядом с пирамидой Джосера или на территории Ком Фахри, расположенной на противоположном берегу канала, проходила граница владений Птаха, рядом с которой находился его храм. Что мы знаем об этой территории в принципе?

Установлено, что в правление XVIII–XX династий храм Птаха находился по преимуществу на территории нынешнего Ком Ханзир, частично — Мит Рахины и Ком Фахри (*илл. 5*). Храм был исследован в начале XX в. экспедицией У. М. Ф. Питри, в 1940-х гг. А. Бадави, в 1960-х гг. экспедицией Р. Антеса [Anthes, 1965]. Однако результаты раскопок не позволяют однозначно утверждать, что именно на этой территории располагался храм Птаха в периоды Раннего и Древнего царств.

Я. Малек полагает, что храм Птаха в период Древнего царства располагался на территории Ком-Фахри [Malek, 1997, p. 92]. Ученый считает, что вплоть до VI династии западные комы не являлись отдельной частью города Мемфис, но представляли собой

[6] В надписи царя Сахура употребляется эпитет бога Птаха — *xntj-jAwtf* [Савельева, 1992, с. 58; Wilkinson, 2000, p. 164].

раннединастический религиозный центр, связанный с Птахом [Malek, 1997, p. 94–95]. В его окрестностях выросло поселение жрецов и служителей храма, однако они не образовывали кварталов самого города, который располагался на восточной окраине долины, в районе современного Абусира.

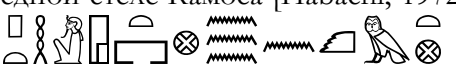
Илл. 5. Некрополь Саккара и городище Мемфис (по: [Giddy, 1994, p. 200, fig. 1])

Л. Гидди также считает, что в период правления VI династии центр столичного города *Mn-nfr*, равно как и храм Птаха, располагались в районе Ком-Фахри [Giddy, 1994, p. 193]. В частности, на основе данных геологической разведки Л. Гидди и Д. Джеффрис установили, что к северо-западу от поля руин Мемфиса располагался высокий берег высотой 16 м над уровнем моря (на 4 м ниже современного дна долины), представляющий собой естественную палеодамбу из черной аллювиальной глины, оставленную мощным течением реки в эпоху Раннего царства [Giddy, et al., 1990, p. 12, fig. 2; Giddy, Jeffreys, 1991, p. 5–6; 1992, p. 2; Giddy, 1994, p. 194; Jeffreys, Bunbury, 2005, p. 11; Jeffreys, 2004, p. 838]. В связи с этим ученые допустили, что территория палеодамбы, проходящая параллельно некрополю Раннего царства на плато Северной

Саккары, была одной из тех возвышенностей, которая была пригодна для заселения [Jeffreys, Málek, 1988, p. 23, pl. 4–5; Giddy et al., 1990, p. 12–13, pl. 1–2; Giddy, Jeffreys, 1991, p. 6; 1992, p. 2–8; 1993, p. 12–14; Giddy, 1994, p. 194; Jeffreys, Tavares, 1994, p. 156–57, pl. 7–9; Jeffreys, 1997, p. 2; 2000, p. 26; Jeffreys, Bunbury, 2005, p. 11]. Анализы геологических данных подтвердили, что основной район расселения людей в начале Древнего царства уже был отделен от уступа пустыни и, возможно, располагался к западу или к северо-западу от Ком-Тумана [Jeffreys, Málek, 1988, p. 23, fig. 4–5; Giddy et al., 1990, p. 12–13, fig. 1–2; Giddy, Jeffreys, 1992, p. 2–8; 1993, p. 12–14; Giddy, 1994, p. 194; Jeffreys, Bourriau, Johnson, 1997, p. 3–4]. Возможно, этот участок был вытянут с севера на юг вдоль западной стороны этого естественного хребта и ограничен каналом на западе. Очевидно, что в Древнем царстве область расселения людей значительно расширилась к западу, юго-западу и северо-западу от Мит Рахины [Jeffreys, Málek, 1988, p. 19–23; Giddy et al., 1990, p. 12; Giddy, Jeffreys, 1991, p. 5–6; Love, 2003, fig. 3].

Португальский геоморфолог П. Гонсалвиш, реконструировавший палеоландшафт в районе исторического Мемфиса, в результате анализа кернов, взятых в разных частях городища, пришел к вполне однозначному выводу, что западные области «поля руин Мемфиса» действительно могли быть местом раннединастического поселения («прото-Мемфиса») и храма Птаха [Gonçalves, 2018, p. 49–51]. Главную причину непрерывного роста и формирования пространства «поля руин Мемфиса» исследователь видит в человеческой деятельности, прежде всего — отложениях культурного мусора (*цветная вклейка, рис. 1*). В гораздо меньшей степени на это влияли естественные осадки (эоловые пески пустыни или фракции от размыва скальных пород).

Таким образом, мы видим, что территория, где предположительно располагался храм Птаха в Раннем и Древнем царствах, представляла собой крайне незначительное пространство земной поверхности в районе Ком-Фахри. Более того, эта территория, расположенная на небольших островных образованиях, постоянно затапливалась и не могла являться крупной экономической единицей. Что же принципиально изменилось к середине Нового царства?

Мемфис еще не упоминается в победной стеле Камоса [Habachi, 1972], при этом текст «Таблички Карнарвона» именует его *Hwt-PtH mw n Qmt* — «Водами Египта»[7] [Gardiner, 1916, p. 98]. Это может свидетельствовать только о том, что поселение и храм Птаха, расположенные предположительно в районе Ком Фахри, еще находились в зоне затопления. Однако после того как русло Нила начинает смещаться в восточном направлении, большая часть владений Птаха, ранее представлявших пойменную территорию, постепенно становились участком суши и ядром будущего города[8]. Именно в этом факте, по нашему мнению, кроется истинная причина возвышения культа Птаха и становления Мемфиса как крупного городского центра (*цветная вклейка, рис. 2*).

[7] Как показали исследования SoM (Survey of Memphis), проекта, возглавляемого Д. Джеффрисом, уже в XVI в. до н. э. русло Нила предположительно проходило посередине той местности, которая в настоящее время и отождествляется с древним Мемфисом [Jeffreys, Smith, 1988, p. 55–56].

[8] Эта тенденция отмечается практически во всех исследованиях, осуществленных под эгидой SoM. Сюда следует отнести наиболее раннюю модель Д. Джеффриса и А. Таварес, К. Латли и Д. Банбери, и, наконец, более современную П. Гонсалвиша [Jeffreys, Smith, 1988; Jeffreys, Tavares, 1994, p. 158, fig. 15; Bunbury, Lutley, 2008, p. 5; Bunbury, 2013; Gonçalves, 2018, p. 246–247].

В царствование Аменхотепа II (1479–1425 гг. до н. э.) Мемфис упоминается как база воинского гарнизона, именно туда возвращаются войска с богатой добычей после победоносных походов в Азию [Urk. IV, 1305, 1308]. Очевидно, в это время город начинает формироваться, происходит укрепление его цитадели. Постепенно Мемфис берет на себя функции административного центра Нижнего и Среднего Египта [Zivie, 1982, p. 28].

С воцарением Тутмоса IV ситуация изменилась уже принципиально. Подтверждение этому мы находим в знаменитой «Стеле сна», где сообщается об обещании бога Хармахиса даровать престол юному царевичу. В сюжет как бы закладывается мысль, что царственность будет дарована ему именно в Мемфисе, во владениях которого и находится статуя Великого Сфинкса! По сути, это первый прецедент подобного обещания, так как предшественник Тутмоса IV Аменхотеп II короновался только в Фивах [Urk. IV, 1301]. При этом текст стелы содержит уникальную информацию географического характера, показывая взаиморасположение Сфинкса и владений *Хут-Ка-Птах*:

js twt n #prj wr-aA Htpj m st tn wr-bAw Dsr-Sfjwt Swt-Ra Hr.f jw.n.f Hwwt @wt-kA-PtH njwt nb ntj gs (.wj) .fj

«Статуя Хепри величайшего покоится в этом месте, могучего, божественного образами, сень солнца падает на него. Подступают к нему угодья *Хут-ка-Птаха* и всякого города, которые по сторонам от него» [Urk. IV, 1542].

Другими словами, владения Птаха в правление XVIII династии простирались уже до Гизы, чего мы не наблюдали в эпоху Древнего царства, где они, более вероятно, ограничивались южным Абусиром. Следовательно, русло Нила заметно сместилось в восточном направлении, сформировав в северном направлении многочисленные сельскохозяйственные угодья, положившие прочный фундамент для экономического функционирования города. Но одновременно с этим растет и культовое значение Мемфиса. При преемнике Тутмоса IV Аменхотепе III было совершено первое захоронение быка Аписа, священного животного бога Птаха, которое положило начало Серапеуму, что также, безусловно, свидетельствовало о повышении статуса города и его основного культа. О возросшем значении Мемфиса свидетельствует тот факт, что многие чиновники выбрали некрополь Саккары, а не столичных Фив, местом своего погребения. Здесь, в частности, расположена гробница чиновника эпохи правления Тутанхамона Маи. В Саккаре было первоначально выстроено и погребальное сооружение военачальника Хоремхеба, который впоследствии, став фараоном, распорядился вырубить новую гробницу в Долине царей в Фивах.

Однако куда более важное политическое и культовое значение город приобрел в период правления Рамессидов (XIX–XX династии). Одним из основных божеств, покровительствующих новому царскому дому, становится Птах-Татенен[9], которому был посвящен центральный храм города. В царствование Рамсеса II его святилище было в значительной мере перестроено и расширено. В западной части храма был воздвигнут монументальный зал для празднования царских юбилеев. При преемнике Рамсеса II Мернептахе рядом с южной стеной храма Птаха, в местечке Ком Кала, в честь царя был выстроен монументальный дворец и поминальный храм [Jeffreys, 1985, p. 15]. Эта

[9] Под *&A-Tnn* подразумевается имя Птаха, восходящее к глаголу *Tnj* — «восходить», «подниматься». Соответственно, само имя бога трактовалось как «поднявшаяся земля» [Sethe, 1928, S. 33; Sandman Holmberg, 1946, p. 57].

строительная активность находит подтверждение и в количестве находок на памятнике. Все обнаруженные *in situ* на данный момент объекты на территории храма и прилегающих к нему районов относятся преимущественно к XIX династии [Jeffreys, 1985, p. 57–60].

Результаты бурения, проведенного Обществом по изучению Египта в 1988 г. на Ком Кале, где находятся руины дворца Мерептаха и на месте храма Птаха эпохи Рамсеса II, подтвердили сделанное ранее предположение, что оба памятника XIX династии были возведены непосредственно на речных отложениях, оставленных сместившимся к востоку Нилом [Jeffreys, Giddy, 1988, p. 8; Gonçalves, 2018, p. 222]. Строения XIX династии имели постоянные уровни пола — 18 м над уровнем моря [Jeffreys, 1985, p. 51, 93–94, 109; Jeffreys, Tavares, 1994, p. 158]. Этого уровня было вполне достаточно, чтобы конструкции находились в безопасности от ежегодных разливов, т. к. пойменные илы были зарегистрированы предыдущими бурениями на уровнях 14,5 м над уровнем моря [Jeffreys 1985, p. 51, 109].

Так как эта территория больше не заливалась, цари начинают ее расширять, интенсивно укреплять дамбами и застраивать. Например, основываясь на данных Диодора Сицилийского (Diod. Sic. I, 50 (3–5))[10], британский археолог У. М. Ф. Питри определил, что протяженность города с юга на север уже была около 13 км, а с запада на восток около 6,5 км, включая сады и пригороды[11] [Jeffreys, 1985, p. 6]. При этом, воздвигая на новой территории свои храмы и дворцы, цари делают пожертвования, в том числе и в сам храм Птаха [Pap. Harris I. 45,3, 49,12; Sandman Holmberg, 1946, p. 209]. Его площадь заметно увеличивается и составляет в период XX династии (1290 г. до н. э.) уже 25 га [Franke, 2002, S. 11][12]. Другими словами, это уже значительно больше той площади, которую выделяли под пашню храму Птаха цари Древнего царства (чуть более 16 га), которая со временем стала прирастать. А учитывая приписанные к храму владения, эта площадь возрастала уже на порядок! Если мы сравним процентные соотношения земель сельскохозяйственного назначения согласно папирусу Вильбур, то храму Птаха отходило целых 7 % от всей суммы площадей Египта[13].

Если создаются предпосылки для возвышения культа Птаха, укрепляется его экономическая основа, то, соответственно, рождается специфическая идеология, которая отражает эти общественно значимые явления, и которая найдет свое окончательное завершение в памятнике Мемфисской теологии — «Камне Шабаки» (British Museum, № 498): Птах провозглашается не только царем всех богов, которых

[10] В связи со свидетельством Диодора Сицилийского стоит обратить внимание на факт, что, в отличие от Геродота, он связывал основание Мемфиса не с первым историческим царем Египта Мином, а с Ухореем, восьмым потомком Озимандия (т. е. Рамсесом Великим), который построил Мемфис, отклонив русло Нила к востоку. Историк, в частности, сообщает, что после основания города многие цари оставили Фивы и переселились в Мемфис, построив там собственные дворцы (Diod. Sic. I, 47). Таким образом, свидетельство Диодора может отражать строительную активность царей именно в эпоху Нового царства.

[11] Для сравнения: нынешние размеры археологического памятника Мемфис составляют всего 3,5 км (Север-Юг) х 1,5 км (Запад-Восток).

[12] Д. Франке сравнивает эти показатели с показателями по Фивам и Гелиополю. Так, площадь храма Амона в Карнаке составляла на тот момент 31 га, большого храма Атона в Амарне — 20,5 га, и, наконец, площадь храма Ра в Гелиополе — более 80 га!

[13] Гелиопольский храм владел 12 %, фиванский храм Амона — 45 %, на долю всех оставшихся храмов суммарно приходилось — 35 % обрабатываемых земель [Franke, 2002, S. 14 (27)].

порождает силой мысли и слова, но и сами боги получают в Птахе свое существование (*nTrw xprw m PtH*) [Sethe, 1928, S. 46, vers. 49a]. Другими словами, боги кормятся Птахом, живут им, так как, в конечном счете, все их жертвы и идолы производятся и находятся «на его спине», т. е. на «поднявшейся (из воды) земле» (*&A-Tnn*) [Sethe, 1928, S. 46, vers. 60]. Соответственно, Птах в своей синкретической форме (Птах-Сокар-Осирис) мог брать под свое покровительство все древние культы Саккары, Абусира и Гизы!

Таким образом, можно сделать главный вывод, что именно древняя сакральная территория угодий Птаха, передаваемая божеству в рамках «завещания» царями Древнего царства, в результате смещения русла Нила перестала быть частью поймы и стала основой, а впоследствии и ядром нового города. Южную часть Мемфиса маркировал храм Птаха, с севера к нему примыкал древний город Пепи I — Меннефер. При этом расширение территории храма Птаха происходило не хаотично, а именно вдоль южной границы его древних владений *Hwt-PtH*, которая, вероятнее всего, всегда оставалась неизменной. Так как изначально небольшой храм Птаха располагался рядом с южной границей его владений, то по этой причине вдоль этой границы, маркируемой Великой стеной (*Tsmt wrt*), впоследствии будут возведены все культовые сооружения Рамессидской эпохи, начиная с часовни Сети I. Очевидно, что цари XIX–XX династий, в данном случае воспринимали себя наследниками и хранителями древней традиции. Трактовка эпитета Птаха Богословским — «Птах южной стены (храма) его» — с этих позиций приобретает актуальность для всех периодов египетской истории.

Литература / References

Берлев О. Д. “Наследство Геба”. Дандамаев М. А. (ред.). *Подати и повинности на Древнем Востоке*. СПб., 1999. С. 1–33 [Berlev O. D. “Heritage of Geb”. Dandamaev M. A. (ed.). *Taxes and Duties in the Ancient East*. Saint Petersburg, 1999. Pp. 1–33 (in Russian)].

Богословский Е. С. Рецензия: Rudolf Anthes, with Contributions by Ibrahim Abdel Aziz, Hasan S. K. Bakry, Henry G. Fischer, Labib Habachi, Jean Yoyotte, Jean Jacquet, William K. Simpson. Mit Rahineh, 1956. Published by the University Museum, University of Pennsylvania. Philadelphia, 1965, 170 p. 65 pf., 21 fig. *Советская археология*. 1968. № 2. С. 310–312 [Bogoslovskii E. S. Review: Rudolf Anthes, with Contributions by Ibrahim Abdel Aziz, Hasan S. K. Bakry, Henry G. Fischer, Labib Habachi, Jean Yoyotte, Jean Jacquet, William K. Simpson. Mit Rahineh, 1956. Publishet by the University Museum, University of Pennsylvania. Philadelphia, 1965, 170 p. 65 pf., 21 fig. *Sovetskaya archeologiya*. 1968. 2. Pp. 310–312 (in Russian)].

Орехов Р. А. «Птах южной стены (храма) его»: к толкованию эпитета. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2018. № 45. С. 605–612 [Orekhov R. A. “Ptah of the Southern Wall (of His Temple)”: To the Interpretation of the Epithet. *Academic Statements of Belgorod State University. Series: History. Political Science*. 2018. 45. Pp. 605–612 (in Russian)].

Панов М. В. *История о семи годах голода и бедствий при Нечерихете-Джосере*. Новосибирск, 2018 [Panov M. V. *The Story of a Seven-Year Period of Hunger and Disaster under Netejerikhet-Djoser*. Novosibirsk, 2018 (in Russian)].

Перепелкин Ю. Я. *Всемирная история*. Том I. Ред. Ю.П.Францев. Москва, 1955 [Perepelkin Yu. Ya. *The World History*. Iu. P. Frantsev (ed.). Moscow, 1955 (in Russian)].

Савельева Т. Н. К вопросу о значении терминов “*pr*” “*Hwt*” и “*Hwt aAt*” в надписи Мечена. Струве В. В. (ред.). *Древний Египет: Сборник статей*. М., 1960. С. 181–194 [Savel’eva T. N. On the

Question of the Meaning of Terms "*pr*", "*Hwt*" and "*Hwt aAt*" in the Inscription of Metchen. Struve V. V. (ed.). *Ancient Egypt: A Collection of Academic Articles*. Moscow, 1960 (in Russian)].

Савельева Т. Н. *Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии)*. Москва, 1992 [Savel'eva T. N. *Temple Economy of Egypt during the Old Kingdom (III–VIII Dynasties)*. Moscow, 1992 (in Russian)].

Anthes R. *Mit Rahineh 1956*. Philadelphia, 1965.

Berlandini J. La Chapelle de Séthi I Nouvelles Découvertes: Les Déesses **smt* et *Mn-nfr*. *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie*. 1984. 99. Pp. 28–52.

Bunbury J. L. Geomorphological Development of the Memphite floodplain over the Past 6,000 years. *Studia Quaternaria*. 2013. 30. Pp. 61–67.

Bunbury J. L., Graham A., Hunter M. A. Stratigraphic Landscape Analysis: Charting the Holocene Movements of the Nile at Karnak through Ancient Egyptian Time. *Geoarchaeology*. 2008. 23. Pp. 351–73.

Franke D. Theben und Memphis — Metropolen im alten Ägypten. Jansen M., Roeck B. (eds.). *Veröffentlichungen der Interdisziplinären Arbeitsgruppe Stadtkulturforschung (IAS)*, IV/IV: *Symposium 20, 23.06.1996, Bonn*. Aachen, 2002. Pp. 7–20.

Gardiner A. H. *Notes on the Story of Sinuhe*. Paris, 1916.

Gardiner A. H. The Defeat of the Hyksos by Kamōse: the Carnarvon Tablet. No. I. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1916. 3. Pp. 95–110.

Giddy L. Memphis and Saqqara during the Late Old Kingdom: Some Topographical Considerations. Berger C., Clerc G., Grimal N. (eds.). *Hommages à Jean Leclant*. Vol. 1. Le Caire, 1994. Pp. 189–200.

Giddy L., Jeffreys D. G. Memphis, 1990. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1991. 77. Pp. 1–6.

Giddy L., Jeffreys D. G. Memphis, 1991. *The Journal of Egyptian Archaeology*.1992. 78. Pp. 1–11.

Giddy L., Jeffreys D. G., Málek J. Memphis, 1989. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1990. 76. Pp. 1–15.

Giddy, L., Jeffreys D. G. Memphis, 1992. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1993. 79. Pp. 11–16.

Gonçalves P. M. L. *Landscape and Environmental Changes at Memphis during the Dynastic Period in Egypt* (Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy, Department of Archaeology. University of Cambridge). Cambridge, 2018.

Helck W. *Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches*. Glückstadt, 1954.

Helck W. *Die Prophezeiung des Nfr.tj. Zweite verbesserte Auflage*. Wiesbaden, 1992.

Helck W. Zu Ptah und Sokar. Verhoeven U., Graefe E. (Hrsg.). *Religion und Philosophie im alten Ägypten: Festgabe für Philippe Derchain zu seinem 65. Geburtstag am 24 Juli 1991*. Leuven, 1991. S. 159–164.

Jeffreys D. G. Memphis, 2002. *Journal of Egyptian Archaeology*. 2003. 89. Pp. 8–9.

Jeffreys D. G., Smith H. S. Memphis and the Nile in the New Kingdom: A Preliminary Attempt at a Historical Perspective. Zivie A.-P. (ed.). *Memphis et ses nécropoles au nouvel empire. Nouvelles données, nouvelles questions*. Paris, 1988. Pp. 55–66.

Jeffreys D. G., Tavares A. The Historic Landscape of Early Dynastic Memphis. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1994. 50. Pp. 143–173.

Jeffreys D. G. *The Survey of Memphis I: The Archaeological Report*. London, 1985.

Jeffreys D. G. *The Survey of Memphis VII. The Hekekyan Papers and Other Sources for the Survey of Memphis*. London, 2010.

Jeffreys D. G. Excavation and Survey East of the Saqqara-Abusir Escarpment. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1997. 83. Pp. 2–4.

Jeffreys D. G. Hierakonpolis and Memphis in Predynastic Tradition. Hendrickx S., Friedman R. F., Cialowicz K. M., Chlodnicki M. (eds.). *Egypt at its Origins. Studies in Memory of Barbara Adams. Proceedings of the International Conference "Origins of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt". Krakow, 28th August – 1st September 2002*. Leuven, 2004. Pp. 837–845.

Jeffreys D. G. Investigating Ancient Memphis Pharaonic Egypt's Northern Capital. *Archaeology International*. 2000. 3. Pp. 24–27.

Jeffreys D. G., Bourriau J., Johnson W. R. Memphis, 1996. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1997. 83. Pp. 1–6.

Jeffreys D. G., Bunbury J. L. Memphis, 2004. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 2005. 91. Pp. 8–12.

Jeffreys D. G., Málek J. Memphis 1986, 1987. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1988. 74. Pp. 15–29.

Jelínkova E. Recherches sur le titre *xrp Hwwt Nt* "Administrateur des Domaines de la Couronne Rouge". *Annales du Service des antiquités de l'Égypte*. 1950. 50. Pp. 321–362.

Junker H. *Giza III. Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden von Giza*. Band III. *Die Mastabas der vorgeschriitenen V. Dynastie auf dem Westfriedhoff*. Wien, Leipzig, 1938.

Kitchen K. Towards a reconstruction of Ramesside Memphis. Freed R., Bleiberg E. (eds.). *Fragment of a Shattered Visage: The Proceedings of an International Symposium on Ramesses the Great, Memphis, Tennessee*. Memphis, 1993. Pp. 87–104.

Love S. Questioning the Location of the Old Kingdom Capital of Memphis, Egypt. *Papers from the Institute of Archaeology*. 2003. 14. Pp. 70–84.

Love S. Stones, ancestors, and pyramids: investigating the pre-pyramid landscape of Memphis. Barta M. (ed.). *The Old Kingdom Art and Archaeology. Proceedings of the Conference Held in Prague, May 31 – June 4, 2004*. Prague, 2006. Pp. 209–220.

Málek J. The Temples at Memphis. Problems Highlighted by the EES Survey. Quirke S. (ed.). *The temple in ancient Egypt: new discoveries and recent research*. London, 1997. Pp. 90–101.

Pap. Harris I — Erichsen W. *Papyrus Harris I. Hieroglyphische Transkription*. Brüssel, 1933.

Petrie W. M. F. *Memphis I*. London, 1909a.

Petrie W. M. F. *Meydum and Memphis (III)*. London, 1910.

Petrie W. M. F. *The Palace of Apries (Memphis II)*. London, 1909b.

Posener-Kriéger P., Verner M., Vymazalová H. *Abusir X. The Pyramid Complex of Raneferef. The Papyrus Archive*. Prague, 2007.

Sandman Holmberg M. *The God Ptah*. Lund, 1946.

Sethe K. *Dramatische Texte zu Altaegyptischen Mysterienspielen*. Leipzig, 1928.

Sethe K. Menes und Gründung von Memphis. *Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens III*. Leipzig, 1905. S. 121–141.

Sethe K., Schäfer H., Borchardt L. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen. *K. Sethe. Leipziger und Berliner Akademieschriften (1902–1934)*. Bd. XI. Leipzig, 1976.

Staring N. The Title "Mayor of Beyond the Walls of Ptah", and Early 19th Dynasty Temple Building at Memphis. *Zeitschrift für ägyptische Schprache und Altertumskunde*. 2015a. 142.2. Pp. 167–190.

Staring N. The Tomb of Ptahmose, Mayor of Memphis. Analysis of an Early 19th Dynasty Funerary Monument at Saqqara. *Bulletin de L'institut Françis d'Archéologie Orientale*. 2015b. 114.2. Pp. 455–518.

te Velde H. Ptah. Helck W., Westendorf W. (Hrsg.). *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. IV. Wiesbaden, 1982. S. 1177–1180.

Urk. I — Sethe K. *Urkunden des Alten Reiches*. Erster Band. Leipzig, 1933.

Urk. IV – Helck W. *Urkunden der 18. Dynastie. Text der Hefte 17–19*. Berlin, 1984.

van Dijk J. Ptah. Redford D. (ed.). *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Vol. I. Oxford, 2001. Pp. 74–76.

Verner M. *Sons of the Sun. Rise and Decline of the Fifth Dynasty*. Prague, 2014.

Wilkinson T. *Royal Annals of Ancient Egypt. The Palermo Stone and its Associated Fragments*. London, New York, 2000.

Zivie Ch. M. Memphis. Helck W., Westendorf W. (Hrsg.). *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. IV. Wiesbaden, 1982. Pp. 24–41.

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-56-65

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАРТОНАЖА МУМИИ ИЗ ГРОБНИЦЫ ПЕРСЕНЕБА В ГИЗЕ (ЕГИПЕТ)

© 2021

В. З. Куватова*

Настоящее исследование представляет собой попытку атрибуции и реконструкции картонажа мумии Птолемеевского периода, обнаруженной Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН в 2016 г. в погребальной камере гробницы Персенеба (LG 78 / GE 20–22) в Восточном некрополе Гизы (Египет). Реконструкция иконографической программы картонажа производилась с большой осторожностью, в строгом соответствии с имеющимися материальными свидетельствами, а также с учетом широкого исторического контекста. Мумия предположительно птолемеевского времени была найдена на месте первоначального погребения в гробнице Древнего царства. Она была захоронена без саркофага, картонаж фиксировался на погребальной пелене. Лишь отдельные части картонажа сохранились на изначальных местах, многочисленные фрагменты в процессе бытования артефакта сместились вниз и оказались в окаменевшей породе. Из-за плохой сохранности картонажа для его атрибуции и реконструкции требовался тщательный компаративный анализ, а также исследование материалов, использовавшихся для мумификации, и состояния скелета (на предмет посмертных повреждений костей). Комплексный анализ мумии и картонажа позволяет уверенно датировать памятник второй половиной III — первой половиной II вв. до н. э., то есть средним Птолемеевским периодом. Иконографическая программа картонажа довольно лаконична и состоит из ключевых символических элементов, связанных традиционными египетскими представлениями о транзите души из земного мира в загробный. В нее включены изображения скарабея, богинь Нут, Исиды и Нефтиды, сыновей Хора, а также бутонов лотоса и протом соколов. Программа разработана в соответствии с принципом необходимости и достаточности символических образов для выполнения главной функции — содействия благополучному транзиту в счастливую посмертную жизнь.

Ключевые слова: Древний Египет, Птолемеевский период, картонаж мумии, погребальное искусство греко-римского Египта, птолемеевская живопись.

Для цитирования: Куватова В. З. Сравнительный анализ картонажа мумии из гробницы Персенеба в Гизе (Египет). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 56–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-56-65

* Валерия Зуфаровна КУВАТОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kintosha@mail.ru

Valeria Z. KUVATOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kintosha@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8932-6490

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MUMMY CARTONNAGE FROM THE TOMB OF PERSENEB IN GIZA NECROPOLIS (EGYPT)

Valeria Z. Kuvatova

The study is an attempt on attribution and iconographic reconstruction of the mummy cartonnage, found by the Russian archaeological mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in 2016 in the burial chamber of the tomb of Perseneb (LG 78 / GE 20–22) in the Eastern Field of Giza Necropolis (Egypt). The reconstruction of iconographic program of the cartonnage was made with much caution, not a single detail of the semantic ensemble being reconstructed without sufficient material, historic and contextual evidence. The mummy, allegedly Ptolemaic, was discovered on its original burial spot in an Old Kingdom tomb. No mummy case had been provided for, while the exquisitely painted cartonnage fragments were found on and around the wrapped body. Due to the poor state of preservation of the cartonnage (only a few fragments stuck to their original location, the majority of them had been either displaced on the shroud or fallen and trapped into the petrified soil), a careful comparative analysis was required, as well as a study of materials and techniques of mummification and condition of the mummy skeleton (in terms of postmortem damage). On the basis of the comparative analysis of the iconographic program of the cartonnage, the mummification techniques and the study of postmortem skeleton condition, the time span from the second half of the 3rd century through the first half of the 2nd century B.C. can be safely suggested as the most likely date of the cartonnage. Its iconographic program seems to be rather reticent and limited to what was deemed sufficient for the purpose of safe transition to the happy afterworld in accordance to the contemporary beliefs.

Keywords: Ancient Egypt, Ptolemaic Period, mummy cartonnage, funerary art of Graeco-Roman Egypt, Ptolemaic painting.

For citation: Kuvatova V. Z. Comparative Analysis of the Mummy Cartonnage from the Tomb of Perseneb in Giza Necropolis (Egypt). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 56–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-56-65

Мумия с фрагментами картонажа была обнаружена Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН в Гизе в 2016 г. в погребальной камере 2А гробницы древнеегипетского чиновника Персенеба (LG 78 / GE 20–22), вырубленной в обрыве скального плато и расположенной в южной части российской концессии. Отсутствие саркофага — типичная черта захоронений при повторном использовании западного некрополя Саккары в эпоху Птолемеев. Нижняя часть ног мумии была полностью разрушена грабителями, выкопавшими яму в юго-западной части камеры [Kormysheva et al., 2018, p. 25–26, pl. LIX]. Сохранность верхней части мумии удовлетворительная. Длина мумии на момент обнаружения составляла 130 см, ширина в области плеч — 38 см. В силу особенностей бытования памятника большая часть картонажа оказалась утраченной (*цветная вклейка, фото 1*).

После расчистки мумии было установлено, что накладки из картонажа лежат непосредственно на погребальной пелене, которая, в свою очередь, покрыта плотным слоем битума. Применение битума при мумификации значительно утяжеляет мумии. Сам картонаж очень тонкий и хрупкий, такая техника изготовления характерна для периода примерно с 250 по 50 гг. до н. э. [Pancaldo, Aboe, 2010, p. 5]. Он состоит из нескольких частей, лишь частично закрывающих мумию. Такая практика получила

широкое распространение в птолемеевскую эпоху [Kuffer, 2006, p. 9; Schweitzer, 1998, p. 328; Leclant, 2005, p. 420–421]. Чаще всего в комплект накладок входила маска, накладки на груди, включая широкое ожерелье-оплечье *усех* и изображение богини Нут, и короб или накладка на ногах, в зависимости от региона или мастерской.

Фрагменты картонажа и спрессованные элементы красочного слоя, обнаруженные в слежавшемся, местами практически окаменевшем грунте рядом с мумией, позволяют провести реконструкцию иконографической программы картонажа и датировать его на основании сравнительного анализа.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ КАРТОНАЖА

Реконструкция проводилась в соответствии со следующими критериями:
- в зонах, где традиционно располагаются семантически значимые фигуративные и нефигуративные изображения, подчиняющиеся строгому иконографическому канону, а выбор вариантов ограничен, предпочтение отдавалось наиболее часто встречающемуся варианту
- семантически значимые зоны со значительными утратами, для которых отсутствовали строгие каноны, не реконструировались во избежание спекуляций
- утраченные декоративные мотивы реконструировались по аналогии с декором других зон исследуемого картонажа.

Маска мумии практически утрачена, за исключением небольших элементов, сохранивших позолоту, в грунте вокруг головы было обнаружено большое количество элементов картонажа ярко-голубого цвета и позолоченных фрагментов с черными линиями контура (*цветная вклейка, фото 2*). Находки свидетельствуют о том, что маска была расписана в традиционной манере, характерной для Позднего и Птолемеевского периодов: черты лица прорисованы черной краской по золотому фону, имитация парика окрашена в синий цвет.

Между картонажем и окаменевшими бинтами, обильно залитыми битумом, образовался слой слежавшегося грунта, толщина которого варьировалась от 1 до 7–8 мм. Лишь отдельные фрагменты картонажа были плотно соединены непосредственно с мумией. Проникновение грунта под декоративные накладки повлияло на их сохранность, а также на расположение сохранившихся фрагментов, поскольку смещавшийся грунт увлекал за собой и детали картонажа. Смещение фрагментов относительно первоначального положения, в основном, несущественно для целей реконструкции иконографической программы. Реперными точками для определения размеров и взаиморасположения элементов иконографической программы служили плотно склеенные с мумией частицы. Поэтому даже самые незначительные по размерам фрагменты с остатками контуров и красочных пигментов играли ключевую роль в процессе реконструкции.

Маска. Исходя из количественных соотношений позолоченных элементов, обнаруженных в грунте вокруг головы, а также фрагментов, окрашенных в синий цвет, и участков, содержащих черные линии, можно уверенно говорить, что маска не была украшена сложными орнаментальными мотивами (диадемами, изображениями скарабея в центральной части парика и др.). На уровне перехода головной части мумии в оплечную был обнаружен небольшой фрагмент орнаментального декора, изображавшего, по-видимому, ожерелье из чередующихся красных и желтых кругов,

отделенных друг от друга изогнутыми линиями. Мотив красных кругов упирается в плотную сине-зеленую полосу.

Ожерелье-*усех* сохранилось лучше всех остальных частей картонажа (*цветная вклейка, фото 3*). Накладка незначительно сдвинулась, однако сдвижка не повлияла на возможность «прочтения» орнаментального декора, традиционного для картонажей Птолемеевского периода. Исходя из ее сохранности, можно с уверенностью говорить о девяти орнаментальных регистрах, разделенных узкими полосами краски. В декоре чередуются ряды желтых кругов на синем фоне, сложных зубчатых поясов на красном фоне и орнамента из цветков лотоса на синем фоне. Нижний регистр практически полностью разрушен, поэтому однозначно говорить об украшавшем его декоративном мотиве невозможно. Судя по взаиморасположению ожерелья-*усех* и изображения богини Нут под ним, утраченный мотив был завершающим. Многие сохранившиеся пекторали Птолемеевского периода со сходной иконографической программой заканчиваются регистрами с каплевидным орнаментом, поэтому логично предположить, что исследуемая пектораль также была украшена этим мотивом. Минимальные сохранившиеся элементы регистра подтверждают данное предположение. Примерами использования каплевидного орнамента для пекторали являются ахмимские картонажи Несмин[1] и Иртирутиа[2] (*цветная вклейка, фото 4–5*) из Музея Метрополитен, а также картонажи из музея археологии и антропологии Пенсильванского университета[3], музея РИСД на Род Айленде[4], Британского музея[5] (*цветная вклейка, фото 6*).

Верхняя, прямая линия полукруга ожерелья завершается выполнена в виде так называемого «египетского фриза» (ленты из чередующихся красных и синих прямоугольников).

Несмотря на общее соответствие декора ожерелья-*усех* из гробницы Персенеба художественной традиции птолемеевской эпохи, прямых аналогов ему найти не удалось. С точки зрения утонченной проработки деталей оно сопоставимо с ожерельем картонажа Иртирутиа (*цветная вклейка, фото 4*), однако уступает последнему в разнообразии декоративных мотивов. Колористическое решение ожерелья из гробницы Персенеба ближе к варианту картонажа Несмин (*цветная вклейка, фото 5*), но последний значительно скромнее с точки зрения художественного мастерства. Исследуемое ожерелье состоит из четырех универсальных орнаментов, встречающихся в тех или

[1] Mummy of Nesmin with plant wreath, mask, and other cartonnage elements. 200–30 B. C. *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection.* URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551162?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=86.1.51&offset=0&rpp=20&pos=1 (дата обращения 01.03.2021).

[2] Mummy of Irtirutja with mask and other cartonnage elements. 332–250 B. C. *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection.* URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551164 (дата обращения 01.03.2021).

[3] Mummy mask. Object number E3413D. *Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. Collection.* URL: https://www.penn.museum/collections/object/517203 (дата обращения 01.03.2021). Маска происходит из Дендеры и датируется 305–30 гг. до н. э.

[4] Mummy of Nesmin, 170–30 BCE. Object number 38.206.1. *RISD Museum. Collection.* URL: https://risdmuseum.org/art-design/collection/mummy-nesmin-382061 (дата обращения 01.03.2021). Мумия происходит из Ахмима и датирована 170–30 гг. до н. э.

[5] Mummy-mask. Museum number EA24573. *The British Museum. Collection online.* URL: https://www.britishmuseum.org/collection/search?keyword=EA24573 (дата обращения 01.03.2021).

иных сочетаниях практически на каждом картонаже и саркофаге Птолемеевского периода.

Над левой частью ожерелья-*усех* (здесь и в дальнейшем левая и правая стороны определяются с точки зрения зрителя) сохранился фрагмент распахнутого крыла, выполненного желтой и красной красками (*цветная вклейка, фото 3*). Иконографические программы этого элемента картонажей и саркофагов сводятся к четырем возможным вариантам, учитывая наличие крыла. В подавляющем большинстве случаев встречается изображение скарабея [6] (*цветная вклейка, фото 4–5*), реже, но также многократно — крылатый солнечный диск [7]. Иногда в этой зоне помещали изображение небесной коршуницы богини Нехбет[8] [Большаков, 2001, с. 103] и — очень редко — богини Нут. Последний вариант исключается для исследуемого памятника, поскольку, как будет показано дальше, накладка с изображением Нут находилась под ожерельем. На основании пропорционального соотношения длины крыла и высоты этой зоны, а также исходя из преобладания в сохранившихся памятниках варианта размещения в этой зоне изображения скарабея, можно предположить, что именно он был изображен в верхней части ожерелья-*усех*.

Помимо центральной композиции, ожерелье традиционно увенчивалось симметрично расположенными изображениями соколиных голов [Robins, 2008, p. 251]. В данном случае можно практически говорить о каноне, тем не менее в непосредственном размещении голов на верхней линии ожерелья возможны различные варианты. Под крылом сохранился небольшой участок синего цвета, отграниченный от абриса перьев изогнутой линией длиной примерно 1 см, который уверенно можно считать частью изображения головы сокола. Это предположение подтверждается наличием красочных фрагментов слева от крыла, аналогичных цвету парика. Изображение соколиных голов с оперением того же цвета, что и парик мумии — достаточно распространенный прием птолемеевской эпохи. Сохранившийся участок дает возможность определить примерные размеры соколиных голов и их местоположение.

---

[6] См., например: Mummy of Nesmin with plant wreath, mask, and other cartonnage elements. 200–30 B. C. *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection*. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551162?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=86.1.51&offset=0&rpp=20&pos=1 (дата обращения 01.03.2021); Mummy of Irtirutja with mask and other cartonnage elements. 332–250 B. C. *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection*. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551164 (дата обращения 01.03.2021); Mummy-pectoral. Egyptian, Ptolemaic Period, 332 BC–30 BC. Accession number H395. *Thorvaldsen Museum, Copenhagen*. URL: https://www.thorvaldsensmuseum.dk/en/collections/work/H395/zoom (дата обращения 01.03.2021); Inv. 3340. *National Archaeological Museum, Athens*. URL: https://www.namuseum.gr/en/collection/hellenistic-ptolemaic-period/ (дата обращения 25.01.21).

[7] См., например: Cartonnage of mummy with winged sun disk and broad collar. ANT number 6835. *Yale Peabody Museum of Natural History*. URL: https://collections.peabody.yale.edu/search/Record/YPM-ANT-006835 (дата обращения 01.03.2021); Cartonnage UC45373, Pectorals UC45857. *The Petrie Museum in University College London. Catalogue*. URL: http://petriecat.museums.ucl.ac.uk/search.aspx?formtype=advanced (дата обращения 01.03.2021); Cartonnage Funerary Assembly. Accession number 12.911.2a-f. *Brooklyn Museum Collection*. URL: https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3082 (дата обращения 01.03.2021).

[8] Mummy mask. Object number E3413D. *Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. Collection*. URL: https://www.penn.museum/collections/object/517203 (дата обращения 01.03.2021); Coffin Trough of Nesmin. 332 BC (early Ptolemaic Period). Accession number 56.22.79c. *National Museums, Liverpool. Collections*. URL: https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/coffin-trough-of-nesmin (дата обращения 01.03.2021).

Подгрудная накладка. В грунте справа от мумии, примерно на 4 см ниже ожерелья-*усех*, обнаружены два наслаивающихся друг на друга фрагмента красочного слоя. Верхний фрагмент представляет собой левую часть тулова Нут, ограниченную сверху линией орнамента и частично сохранившимся абрисом руки, а снизу — линией, разделяющей два регистра крыла (*цветная вклейка, фото 7*). Второй фрагмент содержит новый декоративный мотив в виде миниатюрных веерообразных элементов синего цвета, расположенных в шахматном порядке (*цветная вклейка, фото 8*). В нижней части фрагмента, под орнаментом, сохранились остатки красных полос, изображающих перья. Веерообразный орнамент украшал верхнюю зону крыла. Аналогичный мотив можно видеть на картонаже из Национального археологического музея в Афинах, а также из Музея Имхотепа в Саккаре, датируемого серединой IV в. до н. э.[9] На левой стороне мумии небольшие части картонажа с аналогичными красными полосами сохранились на изначальном месте, что позволило определить примерные пропорции изображения коленопреклоненной Нут, лицо которой обращено к сердцу усопшего (вправо, с точки зрения зрителя) [Kuffer, 2006, p. 8; Schweitzer, 1998, p. 328]. Изображение коленопреклоненной Нут повсеместно встречается на картонажах, соединенное с ожерельем либо размещенное на отдельной накладке. Руки богини раскинуты в обе стороны, в каждой она держит по перу Маат, параллельно рукам распахнуты крылья (примером может служить картонаж из Бруклинского музея[10] (*цветная вклейка, фото 9*)). Вблизи упомянутых фрагментов также обнаружены части египетского фриза, аналогичного завершению ожерелья-*усех*.

Ножные накладки. На уровне мумии, с правой стороны, *in situ* частично сохранились две фигуры, расположенные друг над другом и трактованные в профиль (*цветная вклейка, фото 10*): мужское божество в иконографии Осириса (сохранилась нижняя часть, примерно до талии) и женское божество в парике, с короной Исиды на голове (в настоящий момент фигура видна лишь до уровня колен). Состояние картонажа в этой зоне не позволяет определить, было ли женское божество написано в рост или коленопреклоненным. Над нижней фигурой и справа от нее видны следы египетского фриза, такой же орнамент, судя по оставшемуся *in situ* фрагменту, располагался под верхней фигурой. Между двумя параллельными фризами, расположенными примерно в 1 см друг от друга, полностью отсутствует картонаж. Весьма вероятно, изображения божеств находились на двух отдельных накладках.

В связи с тем, что иконографическая программа нижних накладок не была четко предписана канонами и отличалась большей свободой [Robins, 2008, p. 251], обоснованная реконструкция данного участка практически невозможна. Чуть выше и правее фигуры мужского божества (в 4,5 см от него) сохранился вертикальный фрагмент красного прямоугольника, продолжающий декоративный мотив обрамления. По-видимому, соответствующий элемент картонажа состоял из двух регистров. С уверенностью можно говорить о том, что декор обеих накладок был симметричен. Соответственно, на левой стороне мумии находилось иконографически близкое изображение божества. Пропорции дошедших до нас фрагментов относительно длины

[9] Обнаружен в 2005 г. в ходе раскопок под руководством З. Хаваса, в настоящее время экспонируется в Музее Имхотепа в Саккаре, инвентарный номер неизвестен.

[10] Cartonnage Funerary Assembly. Accession number 12.911.2a-f. *Brooklyn Museum Collection*. URL: https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3082 (дата обращения 01.03.2021).

мумии свидетельствуют в пользу того, что верхний регистр был равен нижнему по высоте и, соответственно, содержал аналогичные симметрично расположенные фигуры. Скорее всего, на накладке была изображена классическая двухрегистровая композиция с сыновьями бога Хора. На нижней накладке, также в соответствии с устойчивой традицией, располагались фигуры Исиды (справа) и Нефтиды (слева, полностью утрачена).

Поскольку нижняя часть мумии была разрушена, накладка для стоп не поддается реконструкции. Однако, учитывая скрупулезное следование традиции, которое очень заметно в исследуемом памятнике, можно предположить, что она была предусмотрена изначальной иконографической программой. На такой накладке чаще всего изображались сандалии [Robins, 2008, p. 251] или два зооморфных божества в иконографии Анубиса, лежащие на пьедесталах друг напротив друга [Robins, 2008, p. 250]. Таким образом, исследуемый образец состоял минимум из пяти частей — маски, ожерелья-*усех*, подгрудной накладки с изображением богини Нут, двух ножных накладок и накладки для стоп.

Особенности иконографической программы

Иконографическая программа памятника включает в себя очень популярные, практически канонические сюжеты и символы (*цветная вклейка, фото 11*), восходящие как к гелиопольской, так и к гермопольской традициям [Schweitzer, 1998, p. 338; 2013]. Богатство декоративных мотивов, особенно в трактовке ожерелья-*усех*, сравнимо с ожерельем на картонаже Иртирутиа. Богиня Нут и крылатый скарабей принадлежат к гелиопольской космогонической традиции, в то время как миф о рождении солнца из цветка лотоса восходит к гермопольской [Schweitzer, 1998, p. 338].

С точки зрения композиции картонаж также представляет собой наиболее типичный, «базовый» вариант. Изображение скарабея расположено на груди мумии, над ожерельем-*усех*, что является более распространенным вариантом его размещения, чем над золотой маской, на парике [Robins, 2008, p. 250]. Изображение коленопреклоненной богини Нут с распахнутыми крыльями чаще всего размещалось под ожерельем [Dunand, Lichtenberg, 2006, p. 81], но встречаются и другие варианты ее расположения. Например, в картонаже из Бруклинского музея между ожерельем-*усех* и накладкой с изображением Нут вставлена накладка с четырьмя божествами, фланкирующими столб *джед*[11]. Однако в исследуемом памятнике композиционное решение следует самому распространенному варианту. Маска мумии была декорирована максимально просто и не предусматривала дополнительных мотивов, какие можно видеть, например, на маске упомянутого выше картонажа из Бруклинского музея и маске из Британского музея.

Датировка мумии

Картонаж достаточно уверенно датируется Птолемеевским периодом. Уточнение же широкой датировки представляет значительную сложность в связи с утратой большей части красочного слоя. Особенности моделировки лица маски могли бы помочь более точной атрибуции, но она, к сожалению, не сохранилась.

[11] Mummy-mask. Museum number EA24573. *The British Museum. Collection online.* URL: https://www.britishmuseum.org/collection/search?keyword=EA24573 (дата обращения 01.03.2021).

М. Радомска указывает на специфическую черту мумификации позднего Птолемеевского и раннего Римского периодов — избыточное использование смол для бальзамирования, в результате которого кости скелета сильно повреждаются [Radomska, 2016, p. 176]. Однако скелет мумии из гробницы Персенеба не подвергся повреждениям от чрезмерного покрытия смолами. Соответственно, картонаж был изготовлен не позднее среднего Птолемеевского периода.

Составные картонажи с иконографическими программами, близкими к программе исследуемого памятника, появляются в первой половине – середине IV в. до н. э. Ярким примером может служить картонаж мумии из Саккары, найденной в 2005 г. возле пирамиды Тети, который датируется XXX династией[12]. Нагрудная часть иконографической программы, включающая скарабея над пекторалью, саму пекторалъ и Нут под пекторалью, очень близка к традиции Птолемеевского периода. Тем не менее в общей программе и стилистическом решении заметен ряд отличий. Во-первых, очевидно тяготение к цельности элементов картонажа: он состоит из четырех частей, каждая из которых закрывает большую площадь поверхности мумии. Абрисы элементов простые, трапециевидные, с минимальным усечением. Многие раннептолемеевские картонажи демонстрируют сходную тенденцию, например, упомянутый памятник из Ливерпульского музея, а также картонаж Туту из музея Мэби-Джеррер[13], критерии датировки которого предложены Дж. Элиасом [Elias, 2016, p. 11]. Колористическое решение саккарского картонажа также говорит о «переходности», процессе поиска оптимальных цветовых сочетаний. С одной стороны, уже заметно тяготение к красно-сине-желтой гамме, с другой — активно используется красно-оранжевый, который был достаточно популярен в Третий Переходный и, отчасти, в Поздний периоды, однако практически не встречается в птолемеевское время [Dodson, 2015, p. 28–29][14]. Разнообразие колористических решений заметно также в двух упомянутых выше памятниках. Роспись картонажа Туту выполнена на нетипичном для развитой птолемеевской традиции красном фоне, для картонажа из Ливерпульского музея выбрана нестандартная коричнево-бело-серо-зеленая гамма. Параллелью цветового решения первого памятника может служить пекторалъ времени правления XXV династии, параллелью цветового ключа второго — пекторалъ, широко датируемая Поздним периодом: 724–333 гг. до н. э. (обе из Музея Стокгольма)[15]. Во-вторых, композиционное решение нижних зон саккарского картонажа из музея Имхотепа, а именно горизонтальный формат размещенных там сцен, отличается от вертикально организованного пространства, характерного для более поздних памятников. То же можно сказать об иконографической программе саккарского картонажа, включающей

[12] В настоящее время в Музее Имхотепа в Саккаре, инвентарный номер неизвестен.

[13] Mabee-Gerrer Museum (Shawnee, Oklahoma), inv. № 1942.000.1906, Ахмим.

[14] Например, картонажи из Лувра (XXII династия) и Средиземноморского музея в Стокгольме (XXVI династия): Cartonnage of Ankhpakhered, a barber of Amun. N 2622. *Musée du Louvre*. URL: https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/cartonnage-ankhpakhered-barber-amun (дата обращения 01.03.2021); NME 002: Coffin, Cartonnage. *Medelhavsmuseet, Stockholm. Databasen för museisamlingar*. URL: http://collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3016064 (дата обращения 01.03.2021).

[15] MM 14718: Collar, Breast shield. *Medelhavsmuseet, Stockholm. Databasen för museisamlingar*. URL: http://collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3016080 (дата обращения 01.03.2021); MM 18157: Cartonnage, Fragment. *Medelhavsmuseet, Stockholm. Databasen för museisamlingar*. URL: http://collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3013391 (дата обращения 01.03.2021).

сцену принесения жертвенных даров. Этот сюжет почти не встречается в птолемеевскую эпоху.

В колористическом решении памятника из гробницы Персенеба отсутствуют архаические черты, цветовая гамма соответствует птолемеевской традиции в ее «классическом» варианте.

Иконографическая программа картонажа из гробницы Персенеба основана на устойчивых принципах, детально разработанных в птолемеевскую эпоху, как с точки зрения сюжетов, так и с точки зрения композиции и цветового решения. Эти принципы характерны для Птолемеевского периода. Однако сдержанность в выборе сюжетов и декоративных мотивов свидетельствует в пользу раннего или среднего Птолемеевского периода (конец IV–II вв. до н. э.), поскольку для предшествующего Позднего периода характерно большее разнообразие и свобода выбора смысловых и декоративных составляющих программы. В цветовой гамме памятника, построенного на сочетании синих, красных и желтых оттенков, полностью отсутствуют розовые тона, которые получили широкое распространение в поздний Птолемеевский и особенно в ранний Римский периоды. Цветки лотоса на пекторали картонажа из гробницы Персенеба трактованы в традиционной египетской манере, которая теряет популярность в поздний Птолемеевский период.

Таким образом, датировка по стилю и иконографии совпадает с датировкой по особенностям процесса изготовления мумии. На основании проведенного анализа можно уверенно датировать исследуемый картонаж второй половиной III — первой половиной II в. до н. э.

Литература / References

Большаков А. О. *Древний Египет в Эрмитаже. Новые открытия*. СПб., 2011 [Bolshakov A. O. *Ancient Egypt in the Hermitage. New Discoveries*. Saint Petersburg, 2011 (in Russian)].

Dunand F., Lichtenberg R. *Mummies and Death in Egypt*. Ithaka, London, 2006.

Elias J. *General Analysis of the Mummy of Tutu, a Ptolemaic Woman of the Fayum (Mabee-Gerrer Museum — Shawnee, Oklahoma)*. (*Akhmim Mummy Studies Consortium Research Paper* 16-1). Pennsylvania, 2016.

Leclant J. (ed.). *Dictionnaire del'antiquité*, Paris, 2005.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.

Kuffer A. Sous la protection de Nout, déesse du ciel: le trousseau funéraire du prêtre Nes-Shou au Musée d'Yverdon et région. *Bulletin d'Archéologie Suisse*. 2006. 29. Pp. 2–13.

Pancaldo S., Aboe G. *Mummy Masks Cartonnage Conservation*, London, 2010.

Radomska M. Child Burials at Saqqara Ptolemaic Necropolis West of the Step Pyramid. *Études et Travaux*. 2016. 29. Pp. 169–202.

Robins G. *The Art of the Ancient Egypt*. Cambridge, London, 2008.

Schweitzer A. L'évolution stylistique et iconographique des parures de cartonnage d'Akhmîm du début de l'époque ptolémaïque à l'époque romaine. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1998. 98. Pp. 325–352.

Schweitzer A. Étude des parures de cartonnage de momies de la nécropole ouest de Saqqara. Myśliwiec K., Radomska M., Kowalska A., Kaczmarek M., Rzeuska T.I. *Saqqara* III.1. *The Upper Necropolis*. Varsovie, 2008. Pp. 537–542.

Schweitzer A. Les parures de cartonnage des momies de Kom Ombo au musée Guimet d'Histoire naturelle de Lyon. *La revue du Louvre et des Musées de France*. 1992. 3. P. 27.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Cartonnage Funerary Assembly. Accession number 12.911.2a-f. *Brooklyn Museum Collection*. URL: https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3082 (дата обращения 01.03.2021).

Cartonnage of Ankhpakhered, a barber of Amun. N 2622. *Musée du Louvre*. URL: https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/cartonnage-ankhpakhered-barber-amun (дата обращения 01.03.2021).

Cartonnage of mummy with winged sun disk and broad collar. ANT number 6835. *Yale Peabody Museum of Natural History*. URL: https://collections.peabody.yale.edu/search/Record/YPM-ANT-006835 (дата обращения 01.03.2021).

Cartonnage UC45373, Pectorals UC45857. *The Petrie Museum in University College London. Catalogue*. URL: http://petriecat.museums.ucl.ac.uk/search.aspx?formtype=advanced (дата обращения 01.03.2021).

Coffin Trough of Nesmin. 332 BC (early Ptolemaic Period). Accession number 56.22.79c. *National Museums, Liverpool. Collections*. URL: https://www.liverpoolmuseums.org.uk/artifact/coffin-trough-of-nesmin (дата обращения 01.03.2021).

Dodson A. *Ancient Egyptian Coffins. The Medelhavsmuseet*. Världskulturmuseerna, 2015. URL: https://www.varldskulturmuseerna.se/siteassets/pdf/ancient-egyptian-coffins_low.pdf (дата обращения 26.01.21).

Inv. 3340. *National Archaeological Museum, Athens*. URL: https://www.namuseum.gr/en/collection/hellenistic-ptolemaic-period/ (дата обращения 25.01.21).

MM 14718: Collar, Breast shield. *Medelhavsmuseet, Stockholm. Databasen för museisamlingar*. URL: http://collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3016080 (дата обращения 01.03.2021).

MM 18157: Cartonnage, Fragment. *Medelhavsmuseet, Stockholm. Databasen för museisamlingar*. URL: http://collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3013391 (дата обращения 01.03.2021).

Mummy mask. Object number E3413D. *Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. Collection*. URL: https://www.penn.museum/collections/object/517203 (дата обращения 01.03.2021).

Mummy of Irtirutja with mask and other cartonnage elements. 332–250 B. C. *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection*. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551164 (дата обращения 01.03.2021).

Mummy of Nesmin with plant wreath, mask, and other cartonnage elements. 200–30 B. C. *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection*. URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/551162?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=86.1.51&offset=0&rpp=20&pos=1 (дата обращения 01.03.2021).

Mummy of Nesmin, 170–30 BCE. Object number 38.206.1. *RISD Museum. Collection*. URL: https://risdmuseum.org/art-design/collection/mummy-nesmin-382061 (дата обращения 01.03.2021).

Mummy-mask. Museum number EA24573. *The British Museum. Collection online*. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/search?keyword=EA24573 (дата обращения 01.03.2021).

Mummy-pectoral. Egyptian, Ptolemaic Period, 332 BC–30 BC. Accession number H395. *Thorvaldsen Museum, Copenhagen*. URL: https://www.thorvaldsensmuseum.dk/en/collections/work/H395/zoom (дата обращения 01.03.2021).

NME 002: Coffin, Cartonnage. *Medelhavsmuseet, Stockholm. Databasen för museisamlingar*. URL: http://collections.smvk.se/carlotta-mhm/web/object/3016064 (дата обращения 01.03.2021).

Schweitzer A. Garants d'éternité; les parures de cartonnage des momies égyptiènnes. *Thèse de la première conférence proposée par Papyrus, l'association lilloise d'égyptologie, 2013*. URL: http://djeserdjeserou.blogs-de-voyage.fr/2013/09/16/garants-deternite-les-parures-de-cartonnage-des-momies-egyptiennes (дата обращения 25.01.21).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-66-76

ТИФЛИССКИЕ ПУЛЫ ХАНА БЕРДИБЕКА (758–760 гг. х.)

© 2021 **Е. Ю. Гончаров, Н. Х. Биккиняев***

Пулы с именем золотоордынского хана Бердибека (758–760 гг. х. / 1357–1359 гг. н. э.) были опубликованы несколько раз, но третья строка их легенды оставалась непрочитанной. В распоряжении авторов оказалось несколько монет, по которым удалось вычитать название монетного двора *Тифлис*. Таким образом, полная надпись на лицевой стороне читается как بردی/ بک خان/ضرب تفلس. На некоторых экземплярах есть дата 758 г. х. Но в Грузии таких монет найдено очень мало, наибольшее же количество происходит из района золотоордынского городища Маджар, соседних районов Северного Кавказа, а также из Нижнего Поволжья и Крыма. Статистика находок в указанных регионах позволяет считать, что часть тифлисских пулов была отчеканена на Северном Кавказе, а точнее в Маджаре. Это подтверждается и использованием штемпеля оборотной стороны тифлисских пулов для выпуска там же, в Маджаре, медных монет с указанием «чекан Сарая ал-Джадида». Указанные нумизматические факты позволили авторам предположить, что пулы с именем Бердибека (а также штемпели для их чеканки) в массе попали на Северный Кавказ во время вывода из Закавказья золотоордынской армии в 758 г. х. В исторических источниках есть ясные сообщения об уходе Бердибека из региона в связи со смертью Джанибека. С этим же событием должно быть связано такое же массовое проникновение тебризских пулов (с датой 757 г. х.) в степные города Улуса Джучидов. В статье приведены статистические данные о находках пулов Бердибека, дан краткий исторический очерк пребывания в Закавказье золотоордынских ханов, а также, для полноты картины, еще раз опубликованы серебряные дирхамы этого хана, выпущенные в Тифлисе.

Ключевые слова: Золотая Орда, Грузия, Тифлис, Тебриз, Маджар, Северный Кавказ, Бердибек, Джанибек, пулы.

Для цитирования: Гончаров Е. Ю., Биккиняев Н. Х. Тифлисские пулы хана Бердибека (758–760 гг. х.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 66–76. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-66-76

* Евгений Юрьевич ГОНЧАРОВ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lowvolga@gmail.com

Evgeny Yu. GONCHAROV, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lowvolga@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3006-1774

Нязым Хасянович БИККИНЯЕВ, независимый исследователь, Волжский; bikkiniaeff@yandex.ru

Nyazim H. BIKKINYAEV, Independent Researcher, Volzhsky; bikkiniaeff@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2790-4870

Авторы благодарят за существенную помощь в сборе материала, а также за замечания и обсуждение некоторых положений этой статьи А. В. Акопяна (ИВ РАН), Д. Л. Алексаняна, А. А. Архипенко, А. П. Козлова, К. В. Кравцова (Государственный Эрмитаж), В. Н. Настича (ИВ РАН), К. К. Хромова, П. Чумбуридзе.

TIFLIS PULS OF BERDIBEK KHAN (758–760 A.H.)

Eugeny Yu. Goncharov, Nyazim H. Bikkinyaev

The puls with the name of Golden Horde Berdibek khan (758–760 A.H. / 1357–1359 A.D.) were published repeatedly, but the third line of their legend was not read. The authors had at their disposal several coins, from which they managed to deduct the name of the Tiflis mint. Thus, the full inscription on the front side reads as بردی/ بک خان/ضرب تفلس. Some copies bear a date of 758 A. D. But in Georgia, there were found very few of such coins, the largest number comes from the area of the Golden Horde settlement of Majar, neighboring regions of the North Caucasus, as well as from the Lower Volga region and Crimea. The statistics of finds in these regions suggests that part of the Tiflis puls was minted in the North Caucasus, or rather in Majar. This is also confirmed by the use of the stamp on the reverse side of the Tiflis puls for the issue in the same place, in Majar, of copper coins with the indication "the mint of Sarai al-Jadida". The indicated numismatic facts allowed the authors to assume that the puls with the name of Berdibek (as well as stamps for their minting) en masse came to the North Caucasus during the withdrawal of the Golden Horde army from Transcaucasia in 758 A. D. Historical sources contain clear reports about Berdibek's departure from the region in connection with the death of Janibek. The same event should be associated with the same massive penetration of the Tabriz puls (with the date of 757 A. H.) into the steppe cities of Ulus Juchids. The article contains statistical data on the finds of Berdibek's puls, a brief historical outline of the stay of the Golden Horde khans in Transcaucasia, and also, for completeness, the silver dirhams of this khan, issued in Tiflis, are published once again.

Keywords: Golden Horde, Georgia, Tiflis, Tbilisi, Tabriz, Majar, Northern Caucasus, Berdibek, Janibek, puls.

For citation: Goncharov E. Yu., Bikkinyaev N. H. Tiflis Puls of Berdibek Khan (758–760 A.H.). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 66–76. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-66-76

Предлагаемая статья написана по материалам доклада, прочитанного 9 сентября 2020 г. на семинаре «Текстология и источниковедение Востока» в Отделе памятников письменности Востока Института востоковедения РАН. Чеканка золотоордынских ханов Джанибека (742–757 гг. х. / 1341–1356 гг. н. э.) и Бердибека (758–760 гг. х. / 1357–1359 гг. н. э.) в закавказских и иранских городах во время кратковременного их завоевания в 1356–1357 гг. представляет интерес как для нумизматов и историков, занимающихся Улусом Джучидов, так и для специализирующихся на Закавказье. Несмотря на целый ряд существующих публикаций, работа над изучением дирхамов и пулов, выпущенных в указанном регионе в обозначенное время, продолжает находиться в фазе накопления материала, который редко попадает в публикационные и аналитические статьи. Самой подробной историко-нумизматической работой из вышедших в последние годы является статья А. В. Акопяна и Ф. Мосанефа [Akopyan, Mosanef, 2015]. Связано это, в первую очередь, с тем, что монеты были отчеканены на монетных дворах, находившихся на территории современных Грузии, Азербайджана, Армении и Ирана, и они редко встречаются среди нумизматических находок в этих государствах. Изредка их выявляют и на территории Восточной Европы — в России и Украине. По причине такой редкости закавказские дирхамы и пулы нечасто попадают в поле зрения исследователей, специализирующихся на джучидской нумизматике. Но есть один тип медных монет, известный в достаточно большом количестве экземпляров, обнаруженных преимущественно на

археологических памятниках Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Крыма (*илл. 1*). Это пулы с именем хана Бердибека (758–760 гг. х. / 1357–1359 гг. н. э.), местом чеканки на которых указан Тифлис.

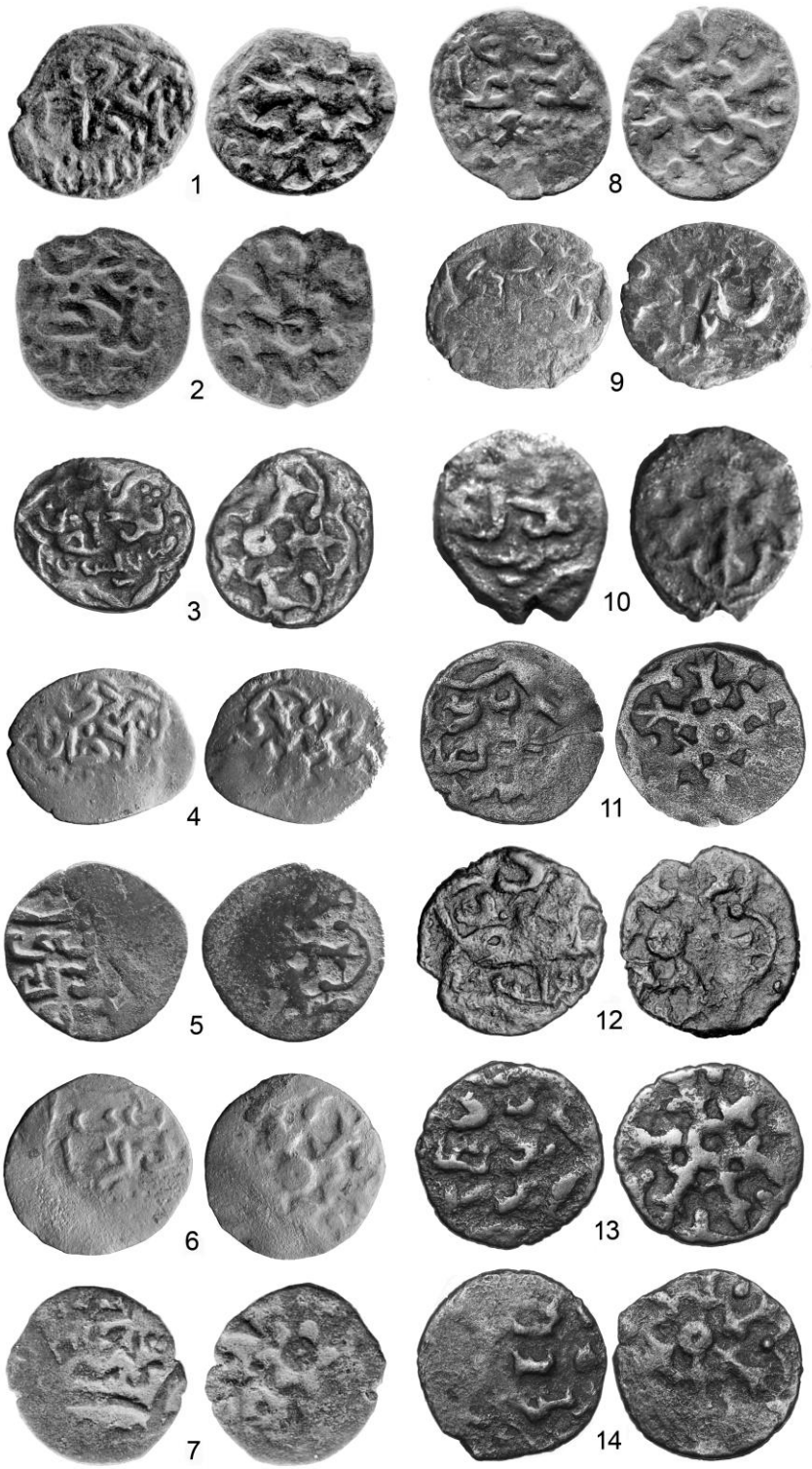
Илл. 1. Карта Северного Кавказа.
Жирными точками отмечены Маджар (Будённовск), Тифлис и Тебриз (*составлена авторами*)

Описание типа (*илл. 2*).

Л. с. — в точечном ободке и шестилепестковом цветочном картуше легенда в три строки ضرب تفلس/ بک خان/ بردی *Берди/ бек хан/ чекан Тифлиса*[1].

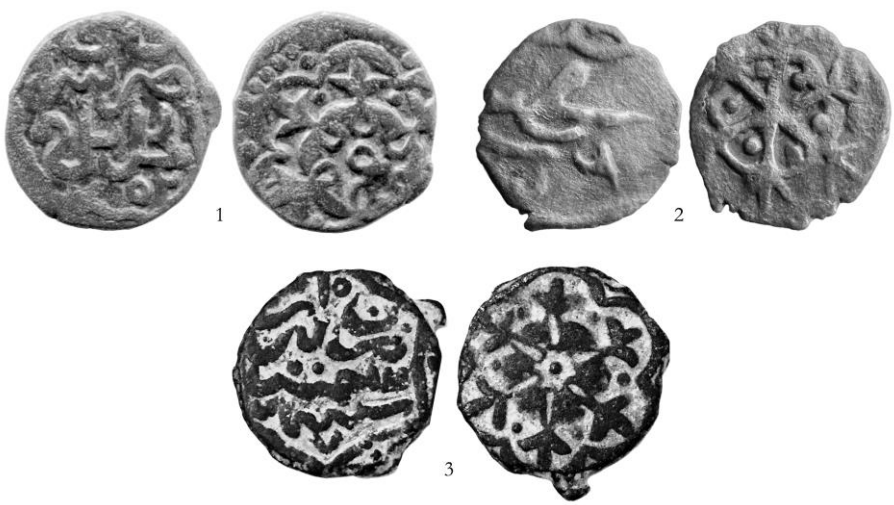
О. с. — в точечном ободке крупная шестилепестковая розетка.

[1] Такое же чтение третьей строки легенды предположил специалист по джучидской нумизматике Р. Ю. Рева на интернет-форуме *Rasmir.ru*. URL: http://rasmir.com/FORUM/topic/18404-monetnyy-dvor/?tab=comments#comment-166524 (дата обращения 22.03.2021). Но никаких подтверждений или обоснований такого чтения им приведено не было.

Ил. 2. Основные разновидности пулов хана Бердибека с обозначением м.д. Тифлис. 1, 2, 8, 9 — найдены на Северном Кавказе (Маджар и Нижний Джулат); 3, 6, 7 — из Крыма; 4 — с Селитренного гор.; 5 — с Балыклеи; 10–14 — из Грузии (*фото авторов*)

Розетка такого вида использовалась как типообразующий элемент на пулах общегосударственного типа, то есть, выпускавшегося в разных городах Улуса Джучидов, с указанием Сарая ал-Джадида в 751–761 гг. х., в Мохши с датой 756 г. х., а также чеканенных в Тебризе в 757 г. х. во время подчинения этого города Джанибеку (*илл. 3*)[2]. Изображение розетки на тифлисских пулах, особенно центральной ее части, весьма характерное, стилистически отличается от розеток других мест чеканки. В легенде палеографической особенностью является написание второго харфа в части имени хана بک: косая черта примыкает к вертикальной не справа, как должно быть, а слева. Также есть разновидность, где в титуле خان харф *хā* соединяется с *alif* не справа, а слева и перевернут по горизонтали (*илл. 2.3*). На некоторых разновидностях слева и под названием монетного двора есть знаки, напоминающие цифры ۷ и ۵, то есть, на них есть дата 758 г. х. На *илл. 2.7* и *2.8* показаны монеты не с тремя, а четырьмя строками, в последней, вероятно, также написан год. Несколько других разновидностей рассматриваемых пулов приведены на той же иллюстрации.

Илл. 3. Пулы 750-х гг. х. с шестилепестковой розеткой:
1 — Сарай ал-Джадида, 2 — Мохши, 3 —Тебриз (*фото авторов*)

По-видимому, первая публикация пула с именем Бердибека появилась в книге 2002 г. Ю. Е. Пырсова, существенно дополненной и отредактированной Л. Ф. Недашковским. В ней указан пул, на аверсе которого «читается только: “Берди-/бек-хан”», а на реверсе помещена цветочная розетка [Пырсов, 2002, с. 25, № 227/151]. Несмотря на то что место находки пула не указано, наиболее вероятно, что он происходит с одного из нижневолжских городищ[3]. Наиболее же полное из сделанных ранее описание именных пулов Бердибека, а также статистика их находок, помещены в

[2] Изображения пулов 1 и 3 взято из: *ZENO.RU. Oriental coins database*. URL: https://www.zeno.ru/ (дата обращения 28.03.2021), №№ 98263 и 187477.

[3] Подробнее о формировании собрания джучидских монет в Саратовском ОМК см. предисловие Л. Ф. Недашковского к книге [Пырсов, 2002, с. 4–5].

статье В. П. Лебедева и В. М. Павленко «Монетное обращение золотоордынского города Маджар»[4] [Лебедев, Павленко, 2008]. На основании найденных на городище 16 экземпляров (один из которых они сочли подражанием) авторы отнесли этот тип к чеканке Маджар [Лебедев, Павленко, 2008, с. 428, 3/3 и 3П/3П, рис. 13, 3а, б, рис. 22, Мадж. 3П]. В описании типа третью строку они опознали как часть титула *ал-ʿ адиль*, т. е. «правосудный». В аналитической части статьи, говоря о новосарайских пулах времени Джанибека с цветочной розеткой, авторы написали: «Его (Джанибека. — *Е. Г., Н. Б.*) сын Бердибек выпустил этот тип пула уже со своим именем, опустив место выпуска» [Лебедев, Павленко, 2008, с. 439]. Действительно, на приведенных ими рисунках монет третья строка, где указано место чеканки, видна не полностью. Лучше всего она читается на разновидности, отнесенной к подражаниям, которая, на наш взгляд, таковым не является. Это вариант с ошибочно написанным словом خان.

Со времени выхода статьи В. П. Лебедева и В. М. Павленко количество найденных пулов с именем Бердибека существенно возросло, расширилась и география их находок, причем не только за счет новонайденных экземпляров, но и пересмотра определений некоторых опубликованных раннее. Две монеты происходят с Селитренного городища (Астраханская обл.), авторами публикации отнесены к подражаниям пулам с цветочной розеткой Сарая ал-Джадида. [Клоков, Лебедев, 2002, с. 101, рис. 21В, 21К]. Четыре экземпляра были найдены на Царевском городище (Волгоградская обл.), для одного из них (опубликованного) местом чеканки указан Маджар [Клоков, Лебедев, 2010, с. 455, рис. 22, 48/2]. Два пула выявлены среди подъемного материала в крепости Балыклея в Николаевской обл. Украины [Піворович, 2008, с. 18, 38][5]. Легенда на одном из них прочитана как «Бердибек хан справедливый», второй не определен, но в публикации дана его фотография. Кроме опубликованных данных в нашем распоряжении есть информация о находках рассматриваемых пулов, не вошедшая в статьи. Оценки количества найденных монет нашими информаторами носят приблизительный характер, но, в общем, отражают ситуацию и не противоречат опубликованным данным. Одна монета происходит с Муранского городища на Волге (Самарская обл.). Около 10 найдено в Крыму, в том числе и в юго-восточной его части. Более 60 найдено на городище Маджар и ближайших к нему территориях, в добавление к 16 опубликованным. То есть, сейчас мы можем оперировать информацией о не менее чем 80 экземплярах, но, вероятнее всего, их больше. Из Майского района Кабардино-Балкарии, где находятся городища Нижний и Верхний Джулат, найденные пулы Бердибека исчисляются несколькими десятками[6]. Несколько штук найдено в Моздокском районе. В Грузии, по имеющимся в нашем распоряжении данным, найдено менее 10 экз., пять из них представлены на *илл. 2.10–2.14*. В Базе данных по восточной

[4] В предварительной публикации этих же авторов 2005 г. информация о находках пулов рассматриваемого типа приведена более кратко [Лебедев, Павленко, 2005]. В ней разновидность с ошибкой в слове *хан* как подражание не отмечено, также и слово в третьей строке прочитано как *ал-ʿадиль* менее уверенно, в отличие от статьи 2008 г. [Лебедев, Павленко, 2008, с. 428, 3/3].

[5] Необходимо отметить, что с того же памятника происходят и шесть монет с надчеканкой «Маджар» [Піворович, 2008, с. 63].

[6] О ситуации в Майском районе (в общем, не связанной с данным типом пулов), где находятся Нижний и Верхний Джулаты, еще в 2012 г. написал А. В. Пачкалов [Пачкалов, 2012, с. 127].

нумизматике ZENO выставлены семь монет[7]. На пуле № 248027 выбита надчеканка в виде креста в круге, в секторах крупные точки. Также известно несколько экземпляров с надчеканкой «Маджар» (*илл. 2.9*).

О весе пулов у нас есть данные для 27 экз.: 2,36 г; 1,65; 1,60; 1,57; 1,56; 1,53; 1,50; 1,44 (2 шт.); 1,43 (2 шт.); 1,42; 1,40; 1,36; 1,25; 1,21; 1,20; 1,2; 1,19; 1,12; 1,07; 0,99; 0,95; 0,92; 0,9; 0,84; 0,78 г. Заметная разница в весе объясняется, в первую очередь, тем, что сами чеканщики монет не очень строго следили за ним для пулов, в отличие от серебряных дангов. Кроме того, многие монеты находились в агрессивной среде почвы городищ, они были изъедены солями, соответственно, их вес уменьшился.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020.

Илл. 4. Дирхамы Бердибека тифлисской чеканки. Справа образцы написания *Тифлис* на этих монетах (*фото Д. В. Сироткина, прорисовка авторов*)

Пулы, о которых идет речь в данной статье, являлись младшим номиналом к серебряным монетам (вероятно, дирхамам) Бердибека, чеканка которых в 758 г. х. в Тифлисе также велась. Поэтому нелишне будет упомянуть и о них. Одна из двух таких монет, хранящихся в Государственном Эрмитаже, описана в книге М. А. Сейфеддини [Сейфеддини, 1981, с. 81, рис. на с. 235][8]. В нашем распоряжении есть изображения обоих экземпляров представляющих один тип[9]. Их вес 0,68 и 0,66 г. Отчеканены двумя парами различных штемпелей (*илл. 4*).

Л. с. — точечный и линейный ободки, квадратный картуш, внутри суннитский символ веры, в сегментах имена четырех правоверных халифов.

О. с. — ободки такие же, картуш из шести вогнутых дуг, внутри легенда السلطان/ بردی بک خان *Султан Бердибек хан*, в имени харфы دی расположены над بر. В сегментах указание места и даты выпуска, читаются с правого поля против часовой стрелки: …/ثمان/فی تفلس/ ضرب *Чекан Тифлиса в восьмом*…

[7] №№ 80777, 141494, 158440, 214796, 234982, 234983, 248027, 264319, 26485. *ZENO.RU. Oriental coins database*. URL: https://www.zeno.ru/ (дата обращения 05.03.2021).

[8] На таблице с изображениями монет ханов Джанибека и Бердибека на с. 235 номера не соответствуют номерам описаний в тексте. Например, тифлисская монета Бердибека третьего типа в тексте имеет номер 397, а на таблице — 137. Также в описании название города приведено в форме تفلیس, тогда как на самих монетах харф *йāй* отсутствует. См. *илл. 2*, где приведены прорисовки написания названия с серебряных монет.

[9] Разрешение на публикацию изображений получено 13.10.2020 из дирекции Государственного Эрмитажа. Монеты хранятся под инв. №№ ОН-В-М 18158 и 18159.

История завоевания Джанибеком закавказских провинций Ирана достаточно подробно изложена в статье А. В. Акопяна и Ф. Мосанефа [Akopyan, Mosanef, 2015, p. 218-225]. Там же приведены перечни городов, осуществлявших монетные эмиссии от имени золотоордынских ханов. Бердибек сопровождал отца в Закавказском походе. После решения Джанибека в 757 г. х. (1356 г. н. э.) вернуться в Сарай, он назначил сына управлять Тебризом, важнейшим городом Иранского Азербайджана, где располагалась ставка золотоордынского хана. В нем чеканились серебряные монеты с именем Джанибека, а в 757 г. х. выпустили крупную эмиссию пулов, то есть, когда Тебриз был уже под управлением Бердибека. Проезжая в районе Дербента, Джанибек серьезно заболел, о чем стало известно Бердибеку. Последний покинул Тебриз и также отправился в Сарай. Уже добравшийся туда хан Джанибек умер, и его сын занял престол. Судя по монетам 758 г. х. (1357 г. н. э.) с именем нового хана, Бердибека, отчеканенным в Алагизе, Ардабиле, би-Ани, Мараге, Нахичевани, Карагаче, Гулиставане, Сарахе, Тебризе, Тифлисе, Шабаране, Ширван-и Базаре, власть сарайского хана распространялась на эти территории в том же году. Оставшиеся без золотоордынской власти Тебриз и Азербайджан в конце 758 г. х. были взяты Ахиджуком, местным эмиром, бывшим визирем при Бердибеке, имевшим сильное и независимое влияние на политику в регионе.

Краткая информация о событиях, связанных с золотоордынскими ханами в рассматриваемом регионе, не содержит сколько-нибудь подробных сведений о том, как же все-таки закончилась их власть там. При помощи предложенной ниже гипотезы (основанной на нумизматических материалах), мы попытаемся частично реконструировать, что же было в конце 758 г. х. и, вероятно, в 759 г. х.

Гипотеза. Редкость тифлисских дирхамов Джанибека и Бердибека свидетельствует об очень незначительных их эмиссиях. Вероятно, они имели «презентационный» характер нового для этого города правителя. Большое количество найденных пулов Бердибека, делящихся на множество штемпельных разновидностей[10], свидетельствует об их массовой чеканке. Связана она, вероятно, с выплатой жалования воинским подразделениям, гарнизонам, поскольку именно для нее требовалось наибольшее количество денег. Эта выплата началась еще в Тифлисе, для чеканки там монет и были изготовлены штемпели, но продолжилась она уже в Маджаре, куда в 758 г. х. были выведены воинские части[11]. Были ли вывезены штемпели и организована чеканка ими в новом месте, или забрана только казна — на этот вопрос в настоящее время у нас нет ответа. Возможно, в Маджаре были вырезаны новые штемпели по образцу тифлисских, уже не имевших отношения к этому городу, несмотря на упоминание его названия в монетной легенде. Есть экземпляры пулов с легендой «*чекан Сарая ал-Джадида*», для чеканки оборотной стороны которых использовались штемпеля с изображением шестилепестковой розетки, которыми также чеканились монеты с упоминанием Тифлиса. На *илл. 5* изображены два таких пула, под № 2 найден в

[10] Даже приблизительное количество задействованных штемпелей на данный момент неизвестно. Поштемпельный анализ пулов не входит в задачи данной статьи.

[11] Гражданская администрация была из местных чиновников, перешедших на службу ханам Джучидам. Есть основания считать, что после ухода Бердибека они остались на местах. Предположение о выводе гарнизона в Маджар основано исключительно на монетных находках, никаких сведений об этом в письменных источниках нет.

Ил. 5. Использование «тифлисских» штемпелей для чеканки пулов Сарая ал-Джадида. 2 найдена в Крыму, 3 — на Царевском городище (Волгоградская обл.). Монета 1, с именем Бердибека, приведена для образца оборотного штемпеля, найдена в Крыму (*фото авторов*)

Крыму[12], № 3 на Царевском городище. Такой переход штемпеля от одного типа к другому свидетельствует о том, что все три штемпеля находились на одном монетном дворе и применялись для чеканки последовательно либо параллельно. Вывод войск (о котором подробнее будет ниже) произошел ближе к концу или в самом конце 758 г. х., то есть начало чеканки тифлисских пулов в Маджаре относится к этому времени, либо уже к 759 г. х.

Решить вопрос о том, использовались ли в Маджаре тифлисские штемпели или только новые, изготовленные на месте, но по образцу тифлисских, помогли бы публикации находок пулов Бердибека из Грузии. Но таких работ в настоящее время нет, а известные нам по изображениям несколько экземпляров не позволяют дать обоснованный ответ.

По-видимому, памятником тех же событий 758 г. х. являются и находки севернее Кавказских гор пулов еще одного типа с розеткой, но выпущенных в Тебризе, главном городе Иранского Азербайджана, с датой 757 г. х. В упомянутой выше статье 2008 г. указаны 32 пула из Маджар [Лебедев, Павленко, 2008, с. 433]. На Водянском городище найден один [Клоков, Лебедев, 2000, с. 86, рис. 15, 75], на Царевском городище девять пулов [Клоков, Лебедев, 2010, с. 456], на Селитренном шесть пулов [Клоков, Лебедев, 2002, с. 118, рис. 31,3; Пырсов, 2002, с. 5, 30, № 290/14][13]. Две монеты известны из Сарайчука [Самашев, 2006, с. 100, рис. 69]. Две монеты происходят с Муранского городища, две найдены в Татарстане. Одна происходит из Крыма [Лебедев, Смирнов, 2008, с. 146, рис. 1.3]. Из приведенных данных видно, что большинство пулов тебризской чеканки также найдено на городище Маджар, и ареал их распространения очень близок к ареалу тифлисских пулов.

Может возникнуть закономерный вопрос: почему массовые находки пулов Тифлиса и Тебриза связываются с выводом армии, а не с нормальным торговым оборотом, при котором эти монеты могли попасть в денежное обращение других регионов Золотой Орды?. Политическое и военное состояние Закавказья и северо-западного Ирана в 757–759 гг. х. не позволяет считать, что такой оборот происходил.

[12] № 234981. *ZENO.RU. Oriental coins database*. URL: https://www.zeno.ru/ (дата обращения 05.03.2021).

[13] В описании монета определена неверно. Также присутствует ошибка в ссылке на работу А. А. Кроткова [Кротков, 1930], где точно определяемый тебризский пул помещен на с. 22 не под № 52, а № 49, рис. 32/49.

После фактического развала государства Ильханов местные эмиры, правившие в разных его областях, начали борьбу за утверждение своей власти и расширение территории, прежде всего завоевывая разные города. Приход армии из Дешт-и Кыпчака, во главе которой стоял сам хан Джанибек, может быть и привел к кратковременной стабилизации обстановки в ряде городов, но ситуацию в общем в регионе это не успокоило, т. к. не все местные правители признали его власть. Военные действия продолжались. Во время всех этих событий караванная торговля между регионами, расположенными к югу и к северу от Кавказских гор (впрочем, как и с другими) не велась, соответственно, деньги между купцами не перемещались, тем более медные пулы [14]. Единственной возможностью, при которой значительное количество как медных, так и серебряных денег закавказской чеканки (с именами Джанибека и Бердибека) могло попасть севернее Кавказа, является выход оттуда большой группы людей, у которых эти деньги были. Такие группы мы знаем две: первая — ушедшая с Джанибеком, вторая — с Бердибеком, и состояли они преимущественно из военных.

Как видно из изложенного, открытие пулов с именем хана Бердибека, чеканка которых началась в Тифлисе, а продолжилась в Маджаре, позволяет заглянуть на «темную сторону» источников, сообщающих о закавказских событиях конца 1350-х гг. На основании нумизматических данных можно попытаться реконструировать некоторые подробности событий, которыми бедны исторические хроники.

Литература / References

Клоков В. Б., Лебедев В. П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен. *Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник.* Том II. Нижний Новгород, 2000. С. 73–165 [Klokov V. B., Lebedev V. P. Coin Circulation in the Golden Horde City Beljamen. *Antiquities of the Volga Region and Other Oegions*. Vol. 3. Nizhny Novgorod, 2002. Pp. 73–165 (in Russian)].

Клоков В. Б., Лебедев В. П. Монетный комплекс с Селитренного городища. *Древности Поволжья и других регионов*. Вып. IV. Нижний Новгород, 2002. С. 73–165 [Klokov V. B., Lebedev V. P. Coin Complex from Selitrennoe Archaeological Site. *Antiquities of the Volga Region and Other Regions*. Vol. 4. Nizhny Novgorod, 2002. Pp. 73–165 (in Russian)].

Клоков В. Б., Лебедев В. П. Монетный комплекс с Царевского городища. *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Т. 8. *Золотоордынское время. Сборник научных работ*. Донецк, 2010. С. 437–504 [Klokov V. B., Lebedev V. P. Coin Complex from Tsarevskoe Archaeological Site. *Steppes of Eurasia in the Middle Age epoch.* Vol. 8. *Golden Horde Time. Collection of Scientific Articles*. Donetsk, 2010. Pp. 437–504 (in Russian)].

Кротков А. А. Два собрания джучидских монет. *Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения.* Вып. 37. Саратов, 1930. С. 3–48 [Krotkov A. A. Two Collections of the Juchid Coins. *Proceedings of the Lower Volga Regional Science Society of local history.* Vol. 37. Saratov, 1930. Pp. 3–48 (in Russian)].

[14] Перманентной войной в течение нескольких лет можно объяснить и мизерность эмиссий серебряных монет в разных городах (кроме Тебриза), уменьшение их веса и ухудшение пробы. Ресурсы монетного металла, накопленные при Ильханах, были израсходованы или разграблены, а новых его притоков не было.

Лебедев В. П., Павленко В. М. Нумизматические «новинки» из Маджара. *Труды Международной нумизматической конференции. «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК– Старый Крым 3–9 октября 2004*. М., 2005. С. 31–36 [Lebedev V. P., Pavlenko V. M. Numismatic "Novelty" from Majar. *Proceedings of the International Numismatic Conference. "Coins and Money Circulation in Mongolian States from 13th to 15th Centuries". 3th INC. Staryi Krym, 3–9 October 2004*. Moscow, 2005. Pp. 31–36 (in Russian)].

Лебедев В. П., Павленко В. М. Монетное обращение золотоордынского города Маджар. *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6. *Золотоордынское время. Сборник научных работ*. Донецк, 2008. С. 415–486 [Lebedev V. P., Pavlenko V. M. Money circulation of the Golden Horde city Majar. *The Steppes of Europe in the Middle Ages*. Vol. 6. *Golden Horde Time. Collection of Scientific Articles*. Donetsk, 2008. Pp. 415–486 (in Russian)].

Лебедев В. П., Смирнов В. В. Иногородние медные джучидские монеты в денежном обращении Крыма. *Труды Международных нумизматических конференций. «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006*. М., 2008. С. 145–152 [Lebedev V. P., Smirnov V. V. *Proceedings of the International Numismatic Conferences. "Coins and Money Circulation in Mongolian States from 13th to 15th Centuries". 4st INC in Bolghar 2005, 5th INC in Volgograd 2006*. Moscow, 2008. Pp. 145–152 (in Russian)].

Пачкалов А. В. Новые материалы по денежному обращению Крыма и Кавказа в средние века: находки монет Джучидов и Гиреев. *Нумизматика Золотой Орды*. Вып. 2. Казань, 2012. С. 124-130 [Pachkalov A. V. New Evident for Money Circulation in Crimea and Caucasus in the Middle Ages: Finding of Juchids and Ghirays Coins. *Numismatic of Golden Horde*. Vol. 2. Kazan, 2012. Pp. 124–130 (in Russian)].

Піворович В. Б. *Монети і скарби півдня України*. Херсон, 2008 [Pivorovich V. B. *Coins and Hoards of the Southern Ukraine*. Kherson, 2008 (in Ukrainian)].

Пырсов Ю. Е. *Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения*. Казань, 2002 [Pyrsov Yu. E. *Catalogue of Juchids Coins of the Saratov Regional Museum of Local History*. Kazan, 2002 (in Russian)].

Самашев З., Бурханова Р., Базылхан Н., Плахов В. *Монеты Сарайчика*. Алматы, 2006 [Samashev Z., Burkhanova R., Bazylkhan N., Plakhov V. *Coins of Saraichik*. Almaty, 2006 (in Kazakh and Russian)].

Сейфеддини М. А. *Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв*. Т. 2. Баку, 1981 [Seifeddini M. A. *Coinage and Money Circulation in Azerbaijan from 12th to 15th Centuries*. Vol. 2. Baku, 1981 (in Russian)].

Akopyan A. V., Mosanef F. Between Jūjīds and Jalāirids: the Coinage of Chopānids, Akhījūq and their Contemporaries, 754–759 / 1353–1358. *Der Islam*. 2015. 92.1. Pp. 197–246.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Rasmir.ru. URL: http://rasmir.com/FORUM/topic/18404-monetnyy-dvor/?tab=comments#comment-166524 (дата обращения 22.03.2021).

ZENO.RU. Oriental coins database. URL: https://www.zeno.ru/ (дата обращения 28.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-77-88

АРАБО-ПЕРСИДСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ ХОРЕЗМШАХА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ

© 2021

Д. М. Тимохин*

В статье рассматривается относительно устоявшееся в историографии представление о том, что во время монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад бежал от монгольской угрозы на один из островов Каспийского моря, где перед кончиной передал власть над остатками собственной державы старшему сыну — Джалал ад-Дину Манкбурны. Однако в составе корпуса арабо-персидских источников далеко не все авторы сообщают об этом факте, а те из них, кто все-таки его упоминают, делают это весьма противоречиво. Главным источником, на котором базируются исследователи, считавшие, что Джалал ад-Дин действительно получил власть непосредственно от отца и являлся легитимным правителем Хорезма, является сочинение ан-Насави. В статье сделана попытка выделить особенности описания, ошибки и логические нестыковки, допущенные персидским историком, что может поставить под сомнение правдивость его рассказа. Кроме того, будет продемонстрирована эволюция сюжета в рамках наиболее известных арабо-персидских памятников XIII–XIV вв., чтобы не только подчеркнуть особенности описания, но и выделить присутствующие в них противоречия при описании последних месяцев жизни ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада и восшествия на престол Джалал ад-Дина. Таким образом, автор показывает, что имеющаяся историографическая традиция базируется на достаточно зыбком источниковом фундаменте, а то, что воспринималось исследователями в истории Хорезма как данность, на самом деле остается дискуссионным сюжетом. Конечно, для более далеко идущих выводов необходимо привлечь более широкий круг памятников, однако данная статья рассматривается лишь как первый шаг к намеченной цели. В последующих работах будет охвачен весь корпус арабо-персидских памятников, содержащих сведения о биографии Джалал ад-Дина, чтобы подтвердить предварительные выводы, полученные в этой статье.

Ключевые слова: ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад, Джалал ад-Дин Манкбурны, Хорезм, монголы, арабо-персидские источники.

Для цитирования: Тимохин Д. М. Арабо-персидские источники о восшествии на престол хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 77–88. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-77-88

* Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9093-5269

ARAB-PERSIAN SOURCES ON THE ACCESSION OF KHWAREZMSHAH JALAL AD-DIN MANKBURNY TO THE THRONE

Dmitry M. Timokhin

This paper examines the relatively well-established idea that during the Mongol-Khwarezm war of 1219–1221, Khorezmshah 'Ala' ad-Din Muhammad fled from the Mongol threat to one of the islands of the Caspian Sea, where, before his own death, he transferred power over the remnants of his own power to his eldest son, Jalal ad-Din Mankburny. However, in the corpus of Arab-Persian sources, only few authors report this fact, and those of them who do mention it do so with numerous of contradictions. The main source in this case is based on the works of the researchers believing that Jalal ad-Din really received power directly from his own father and thus was the legitimate ruler of Khwarezm is the work of an-Nasawi. In this work, we will try to highlight those features of the description of this event and those errors and logical inconsistencies that this Persian historian admits, which may call into question the veracity of his story. In addition, we will demonstrate the evolution of this story within the most famous Arab-Persian monuments of the 13th–14th centuries in order to emphasize not only the features of the description, but also to highlight the contradictions that are present when describing the last months of 'Ala' al-Din Muhammad's life and the accession of Jalal ad-Din to the throne in order to involve a wider range of monuments, but this article is considered only as a first step towards the intended goal. In the following works, we will try to cover the entire body of Arab-Persian monuments containing information on Jalal ad-Din Mankburny's biography, in order to confirm the preliminary conclusions made in this article.

Keywords: 'Ala' al-Din Muhammad, Jalal ad-Din Mankburny, Khwarezm, the Mongols, the Arab-Persian sources.

For citation: Timokhin D. M. Arab-Persian Sources on the Accession of Khwarezmshah Jalal Ad-Din Mankburny to the Throne. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 77–88. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-77-88

Монгольское завоевание Хорезмийской державы обладает обширной историографией, в которой, помимо дискуссионных вопросов, можно выделить сюжеты, в отношении которых у исследователей нет разногласий. К числу таковых отнесем факт передачи верховной власти от хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада старшему сыну, Джалал ад-Дину Манкбурны: это произошло незадолго до смерти первого в 1220 г., когда война с монголами была в самом разгаре. Исследователи, начиная с классического труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд, 1963, с. 488–489], подчеркивают, что Джалал ад-Дин сопровождал отца во время его бегства перед лицом монгольской угрозы, вплоть до смерти 'Ала' ад-Дина на острове Абескун в Каспийском море[1]. Именно здесь и произошла передача власти, которая должна была означать еще и тот факт, что новому хорезмшаху предстояло возглавить сопротивление монгольским завоевателям в еще не затронутых войной регионах Хорезмийской державы. Достаточно расхожей следует признать цитату из сочинения ан-Насави, где персидский историк якобы цитирует слова 'Ала' ад-Дина в адрес старшего сына: «Узы власти порвались, устои державы ослабли и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага: его когти и зубы крепко вцепились в страну. Отомстить ему за меня может лишь мой сын Манкбурны. И вот я назначаю его наследником престола, а вам обоим надлежит подчиняться ему и вступить

[1] См.: [Буниятов, 1986, с. 148; Петрушевский, 1977, с. 128].

на путь послушания ему» [ан-Насави, 1973, с. 100]. В статье хотелось бы не только критически рассмотреть это сообщение ан-Насави, но и иные сведения средневековых арабо-персидских историков по данному поводу, что позволит еще раз подчеркнуть, насколько обоснован факт передачи власти Джалал ад-Дину, и не является ли это всего лишь устоявшейся историографической традицией, не имеющей исчерпывающей доказательной базы.

Необходимо сказать несколько слов о монголо-хорезмийской войне 1219–1221 гг., а также о событиях, приведших к бегству хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада и в итоге — к его смерти и приходу к власти Джалал ад-Дина. Начало военного конфликта совпадает с периодом внутренней нестабильности Хорезмийского государства, связанного с противостоянием внутри военной и политической элиты данного государства. Несмотря на заметные военные успехи и территориальный рост, держава ‘Ала’ ад-Дина переживала серьезные внутренние трудности, обострившиеся перед лицом внешней угрозы. Хорезмшах прекрасно понимал всю серьезность проблемы и избрал план «пассивной обороны» накануне войны с монголами: Мавераннахр и земли Хорасана должны обороняться против захватчиков без генерального сражения; каждый городов сопротивлялся противнику самостоятельно. Сам ‘Ала’ ад-Дин предполагал, как указывают отдельные авторы, собрать дополнительные силы, пока монголы будут связаны осадой городов, и затем разгромить разделенного на части противника. Уже Бартольд подчеркивал, что подобная стратегия была обусловлена, прежде всего, внутренними сложностями в Хорезмийском государстве: «…Если взвесить события последних лет царствования Мухаммада, то нельзя не прийти к заключению, что другого исхода для него не было. Собрать все свои силы в одном месте он мог только в том случае, если бы они были таким же послушным орудием в его руках, как монгольские войска в руках Чингиз-хана. При враждебных отношениях между султаном и его военачальниками это, конечно, было невозможно» [Бартольд, 1963, с. 473]. Среди последующих исследователей эта точка зрения нашла поддержку [Петрушевский, 1977, с. 115–116], хотя отдельные авторы старательно подчеркивали, что подобная стратегия могла быть вызвана лишь страхом хорезмшаха перед монголами и растерянностью в критической ситуации [Буниятов, 1986, с. 138]. Автор уже анализировал как современные оценки стратегии хорезмшаха, так и сведения об этом в арабо-персидских источниках, поэтому здесь мы не будем останавливаться на этом подробно [Тимохин, 2015, с. 46–65], отметив лишь тот факт, что именно провал данного военного плана становится одной из главных причин бегства ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада и последующих скитаний.

Чингиз-хан сумел воспользоваться и внутренними проблемами Хорезмийской державы и стратегией, взятой на вооружение его оппонентом: монгольское войско было разделено на отдельные корпуса, у каждого из которых была собственная тактическая задача. «Чингиз-хан приказал Чагатаю и Угэдэю с несколькими туменами войска осадить город (имеется в виду Отрар. — *Д. Т.*), Джочи он соизволил определить идти с несколькими войсковыми отрядами на Дженд и Яникент, а группе эмиров — в сторону Ходженда и Бенакета. Таким образом, он назначил во все стороны по войску, сам же лично с Толуй-ханом отправился на Бухару» [Рашид ад-Дин, 2002, с. 198]. Арабо-персидские источники, в частности ан-Насави, указывают, что особое значение для хорезмшаха имел тот факт, что монгольские войска не просто блокировали

хорезмийские гарнизоны, но успешно брали мелкие и крупные города. Так, взятие монголами Бухары окончательно убедило ‘Ала’ ад-Дина в том, что его план ведения войны потерпел крах. «После захвата Отрара Чингиз-хан направился к Бухаре, которая была самым близким городом к средоточиям султанских знамен, и осадил ее. Этим он стремился вбить клин между султаном и его войсками, разделенными так, что их нельзя было уже собрать, даже если бы султан понял ошибочность своих действий» [ан-Насави, 1973, с. 88]. Даже в такой ситуации у ‘Ала’ ад-Дина оставалась возможность сдержать противника за счет ресурсов Хорасана и дать полевое сражение наступающим с севера монгольским войскам, однако он принял решение, которое ан-Насави счел ошибочным: оставить Хорасан и собрать новые войска на территории Ирака Персидского [ан-Насави, 1973, с. 89–90]. Возможно, подобный шаг следует объяснять тем, что хорезмшах не был уверен в преданности имеющихся у него военных соединений, об измене которых пишет тот же персидский историк. «Когда его положение стало бедственным, и он потерял самых храбрых воинов, семь тысяч человек хитаи из войск его племянников (сыновей братьев по матери) покинули его и перешли к татарам. Владетель Кундуза, ‘Ала’ ад-Дин, открыто связался с Чингиз-ханом и объявил о своей борьбе против султана. Перешел к нему и эмир Мах Руи, один из знатных людей Балха. Люди начали оставлять его и незаметно уходить, и с той поры дело его стало слабым, наступило похмелье, узы ослабли и подорвались решимость и мощь. Каждая веревка рвется, и каждое дело может прекратиться» [ан-Насави, 1973, с. 88–89].

Действия ‘Ала’ ад-Дина после того как им было принято решение оставить пределы Хорасана, достаточно подробно описаны как в ранних, так и в поздних арабо-персидских сочинениях. Так, ан-Насави сообщает, что «султан с побережья Джейхуна направился в Нишапур и оставался в Нишапуре днем только несколько часов из-за страха, засевшего в его сердце, и боязни, обосновавшейся в глубине его души, из-за опасения, которое увело его в русло сомнений и не давало ему [возможности] сложить свои крылья для отдыха» [ан-Насави, 1973, с. 90]. Затем персидский историк не приводит никаких подробностей путешествия хорезмшаха в Ирак Персидский [ан-Насави, 1973, с. 91], зато упоминает некое нападение монгольских войск, из-за которого были уничтожены последние остатки хорезмийских военных сил, бывших при ‘Ала’ ад-Дине, а сам он продолжил бегство [ан-Насави, 1973, с. 91]. «Султан же с небольшим количеством своих спутников и свиты спасся бегством в Джил[2], а затем оттуда в Исфизар[3], а это самая неприступная область Мазандарана из-за ее узких ущелий и теснин. Далее отсюда он перебрался к побережью моря и здесь остановился близ гавани, в одном из ее селений» [ан-Насави, 1973, с. 91]. В более поздних источниках, в частности в тексте Джувейни, можно найти гораздо более подробное описание маршрута передвижений хорезмшаха вплоть до его смерти на острове Абескун. Этот историк, как и ан-Насави, уделяет действиям ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада и его бегству отдельную главу, если исходить из заголовка, однако ее скорее стоит отнести к попыткам обобщить все правление этого хорезмшаха [Джувейни, 2004, с. 254–275]. Тем не менее Джувейни также подчеркивает, что падение Бухары стало отправной точкой начала бегства хорезмшаха перед лицом монгольской угрозы: «Когда он подошел к берегу реки Тирмиза, туда подоспел разведывательный отряд с сообщением о взятии

[2] Джил — то есть собственно область Гилян.

[3] Исфизар — крепость в Гиляне.

Бухары, а следом за этим пришло известие о захвате Самарканда. Тогда он прочел четыре такбира по своему королевству[4] и трижды произнес слова развода над краем чадры невесты-королевства, так что возвращение для него стало немыслимо, и устремил свое лицо к дороге» [Джувейни, 2004, с. 266].

Относительно пребывания хорезмшаха у Тирмиза (Тирмида) есть сведения не только в тексте Джувейни, но и в локальных хрониках: «Отправка в году 615 (1218–1219) государя Йамин ад-Дина Шамс ад-Дина Занги, сына эмира Бу-хафса Джувайни и сарханга Йера Кашари с 6000 мужей к берегам Тирмида[5]. Устроили смотр войск султана. Было около 150000 конных воинов помимо пеших… Когда к берегам Тирмида подошло монгольское войско, султан Мухаммад Хваризмшах бежал, и систанское войско все погибло. Кто был убит, кто утонул в реке» [Тарих-и Систан, 1974, с. 366]. Однако последующее изложение событий у Джувейни в некоторых аспектах соотносится с более ранним сообщением ан-Насави: у первого и второго ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад бежит в итоге в Нишапур, правда у более раннего историка бегство начинается от реки Джейхун, а у Джувейни — с берегов Тирмиза (Тирмида). Последнее, впрочем, является названием города: в частности, Л. П. Смирнова приводит такой комментарий: «По всей видимости, имеется в виду река Сурхан. Как известно, старый город, разрушенный Чингиз-ханом, находился на самом берегу реки Сурхан» [Тарих-и Систан, 1974, с. 366]. Ал-Йакуби в «Китаб ал-булдан» («Книга стран») связывает Тирмиз (ат-Тирмиз) с Балхом [ал-Йакуби, 2011, с. 59–60], что делает и Джувейни [Джувейни, 2004, с. 266]. Однако в комментарии мы видим следующую информацию: «ат-Тирмиз (теперь город Термез в Южном Узбекистане. — *Л. А. Семенова*) — главный город области Саганийан на правом берегу Аму Дарьи. Имел крепость. Крупный центр Северного Хорасана. В 1220 г. разрушен монголами» [ал-Йакуби, 2011, с. 186]. Как видно из этого краткого отступления, начало бегства хорезмшаха у обоих авторов так или иначе связано все же с Джейхуном (Аму-Дарьей).

После недолгого пребывания в Нишапуре, ‘Ала’ ад-Дин, согласно Джувейни, направился в Ирак Персидский, где в тот момент находился с войсками его сыновья, Гийас ад-Дин и Рукн ад-Дин [Джувейни, 2004, с. 270]. Здесь же, по словам того же персидского историка, состоялся новый военный совет, который, впрочем, не дал результатов, и хорезмшах, вместо того чтобы собрать все силы и выступить против монголов, отправился сначала в направлении Багдада, а затем повернул в другую сторону и бежал в пределы Гиляна и Мазандарана [Джувейни, 2004, с. 270–271]. Как уже отмечалось, по мнению же ан-Насави, ‘Ала’ ад-Дин сразу после того как оставил Нишапур, направился в Ирак Персидский, а оттуда — к побережью Мазандарана [ан-Насави, 1973, с. 90–91; ün-Nesevî, 1934, s. 35–37]. «Когда они (татары) неожиданно для султана напали на это селение, он сел на судно (маркаб). Тут же на судно посыпались стрелы с их стороны, а группа их людей вслед за ним бросилась в воду, стремясь захватить султана. Но поспешность привела их к гибели, а вода доставила [адский] огонь» [ан-Насави, 1973, с. 91]. В целом похожую картину бегства хорезмшаха излагает в своем труде и Ибн ал-Асир, приводя помимо собственной точки зрения мнение некоего законоведа, бывшего очевидцем событий [Ибн ал-Асир, 2006, с. 356]. У другого раннего автора, Джузджани, хорезмшах бежит в пределы Мазандарана сразу после недолгого

[4] Так в переводе Е. Е. Харитоновой.

[5] Вероятно — Термеза.

пребывания в Нишапуре, однако в остальном его описание мало отличается от приведенных выше источников [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 277–278]. Наконец, Рашид ад-Дин, в целом повторяя рассказ Джувейни, упоминает также о попытке покушения на жизнь ‘Ала’ ад-Дина, после которой он окончательно разуверился в собственных военачальниках и приближенных и бежал из Нишапура в направлении Ирака Персидского [Рашид ад-Дин, 2002, с. 210].

Указанные источники в целом сходятся в описании обстоятельств смерти хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада: он умер из-за болезни в окружении немногочисленных придворных, оставшихся при нем. «Когда султана здесь на острове настигла смерть и дни его для завершения его долга перед Аллахом истекли, его омыли близкие слуги — чавуш[6] Шамс ад-Дин Махмуд ибн Йалаг и старший постельничий (ал-фаррашийа) Мукарриб ад-Дин, имевший титул главного конюшего (мехтар мехтаран). У султана не было даже савана, в который его можно было бы завернуть. Тогда упомянутый Шамс ад-Дин завернул его в саван из своей рубахи. Он был похоронен на острове, и случилось это в шестьсот семнадцатом году» [ан-Насави, 1973, с. 91–92; См.: Персидские исторические тексты, 1972, с. 186; an-Nasavi, 1945, s. 62–67; ün-Nesevî, 1934, s. 37; Qazvini, 1903, p. 418]. Джувейни настаивает на том, что причиной кончины стали потрясения, пережитые во время бегства, а также горестные известия о судьбе жен и младших сыновей [Джувейни, 2004, с. 272; Рашид ад-Дин, 2002, с. 213]. Так или иначе, лишь в сочинении Джузджани можно найти некоторые новые детали: в частности, в биографии ‘Ала’ ад-Дина историк указал, что последний покинул остров в Каспийском море, на котором скрывался, дабы вернуться в Хорезм, и именно по дороге туда и умер [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 279]. Однако стоит отметить, что в главе, посвященной непосредственно монгольскому вторжению в пределы Хорезмийского государства, Джузджани не приводит подобных фактов и излагает события примерно так же, как и другие арабо-персидские историки [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. II, p. 992–1104].

Увлеченные фактами последнего года жизни хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада исследователи практически не интересовались вопросом, что говорят источники о деятельности его старшего сына, Джалал ад-Дина Манкбурны. В историографии сложилась устойчивая традиция описания, согласно которой последний сопровождал отца вплоть до смерти на острове Абескун, где получил из рук ‘Ала’ ад-Дина верховную власть над остатками некогда великой империи. Несомненно, в данном случае большинство авторов опирается на сообщение ан-Насави, посвятившего этому отдельный, пусть и небольшой раздел, в «Жизнеописании султана Джалал ад-Дина Манкбурны»: «Когда болезнь султана на острове усилилась, и он узнал, что его мать попала в плен, он вызвал Джалал ад-Дина и находившихся на острове двух его братьев — Узлаг-шаха и Ак-шаха, и сказал: “Узы власти порвались, устои державы ослабли и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага: его когти и зубы крепко вцепились в страну. Отомстить ему за меня может лишь мой сын Манкбурны. И вот я назначаю его наследником престола, а вам обоим надлежит подчиняться ему и вступить на путь послушания ему”. Затем он собственноручно прикрепил свой меч к бедру Джалал ад-Дина. После этого он оставался в живых всего несколько дней и скончался,

[6] Чавуш, чауш — один из чинов в аппарате управления Хорезмийской державы. По мнению М. Давлатова — это вестовой в военном ведомстве [Давлатов, 2010, с. 26].

представ перед Господом своим» [ан-Насави, 1973, с. 100; an-Nasavi, 1945, s. 77–78; ün-Nesevî, 1934, s. 40–41].

Странно, что до сих пор исследователи не обращали внимания на тот факт, что историк помещает рассказ о смерти ‘Ала’ ад-Дина и сообщение о передаче власти старшему сыну в разных главах сочинения[7]. Этот факт, равно как и то, что ан-Насави даже не упоминает Джалал ад-Дина в сочинении, начиная с момента, когда описывает бегство его отца с берегов реки Джейхун к Нишапуру и вплоть до главы 24, текст из которой был приведен выше. Точнее, мы находим его упоминание в главе 8, однако оно в данном случае связано с описанием биографии Теркен-хатун, матери ‘Ала’ ад-Дина [ан-Насави, 1996, с. 80], а также в главе 23 ан-Насави упоминает его имя, рассказывая о взятии монголами Нишапура в 1222 г., приводя при этом небольшие сведения о деятельности Джалал ад-Дина в Индии после 1221 г. [ан-Насави, 1996, с. 94]. С учетом особенностей жанра «сира», которому пытался соответствовать ан-Насави при формировании собственного нарратива, по меньшей мере странным выглядит тот факт, что он ничего не сообщает о «главном герое» при описании значительного временного промежутка.

Не менее странно выглядит сообщение в главе о смерти ‘Ала’ ад-Дина, о том, что последний создавал «островные указы», то есть награждал тех, кто продолжал служить ему и на острове Абескун [ан-Насави, 1973, с. 92; ün-Nesevî, 1934, s. 36]. Впоследствии, как сообщает ан-Насави, Джалал ад-Дин ратифицировал все эти указы собственного отца [ан-Насави, 1973, с. 92; ün-Nesevî, 1934, s. 36]. Однако зачем бы ему это делать, если он и так находился при отце? Вот здесь мы наконец-то и приближаемся к самому интересному наблюдению: в рассказе ан-Насави о смерти и погребении на острове Абескун полностью отсутствует важнейший элемент — его собственный старший сын. Хорезмшаха хоронят словно нищего, в этом уверяет нас сам историк, однако о старшем сыне и его действиях не говорится решительно ничего [ан-Насави, 1973, с. 91–93; ün-Nesevî, 1934, s. 36–37]. Единственный момент, где фигурирует Джалал ад-Дин в связи со смертью отца, помимо упомянутого эпизода с передачей власти, связан с перезахоронением останков хорезмшаха, которое не имело бы никакого смысла, если бы старший сын присутствовал при этом и озаботился вопросами погребения [ан-Насави, 1973, с. 241–242]. Этот рассказ у ан-Насави, кстати, отнесен к главе 85, то есть также текстуально еще дальше от главы 21. При этом в главе, посвященной передаче власти, напрашивается вывод о том, что Джалал ад-Дин получил от отца право на наследование престола и присутствовал при его смерти, что стало общим местом в современной историографии.

Необходимо рассмотреть свидетельства источников, синхронных с текстом ан-Насави, а также важнейшие поздние арабо-персидские сочинения. У хорошо осведомленного о событиях монгольского нашествия арабского историка Ибн ал-Асира нет никаких упоминаний о Джалал ад-Дине ни при описании бегства его отца, ни при описании смерти последнего. Это имя появляется лишь когда автор описывает попытку захвата монголами Газны: «Их (т. е. монголов. — *Д. Т.*) встретил Джалал ад-Дин, сын хорезмшаха, вступил с ними в бой и обратил их в бегство, как мы об этом еще скажем, если захочет того Аллах» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 364]. Вообще, если следовать логике

[7] Речь идет о главах 21 и 24 соответственно.

Ибн ал-Асира, Джалал ад-Дин находился в Газне с момента присоединения этого города и сопредельных регионов к Хорезмийской державе, которое он сам датирует 1215–1217 гг. [Ибн ал-Асир, 2006, с. 340]. Это означает, что он не принимал участия также и в попытке обороны Гурганджа, столицы Хорезма, как на том настаивает ан-Насави [ан-Насави, 1973, с. 101–102]. С учетом того что последний был хорошо знаком с трудом Ибн ал-Асира [ан-Насави, 1973, с. 44], можно предположить, что ан-Насави пытался отчасти дополнить труд арабского историка, особенно в вопросах, в которых был осведомлен лучше его. Это могло касаться как раз сюжетов, связанных с биографией Джалал ад-Дина, чьим секретарем был ан-Насави, однако и это не объясняет противоречий в его «Жизнеописании султана Джалал ад-Дина Манкбурны».

Крайне оригинальный вариант изложения событий мы находим в «Табакат-и Насири» Джузджани: этот персидский историк, в отличие от ан-Насави, прямо указывает на то, что Джалал ад-Дин сопровождал отца во время бегства от монгольских отрядов [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 279]. Однако далее Джузджани пишет, что как только стало известно о том, что преследовавшие ‘Ала’ ад-Дина монгольские отряды потеряли след, последний призвал к себе старшего сына и потребовал вернуться в Хорезм. «Он упрашивал своего сына, султана Джалал ад-Дина, говоря: “Попытайся вернуть меня в Хорезм; ибо оттуда берет начало наше владычество”» [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 279]. Как уже отмечалось, согласно Джузджани именно по дороге в Хорезм умирает сам ‘Ала’ ад-Дин, а сам историк отмечает следующее. «Он умер по дороге, в 617 г. х.: и султан Джалал ад-Дин привез останки своего отца в Хорезм и похоронил их рядом с султаном Текишем, его отцом. Правление султана Мухаммада продлилось двадцать один год. Да будет милостив к нему Аллах и дарует прощение!» [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 279]. Как видно из отрывка, версия Джузджани противоречит не только ан-Насави, но и Ибн ал-Асиру, а версия с захоронением останков ‘Ала’ ад-Дина в Хорезме, а точнее в его столице — Гургандже, выглядит и вовсе фантастической. В главе, посвященной биографии самого Джалал ад-Дина, мы находим и указание на то, что области Гура и Газны были выделены ему отцом в качестве «удела» еще до монгольского нашествия [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 285], что согласуется с рассказом Ибн ал-Асира, и повторение краткого описания того, как он сопровождал ‘Ала’ ад-Дина вплоть до его смерти, но без упоминания захоронения его останков в Хорезме [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 286]. Впрочем, следует отметить, что в главе, посвященной описанию самого монгольского нашествия, Джузджани уже не приводит подобных сведений о биографии Джалал ад-Дина, начиная рассказ с главы о его прибытии в Газну и организации обороны на пути продвижения монгольских войск в эти земли [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. II, p. 1012].

Не менее любопытную версию относительно смерти ‘Ала’ ад-Дина и начала правления Джалал ад-Дина выдвигает Изз ад-Дин ал-Мада’ини, известный в историографии как Ибн Абу ал-Хадид (1190–1256) в труде «Шарх нахдж ал-балага» (толкование «Пути красноречия» Шерифа Рази). Это сочинение содержит обширный исторический материал, связанный с текстами Ибн ал-Асира и ан-Насави [Les invasions mongoles, 1995]. Несмотря на это, ал-Мада’ини приводит несколько версий относительно смерти ‘Ала’ ад-Дина: «Одни говорят, что он скрылся в неприступной цитадели, которая построена на острове в море недалеко от Табаристана, где он и умер. Другие сообщают, что он утонул в море. Другие добавляют, что он все-таки выжил в

кораблекрушении, добрался вплавь до берега, полностью ограбленный и лишенный одежды, пришел в один из городов Табаристана. Жители этого города узнали его и отнеслись к нему как к государю, упав на землю перед ним. Они сообщили о нем своему наместнику, он посетил его и предложил ему свою службу. Хорезмшах попросил его помочь ему добраться до Индийского моря. Он так решил, потому что Ил-Тутмыш, правитель Индии и брат его жены, матери его сына, султана Джалал ад-Дина Манкбурны, также был в результате индийского происхождения и из царской семьи» [Les invasions mongoles, 1995, p. 40]. Ал-Мада'ини настаивает на том, что 'Ала' ад-Дин хотел объединить силы с Ил-Тутмышем для противодействия монголам, однако не сумел добраться до территории северной Индии и умер в маленьком городке в пределах Кермана, причем место его захоронения держалось в строжайшем секрете, дабы его не разорили монгольские воины [Les invasions mongoles, 1995, p. 42]. Несмотря на фантастичность этого сообщения, оно удивительным образом коррелирует с данными Джузджани, в «Табакат-и Насири» указывающего на связь между династией Ануштегинидов, правивших в Хорезме, и правителями Делийского султаната. Так, в предисловии к главе, посвященной хорезмшахам, Джузджани отмечает, что Ил-Тутмыш был связан с династией правителей Хорезма кровнородственной связью и сохранял ей верность [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 231], однако откуда такие сведения заимствовал сам персидский историк — достоверно сказать невозможно. Впрочем, ал-Мада'ини не мог быть знаком с «Табакат-и Насири», что не отменяет того факта, что приводимых им сведений нет в труде Джузджани, и взаимосвязь между этими источниками на данный момент проследить сложно.

В рамках придворной монгольской историографии в труде Джувейни мы находим весьма противоречивое описание интересующих нас событий. С одной стороны, этот историк также упоминает тот факт, что останки хорезмшаха были перезахоронены по приказу Джалал ад-Дина. «Он был временно похоронен на том самом острове, но впоследствии султан Джалал ад-Дин приказал перевезти его кости в крепость Ардахн[8]» [Джувейни, 2004, с. 273]. Опять же, не совсем понятно, зачем было необходимо хоронить 'Ала' ад-Дина на острове, а затем перевозить останки, если все это время, согласно Джувейни, Джалал ад-Дин находился вместе с отцом [Джувейни, 2004, с. 280–282]. Впрочем, ни этот историк, ни ан-Насави ничего не сообщают о том, когда и при каких обстоятельствах произошло перезахоронение, с учетом того что вплоть до 1221 г. Джалал ад-Дин был занят противостоянием с монгольскими войсками на территории Афганистана и северной Индии. После же его возвращения в 1225 г. в пределы Ирана он был занят формированием собственного государства, чьи территории, даже в период недолгого расцвета, никогда не граничили с Каспийским морем. Также Джувейни ничего не сообщает о передаче власти от 'Ала' ад-Дина к Джалал ад-Дину, как это делает ан-Насави, однако упоминает его прибытие в Гургандж, который ему скоро пришлось покинуть из-за составленного против него заговора [Джувейни, 2004, с. 284–285].

Еще более поздний историк, Рашид ад-Дин, приводит в сочинении в целом ту же версию, что Джувейни, однако добавляет несколько важных подробностей, что делает его изложение событий близким к тому, что мы видим в тексте ан-Насави. «И его

[8] Об этой крепости сообщает, в частности, Йакут ал-Хамави: «Ардахн — крепость на территории области Рей, в районе Денбавенда и Табаристана, в трех днях пути от Рея» [Barbier de Meynard, 1970, p. 24].

похоронили на этом острове. Спустя несколько лет султан Джелал-ад-дин велел перевезти его останки в крепость Ардахин. Хорезмшах до того сделал [своим] наследником Озлака, одного из своих детей; [теперь] на острове Абескун он его отрешил, передал [царство] султану Джелал-ад-дину и сделал его [своим] наследником» [Рашид ад-Дин, 2002, с. 213]. Однако если по ан-Насави Озлак (Узлаг-шах) находится на острове и является свидетелем передачи власти, то у Рашид ад-Дина он находится в Гургандже вместе с другими сыновьями ‘Ала’ ад-Дина и не присутствует при отце в этот момент [Рашид ад-Дин, 2002, с. 214]. Любопытно, что у Джувейни, с чьим сочинением было хорошо знаком Рашид ад-Дин, мы находим относительно Озлака (Узлаг-шаха) те же сведения, что и у ан-Насави [Джувейни, 2004, с. 284], однако при этом в «Тарих-и джахан гошай» есть и негативные характеристики этого наследника ‘Ала’ ад-Дина. «А поскольку Узлук-Султан был любимцем Теркен-хатун, султан Мухаммед возложил на него султанат и управление Хорезмом, хотя он и был еще малым ребенком, и не очень способным к учению. Когда прибыли султаны, мнения и чувства разделились. Все склонялись в разные стороны, и из-за слабости и бессилия Узлук-Султана и несогласия между министрами всякий слуга превратился в господина, а всякий притесняемый — в притеснителя» [Джувейни, 2004, с. 284]. Таких характеристик Озлака (Узлаг-шаха) нет в более раннем тексте ан-Насави [ан-Насави, 1973, с. 101–102], также и в отдельных более поздних памятниках, в которых описаны последствия смерти ‘Ала’ ад-Дина и начало правления Джалал ад-Дина [Qazvini, 1903, p. 420].

Подводя итоги, отметим несколько важных моментов. В наиболее ранних памятниках, описывающих монгольское завоевание Хорезма, существуют очевидные противоречия при описании последних месяцев жизни ‘Ала’ ад-Дина и прихода к власти Джалал ад-Дина. Если следовать версии Ибн ал-Асира, то последний не сопровождал отца в бегстве от монголов, не находился с ним до смерти на острове Абескун и не получил из его рук власти над остатками Хорезмийской державы. Прямо противоположную точку зрения высказывает ан-Насави, прекрасно знакомый с сочинением Ибн ал-Асира, и скорректировавший его рассказ. Однако сообщение ан-Насави имеет определенные противоречия как логического, так и текстуального характера, что и было подчеркнуто в этой работе. Последующие арабо-персидские авторы, за исключением Джувейни, следуют в описании интересующих нас событий линии, намеченной ан-Насави, однако во многом противоречат друг другу. Наиболее экзотичное описание предлагает ал-Мада’ини, однако его сообщение, равно как и сведения о связи между Хорезмом и правителями Делийского султаната, требует дополнительного изучения. Не менее интересно отметить очевидное противоречие между сообщениями Джувейни и Рашид ад-Дина: если первый ничего не пишет о передаче власти Джалал ад-Дину, то хорошо знакомый с его текстом Рашид ад-Дин, отчасти пересказывающий «Тарих-и джахан гошай», тем не менее приводит рассказ, близкий к рассказу ан-Насави.

В целом следует признать, что сложившаяся историографическая традиция, согласно которой Джалал ад-Дин получил власть из рук отца и являлся законным правителем Хорезма, базируется преимущественно на сочинении ан-Насави. Исследователи не обращали внимания ни на точку зрения Ибн ал-Асира, ни на противоречия, обнаруживаемые у персидского историка. Последующие источники не только не делают ситуацию яснее, но еще больше усложняют ее: если ‘Ала’ ад-Дин

передал власть старшему сыну, то почему никто не упоминает формальную сторону вопроса в виде соответствующего указа. Почему старший сын не озаботился достойным погребением отца, а сделал это много позже? Состоялась ли передача власти на глазах у других сыновей хорезмшаха, или же они были поставлены перед фактом, узнав об этом, когда Джалал ад-Дин приехал в Гургандж после смерти отца.

Эти и многие другие вопросы требуют от исследователей задуматься также и о том, почему ан-Насави как наиболее приближенный из всех арабо-персидских историков к одному из представителей династии Ануштегинидов, вместо логичного и непротиворечивого изложения истории жизни своего героя, раз за разом путается в рассказе о его жизни. Нельзя отметать возможность того, что перед нами сознательное «конструирование» биографии Джалал ад-Дина, особенно в тех местах, где могут обнажиться его отрицательные черты, поступки или просто факты, которые приходилось ретушировать. Возможно, рассказ о передаче власти от ‘Ала’ ад-Дина к Джалал ад-Дину не более чем попытка легитимировать в рамках отдельного исторического сочинения претензии Джалал ад-Дина на хорезмийский престол. Однако такой вариант решения этой проблемы должен быть подкреплен более весомыми доказательствами на базе всего корпуса источников, сообщающих нам биографию Джалал ад-Дина. Надеемся, что нам удастся вернуться к этому вопросу в последующих исследованиях, где мы постараемся задействовать больший объем арабо-персидских исторических сочинений.

Литература / References

ал-Асир ибн. *«Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. Ташкент, 2006 [al-Asir Ibn. «*al-Kamil Fi-t-Tarikh». «The complete History Dook». Selected Excerpts.* Tr. by P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].

ал-Йакуби. *Книга стран (Китаб ал-булдан).* Отв. ред. Д. В. Микульский. М., 2011 [al-Yaqubi. *The Book of Countries (Kitab al-buldan).* Ed. by D. V. Mikulsky. Moscow, 2011 (in Russian)].

ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны.* Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1973 [an-Nasawi Shihab ad-Din Muhammad. *The life of Sultan Jalal al-Din Mankburny.* Tr. by Z. M. Buniyatov. Baku, 1973 (in Russian)].

ан-Насави Шихаб ад-Дин. *Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны.* Пер. З. М. Буниятов. М., 1996 [an-Nasawi Shihab al-din. *Sirat as-sultan Jalal al-Din Mankburny.* Tr. by Z. M. Buniyatov. M., 1996 (in Russian)].

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В. В. *Сочинения.* М., 1963. Т. 1. С. 43–601 [Barthold V. V. Turkestan in the Era of the Mongol Invasion. Barthold V. V. *Works.* Moscow, 1963. Vol. 1. Pp. 43–601 (in Russian)].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231.* М., 1986 [Buniyatov Z. M. *The State Of Khorezmshakhs-Anushteginids.* 1097–1231. Moscow, 1986 (in Russian)].

Давлатов М. *Центральная Азия накануне и в период монгольского нашествия (1201–1223 гг.).* Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Душанбе, 2010 [Davlatov M. *Central Asia before and during the Mongol Invasion (1201–1223).* Theses for the Doctor of History degree. Dushanbe, 2010 (in Russian)].

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира.* Пер. Е. Е. Харитонова. М., 2004 [Juwayni. *Genghis Khan. History of the Conqueror of the World.* Tr. by E. E. Kharitonova. M., 2004 (in Russian)].

Персидские исторические тексты. Хрестоматия. Сост. Дж. Ш. Гиунашвили, Д. В. Кацитадзе. Тбилиси, 1972 [*Persian Historical Texts. Anthology.* Ed. by J. S. Giunashvili, D. V. Katsitadze. Tbilisi, 1972 (in Persian)].

Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия. *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М., 1977. С. 107–140 [Petrushevsky I. P. The Campaign of the Mongol Troops in Central Asia in 1219–1224 and Its Consequences. *Tatar-Mongols in Asia and Europe.* Moscow, 1977. Pp. 107–140 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*: в 3 тт. Пер. А. К. Арендса, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. Т. 1, кн. 2. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*: In 3 vols. Tr. by A. K. Arends, Yu. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. Vol. 1.2. Moscow, 2002 (in Russian)].

Тарих-и Систан. (История Систана). Пер. Л. П. Смирнова. М., 1974 [*Tarikh-i Sistan. (History of Sistan).* Tr. by L. P. Smirnov. M., 1974 (in Russian)].

Тимохин Д. М. К вопросу о плане ведения войны с монголами хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. *Orientalistica Iuvenile. Сборник научных статей молодых ученых Института востоковедения РАН.* Сост. А. Д. Васильев. М., 2015. С. 46–65 [Timokhin D. M. On the Question of the Plan of Waging War with the Mongols of Khorezmshah Ala ad-Din Muhammad. *Orientalistica Iuvenile. Collection of Academic Articles of Young Researchers of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.* Comp. by A. D. Vasiliev. Moscow, 2015. Pp. 46–65 (in Russian)].

an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali.* Tr. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945 [an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat Jalal ad-Din or The Story of Jalal.* Tr. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945 (in Persian)].

Barbier de Meynard C. *Dictionnaire geographique, historique et litteraire de la Perse et des contrees adjacentes. Extrait en traduction fransaise avec quelques texts originaux, du Mo'djem el-Bouldan, dictionnaire des pays, de Ibn Abdallah el-Roumi el-Hamawi Yaqout, 1179–1229 a. d. et complete a l'aide de documents arabes et persan pour la plupart inedits avec preface analytique et des notes critiques.* Amsterdam, 1970.

Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J. C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha. Tr. M. Djebli. Paris, 1995.

Qazvini Hamdallah. *Tarihi gouzide.* Tr. by Y. Le Strange. Vol. 1. Paris, 1903.

Ṭ̲abakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Ed. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty. Vol. I–II. London, 1881.

ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin. *Celâlüttin Harezemşah.* Mütercimi: Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934 [ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin. *Jalal ad-Din Khorezmshah.* Tr. Necip Âsım [Yazıksız]. Istanbul, 1934 (in Turkish)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-89-103

ПУТИ ЯПОНСКОЙ ЖИВОПИСИ

© 2021

М. П. Герасимова*

Более полутора века в японской живописи сосуществуют два вида — *нихонга* (日本画, «японская картина») и *ёга* (洋画, «европейская картина»). *Нихонга* создается на шелке или бумаге тушью, водорастворимыми красками, пигментами минерального происхождения и пр., *ёга* — это живопись маслом на холсте. Однако главное различие заключается не в технике исполнения, а в идейном наполнении картин, обусловленном разницей в понимании мира, своего места в нем и задач живописи. Традиционно живопись считалась не искусством (понятие «искусство» было неизвестно японцам до знакомства с культурой Запада), а художественной практикой, способствующей интуитивному постижению Истины, непознаваемой в логических категориях, и называлась *гадо* (画道, «дао картин»). Появление в лексиконе японцев слова *нихонга* означало признание существования в Японии европеизированной живописи маслом, получившей название *ёга*. Первые картины маслом японские художники стали создавать в XVI веке, учась у христианских миссионеров приемам перспективы, светотени и объемно-пластического воспроизведения объектов. Отношение широких масс к *ёга* было прохладным и прагматичным — ценилась только достоверность изображения. Однако по мере интегрирования в мировое сообщество японцы познакомились с настоящим западным искусством, и, не отказываясь от своих вкусов, приняли и художественные ценности Запада. Особого внимания заслуживает живопись, созданная в результате взаимовлияния западных и японских методов. Тенденция к их совмещению зародилась в 1920-х гг. XX в. и имеет немало последователей и сегодня. В то же время живопись, исповедующая традиционное понимание ее задач, не утрачивает значимости, благополучно сосуществуя со всеми направлениями, что служит еще одним подтверждением того, что о какой бы области жизнедеятельности человека в Японии ни шла речь, новое никогда не отвергает старого.

Ключевые слова: Япония, *нихонга, ёга*, концептуальность японского искусства, средства художественной выразительности, японская живопись

Для цитирования: Герасимова М. П. Пути японской живописи. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 89–103. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-89-103

THE WAYS OF JAPANESE PAINTING

Maya P. Gerasimova

For more than a century and a half, the existence of two types of painting — *nihonga* (日本 画; Japanese painting) and *yoga* (洋 画; European painting), while within each of them there are different

* Майя Петровна ГЕРАСИМОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maiyasalve@gmail.com

Maya P. GERASIMOVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maiyasalve@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4751-3087

styles and genres, has been considered the main feature of Japanese painting in the newest time. *Nihonga* is created on silk or paper with ink, water paints, and pigments obtained from minerals, etc., *yōga* — is an oil painting on canvas. However, the main difference lies not in the technique, but in the ideological content of the paintings, caused by the peculiarities of understanding the world, one's place in it and the tasks of painting. Traditionally, painting was not considered as art (the concept of 'art' was unknown to the Japanese before they got acquainted with Western culture), but as an artistic practice that contributes to the intuitive comprehension of the Truth, unknowable in logical categories, and was called *gadō* (画道; The Way of Pictures). The coining of the word *nihonga* in Japanese lexicon meant recognition of Europeanized oil painting existence in Japan, which came to be called *yoga*. Japanese artists began to create first oil paintings in the 16th century, learning from Christian missionaries the technique of perspective, chiaroscuro and volumetric-plastic reproduction of objects. The attitude of the general public towards *yoga* was very cool and pragmatic for a long time — only the realism and accuracy of the image were appreciated. However, over time, as Japan integrated into the world community, the Japanese, became acquainted with real Western art and without giving up their tastes, adopted the artistic values of the West. Particularly noteworthy is the painting created as a result of the mutual influence of Western and Japanese methods. At the same time, painting does not lose its significance, happily coexisting with all directions, confirming the fact that no matter what area of human life in Japan is discussed, the new never rejects the old.

Keywords: Japan, nihonga, yoga, conceptuality of Japanese art, means of artistic expression, Japanese art.

For citation: Gerasimova M. P. The Ways of Japanese Painting. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 89–103. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-89-103

О японском изобразительном искусстве написано довольно много и в России, и за рубежом, причем за пределами Японии намного больше, чем в самой стране восходящего Солнца. Причиной тому является ряд факторов исторического и философского порядка, определивших особенности развития страны во всех сферах жизни. В первую очередь к этим факторам относятся реформы по Западному образцу во второй половине XIX в.[1], проводимые с целью ликвидировать двухвековую отсталость Японии от развитых стран Запада. Приоритетом государственной политики была модернизация. Преобразования по западному образцу коснулись не только государственного устройства, законодательства, социально-экономической политики, образования, но и культурного наследия. Материальные и духовные памятники были пересмотрены и классифицированы по критериям, принятым на Западе, исходя из западноевропейского понимания искусства, его сути и функций.

В ту пору лексикон японцев пополнили неизвестные дотоле слова «искусство» *(гэйдзюцу* 芸術)[2], которым ныне обозначают все, что называется «искусством» на

[1] Вторая половине XIX в. — период, наступивший после так называемой реставрации Мэйдзи 1867 г., когда пришел конец изоляция Японии, длившийся в течение двух с половиной веков вследствие официальной политики военного правительства Токугава, известной как «политика закрытых дверей» (*сакоку;* 鎖国; букв. «запертая страна»). Власть императора была восстановлена, Япония стала конституционной монархией, и приступила к проведению реформ по западному образцу с целью ликвидировать двухвековую отсталость от развитых стран Запада.

[2] Строго говоря, слово *гэйдзюцу* впервые встречается в китайской исторической хронике V в. н. э. «История империи Поздняя Хань» (後漢書, кит «Хоу Ханьшу», яп. «Гокандзё»), но отсутствует в словаре японских архаизмов: общеупотребительным оно стало спустя 13 веков, для перевода на японский слова «искусство».

европейских языках, и *бидзюцу* 美術 для обозначения искусств, называемых на Западе изящными (fine arts). Слово *гэйдзюцу* в 1880-е гг., когда Япония стремилась интегрироваться в мировое сообщество, стало одним из ключевых слов японской идеологии, а японское искусство, получившее восторженное признание у жителей Запада, японские идеологи предлагали рассматривать как средство самоидентификации нации[3]. Это был непростой период, характеризующийся стремлением, с одной стороны, уподобить систему государственного устройства системам развитых стран Запада, заимствовать достижения науки и техники, изменить образ жизни, а с другой стороны — сохранить национальную идентичность, противопоставив западной культуре нечто «специфически» японское. Носителем этого «специфически японского» стали считаться художественные традиции и их материальное воплощение.

Однако понятие «искусство» как культурный и социальный феномен японцам все еще было непонятно, поскольку, существуя фактически, оно не осознавалось как таковое.

О КОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ ЯПОНСКОГО ИСКУССТВА

Причины имплицитного существования искусства в Японии имеют мировоззренческие корни: «синто-буддийско-даоский синкретизм, на основе которого формировались миропонимание японцев и их нравственные и духовные ценности, совершенно по-иному определил роль и значение художественных практик в жизни общества и человека, иными словами, роль и значение искусства, равно как критерии художественности, и эстетические идеалы [Герасимова, 2018а, с. 45]. Традиционно художественные практики рассматривались как одно из средств интуитивного познания невыразимой в логических категориях истины и приобщения к всеобщей гармонии, понимание которой лежало в основе как местных верований, так и освоенных учений, и назывались они, как и все другие средства имеющие ту же цель и способствующие тому же, «Путями» (道 *до* или *мити*, кит. *дао*), без упоминания о которых невозможен разговор о традиционной культуре японцев.

Слово «путь» имеет даосское происхождение и означает Вселенский путь, иными словами, путь истинно сущего. Позднее слово «путь» в китайском, корейском и японском буддизме стало употребляться для обозначения Пути Будды, Пути гармонического развития Вселенной. «Путями» в Японии называли и культурные традиции, одухотворенные религиозным мировоззрением — «Путь чая» (*садо;* 茶道) известный на Западе как чайная церемония, «Путь цветов» (*кадо;* 華道), икебана, «Путь письмен» — каллиграфия (*сёдо;* 書道), «Путь самурая» (*бусидо*), «Путь слияния энергий» (*айкидо;* 合気道) и пр.

Вследствие своего миропонимания японцы не противопоставляли созданное человеком созданному природой, у них не возникало стремления выразить собственное «я», раскрыть свое понимание мира, «зафиксировать» авторство. Отсюда характерная для японской культуры гомологичность и концептуальность искусства, пронизанного идеей

[3] О том, кем и как проводилась эта политика, подробнее см.: Лебедева О. И. Искусство Японии на рубеже XIX–XX вв.: Взгляды и концепции Окакура Какудзо (1862–1913). URL: https://www.livelib.ru/book/1002020411-iskusstvo-yaponii-na-rubezhe-xixhh-vv-vzglyady-i-kontseptsii-okakura-kakudzo-olga-lebedeva (дата обращения 03.04.2021).

значимости и неповторимости единичного существующего в лоне Единого (подробнее см.: [Герасимова, 2018а; 2020]). Иными словами, в основе любых эстетических концепций лежало убеждение в единой природе и предназначении всех видов искусств.

Для расшифровки выше сказанного, не опасаясь отойти от темы, представляется необходимым хотя бы кратко изложить систему *мировоззренческих взглядов*, обусловивших концептуальность японского искусства. Причина этой концептуальности кроется в установке на *макото*, — исходном принципе этических и эстетических ценностей, воспринимающемся как стремление постичь подлинную природу каждой вещи, феномена, предмета — как одушевленного, так и неодушевленного, понимание их всеобщей взаимосвязанности (*бамбуцу иттай;* 万物 一体). Иными словами, в основе концептуальности японского искусства лежит понимание взаимосвязанности «единичного и Единого», и восприятие единичного как манифестации Единого (подробнее см.: [Герасимова, 2020]). Исходя из этого любой предмет, одушевленный или неодушевленный, явление и событие, действие, в том числе, человеческие эмоции и поступки, важны не только сами по себе, но и как существующие в лоне единого Универсума и являющиеся его манифестацией.

Глубокий знаток японской культуры и искусства Н. С. Николаева в книге «Японские сады» пишет: «Средневековое искусство тесно связано с религиозными и нравственными идеями, ему присущи сложная символика, желание увидеть не частное и конкретное в его собственной ценности, но осознать это конкретное как знак чего-то более значительного, имеющего всеобщий, универсальный смысл» [Николаева, 1975, с. 7]. Эту особенность миропонимания японцев подметил и Ван Гог. В письме к брату Тео он пишет: «Изучая искусство японцев, мы неизменно чувствуем в их вещах умного философа, мудреца, который тратит время — на что? На измерение расстояния от Земли до Луны? На анализ политики Бисмарка? Нет, просто на созерцание травинки. Но эта травинка дает ему возможность рисовать любые растения, времена года, ландшафты, животных и, наконец, человеческие фигуры. Так проходит его жизнь, и она еще слишком коротка, чтобы успеть сделать все. Разве то, чему учат нас японцы, простые, как цветы, растущие на лоне природы, не является религией почти в полном смысле слова?» [Ван Гог, 1966, с. 406]. Очевидно, что под выражением «религия почти в полном смысле слова» Ван Гог имел в виду миропонимание, основанное на ощущении человеком связи со всем бытием, имеющим определенные закономерности.

Восприятие частного в его связи с абсолютным Целым обусловило философскую поэтичность, вернее, опоэтизированную философичность японского искусства и литературы, что находит выражение в их идейно-содержательной «двуплановости». В традиционной японской поэзии это проявляется как одновременное существование в произведении двух планов — выражающего Вечное и Бесконечное космографического плана, и плана «реального», соотносимого с преходящестью мирского. Отсюда стремление «зафиксировать» мгновение «здесь и сейчас», предопределившее характер экспромта традиционных жанров японской поэзии, и своеобразие средств художественной выразительности в изобразительном искусстве, проявившееся в композиции, отличительной особенностью которой является незаполненное рисунком пустое пространство, символизирующее Вечное и Бесконечное, и деталь, говорящая о сиюминутном мирском [Герасимова, 2020, с. 145].

Как бы пафосно это ни звучало, поэты воспевали мгновения, тонущие в Вечности, и это был Путь песни (*кадо;* 歌道); а художники, стремились передать в творческом акте не достоверный облик изображаемого, а эмоционально познанную в конкретное время в конкретном месте его обобщенную суть, и это был «Путь картин» (*гадо;* 画道). При этом особенно важно было уметь передать «ситуативное чувство» — эмоцию, испытанную поэтом или художником, вызвав у других такой же эмоциональный отклик. Так японцы постигали сокровенный смысл бытия[4]. Таким образом, различия в понимании искусства и его роли в жизни общества, характерные для западноевропейской и японской традиций, несомненны и очевидны. Поэтому, не вдаваясь в искусствоведческий анализ, небезынтересно проследить пути формирования феномена существования в японской живописи двух видов живописи — *нихонга* и *ёга.*

Нихонга и *ёга*

В ходе мэйдзийских реформ при пересмотре культурного наследия материальные и духовные памятники были классифицированы по критериям, принятым на Западе, исходя из западноевропейского понимания искусства, его сути и функций. Возможно, именно поэтому японское искусство эпох наивысшего расцвета всех его видов до реставрации Мэйдзи (Нара (710–794), Хэйан (794–1185), Камакура (1185–1333), Муромати (1336–1573), Адзути Момояма (1568–1600/1603)) японские исследователи зачастую называют «конструктом западного происхождения», — произведения собственного искусства не воспринимались как таковые, поскольку традиционно мотивация при их создании была совершенно иной, по-иному виделось их назначение[5].

Забегая вперед, следует сказать, что знакомство с западноевропейским искусством имело особенно важное значение: «оно меняло установку, а именно — призывало человека посмотреть внутрь себя, рассказывало о том, что бывает внутренний мир художника, непохожий на все остальные, и что всякий мир может быть изображен через призму собственного “Я”» [Герасимова, 2014б, с. 175]. Но это случилось значительно позже. Именно в этот период пересмотра культурного наследия по западным критериям в 1880-е гг. появилось слово *нихонга* (日本画), что значит «японская живопись».

Появление слова *нихонга* означало одновременно признание просуществовавшей к тому времени в Японии в течение почти двух веков европеизированной живописи, которую с появлением слова *нихонга* стали называть *ёга* (洋画; букв. «европейская картина, живопись)». *Ёга* создавали японские художники, учась у прибывших в Японию до закрытия страны христианских миссионеров (XVI в.) и называли ее *ёфуга* (洋風画; букв. «картина в европейском духе»).

[4] Подробнее о самоценности эмоции в японском культурном пространстве см.: [Герасимова, 2018в].

[5] Этим объясняется и то, что музейная институция в Японии имеет сравнительно короткую историю — первые музеи в Японии появились только во второй половине XIX в. в ходе проведения реформ по западному образцу. В отличие от стран Запада, в Японии художественные музеи появились намного позднее познавательных. Их экспонаты воспринимались как характеризующие эпоху, социальную среду, степень мастерства их создателя и вызывали скорее познавательный интерес, чем эстетическое наслаждение. См.: [Герасимова, 2014а].

Слово *нихонга* впервые прозвучало в мае 1882 г. как перевод “Japanese painting” в лекции «К вопросу о правде в искусстве» (“An Explanation of the Truth of Art”, яп. *бидзюцу синсэцу;* 美術真説); ее читал перед членами общества, ведающего вопросами материального культурного наследия «Рю̄тикай» (龍池会), приглашенный в Японию и внесший огромный вклад в просвещение японцев американский философ и этнограф Эрнест Феноллоза (1853–1908). Среди слушателей находилось немало государственных чиновников, ответственных за проведение реформ. Феноллоза уделил немало внимания принятому на Западе пониманию искусства как культурного и социального феномена. Для японцев, привыкших рассматривать художественные практики как Пути, то есть духовные практики, постижение концепции Феноллозы было подобно духовной инициации. Лекция, познакомившая японцев с иным понимаем мира и происходящих в нем процессов, была одним из толчков, способствовавших изменению массового сознания жителей Японии (подробнее см.: [Герасимова, 2013]).

Феноллоза высоко оценил в лекции японское искусство, особо остановившись на живописи *ямато-э*[6] и обозначил ее особенности:

1. изображение лишено фотографической точности (写真のような写実を追わない; *сясин-но ё̄на сядзицу-о ованаи)*
2. отсутствие тени(陰影が無い; *энкэй га наи*)
3. четкие линии, контур (鉤勒, 輪郭線がある; *ко̄року, ринкаку га ару*)
4. ненасыщенные тона (色調が濃厚でない; *сикитё̄га но̄ко̄дэ най)*
5. достижение выразительности скупыми средствами (表現が簡潔である; *хё̄гэн га канкэцу дэ ару)*[7].

Из перечисленных особенностей *нихонга* наиболее значимой можно считать отсутствие «фотографической точности». Именно оно является следствием своеобразного понимания японцами задач живописи, и причиной использования ими специфических средств художественной выразительности.

Руководствуясь заповедным принципом *макото* и пытаясь максимально верно передать подлинную суть изображаемого, японцы не только уходили от полного натуроподобия, но и допускали различные «искажения», преувеличения и приуменьшения, нарушение масштабов относительно изображаемых предметов, поскольку именно таким образом достигалась выразительность эмоционально познанной обобщенной сути изображаемого. Словом, работы японских художников были лишены реалистической достоверности.

Изображения японских художников и не могли быть иными, поскольку в Японии не существовало практики письма с натуры. Художниками, как и поэтами, руководило философско-поэтическое восприятия мира, являющееся объединяющим идейным началом любого вида творчества в русле японских традиций.

Говоря о *нихонга*, Феноллоза имел ввиду полихромные направления живописи

---

[6] *Ямато-э* (大和絵, букв. «японская картина»), названная так, дабы подчеркнуть ее отличие от живописи, основанной на китайской традиции — *караэ* (唐絵; букв. «китайская картина») в период становления японской самобытности в эпоху Хэйан (794–1185).

[7] Nihonga-no rekishi (История *нихонга*). *Eko-Ring*. URL: https://kottou.eco-ring.com/151203/04/2021 (дата обращения 03.04.2021).

ямато-э — школы Тоса (Тоса-*ха;* 土佐派), Кано̄ (Кано̄-*ха;* 狩野派), Римпа (琳派), которые «при всей разновременности и различии выступают как целостное явление, представляющее… эволюцию одной художественной системы, то есть совокупности художественных средств, обусловленных единством центрального момента мировоззрения, типом соотношения человека и мира [Бродский, 1969, с. 44]. Приведем еще одну цитату: «Живопись *ямато-э* с самого начала выступала как явление глубокого мировоззренческого плана. Само ее появление было результатом сложившейся особой художественной концепции мира» [Бродский, 1969, с. 87]. При этом светская живопись в Японии и в последующие века развивалась в русле *ямато-э*. Время и связанные с ним перемены вносили свои коррективы, появлялись новые стили, но сохранялись свойственные этому виду живописи особенности композиции, средства художественной выразительности, позволяющие подчеркнуть эмоциональный строй изображаемого.

Сегодня, как и прежде, художники *нихонга,* сохраняя характерную традиционную стилизованность и декоративность, создают изображения на шелке, на бумажных свитках, веерах, ширмах и экранах тушью или водорастворимыми красками, пигменты для которых получают из минералов (малахита, лазурита, киновари), раковин и кораллов. Художники *ёга*, так же, как и западные мастера, пишут маслом на холсте, используя приемы перспективы, светотени и объемно-пластического моделирования, которым научились у европейцев. Однако прошло немало времени с тех пор, когда японские художники начали овладевать техникой письма маслом и создавать свои «картины в европейском духе» *ёфуга* (洋風画); произошло это на первом этапе знакомства японцев с западноевропейской живописью.

Ёга (洋画) в стадии *ёфуга* (洋風画)

Японцы впервые увидели написанные маслом картины европейских художников во второй половине XVI в.[8] — это были привезенные португальскими и испанскими иезуитскими и францисканскими миссионерами работы европейских мастеров. Японцы были поражены эффектами, достигаемыми при владении приемами европейской живописи: их поразила возможность достоверно воспроизвести внешний вид предмета и глубину пейзажа. Японцы пытались овладеть этими приемами, копируя картины на религиозные сюжеты. Количество привезенных миссионерами живописных работ было ограничено, поэтому для овладения навыками одни и те же картины копировались по несколько раз. Со временем сюжеты стали разнообразнее, включали сцены из жизни европейской знати, пейзажи, в том числе городские, портреты европейцев с музыкальными инструментами; таким образом японцы одновременно знакомились и с европейским стилем жизни. Картины европейских мастеров называли «картинами южных варваров» (*нанбан-э;* 南蛮絵).

«Южными варварами» (*нанбандзин;* 南蛮人) называли в Японии первых португальцев, а затем и всех европейцев. Их образ жизни, манеры, привычки, вкусы вызывали большой интерес во всех слоях общества. Искусство, возникшее под влиянием западноевропейских традиций во второй половине XVI в. до закрытия

[8] Первыми европейцами в Японии были португальцы, высадившиеся на острове Танэгасима в 1543 г.

страны[9], (по японскому летоисчислению это период между эпохой Адзути Момояма (1568/1573–1600/1603) до начала эпохи Эдо (1603–1868) в Японии называют «искусством южных варваров» (*нанбан бидзюцу;* 南蛮美術).

Однако в 1697 г., спустя полвека после начала политики самоизоляции Японии от внешнего мира, и единственным каналом, через который с помощью голландцев поддерживались торговые связи, был порт Дэдзима (出島; иногда Дэсима), в Нагасаки, в губернаторской канцелярии была учреждена так называемая «должность инспектора по китайским картинам» (*кара-э мэкики;* 唐絵目利), в обязанности которого кроме досмотра и описи товаров из Китая и Голландии входило копирование наиболее интересных живописных работ.

На первых порах на должность *мэкики* назначали власти, но спустя некоторое время она стала передаваться по наследству. Со временем в Нагасаки выделилось четыре семьи художников-*мэкики*, занимавшихся копированием ввозимой живописи — Араки (荒木家), Ватанабэ (渡辺家), Исидзаки (石崎)家 и Хироватари (広渡家). Каждая семья стала родоначальницей своей школы живописи в стиле «картин южных варваров», или, как его стали называть иначе — «картины в европейском (западном) духе» (*ёфӯга;* 洋風画), передавая мастерство следующим поколениям (Ватанабэ — 8 поколений, Исидзаки — 5 поколений, Хироватари — 15 поколений, Араки — 8 поколений (их работы представлены в некоторых музеях Японии; имена первых представителей неизвестны).

Во второй половине эпохи Эдо (1730-е гг.) все еще в условиях «закрытой страны» и запрета на общение с иностранцами, через порт на острове Дэдзима в Японию при посредничестве голландцев, к которым военно-феодальные власти относились более благосклонно[10], чем к другим иностранцам, ввозились не только разнообразные товары из Китая и других стран Азии и Европы, но и картины, написанные маслом, и гравюры на меди. У некоторой части японцев гравюры вызывали особый интерес, поскольку изображенные на них растения, насекомые, различные механизмы служили иллюстрациями к западноевропейским открытиям в области естественных наук. В Японии, сильно уступающей в научно-техническом отношении Европе, необычайно возрос интерес к «голландским наукам» (*рангаку*; 蘭学) и к голландской живописи, которую называли *ранга* (蘭画; букв. «голландская живопись», чаще «живопись рыжеволосых» (*ко̄мо̄га;* 紅毛画). Исследователи полагают, что «картины южных варваров» — это первый период в истории *ёфӯга*, а «живопись рыжеволосых» — второй[11].

Несмотря на настороженное отношение правительства ко всему иностранному, японские художники продолжали изучать приемы европейской живописи и пробовать силы в работе маслом, создавая «картины в европейском духе». «Некоторые из

---

[9] В 1641–1853 гг. военное правительство Японии проводило политику самоизоляции, получившую название *сакоку* (букв. 鎖国, «запертая страна»), в результате которой Япония была изолирована от внешнего мира.

[10] Голландцы не занимались миссионерской деятельностью, а главное, оказали помощь сёгунату в подавлении восстания в Симабара, вспыхнувшего в результате репрессий против японских христиан, поэтому Голландской Ост-Индийской компании было разрешено вести торговлю через Нагасаки.

[11] Ёфӯга. *Kotobank*. URL: https://kotobank.jp/gs/?q=%E6%B4%8B%E9%A2%A8%E7%94%BB (дата обращения 03.04.2021).

практиковавших живопись в западном стиле художников оставили записки, из которых известно, что первопроходцы картин в западном стиле в новой технике ценили точность воспроизведения натуры, "фотографичность", и сами получившиеся картины оценивали с прагматической точки зрения» [Лебедева, 2016, с. 109].

Однако среди художников были и мастера, заинтересованные не только овладением новыми техническими приемами, но и постижением эстетических основ европейской живописи. Одним из них был энтузиаст изучения «голландских наук», так называемый *рангакуся* (蘭学者) Сиба Ко̄кан (1738–1818), начинавший карьеру живописца как последователь школы Кано̄ (狩野派; *каноха* — ветви живописи *ямато-э*), но потом увлекся деревянными гравюрами *укиё-э* (浮世絵)[12]. Сиба был поражен голландскими гравюрами на меди, иллюстрировавшими достижения естественных наук в Европе, научился их изготавливать, освоил технические приемы европейской живописи и ныне считается основателем живописи *ёо̄га*.

После реставрации Мэйдзи и начала новой, полной противоречий жизни в условиях реформ именно «фотографичность» *ёга* оказалась в высшей степени востребована, сперва для картографии и военного дела, а затем для иллюстраций в учебниках и других познавательных изданиях. В первой половине эпохи Мэйдзи «для живописи маслом нашлись практические задачи в новом мэйдзийском государстве: портрет императора, выполненный маслом в реалистической технике, входил в число необходимых атрибутов "современной и просвещенной Японии", образ которой строился по примерам европейских стран»[13] Так или иначе, среди японских художников нашлись энтузиасты, продолжавшие совершенствоваться в письме маслом, для *ёо̄га* находилось применение в жизни, но отношение к этому искусству было неоднозначным.

Нихонга (日本画). Жанры

В числе мастеров, проявивших особый интерес к новой технике, был отличавшийся не только талантом, но и любознательностью, Маруяма О̄кё [14] (円山 応挙; 1733–1795), принадлежавший, как и его современник, родоначальник живописи *ёо̄га* Сиба Кокан, направлению Кано̄, художники которой расписывали в домах

[12] *Укиё-э* (букв. «картины плывущего мира»). *Укиё* (букв. «плывущий мир») — метафора земной жизни с ее радостями и огорчениями, представляющей собой по буддийским понятиям не что иное, как преходящий, бренный мир. *Укиё* в буддийском понимании записывалось иероглифами, где *уки* означало «печальный» (憂き), а *ё* — «мир». В конце XVII в. (период Гэнроку; 1688–1704) иероглиф *уки* со значением «печальный» был заменен иероглифом, имеющим то же чтение, но означающим «плывущий», «изменчивый» (浮).

[13] Лебедева О. И. К вопросу об исторической живописи в Японии 1890-х гг.: полемика Тояма Сёити Мори Огай. URL: https://www.academia.edu/28768722/ (дата обращения 03.04.2021).

[14] Маруяма О̄кё, настоящее имя Масатака, работал под разными именами, но в 1766 г. взял имя О̄кё (応挙), позаимствовав последний иероглиф со значением «поступок», «начинание» «акт» (яп. *кё*; 挙) из имени китайского художника и поэта Цянь Шуньцзуя (銭舜挙; известного также как Цянь Сюан; 銭選, ок. 1235–1301), сочетавшего разные техники изображения пейзажа. Прочитанное по-японски сочетание иероглифов *о̄* (応) и *кё* (挙), из которых состоит имя О̄кё, означает «следую за Шуньцзюем», то есть «сочетаю разные техники».

военных феодалов двери-*фусума* и экраны, сочетая достижения школы *ямато-э* и китайскую технику работы тушью. Впоследствии прекрасно владевший техникой китайской живописи, осваивая художественные приемы европейской, Маруяма отошел от школы Канō, выработал собственный стиль и прославился как родоначальник школы, названной его именем — Маруяма-*ха* (円山派). Отличительной особенностью творческой манеры художников школы было применение так называемого метода *сясэй* (写生; букв. «отражать живое, натуру»), предполагавшего умение делать зарисовки объектов видимого мира с натуры, что, как отмечалось, в Японии прежде не практиковалось. Представляемое ими направление называли *сясэйха* (写生派, букв. «школа отражения натуры») и ассоциировали со школой Маруяма — Маруяма-*ха* (派).

Работы художников школы пользовались особой популярностью у преуспевающих горожан, с удовольствием противопоставившим новое направление сформировавшимся в русле живописи *ямато-э* школе Тоса (Тоса-*ха;* 土佐派), любимой аристократами, и школе Канō (Канō-*ха;* 狩野派), работы которых украшали замки военной знати.

Приверженцы направления *сясэйха*, как и другие японские живописцы, никогда не писавшие с натуры и привыкшие к передаче эмоционально познанной сути изображаемого в двух измерениях, считали, что именно зарисовки с натуры помогут воспроизвести изображаемое таким, каково оно в реальной жизни, что позволит вернее передать его подлинную суть. Интересно отметить, что слово *сясэй* взято из лексикона китайских живописцев, традиционно также не писавших с натуры и утверждавших: «природа учит, просто любуйся знаменитыми горами и реками и возвращайся домой с воспоминаниями о них[15].

«Сясэй» (китайское *сешэн*) — «писать живое, натуру», — возникло как противопоставление *сяи* (写意) — букв. «отражать воображаемое, мысли, чувства, идею»; в Японии оно стало рассматриваться как метод, привнесенный с Запада, позволяющий правдиво изобразить окружающий мир и все, что в нем существует. Стремление к правдивому воспроизведению на первый взгляд вполне совпадало с традиционным стремлением японцев к *макото*, и метод *сясэй* с энтузиазмом восприняли некоторые живописцы как «новый прием», позволяющий передать подлинную суть изображаемого.

Однако усвоить анатомическое строение тел живых существ и изобразить их особенности в движении было для японских художников новой задачей; сразу справиться с ней удавалось немногим. Проблем заключалась даже не в технике, а в понимании «правдивости изображения». Японцам было очевидно, что достоверность изображения и узнаваемость объекта хотя и могут вызвать восхищение мастерством, но их недостаточно, чтобы пробудить эмоциональный отклик.

Считается, что смысл нового понимания задач живописи удалось донести до современников» Маруяма Окё. Рассказанная им история о том, как Маруяма понял, в чем смысл правдивости изображения, стала притчей, которую передают, когда нужно объяснить, что такое *сясэй*. История выглядит так. Целыми днями Окё наблюдал из пещеры за пасущимися кабанами и делал зарисовки, после чего показывал их

[15] Сясэй (写生). *Wikipedia*. URL: https://zh.m.wikipedia.org/zh-hans/写生 (дата обращения 03.04.2021).

охотникам, присевшим отдохнуть неподалеку от пещеры. Так продолжалось изо дня в день. Каждый раз Окё, показывая рисунок с изображением кабана, спрашивал охотников, верно ли: 1) что это кабан и 2) что он мертв. Каждый раз охотники подтверждали, что на свитке изображен мертвый кабан. Но настал день, когда Окё показал рисунок, задал те же вопросы, и охотники ответили: «Нет, кабан не мертв, он спит»[16].

Маруяма удалось передать «*живое дыхание*», отличающее многие его работы, изображающие птиц, зверей, растения, иногда выполненные по золотисто-серебристому фону, как требовала традиционная декоративность (большая часть пространства традиционно не заполнена изображением). Однако сами работы сильно отличаются от стилизованных, обобщенных «идейных» образов, характерных для остальной традиционной живописи XVIII в. Прекрасно владевший разными техниками и тонко чувствовавший подлинную суть изображаемого Маруяма сумел совместить традиционную эмоциональную выразительность с достижениями западноевропейской живописи. Однако в идейном плане он оставался в русле национальной живописи, и созданная им школа *Маруяма-ха* причисляется к национальной живописи *нихонга*.

Новаторство Маруяма было принято далеко не всеми: метод *сясэй* был отвергнут художниками-*бундзин* (文人)[17]. В отличие от Китая, в Японии *бундзин* называли не только чиновников, но и всех, для кого занятия искусствами не были профессией, — торговцев, купцов, самураев, ремесленников и пр. Японские *бундзины* добавляли к своим картинам трехстишия хайку. Созданный ими жанр получил название *бундзинга* (文人画; букв. «живопись бундзинов»), но по аналогии с китайской традицией его также называли *нанга* (南画; «южная живопись»), противопоставляя школам Тоса и Кано, признанным ведущими направлениями в живописи *ямато-э*.

Жанр *бундзинга* вобрал в себя все сформированные на национальной мировоззренческой основе художественные приемы, добавив к ним резкие и контрастные контурные линии. Возможно, именно поэтому *бундзины* не восприняли новаторство Маруяма, отвергнув и метод *сясэй*.

Однако у Маруяма Окё было немало последователей, сюжетами картин которых стали пейзажи, цветы, птицы, животные, люди, изображаемые традиционными материалами (шелк, бумага, тушь, клеевые водорастворимые краски и т. п.) в более реалистической «западной» манере с сохранением своеобразия, присущего традиционной живописи. Одному из них, впоследствии прославленному художнику Мацумура Госюн (松村 呉春; 1752–1811), удалось совместить в художественном стиле достижения школы Окё и живописи *бундзинга*. После смерти учителя Мацумура открыл мастерскую на Четвертом проспекте в Киото. Здесь собирались художники, приветствовавшие реалистичность изображений в духе Окё и считавшие целью

[16] Подробнее о Маруяма Окё см.: [Гартман, 1908].

[17] Китайское по происхождению слово *бундзин* (文人; кит. вэньжэнь) означает «преуспевший в науках, образованный человек». В Китае бундзинами называли чиновников, занимавшихся изящными искусствами для собственного удовольствия, противопоставляя их творчество работам живописцев-профессионалов из Придворной Академии живописи. Первых относили к так называемой «Южной живописи», а вторых к «Северной», однако никакого отношения к географии названия не имели, служа лишь намеком на противопоставление в духе дзэн (кит. чань).

творчества не документальную достоверность, а воспроизведение «внутреннего состояния». Свою художественную школу они называли *Сидзё-ха* (四条派; букв. «Школа Четвертого проспекта»). В Японии обе школы (Маруяма-*ха* и *Сидзё-ха)* объединяют в одно направление, называемое «направление Маруяма–Сидзё» (円山四条派; Маруяма *сидзёха*), употребляя в названии фамилию художника — Маруяма и название улицы — *Сидзё*.

В Японии противостоящие друг другу направления Маруяма–Сидзё-*ха* и *бундзинга* относят к одной школе, условно называемой «киотоской» (*кёто̄ха;* 京都派). К ней же причисляют и полные философского смысла монохромные картины тушью *суйбокуга* (水墨画) и *сумиэ* (墨画)[18], исходя из общего для этих жанров акцентирования эмоциональной выразительности запечатленного момента — мгновения, выхваченного из Вечности, и разной по манере исполнения, но неизбежной в силу «функциональности» японской живописи вообще — декоративности.

Зародившийся в Китае и Корее в IX–XII вв. монохромный жанр тушью был воспринят в Японии как высокая живопись для медитаций[19] и постепенно, не теряя характерных черт, приобрел японское своеобразие, проявлявшееся в подчеркнуто выраженном эмоциональном строе картины, в результате чего был причислен к *нихонга* наряду со считавшимся до реставрации Мэйдзи низким жанром гравюрой *укиёэ* (浮世絵). В пору развития городов и формирования городской культуры (*тё̄нин бунка;* 町人文化; эпоха Эдо) гравюры *укиёэ* зачастую выполняли роль рекламных листков[20], однако ряд художественных приемов говорил о преемственной связи с *ямато-э*, что стало основанием для причисления *укиёэ* к *нихонга.*

Философичности *суйбокуга и сумиэ* противостоит не только незатейливость атрибута городской культуры *укиёэ*, но и утонченность любимой аристократией «наследницы классической *ямато-э*» школы Тоса, акцентирующей эмоциональный строй изображаемого, и декоративность школы Кано̄, росписи которой украшали дома и замки военных феодалов могучими соснами и тиграми на золотом фоне, намекая на силу и власть хозяев.

Несмотря на стилевое различие всех рассмотренных жанров, учитывая их концептуальную общность, обусловленную «Путем картин» *гадо̄*, все перечисленные направления с 1880-х гг. принято объединять в группу *нихонга*, противопоставляя ее европеизированным картинам маслом *ёо̄га.*

Путь *ёо̄га* был непрост, однако, несмотря на то что в течение длительного периода она не пользовались популярностью, выразить чувства, обуревавшие людей в условиях бурно меняющейся жизни, средствами *нихонга* было невозможно, и японские художники стали обращаться к западной живописи. Однако западноевропейская живопись

[18] *Суйбокуга* и *сумиэ* отличаются тем, что в суйбокуга в тушь добавляется вода.

[19] Отличительной особенностью *суйбокуга* и *сумиэ* является незаполненное рисунком белое пространство, так называемые *ёхаку* (余白), ставшее своего рода средством художественной выразительности для передачи одного из важнейших понятий буддийской философии *му* (無) — пустоты как субстанции, в которой все существует в потенции, из которой все появляется и в которой исчезает, продолжая существование в неявленной форме.

[20] Художественные достоинства *укиёэ* в Японии были оценены лишь после того, как к ним проявили огромный интерес иностранцы, скупавшие их за бесценок.

требовала другого взгляда на мир, на себя и свое место в нем, поэтому удачных работ оказалось не так много.

В 1895 г. после посещения Национальной выставки, где были представлены достижения в разных областях деятельности людей, живущих в стране, бешенными темпами преодолевающей свою отсталость, Лафкадио Хэрн[21] писал: «Самым слабым местом художественного раздела выставки являются картины маслом, выполненные в манере европейцев. Нет таких причин, которые препятствовали бы японцам писать великолепные картины маслом, применяя свои собственные методы художественной выразительности. Но попытки подражать западным образцам подняли их умение создать по-настоящему реалистичное изображение всего лишь на посредственный уровень. Писать превосходные картины маслом по законам западного искусства для них пока — непосильная задача. Возможно, им еще удастся найти пути к красоте, пусть это будет даже живопись маслом, если они приспособят эти новые для них техники требованиям национального духа; но пока нет никаких признаков, говорящих о готовности совершить это»[22]. Очевидно, что первоначальные неудачи в попытках японцев писать маслом — результат неумения взглянуть на мир глазами европейцев, увидеть окружающее через призму собственного «я».

Тридцать лет спустя, судя по записям Б. Пильняка, сделанным в 1926 г. после посещения выставки Национального Живописного Общества, где «были выставлены полотна более тридцати современных японских художников», этого времени было недостаточно для перестройки сознания, необходимой, чтобы понять творческие задачи и критерии художественности западного искусства. «Из тридцати — только у четырех-пяти — у Сахара, у Тамаки у Такаяма, у Мураками — сохранилась старо-японская манера письма, — работы же остальных несут на себе следы голландцев, французов и даже англичан» [Пильняк, 2004, с. 78]. Пильняк продолжает: «Японские классические картины в Императорском Музее, написанные сотни лет назад, — есть то, к чему сейчас стремятся революционнейшие художники Запада и России, в частности, — есть последнее слово западноевропейского мастерства. А достижения этих последних — есть тот канон, от которого на Западе теперь освобождаются — во имя классики японской живописи» [Пильняк, 2004, с. 78].

Эти строки написаны в 1920-е гг. Как известно, на Западе это период творческих исканий, зарождения разных направлений, увлечения всем новым и необычным. Нечто похожее происходило и в Японии. Число художников, работавших в «европейском стиле», не уменьшалось, при этом «если в конце XIX в. среди художников “западного стиля” обычным было академическое направление в живописи, в первые десятилетия XX в. наибольшее распространение получили импрессионистические тенденции» [Николаева, 1966, с. 796]. Импрессионизм, если можно так сказать, стал точкой пересечения западных и японских интересов. В эти же годы зародилась имеющая

[21] Лафкадио Херн (в Японии известен также как Коидзуми Ягумо (小泉 八雲; 1850–1904), ирландско-американский прозаик, переводчик, лингвист, долгое время проживший в Японии и внесший неоценимый вклад в изучение японского фольклора, нравов и обычаев.

[22] См. Lafcadio Hearn. Kokoro: Hints and Echoes of Japanese Inner Life. *Freeditorial.com*. URL: https://freeditorial.com/en/books/kokoro-hints-and-echoes-of-japanese-inner-life (дата обращения 03.04.2021).

немало последователей и сегодня тенденция совмещать в творчестве японские и западные методы.

Однако наибольшим признанием в обществе в течение долгого времени пользовались художники *нихонга*. Прохладное отношение к европейской живописи в широких массах скорее всего было вызвано не только тем, что им была непонятна ее идейная направленность, но и тем, что с подлинной западной живописью они просто не были знакомы (первый в Японии музей западного искусства открылся в городе Курасики лишь в 1930 г.). Ситуацию хорошо понимали японские интеллектуалы, развернувшие кипучую деятельность, направленную на понимание японцами искусства как культурного и социального феномена и на воспитание художественного вкуса при знакомстве с ним. Как показало время, их усилия увенчались успехом. К тому же интеграции в мировое сообщество давала возможность глубже знакомиться с художественными формами западного искусства, что помогало японцам понять и его идейный смысл, и важность субъективного восприятия и его выражения. Не отказываясь от своих пристрастий и отношения к миру, японцы вполне восприняли художественные ценности Запада, со временем появились интересные *ёга*. В то же время живопись, исповедующая традиционное понимание ее задач, не утрачивает своей значимости, благополучно сосуществуя со всеми направлениями, что служит еще одним подтверждением того, что о какой бы области жизнедеятельности человека в Японии ни шла речь, новое никогда не отвергает старого.

Литература / References

Бродский В. Е. *Японское классическое искусство*. М., 1969 [Brodsky V. E. *Japanese Classical Art*. Moscow, 1969 (in Russian)].

Ван Гог. *Письма*. М.–Л., 1966 [Van Gogh. *Letters*. Moscow, Leningrad, 1966 (in Russian)].

Гартман Садакити. *Японское искусство*. СПб, 1908. Пер. с английского О. Критской [Gartman Sadakiti. *Japanese Art*. Saint Petersburg, 1908 (in Russian)].

Герасимова М. П. Из истории учреждения музеев в Японии. *Восток (Oriens)*. 2014а. № 5. С. 87–97 [Gerasimova M. P. From the History of the Establishment of Museums in Japan. *Vostok (Oriens)*. 2014. 5. Pp. 87–97 (in Russian)].

Герасимова М. П. Изменение массового сознания в японском обществе. *Историческая психология и социальная история*. 2013. № 2. С. 65–78 [Gerasimova M. P. Mental Transformations in the Japanese Society. *Istoricheskaya Psihologiya i Sotsial'naya Istoriya*. 2013. 2. Pp. 65–78 (in Russian)].

Герасимова М. П. Имплицитность японского искусства. Причины и следствия. *Японские исследования*. 2017. № 4. С. 62–79 [Gerasimova M. P. The Implicitness of Japanese Art. Causes and Consequences. *Yaponskie Issledovaniya*. 2017. 4. Pp. 62–79 (in Russian)].

Герасимова М. П. Макото — исходный принцип этических и эстетических убеждений японцев. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 6. С. 126–138 [Gerasimova M. P. Makoto as the Initial Principle of the Ethical and Aesthetic Beliefs of the Japanese. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2020. 6. Pp. 126–138 (in Russian)].

Герасимова М. П. Механизм заимствований в японской культуре. *Ежегодник «Япония»*. М., 2010. С. 192–209 [Gerasimova M. P. Main Principles of Borrowing Cultural Elements in Japan. *Yearbook "Japan"*. Moscow, 2010. Pp. 192–209 (in Russian)].

Герасимова М. П. О традиционном сознании японцев. *Японский феномен глазами русских японоведов*. М., 2018б. С. 325–343 [Gerasimova M. P. On the Traditional Consciousness of the Japanese.

Japanese Phenomenon through the Eyes of Russian Japanologists. Moscow, 2018б. Pp. 325–343 (in Russian)].

Герасимова М. П. Особенности эстетического сознания японцев. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018а. № 6. С. 41–48 [Gerasimova M. P. Specifics of Japanese Aesthetic Perception. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2018a. 6. Pp. 41–48 (in Russian)].

Герасимова М. П. Самоценность эмоции в японском культурном пространстве. *Ежегодник «Япония»*. М., 2018в. С. 294–312 [Gerasimova M. P. Inherent Value of Emotion in the Japanese Cultural Space. *Yearbook "Japan"*. Moscow, 2018в. Pp. 294–312 (in Russian)].

Герасимова М. П. Формирование понятия «художественная культура» в Японии. *Японское общество: изменяющееся и неизменное*. М., 2014б. С. 156–175 [Gerasimova M. P. Formation of the Concept of "Artistic Culture" in Japan. *Japanese Society: Changing and Changeless*. Moscow, 2014. Pp. 156–175 (in Russian)].

Николаева Н. С. *Японские сады*. Москва, 1975 [Nikolaeva N.S. *Japanese Gardens*. Moscow, 1975 (in Russian)].

Пильняк Б. *Корни японского солнца*. М., 2004 [Pilnyak B. *The Roots of the Japanese Sun*. Moscow, 2004 (in Russian)].

Hearn L. *Kokoro: Hints and Echoes of Japanese Inner Life*. New York, 2005.

Yamato-e. Miyabi-no keifu [*Pedigree of the daintiness*]. Tokyo, 1993.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Ёфуга. *Kotobank*. URL: https://kotobank.jp/gs/?q=%E6%B4%8B%E9%A2%A8%E7%94%BB (дата обращения 03.04.2021).

Лебедева О. И. Искусство Японии на рубеже XIX–XX веков: Взгляды и концепции Окакура Какудзо (1862–1913). URL https://www.livelib.ru/book/1002020411-iskusstvo-yaponii-na-rubezhe-xixhh-vv-vzglyady-i-kontseptsii-okakura-kakudzo-olga-lebedeva (дата обращения 03.04.2021).

Сясэй (写生). *Wikipedia*. URL: https://zh.m.wikipedia.org/zh-hans/写生 (дата обращения 03.04.2021).

Lafcadio Hearn. Kokoro: Hints and Echoes of Japanese Inner Life. *Freeditorial.com*. URL: https://freeditorial.com/en/books/kokoro-hints-and-echoes-of-japanese-inner-life (дата обращения 03.04.2021).

Nihonga-no rekishi (История *нихонга*). *Eko-Ring*. URL: https://kottou.eco-ring.com/151203/04/2021 (дата обращения 03.04.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-104-116

ПРЕСВИТЕР ИОАНН: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЛЕГЕНДЫ

© 2021

Д. В. Дубровская*

Статья возвращает читателя к неоднократно волновавшей европейские умы теме обнаружения прототипа знаменитого «пресвитера Иоанна» — легендарного христианского правителя благословенного царства процветания, расположенного на Востоке. Рассматривая некоторые источники возникновения мифического образа, автор пытается свести воедино как исторические свидетельства, так и столь нематериальные причины интереса европейских путешественников, авторов и читателей к самой идее существования в далеких землях вымышленного царства, как стремление к неизведанному, тоска по утерянному Гробу Господню и общая тяга к поиску союзников — в частности, в монгольских землях. Поиск прототипа пресвитера стал вызывающей интеллектуальной задачей для историков, предлагавших в качестве претендентов на эту роль целый ряд личностей, начиная от некоего посла христианской страны в начале XII в., первосвященника-несторианина в конце того же века, Иоанна Патмосского, соратника Чингисхана гурхана Елюя Даши и даже грузинского военачальника по фамилии Орбелиани (XV в.). Среди источников легенды европейские средневековые хроники, письма и доклады францисканских миссионеров, многочисленные изводы легенд, порожденных первичными свидетельствами. Географическая привязка царства христианского царя-первосвященника также плавает от Индии, Монголии и Китая до Грузии и Эфиопии. Для объяснения «феномена пресвитера Иоанна» в статье приведены свидетельства ряда европейских, русских, кавказских и арабских авторов и сделана попытка объяснить новый всплеск интереса к легенде, начавшийся после выхода романа Умберто Эко «Баудолино». Однако ныне, как и в XII в., мы не приблизились к разгадке возникновения столь популярной в средние века легенды.

Ключевые слова: Пресвитер Иоанн, Умберто Эко, имиджеология, несторианство, Восток и Запад, средневековые европейские хроники, культурология.

Для цитирования: Дубровская Д. В. Пресвитер Иоанн: деконструкция легенды. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 104–116. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-104-116

PRESTER JOHN: DECONSTRUCTING THE LEGEND

Dinara V. Dubrovskaya

The article returns to the much demanded topic of the search for the prototype of the famous Presbyter John — the legendary Christian ruler of the blessed kingdom of prosperity located in the East, which has repeatedly agitated European minds. Considering some of the sources of the mythical image, the author tries to bring together both historical evidence and such intangible reasons for

* Динара Викторовна ДУБРОВСКАЯ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; distan@gmail.com

Dinara V. DUBROVSKAYA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; distan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

the European travelers, authors and readers' interest in the very idea of a fictional kingdom's existence in distant lands, as a desire for the unknown, longing for the lost Holy Sepulcher and a common European craving to the search for allies — in particular, within the Mongolian lands. The search for the prototype of the presbyter became a challenging intellectual task for historians, who proposed a number of personalities as applicants for this role, starting from a certain ambassador of a Christian country at the beginning of the 12th century, a Nestorian high priest at the end of the same century, John of Patmos, Gur khan Yelyuy Dashi, a comrade-in-arms of Genghis Khan, and even a Georgian military leader named Orbeliani (15th century). Among the sources of the legend are European medieval chronicles, letters and reports of Franciscan missionaries, as well as numerous legends generated by primary testimonies. The geo-referencing of the kingdom of the Christian high priest and king also floats from India, Mongolia and China to Georgia and Ethiopia. To explain the "phenomenon of Presbyter John", the article provides evidence from a number of European, Russian, Caucasian and Arab authors and attempts to explain the new surge of interest in the legend that began after the publication of Umberto Eco's novel *Baudolino*. However, now, as well as in the 12th century, we are not closer to solving the origin of the legend so popular in the Middle Ages.

Keywords: Prester John, Umberto Eco, imageology, Nestorianism, East meets West, mediaeval European chronicles, culture studies.

For citation: Dubrovskaya D. V. Prester John: Deconstructing the Legend. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 104–116. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-104-116

Василию Кузнецову с благодарностью за помощь и в ответ на вопрос

Механизмы зарождения и распространения легенд достаточно сложны: в результате качественного скачка и комплекс сведений и рассказов о свершениях реального человека превращается в легенды, а потом и в миф, способный обосноваться в коллективном подсознании, вбирая в себя реальные и вымышленные деяния других, чем-то похожих людей. Имя и чин Пресвитера Иоанна ныне мало что говорят среднему европейцу, тогда как неполную тысячу лет назад именно этот таинственный царь-первосвященник и его царство манили в опасные путешествия лучших представителей христианского мира и соперничали по притягательности с погоней за сокровищами Индий, случившейся тремя веками позже: поиски далекого идеального царства представляются своеобразным прообразом колумбовой эпохи, вновь демонстрируя тягу европейцев к завоеванию пространств, в данном случае — пространств духа.

EPISTOLA PRESBYTERI JOANNIS

«Пресвитерианская лихорадка» началась в 1165 г. с письма. Современный человек, способный вспомнить из вершин эпистолярного жанра разве что «Юлию, или новую Элоизу» Жан-Жака Руссо, «Страдания юного Вертера» И.-В. Гете и «Опасные связи» Шодерло де Лакло, не всегда осознает, что в средние века письма (в особенности, издалека) становились значительным информационным событием, порождавшим целый веер реакций. Обмен письмами между авиньонскими папами и монгольскими правителями послужил как причиной дополнительного страха перед угрозой вторжения «татар», так и вызвал командирование послов-францисканцев в ханские ставки и впоследствии в Ханбалык — Пекин времен монгольской династии Юань (см., например: [Дубровская, 2020б]). В эпоху, когда не существовало CNN и интернета, редкие смельчаки-грамотеи, отправляясь в неведомое, слали домой подобные

«открытки». Поэтому не удивительно, что письмо, посланное византийскому императору Мануилу I Комнину (1143–1180) таинственным христианским епископом, сидевшим на троне где-то в «Индиях», вызвало широкий резонанс. В том же году монах Альбрик из монастыря Трех Источников фиксирует в хронике: «В это время пресвитер Иоанн, правитель индийцев, направил свои полные удивительных и чудесных вещей послания королям христианского мира, и в первую очередь — константинопольскому императору Мануилу и римскому императору Фридриху»[1]. Однако ни один из многочисленных сохранившихся списков «Послания» не адресован Рыжебородому Барбароссе, которого, видимо, включили в список по причине большого политического веса и из тех соображений, что под началом императора состояло достаточно войска.

Типичное повествование тех времен подразумевает включение в текст диковин, которые всегда возникают в воображении рассказчика, когда он ведет речь о непривычном укладе, особенно если этот рассказчик не понаслышке знает, что такое бестиарий, и читал популярные в его кругу произведения вроде «Александрии» — греческой повести об Александре Македонском конца II — начала III в., полную фантастических с нашей точки зрения рассказов о неведомых странах [Александрия, 1965].

Но чего же, собственно, хотел от королей христианского мира Иоанн? Письмо начиналось пространной экспозицией, где автор представлялся могущественным царем-первосвященником, повелевающим семьюдесятью двумя владетелями. Властвовал он в Трех Индиях — от внутренней, где покоится тело святого апостола Фомы, по пустыне «на восход» и до самой Вавилонской башни. Иоанн описывал себя как правоверного христианина, защитника неимущих, желавшего добраться до Иерусалима. Формулировка интереса Иоанна в западных правителях (так, императора Мануила он назвал всего лишь «князем» — куда тому до мощи Иоанна!) заняла в письме пару строчек: «Имеем мы желание посетить вместе с большим войском Гроб Господень, ибо следует во славу величия нашего унизить и разбить недругов Креста Христова и превознести благословенное Имя Его»[2]. Текст неизвестного автора — значительное произведение, объемом не менее, скажем, «Манифеста коммунистической партии». Впрочем, полностью послание не сразу получило цветастые подробности: около двух сотен латинских списков, переводы, изводы и версии демонстрируют, что первичное письмо набирало новые подробности по мере полета фантазии переписчиков.

В переводе на русский язык текст письма пресвитера доступен в книге [Послания из вымышленного царства, 2004] и может порадовать любителя красочной, пусть и слегка однообразной старинной географической прозы. Гораздо увлекательнее описана эта грандиозная средневековая мистификация в романе Умберто Эко «Баудолино» [Eco, 2000; Эко, 2003], герои которого проводят немало часов за сочинением бесконечных

[1] Горелов Н. Послание пресвитера Иоанна. *Facetiae*. URL: https://facetia.ru/node/2788 (дата обращения 28.03.2021).

[2] Демин В. Н. Интерлюдия 1. Пресвитер Иоанн. *ВикиЧтение*. URL: https://biography.wikireading.ru/43417 (дата обращения: 28.03.2021).

лалов, смарагдов, единорогов и ходящих в узде драконов, из которых состоял типичный ландшафт любой подобной фантазии вплоть до пушкинских времен[3].

Из всех фантастических деталей повествования особую известность приобрела описанная в послании стеклянная нерукотворная часовня пресвитера, растягивающаяся в зависимости от количества вошедших в нее прихожан, и невероятная ветряная мельница, огромными золотыми туннелями соединенная с пекарней. Впрочем, золото (колоннами), изумруды (столами) и трапезы (на тридцать тысяч человек) обнаруживаются в письме повсеместно. Что уж и говорить о богатстве фауны и флоры, людях с лицом на животе, двенадцатиногих особях, бородатых женщинах, четырехногих рыбах с ушами и хвостом, на которых скачут амазонки, об одноногих прыгунах, прекрасно обыгранных в «Баудолино», и реке, где вместо воды текут камни. Из всей этой гофманиады наиболее удивительны, пожалуй, немые цикады и сообщение об «огромной реке под названием Конхис, где водятся рыбы, похожие на людей; ночью они выходят из воды и собирают дрова»[4].

Для историков поиск прототипа пресвитера стал столь же вызывающей интеллектуальной задачей, сколь теорема Ферма для математиков. Упомянутый в начале статьи феномен возникновения исторических мифов, диктующий необходимость наличия огня для происхождения дыма, но за давностью веков и запутанностью политического ландшафта не позволяет с достоверностью обнаружить источник возгорания. «Индия» Иоанна имеет к нынешней Индии приблизительно такое же отношение, как хрустальный небесный купол Птолемея к разведанному ближнему космосу. Точно можно утверждать лишь одно — пресвитера, написавшего письмо Мануилу Комнину, не существовало. Тот или иной смутный прототип мог соотноситься с Иоанном письма по факту исповедания христианства восточного извода или по факту конфликта с некой третьей стороной, будь то сарацины, сельджуки или монголы; поиск его умозрителен и бесперспективен. Историческая ценность величайшей мистификации средневековья не в идентификации пресвитера Иоанна, а в осознании главных ценностей европейского духа, среди которых на первом месте стоит стремление к вечному поиску Утопии — места, которого нет, и созданию Царства справедливости.

Тем не менее современный контент-анализ письма от пресвитера позволяет сделать предположение, что составитель (или группа авторов) письма происходил из евреев северной Италии или Лангедока [Silverberg, 1996, p. 56]. В любом случае, авторство скорее всего принадлежит европейцу, чьи конкретные цели остаются почти неясными, ибо в этом прославленном кейсе, как ни в каком другой, плотно сплавлены вымысел и реальность. Казалось бы, понятно, что письмо вымышленное, однако через полтора десятка лет после его получения, 27 сентября 1177 г. папа Александр III (на папском престоле в 1159–1181 гг.), известный более всего тем, что в 1163 г. заложил первый камень в Собор Парижской богоматери, отправляет с эмиссаром по имени Филип реальное ответное послание таинственному пресвитеру. Послание обращено «*carissimo in Christo filio Johanni, illustro et magnifico indorum regi*» («мой возлюбленный сын во

[3] См., например, записки русского офицера Егора Тимковского, путешествовавшего из России в Пекин и обратно в 1820–1821 гг.: [Тимковский, 2017].

[4] Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии, равно как об удивительных вещах и разнообразии народов. *Facetiae*. URL: https://facetia.ru/node/2798 (дата обращения 28.03.2021).

Христе, Иоанн, прославленный и величайший царь Индии)[5]. Об исходе миссии Филипа ничего не известно, скорее всего, из путешествия он не вернулся.

Геополитический фон послания

Как же в целом выглядел евразийский политический ландшафт в середине XII в.? За пять лет до перелома XI и XII вв. крестоносцы впервые отправились теснить отрезавших Византию от Иерусалима мусульман — турок-сельджуков. Гроб Господень находился под властью молодого исламского халифата с 638 г., мусульмане вернули в город изгнанных римлянами евреев, а христианам не только не чинили препятствий при посещении святыни, с ранневизантийских времен почитавшейся главной в христианском мире, но и обеспечивали безопасность паломников. Через три с небольшим века все изменилось: сельджуки, подпиравшие ромеев-византийцев из Анатолии, создали угрозу того, что мусульманская «подушка» задушит и Иерусалим, и Византию. Крестоносцы были призваны защитить Византию от исламской угрозы, не дать мусульманским клещам сомкнуться в Европе, где в 718 г. уже пала взятая «с моря» Испания. По характерной для истории иронии судьбы Крестовые походы не только проносились через богатый Константинополь разрушительным смерчем, но и в 1204 г. привели к взятию Второго Рима. Итак, основными реальными игроками рассматриваемого сюжета в XII в. стали «франки», как называли на Ближнем Востоке всех европейцев, Византия и перетекавшие друг в друга халифаты с высшей точкой их развития — правлением курдского гения Саладина (1138–1193). В 1187 г. Саладин вновь отобрал Иерусалим у христиан в битве при Хаттине[6]. Где-то на крайнем востоке христианской *terra incognita* постепенно набирали силу монголы, в конце XII в. уже объединенные Чингисханом, но остававшиеся для европейцев все еще очень далекими и почти не существующими. Но существовали игроки и нереальные.

Послание, как и сама персона пресвитера Иоанна, явилось не из воздуха. Так, письмо аббата Одо (1118–1151) из монастыря Св. Ремигия в Реймсе, адресованное некоему графу Томасу, было посвящено явлению в 1122 г. в Риме при дворе папы Каликста II (на папском престоле в 1119–1124 гг.) индийского патриарха Иоанна, рассказывавшего удивительные истории о святилище святого Фомы и о чудесах, связанных с его телом, — например о том, как его рука сама раздает святую воду [Knobler, 2017]. Вторит аббату и анонимный автор документа «Послание из Римской Курии» («О прибытии индийского патриарха в Рим»), сочинивший схожий нарратив независимо от Одо[7]. В обоих свидетельствах речь еще не идет о *царе-пресвитере* Иоанне (легенда не позволит ему добраться до Западного мира собственной персоной), упоминается лишь *посол* христианской страны, но манускрипт XV в. под названием "Tractatus pulcherrimus" уже объединяет посла-патриарха из этих ранних документов с легендарным пресвитером [Brewer, 2015, p. 285].

---

[5] Prester John. *Catholic Encyclopedia.* https://www.newadvent.org/cathen/12400b.htm (дата обращения 28.03.2021).

[6] См., например: Дубровская Д. В. Удел прокаженного короля. *Вокруг света.* URL: https://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/579/ (дата обращения 28.03.2021).

[7] Послание Римской курии "Patri luminum". 1216–1217. *Восточная литература.* URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1200-1220/Poslanija_kurii/patri_luminum_1216_17.phtml?id=6031 (дата обращения 28.03.2021).

Через приблизительно четверть века, в 1145 г., пресвитер всплывает в хронике Оттона (Otto Frisingensis; ок. 1114–1158), епископа баварского города Фрейзингена. Автор рассказывает о некоем епископе Габалы (современная Джебела в Сирии) по имени Гуго, по приказу христианского правителя Антиохии Раймонда в 1144 г. (после падения Эдессы — первого христианского владения на Святой Земле) отправившемся к папе Евгению II (на папском престоле в 824–827 гг.) с докладом об опасной ситуации в Иерусалиме, просить Запад о новом крестовом походе[8]. Оттон встретил сирийского прелата в папской резиденции Витебро неподалеку от Рима, где в присутствии понтифика и узнал о существовании Иоанна, правящего на Востоке как царь и первосвященник-несторианин [Дубровская, 2020в]. Якобы, несколькими годами раньше он ниспроверг родственных монархов Мидии и Персии братьев Самирдов, выиграв ожесточенную трехдневную битву, закончившуюся завоеванием Экбатаны, после чего отправился на Иерусалим спасать Святую Землю, однако некстати разлившийся Тигр заставил его вернуться восвояси[9]. Из рассказа Оттона мы узнаем, что Иоанн вел происхождение от трех ветхозаветных царей-волхвов, да и само его царство — правопреемник их владений. Подкрепляет автор рассказ и материальным свидетельством: при Иоанне имелся скипетр из чистого изумруда (как тут не вспомнить Изумрудную скрижаль и Грааль, по некоторым свидетельствам, высеченный именно из этого драгоценного камня) [Barber, 2004, p. 168].

Легенда пускает ростки прямо в Риме: версии рассказа о двух Иоаннах соединяются в один в «Истории клирика Елисея» (1196 г.)[10]. Увы, ни одно реальное свидетельство не подтверждает свидетельств Одо и Оттона, и пока где-нибудь в ватиканских архивах не обнаружатся более достоверные внутренние свидетельства, послы Иоанн, Гуго и принадлежавший последнему изумрудный скипетр остаются в области легенд не в меньшей степени, чем воинственно-благочестивый пресвитер Иоанн, владыка Индий.

Реальная христианская ситуация на Востоке

Тот факт, что Иисус Христос родился, крестился и погиб не в европейской части Римской империи, а в Палестине, навечно поселил в головах его нескоро конституировавшихся в церковь западных последователей неизбывную тоску по Ближнему Востоку. Геополитические ветра увели основные корабли первых последователей Мессии на Запад, но наследники Христа на Востоке никуда не девались, все более обособляемые от европейского мейнстрима, клеймимые соборами как раскольники и ересиархи, оторванные от Рима и разобщенные [Дубровская, 2008]. Однако пока церковь определяла самый правильный канон веры, немногочисленные грамотные люди, концентрировавшиеся в монастырях и при рыцарских дворах, мечтали о неведомом, причем, мечтали не еретически, а в русле христианской традиции — только с утопическими нотками. Если бы пресвитера не было, его надо было бы выдумать.

---

[8] Halsall P. Otto of Freising: The Legend of Prester John. *Internet Medieval Sourcebook*. URL: https://sourcebooks.fordham.edu/source/otto-prester.asp (дата обращения 28.03.2021).

[9] Halsall P. Otto of Freising: The Legend of Prester John. *Internet Medieval Sourcebook*. URL: https://sourcebooks.fordham.edu/source/otto-prester.asp (дата обращения 28.03.2021).

[10] История клирика Елисея. *Facetiae*. URL: https://facetia.ru/node/2793 (дата обращения 28.03.2021).

Заманчивее всего было бы спутать нашего пресвитера с другим достаточно таинственным пресвитером Иоанном раннехристианской традиции, то идентифицируемого с любимым апостолом Христа Иоанном Патмосским — автором Откровения-Апокалипсиса, то полагаемого отдельной фигурой. Однако земные пути и годы жизни и деятельности Иоанна-апостола слишком отличны от рассматриваемой легенды; объединяет их лишь вера и имя.

И тем не менее с новозаветных времен существовали все основания для веры в реальность «христианского царства» на Востоке. Питательный бульон, вскормивший зародыш легенды об идеальной клерикальной монархии, настоян на апокрифических «Деяниях апостола Фомы», созданных в Сирии в III в. н. э. (не путать с «Евангелием от Фомы», найденным в 1945 г. в Наг-Хаммади в Египте)[11]. Иуда Фома («Близнец») Неверующий — действительно самый подходящий апостол в контексте истории пресвитера Иоанна. По одной версии, Фома проповедовал в Сирийской Эдессе (Урфе), где оставил по себе мартириум и гробницу, другая продолжает его апостольское странствие в Индию, куда он прибыл в 52 г. н. э. [Деяния Иуды Фомы, 1990]. Там апостол принял мученическую смерть (был проткнут копьем), останки же его либо остались там же, в Мадрасе, либо все-таки вернулись в Эдессу. По некоторым версиям Фома в Индии контактировал с кем-то из трех волхвов, в этой идее слышны отголоски легенды об Иоанне. Но все же для нашего сюжета Фома не подходит: требуется более поздний христианский лидер, и следующий шаг в поисках ведет нас к патриарху Несторию.

Как мы помним, еще Оттон определил учение пресвитера Иоанна как несторианство, с IX по XIV в. — самое территориально значительное христианское поле, простиравшееся от Средиземноморья до Индии и Китая. Названное по имени великого ересиарха Нестория (386–451), осужденного Первым Эфесским собором 431 г. за идеи о явном разделении божественного и человеческого начал в Христе, учение зародилось в персидской империи Сасанидов и успешно распространилось на Востоке [Дубровская, 2020а, с. 40–42]. Огромная территория, патриарх во главе, — все это очень напоминает легенду о пресвитере, разве что единого государства ни под началом Нестория, ни позже несториане не создали, хотя и располагали «агентами влияния», о которых пойдет речь ниже. Получается, что с одной стороны, Рим смотрел на несториан как на схизматиков, а с другой восхищался несторианином-Иоанном. Кажущееся противоречие разрешается соображением о том, что к XII в. Риму уже нечего было делить с пресвитером, напротив, ему уже требовалось «дружить против одного и того же врага» — мусульман. Получалось, что дружить католическому миру надлежало не с христианами, а с монголами.

Гур-Хан Иоанн и спасалар Вано

Искомый Иоанн располагался не только в Индиях: если обратить взор на еще более дальний Восток, то единственным успешным завоевателем, чья карьера подходит по времени и обстоятельствам к легенде, видится основатель Империи каракитаев, мощной центральноазиатской державы, существовавшей в середине-конце XIII в. По

[11] Деяния апостолов апокрифические. *Православная энциклопедия.* URL: https://www.pravenc.ru/text/171796.html (дата обращения 28.03.2021).

мысли Льва Гумилева [Гумилев, 2003, с. 238], этим человеком был князь киданьской династии Ляо, правившей в северном Китае в X–XI вв. и давшей название нашему русскому Китаю и «Катаю» Марко Поло. В 1125 г. династия пала, и князь, именуемый по-китайски Елюй Даши (1087–1143) и образованный в конфуцианской традиции, в компании соратников отправился на запад. Елюя Даши тепло приняли уйгуры и другие обитавшие в тянь-шаньском регионе народы, признавшие верховенство киданей, он укрепил армию и занялся завоеваниями, распространившимися на восточный и западный Туркестан. Приняв титул гурхана (всенародного хана), к северу от Тянь-Шаня Елюй основал и столицу Империи каракитаев, («черных киданей») [Silverberg, 1996, p. 59]. В 1141 г. помощи гурхана запросил шах Хорезма, нуждавшийся в защите против сельджукского владетеля Персии Санджара, выдавившего шаха из собственной вотчины и убившего его сына. Гурхан не замедлил явиться с большой армией союзников и в сентябре 1141 г. разбил Санджара под Самаркандом в Катванской долине в битве, названной историком Ибн аль-Асиром (ум. в 1233 г.) величайшим поражением ислама в этой части земли [Ибн ал-Асир, 2006, с. 407]. Сам гурхан на Персию не пошел, но хорезмшах укрепил его победу, вторгшись в Хорасан и захватив города и богатства Санджара. Победа над Санджаром, племянник которого правил в Персии, случилась за четыре года до того, как историю о таинственном восточном завоевателе поведал епископ Оттон, толковавший о победе над братьями-царями Самирдами, что очень похоже на привязку реальной истории к легенде.

Но и в описанном случае нас ожидает разочарование: между гурханом и христианством не установлено никакой связи, хотя одна из дочерей гурхана Елюя и была христианкой. Веру людей гурхана мусульманские историки определяют как *Al-Turk al-Kuffar* — «неверные тюрки». Как именно Елюй Даши превратился в «Иоанна», можно только гадать. Делались попытки вывести его из созвучий вроде Юханана или Йоханнеса [Rossabi, 1992, p. 5], но вероятнее, что даже если гурхан и стал прототипом пресвитера, «Иоанном» его просто назвали в честь подходящего библейского персонажа.

В некоторых документах XV в. пресвитер Иоанн ассоциируется с Кавказом, и на историографическую сцену выходит грузинский князь Иван Орбелиани, «спасалар», что-то типа «генералиссимуса» нескольких грузинских царей того времени. В одном тексте его титул присваивается королю «Абассии» — Абхазии, хотя и в этом случае ассоциация сомнительна: «Абхаз» легко спутать с «Абаш» (Абиссинией) [Newton, Hunt, 1996, p. 190]. Поэтому и на Кавказе мы не находим никого, способного с уверенностью называться «пресвитером».

Монгольский треугольник

Когда в середине XIII в. монгольские завоевания сделали для европейцев возможными путешествия в Азию, их воображение было полно сказаниями о пресвитере: Иоанна упорно искали и, конечно, не могли не найти, даже нескольких. Знаменитый брат-минорит и путешественник Плано Карпини в 1248 г. упоминает пресвитера как христианского царя Большой Индии [Aigle, 2005]. При помощи хитроумного плана этот царь побеждает татар, в чем порой усматривают сходство с хорезмским правителем Джалал ад-Дином Манкбурны, ненадолго возобладавшим над

монголами в Афганистане[12]. Интересно, что в написанном в том же году рассказе армянского князи Семпада (Smbat; 1277 — ок. 1310), христианский царь Индии наоборот пользуется помощью татар, чтобы победить и запугать сарацин, и становится вассалом монголов [Luisetto, 2007, p. 129]. У самих восточных христиан твердой кандидатуры на почетное место пресвитера не существовало, но спрос породил предложение, и честь подозреваться в такой возможности долгое время принадлежала царю кереитов, к счастью, исповедовавших несторианство. В истории Чингисхана этот человек фигурирует под именем Он- или Ван-хан (см. ниже).

В 1253 г. францисканец Гийом Рубрук присваивает титул «Король Иоанн» Кышлыку, царю найманов, взявшему в жены дочь последнего прямого наследника гурханов [Aigle, 2014, p. 41–42]. Он, однако, упоминает, что брата этого Иоанна звали Унк, и правил он двумя монгольскими племенами — кереитов и меркитов, история которых плотно переплетена с Чингисханом. Тот же Унк-хан появится и у Марко Поло, характеризующего его как «великого князя, которого мы называем пресвитером Иоанном… о коем говорит мир как о владетеле огромной территории» [Дубровская, 2007, с. 136]. Унк был вполне реальной личностью, кереитским князем, китайцы называли его Тули, а персы Тогрул. Именно ему китайский император присвоил титул «ван» (王; князь), после чего он стал известен как Ван-хан (Тоорил, Тогорил, Тогрул; ?–1203). Достаточно долго Унк был побратимом Темучинова отца и союзником Чингисхана, но дружба закончилась, и до самой смерти Он-хана в 1203 г. два владетеля оставались заклятыми врагами. У Поло «Унк-хан» — Пресвитер Иоанн — правитель татар, собиравший с них дань до возвышения Чингиса. Восточные источники не подтверждают этой версии, хотя величие персонажа подкрепляет и Рашид ад-Дин, назвавший его «падишахом» [Jackson, 1997, p. 427].

Прежде чем пресвитер окончательно исчезнет из истории Азии — реальной или мифической — мы встретимся с его царством еще однажды. Марко Поло и Иоанн де Монтекорвино (впоследствии — архиепископ Ханбалыка) говорят о том, что в начале XIV в. наследники пресвитера владели территориями в местности к северу от большого изгиба Хуанхэ и приблизительно в семистах километрах на северо-запад от столицы. Правившего там владетеля они называли «Королем Георгием», и был он-де наследником пресвитера Иоанна (Ван-Хана) в шестом поколении[13]. Монах Одорик де Порденоне (Odorico da Pordenone; 1286–1331) около 1326 г. посетил места, по-прежнему управляемыми князем, которого он так и называет «Пресвитер Иоанн», но уверяет, что о нем не говорится даже сотой части правды. После Порденоне домыслы об историчности пресвитера навсегда покидают умы путешественников на Восток.

Из Индии в Эфиопию

Когда имя пресвитера возвращается в mass media средневековья в следующий раз, он уже не азиат, а африканец, христианский царь Абиссинии. Флорентиец Симоне Сиголи (точные годы жизни неизвестны), посетивший Каир в 1384 г., в труде

[12] Подробнее о Джалал ад-Дине Манкбурны см.: [Тимохин, 2013].

[13] Rachewiltz I. De. Prester John and Europe's Discovery of East Asia. *Openresearch Repository*. URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/115104/2/b14116716.pdf (дата обращения 29.03.2021).

«Путешествие на гору Синай» все еще говорит о “Presto Giovanni” как о монархе, обитающем в Индии: географический сдвиг происходит не сразу [Sigoli, 2011]. Тридцатью годами раньше (ок. 1352 г.) францисканец Джованни де Мариньоли (1290–1360), апостольский легат в Азии, описывает в «Хронике» Эфиопию как место, где живут негры, и называет ее страной Пресвитера Иоанна[14]. Интересно, что плавное перетекание Индии в Эфиопию — процесс для европейцев совершенно естественный: о существовании разделяющего Индию и Африку Индийского океана еще не знали, а ведь уже доминиканский монах Иорданус, вернувшийся с востока до 1328 г., утверждал, что эфиопского императора зовут “*Prestre Johan*”[15]. В этом есть своя логика: с X в. в Абиссинии правили евреи-христиане, около 1268 г. вновь смененные представителями «Дома Соломона» [Crummey, 1988, p. 26]. Отодвинутые от власти христиане вполне могли искать помощи Запада в укреплении позиций и жаждать доступа к Гробу Господню.

Кому же все-таки в 1177 г. отправлял из Венеции письмо папа Александр III? Единственным таким реальным адресатом мог быть христианский правитель Абиссинии: пропавший легат Филип, упоминавшийся в начале статьи, все-таки успел повстречаться с некими реальными «достойными людьми монаршего царства». Вполне исторический правитель жаждал наладить связь с католической церковью и получить доступ в Иерусалим, ведь начиная с 1497 г. эфиопская церковь долгое время владела часовней и алтарем в церкви Гроба Господня. Таким образом, в сознании европейцев эпохи Возрождения пресвитер Иоанн обосновывается в Абиссинии: именно туда создатель великой карты мира Фра Мауро помещает в 1459 г. прекрасный город с надписью “Qui it Preste Janni fa residentia principal” — «Здесь основал свою главную резиденцию Пресвитер Иоанн» [Hancock, 1992, p. 84].

Русский Иван

На Руси не возникло отдельных свидетельств и идей о персоне Иоанна, однако существуют косвенные: вот что пишет Рихард из Санкто-Германо в «Хронике» 1223 г.: «Король Венгрии сообщил господину Папе через своих посланцев, что индийский царь, которого в народе называют пресвитером Иоанном, с огромным множеством народа пришел на Русь. Прошло уже семь лет с тех пор, как они покинули Индию, унеся с собою тело святого апостола Фомы. За один день они убили двести тысяч русских и плавтов. Их лагерь простирается на два дня в длину, они передвигаются только два месяца в году: в августе и сентябре. В положенное время сеют и собирают урожай, а затем отправляются в путь. Они… осеняют себя одним пальцем. У них сорок крестов, и за каждым следует сорок тысяч всадников. От изобилия презирают золото и драгоценные камни. Доспехи у них из кожи — никаким оружием не пробить. Когда достигают какой-нибудь области, требуют от правителей изложить свою веру. Если те придерживаются веры христианской, то оставляют, а всех остальных убивают и их

[14] Ramos M. J. Ethiopia in the Geographical Representations. *Repositorio*. 1998. URL: https://repositorio.iscte-iul.pt/bitstream/10071/3818/1/Ramos%20-%20Ethiopia%20in%20the%20geographical%20representations%201998.pdf (дата обращения 28.03.2021).

[15] Salvadore M. The Ethiopian Age of Exploration: Prester John’s Discovery of Europe, 1306–1458. *Researchgate*. URL: https://www.researchgate.net/publication/254951184_The_Ethiopian_Age_of_Exploration_Prester_John%27s_Discovery_of_Europe_1306-1458 (дата обращения 28.03.2021).

страну обращают в рабство. Какие у них цели — о том неведомо» [Бажанов, 2019, с. 115]. Из XXI в. цели этих правителей ясны предельно: в 1223 г. случилась, например, битва на Калке, когда монголы разбили половцев и основные русские силы.

Пока Запад наивно ожидал подмоги монголов против сарацин на Святой земле, с востока в Европу стремился недружественный несторианин с изумрудным скипетром и золотой хлебопечкой, а монгольские орды наступали и были остановлены лишь на Руси (а где не были остановлены, там дошли, скажем, до Легницы в 1241 г.). Именно из-под так и не сдавшейся нижнесилезской Легницы Батый повернул назад, позволив Западу не разочароваться окончательно в намерениях царя-попа Ивана и его соратников.

Славяне добавили в легенду о пресвитере ответ императора Мануила и не одну красивую реалию, вроде крокодила, способного гневом воспламенять деревья. Переведенное с греческого «Сказание об Индийском царстве» [Сперанский, 1930] легло в основу нескольких былин и воспламеняло воображение русичей не меньше, чем зажженные крокодилом деревья.

Выводы: Иоанн Неуловимый

Зачастую исследователю трудно понять, что первично, а что вторично, — популярная легенда, по тем или иным причинам представляющаяся достоверной, или реальный прототип для нее: обычно эти две стороны составляют единую медаль. Европейцам не только хотелось получить доступ к экзотическим богатствам и душистым пряностям, но и мечталось о справедливом правлении и сочетании царя и духовного лидера в одном лице. Помимо этого их гнали на поиск пресвитера жажда квеста — высокого приключения, связанного с неведомыми ландшафтами, флорой и фауной; нужна была пища для воображения, ведь эскапизм придумали не в прошлом веке: те, кто не мог посетить Святую Землю физически, с удовольствием уносились в Индии и царство монгольских ханов в фантазии. Именно из тех времен берут начало все капитаны Гранты и Индианы Джонсы европейского сознания. Полузабытый до выхода романа Умберто Эко пресвитер Иоанн присутствовал в западной мысли как универсальный манок в неведомые дали, в увлекательную утопию: «Нет ли у вас какого-нибудь поручения на край света? Я готов отправиться к антиподам за пустейшим делом, готов сбегать за зубочисткой в отдаленнейший уголок Азии, принести вам мерку с ноги пресвитера Иоанна, волосок из бороды Великого Могола» (Шекспир, «Много шума из ничего»).

Литература / References

Александрия. Пер. О. В. Творогова. Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1965 [*Alexandria.* Ed. D. S. Likhachev. Tr. by O. V. Tvorogov. Moscow, 1965 (in Russian)].

Бажанов О. И. *От Чингиза до Тимура.* М., 2019 [Bazhanov O. I. *From Chingiz to Timur.* Moscow, 2019 (in Russian)].

Гумилев Л. Н. *Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве пресвитера Иоанна».* М., 2003 [Gumilev L. N. *In Search of a Fictional Kingdom. The Legend of "The Presbyter John's Country".* Moscow, 2003 (in Russian)].

Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды). М., 1990 [*Acts of Judas Thomas (cultural and historical conditioning of the early Syrian legend)*. Moscow, 1990 (in Russian)].

Дубровская Д. В. *Все пути ведут из Рима. Христианские миссии в Поднебесной империи от несториан (VII в.) до папы Франциска*. М., 2020а [Dubrovskaya D. V. *All Roads Lead from Rome. Christian Missions in the Celestial Empire from the Nestorians (7th Century) to Pope Francis*. Moscow, 2020a (in Russian)].

Дубровская Д. В. Говорящие с птицами по-китайски. Теоретические основы францисканской проповеди в Срединной империи. *Восток (Oriens)*. № 5. 2020б. С. 205–213 [Dubrovskaya D. V. Speaking with Birds in Chinese. Franciscan Thought on the Middle Kingdom Proselytization. *Vostok (Oriens)*. 2020б. 5. Pp. 205–213 (in Russian)].

Дубровская Д. В. Марко Поло: презумпция невиновности. *Вокруг света*. 2007. № 3. С. 122–138 [Dubrovskaya D. V. Marco Polo: The Benefit of the Doubt. *Vokrug sveta*. 2007. 3. Pp. 122–138 (in Russian)].

Дубровская Д. В. Некоторые свидетельства Несторианской стелы из Сиани и нарративных несторианских источников о «Сияющей религии» Цзин Цзяо в Китае (635–1365 гг. н. э.). *Эпиграфика Востока*. Вып. XXVII. М., 2008. С. 121–146 [Dubrovskaya D. V. Some Evidence of the Nestorian Stele from Xian and Narrative Nestorian Sources about Jing Jiao – "Luminous Religion" in China (635–1365 AD). *Epigrafika Vostoka*. Vol. XXVII. Moscow, 2008. Pp. 121–146 (in Russian)].

Дубровская Д. В. Патриарх Несторий и «Сияющая религия» *цзинцзяо*: китайский лик византийской ереси. *Восточный курьер*. 2020в. № 3–4. С. 230–244 [Dubrovskaya D. V. Patriarch Nestorius and 'Luminous Religion' *Jingjiao*: Chinese Face of Byzantine Heresy. *Oriental Courier*. 2020в. 3–4. Pp. 230–244 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. *Ал-Камил фи-т-тарих (Полный свод истории)*. Пер. с араб., комм. П. Г. Булгакова. Ташкент, 2006 [Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi-t-tarikh (Complete History)*. Tr. from arab. and comm. by P. G. Bulgakov. Tashkent, 2006 (in Russian)].

Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве. *Известия отделения русского языка и словесности Академии наук* (*ИОРЯС* АН). 1930. Т. 3. С. 369–464 [Speransky M. N. Legend of the Indian Kingdom. *Bulletin of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences (IORYAS AN)*. 1930.Vol. 3. Pp. 369–464 (in Russian)].

Послания из вымышленного царства. М., 2004 [*Messages from a Fictional Kingdom*. Moscow, 2004 (in Russian)].

Тимковский Е. Ф. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*. Отв. ред. Д. Д. Васильев. Предисл., комм., статьи Д. Д. Васильев, Д. В. Дубровская, В. Г. Дацышен. М., 2017 [Timkovsky E F. *Travel to China through Mongolia in 1820 and 1821*. Ed. D. D. Vasiliev. Foreword, comments, articles by D. D. Vasiliev, D. V. Dubrovskaya, V. G. Datsyshen. Moscow, 2017 (in Russian)].

Тимохин Д. М. *Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха*. М., 2013 [Timokhin D. M. *Genghis Khan's Rival: Khorezmshah Jalal ad-Din Mankburn, His Personality and Era*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Эко У. *Баудолино*. Пер. с итал. и послесловие Е. Костюкович. М., 2003 [Eco U. *Baudolino*. Tr., foreword by E. Kostyukovitch. Moscow, 2003 (in Russian)].

Aigle D. The Letters of Eljigidei, Hülegü and Abaqa: Mongol overtures or Christian Ventriloquism? *Inner Asia*. 2005. 7.2. Pp. 143–162.

Aigle D. *The Mongol Empire between Myth and Reality*. Leiden, 2014.

Barber R. *The Holy Grail. Imagination and Belief*. Cambridge, 2004.

Brewer K. (comp. and tr.) *Prester John: The Legend and its Sources*. Sydney, 2015.

Crummey D. Imperial Legitimacy and the Creation of Neo-Solomonic Ideology in 19th Century Ethiopia. *Cahiers d'Etudes africanes*. 1998. 109. XXVII-I. Pp. 13–43.

Eco U. *Baudolino*. Milan, New York, 2000.

Jackson P. Review: Prester John "redivivus": A Review Article. Review of: *Prester John, the Mongols and the Ten Lost Tribes* by Charles F. Beckingham, Bernard Hamilton. *Journal of the Royal Asiatic Society*. Third Series. 1997. 7.3. Pp. 425–432.

Luisetto F. *Arméniens et autres Chrétiens d'Orient sous la domination mongole*. Paris, 2007.

Hancock G. Sign and the Seal: *The Quest for the Lost Ark of the Covenant*. New York, London, Toronto, Sydney, 1992.

Knobler A. *Mythology and Diplomacy in the Age of Exploration*. Ser. European Expansion and Indigenous Response. Vol. 23. Pp. 5–8. Leiden, 2017.

Newton A. P., Hunt E. D. *Travel and Travellers of the Middle Ages*. London, 1996.

Rossabi M. *Voyager from Xanadu: Rabban Sauma and the first journey from China to the West*. Tokyo, 1992.

Silverberg R. *The Realm of Prester John*. Athens, Ohio, 1996.

Sigoli S. *Viaggio Al Monte Sinai; E in Terra Santa*. Milano, 2011.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии, равно как об удивительных вещах и разнообразии народов. *Facetiae*. URL: https://facetia.ru/node/2798 (дата обращения 28.03.2021).

Горелов Н. Послание пресвитера Иоанна. *Facetiae*. URL: https://facetia.ru/node/2788 (дата обращения 28.03.2021).

Демин В. Н. Интерлюдия 1. Пресвитер Иоанн. *ВикиЧтение*. URL: https://biography.wikireading.ru/43417 (дата обращения 28.03.2021).

Деяния апостолов апокрифические. *Православная энциклопедия*. URL: https://www.pravenc.ru/text/171796.html (дата обращения 28.03.2021).

Дубровская Д. В. Удел прокаженного короля. *Вокруг света*. URL: https://www.vokrugsveta.ru/telegraph/history/579/ (дата обращения 28.03.2021).

История клирика Елисея. *Facetiae*. URL: https://facetia.ru/node/2793. (дата обращения 28.03.2021).

Послание Римской курии "Patri luminum". 1216–1217. *Восточная литература*. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1200-1220/Poslanija_kurii/patri_luminum_1216_17.phtml?id=6031 (дата обращения 28.03.2021).

Halsall P. Otto of Freising: The Legend of Prester John. *Internet Medieval Sourcebook*. URL: https://sourcebooks.fordham.edu/source/otto-prester.asp (дата обращения 28.03.2021).

Prester John. *Catholic Encyclopedia*. https://www.newadvent.org/cathen/12400b.htm (дата обращения 28.03.2021).

Rachewiltz I. De. Prester John and Europe's Discovery of East Asia. *Openresearch Repository*. URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/115104/2/b14116716.pdf (дата обращения 29.03.2021).

Ramos M. J. Ethiopia in the Geographical Representations. *Repositorio*. 1998. URL: https://repositorio.iscte-iul.pt/bitstream/10071/3818/1/Ramos%20-%20Ethiopia%20in%20the%20geographical%20representations%201998.pdf (дата обращения 28.03.2021).

Salvadore M. The Ethiopian Age of Exploration: Prester John's Discovery of Europe, 1306–1458. *Researchgate*. URL: https://www.researchgate.net/publication/254951184_The_Ethiopian_Age_of_Exploration_Prester_John%27s_Discovery_of_Europe_1306-1458 (дата обращения 28.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-117-128

ЧАРЛЬЗ МЭРРЕЙ И ДЕЛО МИРЗЫ ХАШЕМ-ХАНА: К ВОПРОСУ О ПОВОДАХ ДЛЯ АНГЛО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ 1856–1857 гг.

© 2021

Б. В. Норик*

Англо-иранская война 1856–1857 гг. явилась логическим следствием реализации теоретических обоснований экспансионистской политики Англии на Востоке, наиболее значительным из которых была защита британских владений в Индии. К этому моменту теория русской угрозы обрела вполне устойчивые очертания, породив в определенных кругах британского истеблишмента панические настроения. Одной из ударных сил, с помощью которой, по мнению Англии, Россия предполагала подойти вплотную к Индии, был Иран. Его традиционный интерес к территории западного Афганистана тесно увязывался с продвижением России в сторону Индии, плацдармом для которого должен был стать Герат, занимавший выгодное стратегическое положение на пути в эту страну из Средней Азии и Ирана. Получив некоторые преимущества в ходе Крымской войны, Англия решила положить конец систематическим попыткам Ирана овладеть гератской провинцией и четко обозначить его территориальные пределы на востоке. С целью активизации иранского вектора британской внешней политики в 1854 г. полномочным послом в Тегеран был направлен Чарльз Мэррей. Его пребывание в столице Ирана продлилось немногим более полугода и завершилось скандальным разрывом дипломатических отношений между Ираном и Англией в конце ноября 1855 г., спровоцированным разногласиями относительно судьбы Мирзы Хашем-хана Эсфандийари, принятого под английское покровительство предшественником Чарльза Мэррея, поверенным в делах Уильямом Томсоном. Этот эпизод из истории англо-иранских отношений и стал предметом настоящей статьи, призванной показать, что дело Мирзы Хашем-хана Эсфандийари не могло стать поводом для Англо-иранской войны, каковым оно иногда воспринималось обывательским сознанием ее современников. По мнению автора, упомянутый конфликт в первую очередь следует рассматривать в контексте начатой еще Мирзой Таки-ханом Амир-е Кабиром борьбы иранского правительства за продвижение в иностранные консульства своих шпионов, а также в области межличностных взаимоотношений.

Ключевые слова: Англо-иранская война 1856–1857 гг., Чарльз Мэррей, Мирза Хашем-хан Эсфандийари, Мирза Ака-хан Нури, Парвин-ханум, Насер ад-Дин-шах.

Для цитирования: Норик Б. В. Чарльз Мэррей и дело Мирзы Хашем-хана: к вопросу о поводах для Англо-иранской войны 1856–1857 гг. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 117–128. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-117-128

* Борис Вячеславович Норик, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boris.norik@mail.ru

Boris V. Norik, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boris.norik@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3866-2697

CHARLES MURREY AND MIRZA HASHEM-KHAN'S CASE: THE PROBLEM OF *CASUS BELLI* FOR ANGLO-IRANIAN WAR OF 1856–1857

Boris V. Norik

Anglo-Iranian War of 1856–1857 became a logical conclusion of the British expansionist politics in the East theoretical basis implementation in practice. The most significant point of this theory was the protection of British possessions in India. By this time, the theory of the Russian threat had acquired quite stable outlines, giving rise to panic in certain circles of the British establishment. Its traditional interest in the territory of western Afghanistan was closely linked with the advancement of Russia towards India, for which Herat was supposed to become a springboard, occupying an advantageous strategic position on the way to this country from Central Asia and Iran. Having gained some advantages during the Crimean War, Britain decided to put an end to Iran's systematic attempts to take possession of the Herat province and clearly define its territorial boundaries in the east. In order to activate the Iranian vector of British foreign policy, Charles Murray was sent to Tehran in 1854 as plenipotentiary ambassador. His stay in the Iranian capital lasted a little more than six months and ended with a scandalous break of diplomatic relations between Iran and England at the end of November 1855, provoked by disagreements over the fate of Mirza Hashem Khan Esfandiyari, accepted under English patronage by Charles Murray's predecessor, Charge d'Affaires William Thompson. This episode from the history of Anglo-Iranian relations became the subject of this paper, designed to show that the case of Mirza Hashem Khan Esfandiyari could not become a reason for the Anglo-Iranian war, which it was sometimes perceived by the philistine consciousness of its contemporaries. According to the author, the above-mentioned conflict, first of all, should be considered in the context of the struggle of the Iranian government started by Mirza Taki-khan Amir-e Kabir for the promotion of its spies to foreign consulates, as well as in the field of interpersonal relations.

Keywords: Anglo-Iranian War of 1856—1857, Charles Murrey, Mirza Hashem-khan Esfandiyari, Mirza Aqa-khan Nuri, Parvin-khanum, Naser ad-Din-shah.

For citation: Norik B. V. Charles Murrey and Mirza Hashem-Khan's Case: The Problem of *casus belli* for Anglo-Iranian War of 1856–1857. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 117–128. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-117-128

Единственная известная нам на сегодняшний день зарубежная монография, специально посвященная Англо-иранской войне 1856–1857 гг., принадлежит перу британской исследовательницы Б. Инглиш. Ее вполне логичное название «Последняя война "Компании Джона"» [English, 1971] в американском стереотипном издании было изменено на более броский, рыночный заголовок «Война из-за персидской леди»[1]. И если первое указывает на исторический факт (в 1858 г. англо-индийская армия из ведения Ост-Индской компании перешла под контроль британской короны), то второе — на вероятный повод к войне, при этом не лишенный известной пикантности. Именно об этом эпизоде и пойдет речь в статье.

К середине 1950-х гг. политика Англии в Азии начала давать сбои: не вполне уверенные позиции в Афганистане и Средней Азии на фоне внешнеполитических

[1] Книга была опубликована в том же году, что и английское издание: English B. *The War for a Persian Lady*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1971.

успехов России заставляли ее предпринимать активные действия по защите северо-западных границ в Индии. Международная обстановка тех лет потребовала от Англии активизации своей политики в Иране, имевшем традиционные интересы в Афганистане и с определенной периодичностью стремившемся включить его западную часть в состав своего государства. Эти интересы противоречили британским планам по созданию из Афганистана буферного государства, защищающего индийские владения ведущей морской державы мира, и кроме того ассоциировались с интересами государства российского[2], союз Ирана с которым англичанам удалось разрушить в начале Крымской войны (1853–1856). Авторитет Англии в Иране тоже начал падать, что в значительной степени, по мнению Г. Роулинсона, было обусловлено равнодушной политикой британского правительства, а не конфликтом интересов[3]. Как бы то ни было, последнее намеревалось остановить продвижение Ирана, четко обозначив его территориальные пределы на востоке. Первым шагом на пути достижения цели стало назначение нового дипломатического представителя, в задачу которого входило проведение более жесткой линии или, по выражению А. Аманата, «дипломатии запугивания» [Amanat, 1997, p. 259]. Этим представителем стал Чарльз Мэррей (1806–1895).

Чарльз Август Мэррей был сыном Джорджа Мэррея, графа Данмора (1762–1836)[4], и леди Сьюзан Гамильтон (ум. 1846), дочери 9-го герцога Гамильтона. Учился он в Итоне (1815–1822), а затем в Оксфорде (1824–1830). С ранних лет увлекался литературой[5]: его перу принадлежат романы *Prairie Bird*[6], *Travels in North America* и *Hassan or the Child of the Pyramid*. Во время путешествия по Германии в 1830 г. Мэррей встречался с И. В. Гёте (1749–1832), которого консультировал по староанглийской литературе. Он был знаком с В. Скоттом (1771–1832), переписывался с Т. Карлайлем (1795–1881) и Дж. Ф. Купером (1789–1851). После нескольких неудачных попыток баллотироваться в парламент и периода путешествий, Мэррей поступил на придворную службу[7], на которой состоял без малого 8 лет. В 1845 г. началась его дипломатическая карьера: он был назначен секретарем британской миссии в Неаполе[8], однако уже на следующий год его направили генеральным консулом в Египет, где в ту пору гремело имя паши Мохаммада-Али (правил 1805–1848), с которым у него сложились добрые отношения

[2] О теории русской угрозы Индии, разработанной британской политической пропагандой в XIX в., см., например: [Кулагина, 1981, с. 11–12].

[3] Подробнее см.: [Rawlinson, 1875, p. 87–88].

[4] Этот титул в 1836 г. унаследовал старший брат Мэррея Александр Эдвард. Его младший брат, Генри Энтони, впоследствии стал контр-адмиралом британского ВМФ [Maxwell, 1898, p. 4].

[5] Любовь к античной литературе и классическим языкам привил Мэррею санингхиллский викарий Хичингс, в течение двух лет готовивший его к поступлению в Оксфорд [Maxwell, 1898, p. 52].

[6] В 1898 г. Г. Максвелл, автор биографии Ч. Мэррея, утверждал, что книга до сих пор популярна среди школьников, особенно американских, поскольку написана в стиле приключенческих романов об индейцах, ставших популярными благодаря Дж. Ф. Куперу [Maxwell, 1898, p. 194–195].

[7] Среди услуг, оказанных Ч. Мэрреем королеве Виктории (правила 1837–1901), была публикация анонимного памфлета, в котором он доказывал протестантское происхождение Саксен-Кобургов и Эрнестинской линии, поскольку европейские королевские дома подозревали жениха королевы, принца Альберта, в принадлежности к католицизму [Maxwell, 1898, p. 193–194].

[8] Мэррей стал единственным дипломатическим представителем, принятым Николаем I (правил 1825–1855) в ходе его короткого визита в Неаполь в 1845 г.: русский император выделил Мэррея из общей свиты и удостоил нескольких частных бесед еще в 1844 г. в Виндзорском дворце [Maxwell, 1898, p. 186].

[Maxwell, 1898, p. 4–5, 73–80, 156, 207–208, 210–227]. По словам самого Мэррея, в Египте он сделал три общественно полезных дела — по одному для науки, политики и торговли: «Я вывез оттуда в Европу живого гиппопотама[9]; я не допустил туда проклятый *танзимат* (узаконенную анархию), вопреки сэру Стрэдфорду Каннингу и Высокой Порте; и я протянул туда железную дорогу, несмотря на интриги французов и турок» [Maxwell, 1898, p. 244–245]. В Египте Мэррей прослужил с 1846 по 1853 гг.[10] и был назначен полномочным министром в Берн. В августе 1854 г. министр иностранных дел лорд Дж. У. Кларендон (1800–1870) предложил ему отправиться в Персию. Мэррей колебался, но в итоге ему дали понять, что отказ может отрицательно повлиять на его дипломатическую карьеру. Позднее в письме брату от 5 апреля 1857 г. из Багдада он напишет: «Да-да, прошлое нельзя изменить, но если бы было можно, я постарался бы отменить множество совершенных мною глупостей — величайшая из всех, пожалуй, состоит в том, что я позволил уговорить себя выбраться в это гнездо интриг, лжи и подлости, понимаемых под словом "Персия". На самом деле чудовищно, что Англия, Франция, Россия и другие цивилизованные Державы должны говорить о "достоинстве" шаха и обращаться с ним так, словно он принц из цивилизованного мира» [Maxwell, 1898, p. 262][11].

Прибыв в Тегеран в апреле 1855 г.[12], Мэррей воочию столкнулся с последствиями перевода местной дипломатической миссии в ведение Уайтхолла, по его убеждению, не понимавшего сути ведения дел на Востоке: резиденция находилась в полном запустении, жалование посланника было урезано, отменены дорожные и столовые расходы, снята охрана и, самое главное, аннулирована статья расходов на подарки, обмен которыми составлял важнейший элемент этикета при восточных дворах.

---

[9] Для этого Мэррей уговорил Аббас-пашу (правил 1848–1854) отправить экспедицию на Белый Нил в июле 1849 г. Детеныша гиппопотама доставили в Каир, а оттуда на пароходе «Рипон» в специально сооруженном вольере переправили в Англию и 25 мая 1850 г. передали Зоологическому обществу. Его назвали Обайш (по имени острова, откуда его вывезли). Гиппопотам прожил в Риджентс парке 28 лет и умер в 1878 г. Филипп Латли Склэйтер, секретарь Зоологического общества, вспоминал, что Мэррей часто наведывался к гиппопотаму, кричал ему что-то по-арабски, а тот подбирался поближе и отвечал дружеским ревом. Мэррей утверждает, что это был первый гиппопотам, которого видели в Европе со времен зарождения Римской империи. Самого Мэррея прозвали «гиппопотам Мэррей» [Maxwell, 1898, p. 244].

[10] Г. Роулинсон утверждает, что Мэррей стал первым дипломатическим представителем Англии в Персии с 1801 г. (за исключением Дж. Мориера), кто прежде не прошел школу индийской дипломатии, дававшей лучшее представление о модели поведения при тегеранском дворе, где обмен подарками, языковые тонкости и даже детали одежды способствовали признанию [Rawlinson, 1875, p. 95–96]. Содержащийся в его словах намек на недостаточную компетентность Мэррея едва ли корректен, поскольку помимо знания арабского последний «сносно читал и изъяснялся на персидском и турецком — двух языках, имеющих хождение в Тегеране» [Maxwell, 1898, p. 265].

[11] По меткому выражению А. Аманата, «вступив в предательские воды англо-персидской дипломатии, романтический ориентализм Мэррея сел на мель» [Amanat, 1997, p. 260].

[12] Официальное назначение последовало 3 сентября 1854 г. [The London Gazette. September 15, 1854, p. 2833]. Иранские источники сообщают, что Мэррей следовал из Индии по маршруту Бушер — Багдад — Керманшах — Тегеран. 15 апреля 1855 г. [26 раджаба 1271 г. х.] на подъезде к Тегерану Мэррея встречали Мирза Мохаммад-хан Кешикчи-баши, заместитель министра иностранных дел Мирза Абд аль-Гаффар-хан, генерал Насролла-хан, а со стороны *садр-азама* — полковник Хан-Баба-хан. 18 апреля [29 раджаба] курйасавул-баши Шахбаз-хан сопроводил его во дворец, где посол вручил шаху верительные грамоты [Сепехр, 1998, p. 1273; Хурмуджи, 2000, p. 148].

В итоге Мэррей появился перед Насер ад-Дин-шахом (правил 1848–1896) с пустыми руками: без подарков или предложений договоров и займов, но с напоминанием о необходимости сохранять нейтралитет в Крымской войне, лишавший Иран возможности извлечь из последней хоть какую-нибудь выгоду. Это не прибавило очков новому представителю, к которому шах был предвзято расположен еще до его прибытия в Тегеран: во-первых, он был другом давних врагов шаха — египетского паши и имама Маската, а, во-вторых, шаху было известно содержание заметки «Таймс», в которой утверждалось, что цель нового британского посланника — поставить его на колени [English, 1971, p. 40–42; Kelly, 1968, p. 456–457; Watson, 1866, p. 417–418].

Здесь Мэррей оказался заложником дела, начавшегося до его назначения. Речь идет о Мирзе Хашем-хане Нури Эсфандийари (род. 1824 или 1825), принятом на работу в английское посольство на должность секретаря еще У. Т. Томсоном в бытность его поверенным в делах. 15 июня 1854 г. Томсон писал лорду Дж. Кларендону о том, что назначил Мирзу Хашема первым туземным секретарем Британской миссии в Тегеране. По словам Томсона, ему было около 30 лет, и он принадлежал к одной из главных ветвей племени нури, но отличной от ветви, к которой относился *садр-азам* Мирза Ака-хан Нури. Его покойный отец, Мирза Мохаммад-Рахим-хан Нури, уже при Насер ад-Дин-шахе был губернатором Мишкина, Сираба и Мийане. Мирза Хашем начал свою службу при нынешнем шахе, когда последний еще находился в статусе наследника престола (*валиахд*), и поэтому обладал широким кругом знакомых среди придворных. Ему покровительствовал бывший премьер-министр Мирза Таки-хан Амир-е Кабир (1848–1851): буквально за несколько дней до своего изгнания в Кашан он собирался назначить его на должность, но не успел, и с тех пор карьера Мирзы Хашема застопорилась. Томсон характеризует Хашема как весьма достойную личность, связанную родственными узами с царской фамилией. Кларендон одобрил это назначение, рекомендовав напомнить Хашему, что продолжение службы будет зависеть от его преданности и рвения. Но иранская сторона этого назначения не утвердила. В донесении Кларендону от 2 сентября 1854 г. Томсон поясняет, что официальной причиной иранское правительство назвало отсутствие увольнительной грамоты, в связи с чем Хашем по-прежнему считается государственным служащим, который не может занимать иные должности[13]. Однако через некоторое время Томсон выяснил, что подлинной причиной явилась принадлежность Хашема к одной из наиболее знатных семей Ирана: этим воспользовались противники *садр-азама* Мирзы Ака-хана Нури (1851–1858), убедившие шаха потребовать от последнего наложить вето на назначение в надежде, что этот акт охладит взаимоотношения *садр-азама* с британской миссией. Томсон пишет, что Нури очень просил его не настаивать, и тот почел за лучшее назначить вместо Мирзы Хашема Мирзу Фазлуллу. Мирза Ака-хан Нури выразил готовность поддержать Хашема, однако последний не желал служить шаху (позднее Мэррей уточнит, что это было обусловлено тем, что Мирза полностью дискредитировал себя связью с английской миссией). Томсон добавляет, что считает его полезным человеком, а потому по получении отпускной от иранского правительства

[13] Иранский историк Мохаммад-Таки Сепехр сообщает, что поначалу иранское правительство, зная о непостоянном характере Мирзы Хашема, якобы хотело оградить британскую миссию от возможных неприятностей, но вследствие настойчивости Томсона выдвинуло данный аргумент [Сепехр, 1998, p. 1274].

предполагает назначить его агентом (*вакиль*) в Ширазе, поскольку нынешний агент не проявил себя должным образом. Кларендон одобрил действия Томсона и уточнил, что для назначения Хашема в Шираз следует заручиться согласием персидского правительства[14] [Бамдад, 1968, p. 417; Хедайат, 2001, p. 8756; Correspondence, 1857, p. 68–70; Townsend, 1858, p. 162–163].

Мэррей, вскоре после прибытия в Тегеран познакомившийся с Мирзой Хашемом, по сообщению иранского историка Мохаммад-Таки Сепехра, был совершенно им очарован и потому обратился к иранскому правительству с просьбой об увеличении Хашему жалования. Иранская сторона ответила отказом, мотивируя его тем, что создание подобного прецедента привлечет в английскую миссию целую армию недовольных своим заработком людей. Тогда Мэррей решил назначить Хашема, жившего в английском посольстве уже около года и имевшего английский паспорт, агентом в Шираз и 22 июня 1855 г. запросил санкцию Дж. Кларендона. В своем письме он упоминает о личной вражде семьи Хашема с кланом Мирзы Ака-хана Нури, в связи с чем иранское правительство не желает видеть его посредником между *садр-азамом* и английским посольством. По мнению Мэррея назначение Хашема в Шираз не встретит столь решительного сопротивления, во-первых, из-за взаимной личной неприязни между Хашемом и Нури, а, во-вторых, в силу того, что в Ширазе он не будет контактировать с иранским правительством. При этом письмо Мэррея Кларендону показывает, что отношение английского посланника к Мирзе Хашему не было столь эмоциональным, как это рисует Сепехр: так, присоединяясь к положительной характеристике У. Томсона, он добавляет, что уверен в преданности Хашема, поскольку тот понимает всю уязвимость своего положения в случае увольнения и лишения протектората английской миссии. В своем ответе от 1 августа Кларендон согласился с назначением Хашема в Шираз. 4 ноября 1855 г. Мэррей информировал Нури о том, что Хашем назначен агентом британской миссии в Ширазе, снабжен необходимыми документами, подтверждающими его полномочия, и паспортом и приступит к своим обязанностям через несколько дней [Сепехр, 1998, p. 1274; Correspondence, 1857, p. 70–71, 73].

Это назначение спровоцировало обширную переписку между Ч. Мэрреем и *садр-азамом* Мирзой Ака-ханом Нури — довольно утомительную как для самих корреспондентов, так и для будущих исследователей. Помимо всего прочего в упомянутой переписке явно проглядывается стремление иранской стороны не допустить в английскую миссию человека, более лояльного к англичанам, нежели к своему правительству, а также ограничить влияние созданной на территории Ирана британской агентурной сети. На это, в частности, указывает замечание *садр-азама* о том, что иранское правительство не признает агентов в иных городах, кроме Тегерана, Табриза и Бушера: наличие у Британии легальных и тайных агентов по всему миру не означает их признания правительствами соответствующих стран. Представляется, что эти действия иранской стороны достаточно четко инкорпорируются в контекст борьбы, с особой силой развернувшейся в период премьерства Мирзы Таки-хана Амир-е

[14] Сепехр пишет, что в ответе У. Томсону «чиновники английского правительства» уведомили его, что не всякий иранский подданный может служить в английском посольстве, поэтому он был вынужден отступить. Г. Уотсон отмечает, что это было сделано в виду того, что английские дела нельзя было вести через человека, против которого выступает *садр-азам* [Сепехр, 1998, p. 1274; Watson, 1866, p. 419].

Кабира, создавшего довольно эффективную контрразведывательную службу, которая настойчиво продвигала своих агентов (*монхийан-е амир*) в иностранные миссии, в первую очередь российскую и британскую[15]. Сам Мэррей в письме Дж. Кларендону от 21 июня 1856 г. пишет, что, настаивая на назначении Хашема в Шираз, он отстаивал право нанимать любого не занятого на службе иранца без согласования с иранскими властями — это бесспорное право любой иностранной миссии в Тегеране, позволяющее избежать ситуации, при которой все иранские служащие и прислуга оказываются агентами иранского правительства. Это было особенно важно в условиях ограниченных контактов с местными жителями, которые изо всех сил старался ему создать *садр-азам*: он запрещал высокопоставленным иранцам посещать миссию, преследовал тех, кто имел смелость нанести Мэррею визит, третировал иранских служащих посольства. В подобной ситуации, судя по словам самого Мэррея, он попытался, хотя и вынужденно, обратиться напрямую к шаху, тем самым привлекая последнего к более активному участию в государственных делах и снижая область властных компетенций Мирзы Ака-хана Нури: «Странный мир. Ведь все дело в том, что одной из причин, по которой *садр-азам* невзлюбил меня и попытался избавиться от меня, было то, что я начал вести приватные разговоры с шахом, на которых не присутствовали ни он, ни его шпионы» [Maxwell, 1898, p. 261]. Формальным же предметом спора выступал вопрос о принадлежности Мирзы Хашем-хана к государственной службе — официально он числился по военному ведомству: Мэррей пытался доказать, что Хашем был уволен и потому имел полное право поступать на службу в иностранную миссию, а Нури ссылался на списочный состав и финансовую документацию. *Садр-азам*, выражая официальную позицию иранской стороны в восприятии Мирзы Хашем-хана как дезертира, заявлял, что в случае отправки его в любой город он будет арестован, а Мэррей утверждал, что это будет расценено как задержание английского подданного и повлечет тяжелые последствия [Сепехр, 1998, p. 1274; Correspondence, 1857, p. 71–81, 158–160].

Кульминацией в этом деле (и, соответственно, переписке Мэррея с *садр-азамом*) стала принудительная изоляция жены Мирзы Хашем-хана, Парвин-ханум, в доме ее брата Солтан-Хосейн-мирзы. Основная проблема состояла в том, что Парвин-ханум, внучка Фатх-Али-шаха Каджара (правил 1798–1834), была сестрой первой законной жены Насер ад-Дин-шаха, Гелин-ханум[16], что переводило инцидент на самый высокий уровень. Между тем, Мирза Хашем-хан поселил ее в апартаментах, близких к британскому посольству. Более того во время пребывания посольства в летней резиденции для нее была разбита отдельная палатка, находившаяся недалеко от палатки английского посланника. Это вызвало негативную реакцию в обществе: по Тегерану начали циркулировать дурные слухи[17], духовенство напомнило об инциденте с А. С. Грибоедовым (уб. 1829), констатируя, что сейчас, когда речь идет о женщине, связанной родственными узами с царской семьей, можно ожидать более бурной реакции. Иранский историк Мохаммад-Джафар Хурмуджи в этой связи замечает, что в

[15] См., например: [Адамийат, 1983, p. 345–350; Райин, 1994, p. 228–247].

[16] А. Аманат называет Парвин-ханум сестрой второй законной жены шаха Ходжасте-ханум Тадж ад-Доуле [Amanat, 1997, p. 266].

[17] Сама Парвин-ханум обладала не слишком безупречной репутацией в глазах общества: Хашем-хан был ее четвертым мужем [Райин, 1994, p. 281].

отличие от англичан иранцы не считают позволительными дружеские отношения женщин с чужаками. В итоге по настоянию брата Парвин-ханум, Солтан-Хосейн-мирзы, 14 ноября 1855 г. она была приглашена на обед к своей подруге, где была задержана и препровождена в дом брата, а в дальнейшем переведена в дом отца, Ахмад-Али-мирзы. Хашему было поставлено условие: или он оставляет службу в британском посольстве, или его супругу принудят к разводу [Бамдад, 1968, p. 417; Райин, 1994, p. 282–282; Сепехр, 1998, p. 1274; Хедайат, 2001, p. 8756; Хурмуджи, 2000, p. 162; Correspondence, 1857, p. 71–73; English, 1971, p. 46].

В тот же день Мирза Хашем-хан подал жалобу Мэррею и, следуя его совету, немедленно заручился фетвами двух авторитетных в Тегеране *муджтахидов*, которые признали действия иранских властей неправомочными. 15 ноября Мэррей отправил Хашема в сопровождении двух сотрудников миссии к Солтан-Хосейн-мирзе, чтобы потребовать возвращения жены, но делегация была вынуждена вернуться ни с чем: взглянув на предъявленные фетвы, Солтан-Хосейн-мирза заявил, что законы он знает, но не может нарушить приказ, и за всеми разъяснениями предложил обращаться к Мирзе Ака-хану Нури. Последний попытался уклониться от продолжения переписки на столь деликатную тему, но Мэррей заявил, что покровительство миссии распространяется на членов семьи и дома ее туземных служащих, квалифицировал изоляцию Парвин-ханум как оскорбление английского флага и потребовал возвращения жены Хашема законному супругу, дав иранскому правительству срок для ответа до 19 ноября 1855 г., после чего грозил спустить флаг и покинуть Тегеран[18]. Ни попытка затянуть время с помощью посредников, к числу которых относились турецкий поверенный в делах Хайдар-эфенди и французский посланник П. Бурэ, ни скрытый шантаж *садр-азама*, обещавшего в случае отъезда Мэррея сделать «некоторые разоблачения», не привели к положительному результату, и 20 ноября 1855 г. Мэррей спустил английский флаг на здании британской миссии. В этот же день он уведомил иранского министра иностранных дел о своем решении переместить британскую миссию на турецкую территорию и просил назначить сопровождающего до турецкой границы (таковым стал полковник Хади-хан). В Тегеране оставался британский консул, который должен был представлять интересы британских подданных на время отсутствия посланника [Correspondence, 1857, p. 71–73, 81–83].

Тем не менее Мэррей покинул Тегеран далеко не сразу. Он все же надеялся, что иранское правительство сдастся[19], но ошибся в своих ожиданиях. Его действия вызвали

[18] В психологическом плане действия Мэррея отчасти может проиллюстрировать случай, произошедший еще в бытность его в Египте. Некий работорговец подбросил в дом одному английскому купцу умирающую юную абиссинскую христианку. Семье купца удалось ее выходить. Работорговец обнаружил, что девушка снова может стать товаром, и потребовал вернуть ее. Англичанин отказался. Тогда тот обратился к властям, которые пригрозили отнять девушку силой, поскольку работорговец имел на нее законное право. Англичанин обратился к Мэррею, а тот запросил инструкций из Лондона. В ответ Г. Палмерстон писал, что поскольку девушка была передана не в консульство, которое считается английским владением, а англичанину, подчиняющемуся законам страны, в которой он находится, то предъявить права не удастся. Поэтому он уполномочил его, ориентируясь на сумму в 15–20 фунтов, выкупить девушку, чтобы этот купец мог нанять ее как свободную прислугу. В итоге Мэррей выкупил девушку за 35 фунтов, записав их на свой счет для МИД [Maxwell, 1898, p. 228–230].

[19] Подобного же мнения придерживался и управляющий российским генеральным консульством в Табризе Н. Ханыков [Акты, 1888, с. 549].

крайнее раздражение шаха, в письме своему министру иностранных дел от 26 ноября 1855 г. просившего выразить английскому посланнику удивление тем, что иностранец решился учить его управлению его же страной, а также заверить, что все сказанное и написанное *садр-азамом* было сделано по его приказу. Упоминая о распространении в столице листовок с угрозами от имени британской миссии, шах заметил, что если поначалу причастность самой миссии к этой акции оставалась под вопросом, то после всего случившегося появление подобных листовок следует расценивать как попытку дестабилизации положения в стране. Не без сарказма шах констатировал, что его независимость англичане поддерживают весьма странным образом, отнимая у него власть и даже семью. Шах выразил недоумение в связи с тем, что Мэррей до сих пор находится в Тегеране, когда он уже спустил свой флаг и ему назначен официальный сопровождающий. В завершение шах запретил министру иностранных дел вести дальнейшую переписку по данному поводу. Волю своему раздражению шах дал в письме *садр-азаму*, в котором называл Мэррея «болваном, невеждой и безумцем, имеющим дерзость оскорблять даже королей» [Акты, 1888, с. 545–546; Correspondence, 1857, p. 121; Drummond Wolff, 1908, p. 269–270][20]. Шах утверждал, что без личных извинений английской королевы он не примет ни Мэррея, ни иного дипломатического представителя Великобритании. Таким образом на данном этапе Мэррей проиграл и 5 декабря был вынужден выехать в сторону турецкой границы [Correspondence, 1857, p. 96–97, 121].

Несмотря на то что после победы британцев в Англо-иранской войне 1856–1857 гг., согласно ст. 10 мирного договора от 4 марта 1857 г., Мэррей торжественно вернулся в Тегеран[21], его репутации был нанесен огромный ущерб. Речь идет о распущенном Мирзой Ака-ханом Нури слухе о связи Мэррея с женой Мирзы Хашем-хана. Деятельность Мэррея в Иране подверглась резкой критике в британской прессе и парламенте. Между тем, по мнению самого Мэррея, если бы английское правительство, одобрив отъезд миссии из Тегерана, сразу же направило энергичную ноту с категорическим требованием компенсации за оскорбления английского флага и с угрозой насильственными мерами в случае отказа, персидское правительство немедленно согласилось бы со всеми условиями. Он вернулся бы в Тегеран в еще большей силе, и ни один иранский солдат не направился бы в сторону Герата. Отсутствие же реакции заставило людей думать, что английское правительство вовсе не оскорблено, и циркулирующие слухи имеют под собой полное основание. Таким образом британское правительство, в течение четырех месяцев хранившее молчание в связи со сложившейся ситуацией, способствовало укреплению этих слухов в общественной памяти британского и иранского обществ. Так, биограф Мэррея, Г. Максвелл, рассказывает, что во время работы над книгой, то есть по прошествии около сорока лет после этих событий, ему довелось поговорить с человеком, немного знавшим Мэррея в более поздний период. Когда Максвелл спросил, может ли он назвать причины персидской распри, тот ответил, что Мэррей спутался там с одной

[20] По утверждению Дж. Келли, это письмо было разослано во все европейские миссии [Kelly, 1968, p. 460].
[21] Полный текст договора см.: [Collection, 1909, p. 76–80]. Процедура возвращения Мэррея была прописана в отдельном приложении к ст. 10 договора [Collection, 1909, p. 80–81].

дамой, и хотя он многого не помнит, но точно уверен, что все случилось из-за женщины[22] [Maxwell, 1898, p. 256].

Деятельность Мэррея в Иране в научной литературе оценивается по-разному. В отечественной историографии превалирует точка зрения о злонамеренных действиях британского посланника. Так, по мнению П. П. Бушева и Н. Н. Туманович, Мэррей, действуя по инструкции английского правительства, методично искал повод для войны с Ираном, но его инцидент оказался слишком ничтожным, поэтому Англия с радостью ухватилась за гератский вопрос [Бушев, 1959, с. 55–60; Туманович, 1982, с. 148]. М. С. Иванов же считает, что Мэррей пошел на разрыв дипломатических отношений только после того как убедился, что поход иранцев на Герат предотвратить не удастся [Иванов, 1952, с. 178]. Западные историки, напротив, склонны обвинять в злонамеренности иранскую сторону, называя дело Хашем-хана предлогом для прекращения дипломатических отношений с Англией, необходимого для спокойной реализации планов по захвату Герата (эта версия была выдвинута самим Мэрреем в письме Г. Каули от 23 апреля 1857 г. и закреплена английским историком Г. Уотсоном). При этом Дж. Келли, опираясь на архивные документы, утверждает, что в Лондоне не были готовы к полному разрыву. По мнению А. Аманата, случай Хашем-хана, как и прочие подобные события, были использованы британским правительством для сдерживания явного уклона шаха в сторону русских [Amanat, 1997, p. 242; Avery, 1967, p. 70–71; Kelly, 1968, p. 459–461; Markham, 1974, p. 502–503; Maxwell, 1898, p. 263; Sykes, 1921, p. 348; Watson, 1866, p. 421–422]. В иранской историографии бытуют, главным образом, две точки зрения. Одна из них утверждает злонамеренность Мэррея [Махмуд, 1974, p. 680, 682; Райин, 1994, p. 304; Тале, 2009, p. 80–81], другая считает, что дело Хашема не было заранее продуманным поводом для разрыва дипломатических отношений [Махдави, 2006, p. 273].

Переписка Мэррея с Мирзой Ака-ханом Нури показывает, что ни та, ни другая сторона изначально не ставила своей задачей разорвать дипломатические отношения, и спуск британского флага в связи с отказом вернуть жену иранскому подданному, пусть и находившемуся под английской протекцией, явился неожиданностью и для Лондона, и для Тегерана. Даже если Г. Палмерстон и Дж. У. Кларендон дали бы Мэррею инструкцию любой ценой найти повод для разрыва дипломатических отношений, они не могли принять столь примитивный и сомнительный повод для начала войны, тем более что у Мэррея были и другие, более нейтральные поводы. Опытный политик должен был легко просчитать заведомую двусмысленность выдвинутого им ультиматума. В результате британская дипломатия оказалась в сложном положении, выйти из которого ей помогли сами иранцы, попытавшиеся решить проблему и вернуть Мэррея через посредничество британского представителя в Османской Турции лорда Ч. Стрэдфорда де Редклифф. Кларендон дал последнему указание не спешить, дабы показать иранцам, что дело Мирзы Хашем-хана не является единственной причиной ссоры. Это было особенно важно, поскольку неосмотрительные действия Мэррея вызвали негативную реакцию в Англии. Дальнейшая активность Ирана в Герате помогла англичанам плавно сместить акцент в процессе урегулирования разногласий с

[22] Так, Г. Драммонд Вольф прямо называет причиной войны оскорбительные письма, написанные иранскими министрами Мэррею, относя к этой категории и письмо шаха *садр-азаму*, в котором первый называет британского дипломата болваном [Drummond Wolff, 1908, p. 269].

«персидской леди» на гератский вопрос, который и был настоящим предметом беспокойства британского правительства, в итоге став действительным поводом для войны [Kelly, 1968, p. 462–464]. В то же время едва ли присутствие в Тегеране британского дипломатического представителя остановило бы экспансионистские планы шаха, тем более что после отъезда Мэррея в Тегеране остался консул Р. Стивенс: и хотя последнему было запрещено вступать с иранским правительством в политические дискуссии, это не мешало ему добывать информацию о развитии событий в Афганистане. В конце концов, еще до начала войны Мирза Хашем-хан отказался от британского покровительства и получил достойное жалование, а его жена была ему возвращена [Сепехр, 1998, p. 1361; Watson, 1866, p. 432]. Таким образом представляется, что в данном эпизоде обе стороны провели для себя красные линии, за которые твердо решили не отступать. Это была дипломатическая война, которую Чарльз Мэррей проиграл Мирзе Ака-хану Нури в декабре 1855 г., но пушки загремели лишь через год, когда твердость агрессивных намерений шаха в отношении Герата стала несомненной.

Литература / References

Адамийат Ф. *Амир-е Кабир ва Иран*. Техран, 1362/1983 [Adamiyat F. *Amir-e Kabir va Iran*. Tehran, 1362/1983 (in Persian)].

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Том XI. Тифлис, 1888 [*The Acts Collected by Caucasian Archaeographic Commission. Vol. XI*. Tiflis, 1888 (in Russian)].

Бамдад М. *Шарх-е хал-е реджжал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Джелд-е чохором*. Техран, 1347/1968 [Bamdad M. *Sharh-e hal-e rejjal-e Iran dar qarn-e 12 va 13 va 14-e hejri. Jeld-e chohorom*. Tehran, 1347/1968 (in Persian)].

Бушев П. П. *Герат и Англо-иранская война 1856—1857 гг*. М., 1959 [Bushev P. P. *Herat and Anglo-Iranian War of 1856—1857*. Moscow, 1959 (in Russian)].

Иванов М. С. *Очерк истории Ирана*. М., 1952 [Ivanow M. S. *Studies in the History of Iran*. Moscow, 1952 (in Russian)].

Кулагина Л. М. *Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в*. М., 1981 [KulaginaL. M. *Expansion of English Imperialism in Iran at the End of XIX and the Beginning of XX cent*. Moscow, 1981 (in Russian)].

Махдави А-Р. Х. *Тарих-е равабет-е хареджи-йе Иран аз эбтеда-йе доуран-е сафавийе та пайан-е джанг-е доввом-е джахани (1500–1945)*. Техран, 1385/2006 [Mahdavi A-R. H. *Tarikh-e ravabet-e khareji-ye Iran az ebteda-ye dowran-e safaviye ta payan-e jang-e dovvom-e jahani (1500–1945)*. Tehran, 1385/2006 (in Persian)].

Махмуд М. *Тарих-е равабет-е сийаси-йе Иран ва Энглис дар карн-е ноздахом-е милади. Джелд-е доввом*. Техран, 1353/1974 [Mahmud M. *Tarikh-e ravabet-e siyasi-ye Iran va Englis dar qarn-e nozdahom-e milady. Jeld-e dovvom*. Tehran, 1353/1974 (in Persian)].

Райин Э. *Хокукбегиран-е энглис дар Иран*. Техран, 1373/1994 [Rayin E. *Hoquqbegiran-e englis dar Iran*. Tehran, 1373/1994 (in Persian)].

Сепехр Мохаммад-Таки Лесан аль-Мольк. *Насех ат-таварих. Тарих-е каджарийе. Джелд-е севвом*. Бе эхтемам-е Дж. Кийанфар. Техран, 1377/1998 [Sepehr Mohammad-Taqi Lesan al-Molk. *Nasekh at-tavarikh. Tarikh-e qajariye. Jeld-e sevvom. Be ehtemam-e J. Kiyanfar*. Tehran, 1377/1998 (in Persian)].

Тале Х. *Тарих-е таджзийе-йе Иран. Дафтар-е панджом. Таджзийе-йе сарзаминха-йе хавари (Афганестан, Балочестан, Систан, Хорезм ва Фаравард)*. Лангаруд, 1388/2009 [Tale H. *Tarikh-e tajziye-ye Iran.*

Daftar-e panjom. Tajziye-ye sarzaminha-ye khavari (Afghanestan, Balochestan, Sistan, Khorezm va Faravard). Langarud, 1388/2009 (in Persian)].

Туманович Н. Н. *Европейские державы в Персидском заливе в XVI–XIX вв.* М., 1982 [Tumanovich N. N. *European Powers in the Persian Gulf during 16th–19th Centuries*. Moscow, 1982 (in Russian)].

Хедайат Реза-Коли-хан. *Тарих-е Роузат ас-сафа-йе Насери. Джелд-е дахом. Дар салтанат-е Мохаммад-шах ва Насер ад-Дин-шах Каджар*. Тасхих ва тахшийе-йе Дж. Кийанфар. Техран, 1380/2001 [Hedayat Reza-Qoli-Khan. *Tarikh-e Rowzat as-safa-ye Naseri. Jeld-e dahom. Dar saltanat-e Mohammad-shah va Naser ad-Din-shah Qajar*. Tashih va tahshiye-ye J. Kiyanfar. Tehran, 1380/2001 (in Persian)].

Хурмуджи Мохаммад-Джафар Хакаикнегар. *Тарих-е Каджар. Хакаик аль-ахбар-е Насери*. Бе кушеш-е Х. Хадивджам. Техран, 1344/1965 [Khurmuji Mohammad-Jafar Haqayeqnegar. *Tarikh-e Qajar. Haqaiq al-akhbar-e Naseri*. Be kushesh-e H. Khadivjam. Tehran, 1344/1965 (in Persian)].

Amanat A. *Pivot of the Universe: Nasir al-Din Shah and the Iranian Monarchy, 1831–1896*. Berkeley, 1997.

A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries Compiled by C. U. Aitchison. Vol. XII. *The Treaties, etc., Relating to Persia, the Arab Principalities in the Persian Gulf and Oman*. Calcutta, 1909.

Avery P. *Modern Iran*. New York, Washington, 1967.

Correspondence Respecting Relations with Persia. London, 1857.

Drummond Wolff H. *Rambling Recollections*. Vol. I. London, 1908.

English B. *John Company's Last War*. London, 1971.

Kelly J. B. *Britain and the Persian Gulf, 1795–1880*. Oxford, 1968.

Markham C. R. *A General Sketch of the History of Persia*. London, 1874.

Maxwell H. *The Honourable Sir Charles Murray. A Memoir*. Edinburgh, London, 1898.

Rawlinson H. *England and Russia in the East*. London, 1875.

Sykes P. *A History of Persia*. Vol. II. London, 1921.

Townsend G. *A Summary of Persian History, an Account of Various Differences between England and Persia, and an Inquiry into the Origin of the Late War*. London, 1858.

Watson R. G. *A History of Persia from the Beginning of the Nineteenth Century to the Year 1858 with a Review of the Principal Events that Led to the Establishment of the Kajar Dynasty*. London, 1866.

Электронные ресурсы / Electronic sources

The London Gazette. 15.09.1854. URL: https://www.thegazette.co.uk/London/issue/21594/page (дата обращения 17.01.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-129-140

АНДРЕЙ БАЛАКИН, МЮРИД ИНДИЙСКОГО СУФИЯ

© 2021 **Т. Н. Загородникова***

В центре внимания автора находится жизнь и судьба переводчика с персидского языка Андрея Андреевича Балакина. В 1904 г. после окончания в Орле гимназии он приехал в Москву и поступил в специальные классы Лазаревского института восточных языков. Он участвовал в революционных событиях 1905 г. и был приговорен к ссылке, но ему разрешили выезд заграницу. По возвращении А. А. Балакин поступил на военную службу и в 1912 г. был уволен в чине прапорщика запаса. В 1913–1914 гг. он был приставлен следить за индийским музыкантом-суфием Инайят-Ханом, приехавшим в Москву на гастроли и нашедшим здесь теплый прием и множество последователей. Балакин, посещавший все концерты и лекции индийца, проникся идеями суфизма и решил стать учеником Инайят-Хана. Рассказав, кто он был на самом деле, Балакин получил разрешение стать мюридом индийца и впоследствии перевел и издал книгу Учителя «Суфийское Послание о Свободе Духа», написал к нему краткое введение. После отъезда Инайят-Хана Балакин путешествовал по Персии, а с началом первой мировой войны был призван в 221 пехотный Рославльский полк, был ранен и контужен. С 1916 по 1920 г. он служил в Персидской казачьей дивизии Его Величества Шаха, сначала в Исфаганском, потом — в Гилянском отрядах старшим адъютантом. Балакин не закончил Лазаревский институт восточных языков, но всю жизнь занимался переводами с персидского, издал перевод «Тути-намэ. Книга попугая», был членом Русского Общества изучения Востока в Париже.

Ключевые слова: Лазаревский институт восточных языков, Инайят-Хан, суфизм, фарси, Персидская казачья Его Величества Шаха дивизия, Русское Общество изучения Востока.

Для цитирования: Загородникова Т. Н. Андрей Балакин, мюрид индийского суфия. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 129–140. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-129-140

ANDREW BALAKIN, MURID OF THE INDIAN SUFI

Tatiana N. Zagorodnikova

The article looks into the life of Andrew A. Balakin, a Persian language translator. Having finished school in 1904 in the town of Orel he moved to Moscow and enrolled in the Lazarev Institute of Oriental Languages. He was involved in the revolution of 1905 and was sentenced to exile in the Northern region of Russia; however, he was allowed to emigrate. On his return to Russia Balakin was enlisted in the army. In 1912 he retired from active duty as a warrant officer. In 1913–1914 he was commissioned to follow an Indian Sufi musician Inayat Khan who came to Moscow touring the world with lectures on Sufy teachings, giving concerts of Indian classic music and was heartily greeted

* Татьяна Николаевна ЗАГОРОДНИКОВА, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tnzag@mail.ru

Tatiana N. ZAGORODNIKOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tnzag@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7210-834X

by the Russian audience. Balakin was inspired by the Sufi teachings and became Inayat Khan's murid; subsequently Balakin translated, wrote the Preface and published Inayat Khan's book. After his teacher's departure Balakin traveled to Persia. He was enlisted again after the beginning of the World War 1, he was wounded and contused. In 1916–1920 he served first in the Isfahan and afterwards in the Gilan detachment of the Persian Cossack Brigade. Although Balakin never graduated from the Lazarev Institute of Oriental Languages, he kept translating classic Persian poetry into Russian, and was a member of the Russian Society of Oriental studies in Paris.

Keywords: Lazarev Institute of Oriental Languages, Inayat Khan, Sufi, murid, Russian Society of Oriental studies, Persian Cossack Brigade.

For citation: Zagorodnikova T. N. Andrew Balakin, Murid of the Indian Sufi. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 129–140. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-129-140

В декабре 1913 г. в московском кафешантане «Максим» начались необычные концерты. Странным было все: необычного вида восточные люди, одетые в казавшиеся нелепыми длинные белые одежды, играли на незнакомых инструментах. Мелодии, исполнявшиеся этим маленьким ансамблем, были очень незамысловатыми, но и они были трудны для восприятия публикой, не подготовленной к такого рода выступлениям. Руководил ансамблем Инайят-Хан[1]. Он выступал с лекциями о суфийском учении и концертами классической индийской музыки, гастролируя по всему свету во исполнение миссии, возложенной на него его муршидом (учителем). Именно он отважился выступать с концертами в «Максиме», подписав где-то в Европе контракт с владельцем кафешантана Ф. Ф. Томасом.

Инайят-Хан (полное имя — Инайят Хан Рехмат Хан Патхан; его предки были родом из Афганистана), родился 5 июля 1882 г. в Западной Индии, в городе Барода, столице крупного княжества, в семье потомственных музыкантов. Музыка сопровождала его с самого рождения. Его дедом был знаменитый Мула Бакш (1833–1896), основатель индийской системы нотной записи, открывший Гаяншала — музыкальную академию; его называли «Индийским Бетховеном». Их дом был местом, где собирались музыканты, поэты, философы, играли на разных инструментах и свободно излагали мнения по самым насущным и глубинным вопросам религии и бытия в обстановке непринужденности и взаимопонимания. Инайят рос в атмосфере свободы и веротерпимости, у него сформировалось уважение ко всем вероисповеданиям, убеждение в том, что все религии имеют некую единую общую основу. Религиозные искания Инайят-Хана привели его к более свободно толковавшему основы ислама суфизму — мусульманскому мистицизму, аскетизму и духовному подвижничеству. Хотя у представителей традиционного ислама суфизм всегда вызывал подозрение, если не открытую вражду, он оставался и остается весьма популярным и охватывает самые широкие слои мусульман во всем мире. В 1913 г. еще никто не пропагандировал учение суфиев в христианском мире.

Одной из особенностей суфизма является тесная связь ученика-мюрида[2] с наставником-муршидом. Путешествуя по югу Индии, Инайят-Хан нашел своего муршида, Шейха Саида Абу Хашима Мадани, сеида — потомка Пророка Мухаммада, обладавшего особым знанием. Учение Инайята длилось четыре года. На пороге вечности учитель сказал ученику, что тот должен ехать на Запад, чтобы посредством

[1] См. о нем, например: [Хан, 2019].

[2] Мюрид — последователь, ученик (арабск.).

музыки и идей суфизма содействовать взаимопониманию и единению Востока и Запада.

Выполняя завещание Учителя, Инайят-Хан 13 сентября 1910 г. отплыл из Бомбея сначала в США, а потом в Европу. Где бы он ни появлялся, везде находились люди, готовые ему помочь. Он читал лекции о суфизме, давал концерты индийской музыки, показывая связь музыки и своего учения. Концерты-лекции индийского музыканта становились заметным событием в жизни стран, где он выступал, местная пресса часто печатала отзывы на его выступления. Лондонская газета *Daily News and Leader* писала 4 июля 1913 г.: «Звук вины [3] не имеет ничего общего со звучанием современных инструментов. Она издает звуки огромной психологической красоты. Она испускает звук грусти с низкими полутонами и кажется прекрасным средством выражения для нации так глубоко осознавшей тщету всего сущего» [ВМОМК. Ф. 249. № 278. Л. 3]. Вот, что писала парижская газета *Comedia*: «Инайят-Хан — единственный современный музыкант, который считает свое искусство религией в строгом и простом значении этого слова. Он живет только для своей музыки и для его души это средство познать великое непознанное» [ВМОМК. Ф. 249. № 278. Л. 3]. Инайят-Хан не был религиозным миссионером, он был в первую очередь человеком искусства, музыкантом и поэтом, обладавшим мистическим мироощущением.

Необычная яркая восточная внешность, высокий рост, внутреннее обаяние, образованность, обладание «особым» знанием — все привлекало к нему американцев и европейцев, интересовавшихся Востоком, искавших там ответов на сложные философские вопросы, особого пути к Богу. В конце XIX и в начале XX в. в европейском обществе были сильны настроения “fin de siècle”— конца века. Это было время предчувствия перемен и страха перед ними, перед приближающимся концом света, чувство эфемерности бытия, пресыщенности жизнью и очарования смертью, мистицизм.

Новое учение, необычное и по форме, и по содержанию, в какой-то степени отвечало этим настроениям, поэтому вокруг Инайят-Хана стали собираться люди, разделявшие его взгляды и считавшие его своим Учителем. Они составили ядро основанного им международного суфийского ордена (*The Brotherhood of Purity*, современное официальное название *Sufi Order International*) со штаб-квартирой в Лондоне и отделениями в США, Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Италии и других странах. Целью ордена было продвижение культурных, моральных и духовных ценностей суфизма, носителем которых он был. Путешествуя по Европе, Инайят-Хан в октябре 1913 г. приехал из Парижа в Москву и пробыл в России семь месяцев.

Заканчивался 1913 г., последний предвоенный год; атмосфера явно накалялась, и Европа, а вместе с ней и Россия, двигалась к войне. Любой иностранец, пересекавший границу империи, даже если он, как в случае с Инайят-Ханом, был гражданином союзной державы, вызывал подозрение. Инайят-Хан со своей экзотической внешностью и оригинальными одеяниями не мог не привлечь внимание властей. С какой целью приехал этот странный путешественник? Можно предположить, что к нему был приставлен агент спецслужб для отслеживания каждого шага.

[3] Вина — старинный щипковый музыкальный инструмент, используемый при исполнении индийской классической музыки. Считается трудным для изучения инструментом и требует многолетней практики.

Илл. 1. А. А. Балакин (по: [Biography of Pir-o-Murshid Inayat Khan, 1979, p. 423, pl. 26])

Между тем, в «Максим» начали захаживать посетители, казавшиеся здесь неуместными, — теософы. Они распространили по городу новость о том, что «в Москву приехал настоящий индийский музыкант» и предложили «выкупить» Инайят-Хана у антрепренера, но он решил поступить как истинный суфий: если Бог привел его сюда, то он должен выступать здесь, пусть и не с классической индийской музыкой, а с народными мелодиями. Постепенно круг знакомых индийца расширялся. Среди его окружения были Ф. И. Шаляпин, А. Н. Скрябин, С. Л. Толстой, В. И. Поль, княгиня Е. А. Лавровская-Цертелева и многие другие, устроившие ему несколько лекций-концертов в Политехническом музее и Московской консерватории. Вокруг Инайят-Хана стали собираться разделяющие его философию последователи, именно тогда в России и появились первые суфии, образовавшие российское отделение суфийского ордена Инайят-Хана.

Однажды к Инайят-Хану подошел человек и представился Андреем Балакиным (*илл. 1*). Офицер «спецслужб» Андрей Андреевич Балакин был приставлен к музыканту для слежки, но случилось так, что, посещая по долгу службы все лекции-концерты индийца, он сам увлекся учением музыканта. Как человек военный, Балакин решил действовать прямо: подошел к музыканту, объяснил сложившуюся ситуацию и изъявил желание стать его последователем, если Инайят-Хан простит его. На что получил ответ, что он, Балакин, служит своему начальству, а Инайят-Хан — Своему. Это было и прощение, и приглашение к сотрудничеству. Так офицер стал мюридом суфия.

Такова история знакомства русского офицера Андрея Балакина с Инайят-Ханом и его превращения в русского суфия [Хазрат Инайят Хан, 1997, с. 5], содержащаяся в записках Элизабет де Йонг-Кисинг [Jong-Keesing, 1974], биографа Инайят-Хана, которая дотошно и тщательно собирала информацию о нем, работала с архивом индийца, расспрашивала оставшихся в живых родственников и знакомых Инайят-Хана. В мемуарах самого учителя есть только упоминание о том, что «Я встретил армейского офицера Генри Балакина, который стал моим мюридом…». Как именно прошла эта встреча, там не описано [Van Stolk, Dunlop, 1975]. В Государственном архиве Российской Федерации, где хранятся документы и картотеки Охранного отделения

Департамента полиции МВД, «охранки», занимавшейся политическим сыском, об этом роде деятельности Балакина сведений нет, отсутствует информация и в Российском государственном военно-историческом архиве [4], хотя документы, касающиеся контрразведки, разоблачения агентов и военных разведчиков, хранятся именно там. Может быть, это была лишь красивая легенда, придуманная для большей занимательности жизни суфия? Но в биографии Инайят-Хана было столько интересных неожиданных поворотов, что вряд ли Йонг-Кисинг, бывшая адептом учителя и стремившаяся к бо̀льшей точности и достоверности, сочла бы возможным прибавить от себя что-либо к описанию его жизни. Мог ли придумать этот факт сам Инайят-Хан? Все, кто его знали, говорили о его более чем серьезном отношении к жизни и всему окружающему, свойственному людям глубоко верующим; подобный эпизод ничего не прибавил бы к его образу. Как же быть с Балакиным? Йонг-Кисинг его не знала. Каким образом сам Андрей Андреевич мог узнать о концертах в «Максиме», если бы его туда не командировали? Складывается впечатление, что он ходил на эти концерты чуть ли не с самого начала, а первыми, кто узнал о них, стали теософы, и у нас нет сведений, что он принадлежал к этому обществу. С другой стороны, кого, как не его — офицера со знанием персидского языка — привлекли бы «спецслужбы» для такого рода миссии.

В документах РГВИА по контрразведке есть упоминание о неком Инайяте из Кашмира. В совершенно секретной Сводке агентурных сведений, полученных Ташкентским контрразведывательным отделением о деятельности шпионов в пользу Афганского правительства, направленной в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) за № 586 от 06.07.1912 среди прочего сообщалось следующее: «Пункт Келиф (Бухарский район). Афганские шпионы Гульджан и другие, проживающие в Ст. Бухаре, ведут переписку через сарта Инаят-улла-Кашмира. Последний более 10 лет проживает в Патта-Гиссаре, где имеет собственный дом и мануфактурную лавку. Приметы его: лет 35, среднего роста, рыжий, носит небольшую бороду и усы» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 179. Л. 236 об.].

Таким образом имя Инаята (Инайята) оказалось в общем алфавитном списке «зарегистрированных по подозрению в военном шпионстве» в Особом делопроизводстве ГУГШ [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 179. Л. 382]. Можно предположить, что при приезде в Россию Инайят-Хана в 1913 г. мог оказаться в зоне внимания военной контрразведки именно на основании этого общего списка и к нему был приставлен наблюдающий за его деятельностью агент (Балакин). Но почему этот факт не нашел отражения в записях контрразведки, как это обычно происходило, — так и остается без ответа.

Что же за человек был офицер Балакин, сумевший так кардинально изменить свою жизнь? Как в дальнейшем сложилась его судьба, тем более что впереди его ожидал еще один крутой поворот — мировая война и события октября 1917 г.?

Андрей Балакин родился в Орле 13 августа 1883 г. в православной семье фельдшера, тоже Андрея [РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34161. Л. 258]. По окончании в июне 1904 г. орловской мужской гимназии по I разряду (только с положительными оценками), он решил продолжить образование в Москве и поступил в специальные

[4] Автор приносит огромную благодарность к. и. н. Михаилу Рафаиловичу Рыженкову, взявшему на себя труд просмотреть материалы по контрразведке в РГВИА.

классы Лазаревского института восточных языков. Это учебное заведение было основано в 1815 г. на средства богатых армянских купцов Лазаревых и первоначально называлось «Армянское Лазаревых училище». К началу XX в. Институт состоял из гимназических и специальных (высших, с правами восточного факультета университета, трехгодичных) классов. Здесь преподавали как обязательные арабский, персидский и турецко-татарский, а как необязательные — армянский и грузинский языки, а также историю Востока и русскую словесность, а для желающих — курсы важнейших юридических наук. Особое значение придавалось практическому преподаванию разговорной речи, поскольку здесь готовили российских драгоманов (переводчиков) и консулов для стран Востока. Сюда принимались все желающие, и Балакин без труда поступил в этот Институт. Переезд во вторую столицу империи круто поменял уклад жизни юноши. Теперь зарабатывать на жизнь приходилось самому, и он начать давать уроки в богатых семьях. Бурная студенческая жизнь предреволюционной Москвы закрутила-завертела молодого провинциала.

Это было время, когда противоречия в русском обществе становились все острее, в воздухе витали идеи переустройства мира на основе равенства и братства. Социал-демократическая идеология находила все больше и больше приверженцев. Студенческая молодежь была готова поддержать такого рода движения и деятельно в них участвовала. Студенты Лазаревского института активно выдвигали свои требования: уже в январе 1905 г. на курсовых собраниях учащиеся постановили прекратить занятия в знак солидарности с другими московскими студентами и не ограничились мирными демонстрациями. На протяжении всего года в институте проводились обыски: при одном из них на крыше института были обнаружены патроны, а другой раз в сухом заброшенном колодце нашли несколько связок с оружием.

3 декабря 1906 г. был произведен обыск в библиотеках гимназических классов и читальнях младших и старших классов, во время которого нашли несколько нитроглицериновых шашек, бикфордов шнур, запалы для динамита и заряды для ружей, а также политические брошюры [Базиянц, 1972, с. 149–153]. Несколько человек арестовали. В этот же день прошел обыск у Андрея Балакина (охранка имела полную информацию о его настроениях и практической деятельности). Как и многие товарищи, Балакин не избежал «болезни левизны», активно участвовал в работе «социал-демократов централистов» (центристов) и получил партийную кличку «Всеволод». Охранка, наводнившая агентами все мало-мальски решительно настроенные организации, получила донесение о состоявшейся 22 сентября 1906 г. конференции Центрального комитета и Совета районных представителей, на которой был сформирован Штаб. Балакин стал его секретарем и заведовал всей боевой техникой, куда входили взрывчатые вещества и разного рода вооружение [ГАРФ. Ф. 63. Оп. 2. Д. 1036. Т. 1. Л. 22об.–23]. По неизвестным причинам арест и обыск последовали не сразу, а только 3 декабря. В протоколе обыска в квартире 23, где он проживал в доме Попова по Большому Козихинскому переулку, значатся: 35 писем, 2 записные книжки, записки, билеты, визитные карточки, несколько фотографий [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 26. Д. 1440. Л. 6]… и все — ни оружия, ни взрывчатки не обнаружили. Но Балакина все равно посадили за решетку, и единственным человеком, который его навещал, оказалась его невеста — реальная или «партийная», то есть назначенная партией (и такое бывало) — Ванда Ивановна Фиксинская. По-видимому, сокурсники по Лазаревскому

институту тоже сочувствовали арестанту и не сидели, сложа руки. За студента заступился директор Института Всеволод Федорович Миллер. В ходатайстве от 28 февраля 1907 г., предваряя приговор, он указал, что Андрей Андреевич страдал болезнью легких и вместо предстоящей высылки в северные губернии России просил разрешить ему уехать за границу [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 143. Д. 830. Ч. 4. Л. 1]. Революционная деятельность Балакина была хорошо известна властям, и в марте 1907 г. министр внутренних дел, учитывая просьбу В. Ф. Миллера, постановил выслать Андрея Балакина под гласный надзор «на два года в один из северных уездов Вологодской губернии с 12 марта 1907 г. с заменою выезда заграницу с тем, если он возвратится в Россию ранее 10 марта 1909 г., то по тому же постановлению будет подлежать исполнению» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 26. Д. 1440. Л. 13].

Замена ссылки на разрешение выехать за границу, то есть полупринудительная эмиграция, было достаточно распространенным решением вопроса в то время. Власти, по-видимому, считали, что выгоднее удалить смутьянов из страны, пусть лучше мутят воду в Европе, и не надо тратиться на их переезд, содержание и надзор в ссылке. В апреле 1907 г. Балакину вручили паспорт за № 2487 от 9.IV.1907, а 15 апреля он уже пересек границу империи [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 143. Д. 830. Л. 1].

После разгона Второй государственной думы летом 1907 г. и спада стачечного движения революция постепенно сошла на нет, и революционеры-эмигранты стали постепенно возвращаться на родину. Их уже никто не преследовал; розыск А. А. Балакина был отменен Циркулярной депешей полиции № 151384/52 от 12 августа 1909 г.[5] У нас нет данных о том, когда Балакин реально прибыл в Россию, но 2 марта 1911 г. он был призван на службу в 144 пехотный Каширский полк на правах вольноопределяющихся I разряда на казенное содержание, в 6 роту. 4 октября он стал ефрейтором, но решил, по-видимому, получить военные знания, и, окончив курс полковой учебной команды, был произведен в младшие унтер-офицеры. Через месяц, 7 января 1912 г. — в старшие унтер-офицеры, после чего стал готовиться к экзамену на чин прапорщика запаса. После успешной сдачи экзамена в апреле того же года Балакин дал подписку о благонадежности:

«Подписка. 11 апреля 1912 г. я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким тайным обществам, думам, управам и прочим, под каким бы названием они ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду, и что не только членом оных обществ, но обязательств через клятву или честное слово не был да и не посещал и даже не знал о них, и через подговоры, как об обществах, так и членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал. 144 пехотного Каширского полка старший унтер-офицер из вольноопределяющихся Андрей Андреевич Балакин» [РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 34161, л. 260]. Это машинописная стандартная форма, но, скорее всего, без нее, без такого заверения в собственной лояльности к режиму, ни дальнейшее продвижение по службе, ни увольнение в запас с офицерским чином было невозможно. Подпись в конце документа собственноручная, заверенная командиром полка и полковым адъютантом с приложением казенной печати.

[5] Подробнее об ученическом периоде жизни А. А. Балакина см. [Сорокина, 2018].

13 апреля 1912 г. Балакин был уволен в запас армии, местожительство избрал в городе Брянске Орловской губернии [РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34161. Л. 258–259 об.]. По прошествии года с небольшим мы видим его сотрудником спецслужб, приставленным следить за индийским суфием.

Через несколько месяцев после знакомства с Инайят-Ханом Андрей Балакин перевел и издал его книгу «Суфийское Послание о Свободе Духа» (перевод был проверен автором) и написал к нему краткое введение [Инайят-хан, 1914][6]. И это в то время, когда даже для того чтобы отпечатать визитные карточки, требовалось разрешение цензуры. Эта небольшая книжка, скорее даже брошюра, написанная простым доступным языком, содержит концентрированную информацию по истории и практике суфизма. В ней проводилась мысль, что, когда мир приходит в упадок, а закон нарушается и справедливости не найти, человечеству нужно Слово, и на землю является посланник, Моисей, Иисус или Мухаммад, и приносит Слово, и это Слово — свет, наполняющий мир и указующий путь. Такие посланники для целых эпох и народов и далее остаются ими.

Хотя Балакин формально не закончил курс Лазаревского института, его профессиональные интересы лежали в области востоковедения, он занимался переводами персидской классической поэзии. Он был близко знаком с Павлом Сергеевичем Сухотиным (1884–1935), забытым сейчас поэтом, писателем и драматургом, переводчиком с персидского языка, одним из первых в России переводчиков старинной японской поэзии. В письме П. С. Сухотина к К. Ф. Некрасову, племяннику поэта, издателю, летом 1914 г. Балакин упоминается как переводчик персидского варианта древнеиндийского сборника новелл «Шукасаптати» («Семьдесят рассказов попугая»): «…“Тути-Намэ” мною направлено, т. е. то, что мне показал Андрей[7]» [Сухотин, 1999, с. 510]. В январе того же года Балакин обещал выслать Павлу Сергеевичу в письме «2–3 газели Гафиза». Здесь же он просил проверить его перевод «Суфийского Послания» Инайят-Хана: «Вот когда приеду, дам тебе для черкания свой перевод “Послания”. Уж хочешь-не хочешь, а почеркай его. Со всем не могу разобраться, и сам не вижу, что и как надо исправить. Тебе это будет виднее» [РГАЛИ. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–2об.].

Инайят-Хан покинул Москву весной 1914 г.: он спешил в Париж на Международный Музыкальный Конгресс, где должен был представлять индийскую музыку. В России он оставлял много друзей, учеников, разделявших его взгляды. В это время здесь появились первые суфии. Он открыл филиал суфийского Ордена в России, представителем музыкального отделения которого стал музыкант-этнограф граф Сергей Львович Толстой, старший сын Льва Николаевича Толстого, философского — Ольга Такке, литературного — Андрей Балакин. Хотя Первая мировая война и революция 1917 г. отрезали Россию от Европы, Инайят-Хан пытался не потерять связи с русскими друзьями. Какое-то время письма доходили до адресатов. В 1916 г. Инайят-Хан писал С. Л. Толстому: «…Пока продолжается война, невозможно будет мне приехать в Россию, но как только она закончится, ваше притяжение, мои друзья, может подвигнуть меня на это» [ОР ГМТ. Ф. 53. Кп. 15596. Л. 1 и об.].

[6] В настоящее время существует несколько переизданий этой книги; последнее см.: [Хазрат Инайат-хан, 2017].

[7] Эта книга была издана, и ее можно найти в РГБ: [Тути-намэ, 1914].

После отъезда индийского суфия Балакин вместе с К. Ф. Некрасовым «около двух месяцев странствовал по Центральной Персии, по ее оазисам, горам и пустыням и вынес оттуда большой запас новых и сильных впечатлений» [ОР РГБ. Ф. 105. Карт. 11. Д. 43. Л. 4]. «Мне волею судеб, — писал он поэту В. И. Иванову, — от мудрого и наивного Сиддапати перейти прямо к пулемету и променять Персию на Восточную Пруссию, где после ряда лет мирной работы я истребляю сотнями людей в касках» [ОР РГБ. Ф. 105. Карт. 11. Д. 43. Л. 4об.].

Первую мировую войну Балакин начал в 221 пехотном Рославльском полку, с 24 июля 1914 г. он уже младший офицер пулеметной команды, прапорщик, с 1915 г. — подпоручик, был награжден орденами св. Станислава 3 степени с бантом и св. Анны 4 степени с надписью «за храбрость». Все это время он находился на театре военных действий, 30 октября 1914 г. был ранен, а 15 января следующего года контужен [РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14787. Л. 19]. Из госпиталя он написал уже цитировавшееся письмо В. И. Иванову [8], полное планов издания совместно с К. Ф. Некрасовым переводов персидской классической литературы. Здесь и Синдбад-намэ, и Жития суфийских святых поэта XII в. шейха Фарид-ад-дин Мохаммед бен Ибрахим Аттара, и произведения Хафиза, Руми и других. Балакин обращался с просьбой к Вячеславу Иванову дать согласие на редактирование этих переводов, напоминая, что они встречались на беседах Инайят-Хана [ОР РГБ. Л. 1–4 об.]. Андрей Андреевич и в армии оставался востоковедом-иранистом, поэтому следующее его перемещение вполне закономерно.

1916 г. находит его уже в Персии. Рапортом от 28 ноября 1916 г. он доносил начальнику Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии[9] о прибытии в недавно сформированный Исфаганский отряд. Его рапорт содержит описание дороги до Исфагана, отрядов местных ханов, не подчинявшихся центральной власти, их численности, кто стоит во главе этих «шаек», их вооружение. Здесь же он рассказал, как его со спутником задержал один из таких полевых командиров, Реза Хан. Беседы за ужином (вот, где пригодился персидский язык Балакина) привели к тому, что Реза Хан согласился перейти на сторону правительства и охранять дороги от мятежников [РГВИА. Ф. 13185. Оп. 1. Л. 6–9]. Служба в Персидской дивизии в то непростое и для России, и для самого Ирана время была сложной: не хватало лошадей, амуниции,

[8] Письмо датировано 8 декабря 1917 г., но, судя по обратному адресу (Действующая армия, 221 пехотный Рославльский полк) и по содержанию (он пишет: «…я был легко ранен и на днях опять пойду к своим пулеметам…»), оно было написано в 1914 г.

[9] В 1878 г. персидский шах Насер ад-Дин Каджар посетил Россию и на войсковом смотре увидел казачью джигитовку. Она так ему понравилась, что шах просил Александра II прислать ему инструкторов для обучения персидских солдат этому виду верховой езды. Государь дал согласие и командировал в Персию полковника генерального штаба Домонтовича с несколькими казачьими урядниками — хорошими джигитами. 1 июля 1879 г. была основана Персидская казачья Его Величества Шаха бригада. Полковник Домонтович стал ее первым начальником. Обучение и военная подготовка рядового состава из местного населения велась русскими инструкторами-офицерами императорской армии, при отборе которых преимущество имели владеющие персидским языком. Бригада состояла из нескольких отрядов. В каждом полку в подчинении русского офицера было по одному уряднику, помогавшему в обучении подчиненных. Бригада финансировалась русским правительством вплоть до Октябрьской революции. Таким образом, персидская казачья бригада (в 1916 г. переформированная в дивизию) была проводником русского влияния в Персии, бывшей ареной напряженной политической борьбы между Россией и Англией.

шанцевого инструмента и т. д. Внешне же все шло как обычно: Балакину был присвоен очередной воинский чин — штабс-капитана, в апреле 1918 г. он получил отпуск (но куда он мог поехать: шла гражданская война, и отношение большевиков к офицерам Персидской дивизии было крайне отрицательным). В 1918 г. он перешел в Гилянский отряд, где и служил до расформирования дивизии [РГВИА. Ф. 13185. Оп. 2. Л. 12об.–13].

Несмотря на многочисленные обязанности старшего адъютанта, он находил себе и другие занятия, ближе к востоковедению. Так, в *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* за 1919 г. в статье «Могилы европейцев армянского кладбища в Исфагане» автор, Т. У. Хейг, выражал благодарность русскому офицеру Персидской бригады Балакину за то, что он указал ему могилы с надгробными надписями на кириллице [Haig, 1919, p. 330].

Персидская казачья Его Величества Шаха дивизия была бельмом на глазу у англичан, диктовавших свою волю шаху и стремившихся создать единообразную систему подконтрольных им вооруженных сил в Персии. Их усилия увенчались успехом в начале ноября 1920 г., когда командир дивизии полковник В. Д. Старосельский был отстранен от командования и уехал в Багдад. Через месяц все русские офицеры покинули Иран, разъехавшись в разные стороны: кто-то в Европу, кто-то в Индию, кто-то в Россию[10].

27 октября 1920 г. Балакину было выдано удостоверение: «Дано сие от Гилянского отряда Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии штабс-капитану 221-го пехотного Рославльского полка Андрею Андреевичу Балакину в том, что он состоял на службе в Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии с 9 ноября 1916 года по день полной ликвидации дивизии. Настоящее удостоверение выдано на получение заграничного паспорта от Российской миссии в Персии, что подписью и приложением к оной печати удостоверяется» [ГАРФ. Ф. 4350. Л. 322]. Сохранилось и прошение Балакина о выдаче паспорта: «В Российскую миссию в Персии от штабс-капитана Андрея Андреевича Балакина. Покорнейше прошу выдать мне заграничный паспорт для проезда через Багдад, Басру, Бомбей, Италию во Францию» [ГАРФ. Ф. 4350. Л. 321]. Маршрут, указанный в прошении, был чисто номинальным, все писали одно и то же, куда на самом деле направлялся тот или иной офицер дивизии, никого не интересовало.

В новой России уже сделано многое, чтобы на родину вернулись, хотя бы именами и памятью, представители огромной русской диаспоры. Издаются русские некрополи за рубежом, многотомные справочные издания: «Незабытые могилы» (Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. В 6-ти т. М., 1999–2007), «Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940)» (В 3-х т. М.: РоссПЭН, 1997–2000) и другие. Это общие справочники, но есть и такого рода издания по профессиям, например: Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. «Художники русского зарубежья. Биографический словарь» (СПб.: Издательство Нотабене, 2000) и другие. Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына планирует издать справочник «Российское научное зарубежье». Некоторые материалы для этого биографического

[10] Подробнее см.: [Тер-Оганов, 2012].

словаря, третий выпуск которого был посвящен востоковедам, были опубликованы, но имя Андрея Андреевича Балакина нигде не встречается.

Лишь в справочнике «Русское зарубежье во Франции 1919–2000» (Биографический словарь. М.: Наука. Дом-музей М. Цветаевой, 2000) мы находим небольшую статью о русском офицере: «Балакин Андрей Андреевич. Востоковед, культуролог. Специалист по суфизму и персидской поэзии. Член Русского Общества изучения Востока в Париже, в 1925–26 выступал на его собраниях с докладами. Делегат Российского Зарубежного съезда в Париже от Италии (1926)». В газете «Последние новости» от 20.04.1926 приведена тема его доклада «О суфизме и персидских листах». Еще одним свидетельством того, что и в эмиграции Балакин продолжал заниматься переводами с персидского, является то, что во вступительной статье к публикации перевода «Рубайята» Омара Хайяма поэт и переводчик И. И. Тхоржевский говорит о нем как о своем предшественнике, переводчике персидской поэзии [Тхоржевский, 1926, с. 189].

Как и когда А. А. Балакин попал в Италию? Чем занимался и на что существовал (переводы персидской поэзии на русский язык его бы не прокормили)? Как сложилась в дальнейшем его судьба[11]? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

Литература / References

Базиянц А. П. *Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения.* М., 1972 [Baziyanz A. P. *Lazarev Institute in the History of Russian Oriental Studies.* Moscow, 1972 (in Russian)].

Инайят-хан, профессор (Пир-о-Муршид и Тансен). *Суфийское послание о свободе духа.* Авторизованный перевод с английского и предисловие А. Балакина. М., 1914 [Inayat Khan Professor (Pir-o-Murshid i Tansen). *Sufi Message of Spiritual Liberty.* Authorized version of translation and preface by A. Balakin. Moscow, 1914 (in Russian)].

Тер-Оганов Н. К. *Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг.* М., 2012 [Ter-Oganov N. K. *Persian Cossack Brigade. 1879–1921.* Moscow, 2012 (in Russian)].

Сорокина М. Ю. Кто Вы, офицер Балакин? Новые данные к биографии. *Mitrasampradānam. Сборник научных статей к 75-летию Ярослава Владимировича Василькова.* СПб, 2018. С. 658–670 [Sorokina M. Yu. Who Are You, Officer Balakin? New Information for His Biography. *Mitrasampradānam. Collection of Scholarly Articles Dedicated to 75th Anniversary of the Birth of Yaroslav Vladimirovitch Vasilkov.* Saint Petersburg, 2018. Pp. 658–670 (in Russian)].

Сухотин П. С. Письма Некрасову К. Ф. *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* Альманах. М., 1999. С. 493–518 [Suhotin P. S. Letters to K. F. Nekrasov. *Russian Archive: History of Russia in Evidences and Documents of the 18th–20th Centuries.* Almanac. Moscow, 1999. Pp. 493–518 (in Russian)].

Тути-намэ. Книга попугая. Перевод с персидского Андрея Балакина и Павла Сухотина. Предисловие П. Сухотина. М., 1914 [*Tuti-Name. Tales of a Parrot.* Tr. from Persian by A. Balakin and P. Suhotin. Preface by P. Suhotin. Moscow, 1914 (in Russian)].

Тхоржевский Ив. Омар Хайям. Робайят. *Современные записки.* Т. XXIX. Париж, 1926. С. 189–202 [Thorzevsky Iv. Omar Khayyam The Rubaiyat. *Contemporary Notes.* Vol. XXIX. Paris, 1926. Pp. 189–202 (in Russian)].

[11] Просмотр русских некрополей в различных городах Италии не дал никаких результатов.

Хан Е. И. Суфийская метафизика музыки Хазрата Инайят Хана. *Восточный курьер*. 2019. № 1–2. С. 126–136 [Khan K. Hazrat Inayat Khan and His Sufi Music Metaphysics. *Oriental Courier*. 2019. 1–2. Pp. 126–136 (in Russian)].

Хазрат Инайят Хан. *Мистицизм звука*. М., 1997 [Hazrat Inayat Khan. *The Mysticism of Sound*. Moscow, 1997 (in Russian)].

Хазрат Инайят-хан. *Введение в суфизм. Суфийское послание о свободе духа*. М., 2017 [Hazrat Inayat Khan. *Introduction to Sufism. The Sufi Message of Spiritual Liberty*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Biography of Pir-o-Murshid Inayat Khan. London, Hague, 1979.

Jong-Keesing E. de *Inayat Khan: A Biography*. London, 1974.

Haig T. W. Graves of Europeans in the Armenian Cemetery at Isfahan. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1919. 51.3. Pp. 321–352.

Van Stolk S., Dunlop D. *Memories of a Sufi Sage: Hazrat Inayat Khan*. Part II. *Autobiography. Russia, 1913–1914*. The Hague, 1975.

Архивные документы / Archive documents

Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки (ВМОМК) [The Glinka National Museum Consortium of Musical Culture]. Фонд 249. № 278.

Государственный архив Российской федерации (ГАРФ) [State Archives of the Russian Federation]. Фонд 63. Опись 2. Дело 1036. Том 1.

ГАРФ. Фонд 102. Опись 26. Дело 1440.

ГАРФ. Фонд 102. Опись 143. Дело 830. Часть 4.

ГАРФ. Фонд 4350. Опись 1. Дело 39.

Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ) [The Leo N. Tolstoy State Museum, Manuscript Section]. Фонд 53. Кп. 15596.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) [Russian State Library, Manuscript Section]. Фонд 105. Карт. 11. Дело 43.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) [Russian State Archives of Literature and Art]. Фонд 1709. Опись 1. Дело 112.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military History Archive]. Фонд 400. Опись 9. Дело 34161.

РГВИА. Фонд 408. Опись 1. Дело 14787.

РГВИА. Фонд 2000. Опись 15. Дело 179.

РГВИА. Фонд 13185. Опись 1. Дело 183.

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-141-149

К 125-ЛЕТИЮ РУССКО-КИТАЙСКОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА. ИНТЕРВЬЮ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ ОТ 19.01.2021

© 2021

Б. Б. Пак*

Интервью посвящено русско-китайскому союзному договору 1896 г., заключенному во время коронационных торжеств в Москве и имевшему важное значение в истории русско-китайских отношений. Его появление связано с научными интересами князя Н. Д. Лобанова-Ростовского, потомка министра иностранных дел, князя А. Б. Лобанова-Ростовского, подпись которого стоит на договоре. В интервью рассматриваются события, предшествовавшие заключению договора, показаны предпосылки сближения России и Китая. В ходе интервью анализируются обстоятельства заключения договора: внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке, сложившаяся к концу японо-китайской войны и подтолкнувшая к непризнанию Россией условий Симоносекского договора и к организации А. Б. Лобановым-Ростовским вмешательства европейских держав на стороне Китая, усилившего авторитет России на Дальнем Востоке. В интервью затрагивается проблема безопасности на слабозащищенных дальневосточных окраинах и выбора будущего союзника, вставшего перед Россией в результате поражения Китайской империи в войне. Приводятся причины выбора Лобанова-Ростовского в пользу соглашения с Китаем. Прежде всего, подчеркивается традиционно дружеский характер российско-китайских отношений, протяженная общая граница, государственные интересы России. Дана оценка дипломатической деятельности Лобанова-Ростовского как способствовавшей сохранению территориальной целостности Империи Цин. Особо обращено внимание на то, что с подписанием договора и деятельностью Лобанова в России впервые была концептуально оформлена стратегия ее поведения на Дальнем Востоке. В интервью затронута история и современное экономическое значение КВЖД для Китая. Объяснено основное значение договора как первого равноправного соглашения, оформившего первый союз Китайской империи с европейской державой в его истории.

Ключевые слова: князь Н. Д. Лобанов-Ростовский, князь А. Б. Лобанов-Ростовский, Ли Хунчжан, Россия, Китай, Япония, русско-китайский союзный договор 1896 г., Симоносекский мир, КВЖД, интервью, устная история

Для цитирования: Пак Б. Б. К 125-летию русско-китайского союзного договора. Интервью с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским от 19.01.2021. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 141–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-141-149

* Бэлла Борисовна ПАК, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; pakbell7@gmail.com

Bella B. PAK, DSc (History), Leading Research Fellow of the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; pakbell7@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0400-4917

TO THE 125TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN-CHINESE UNION TREATY. INTERVIEW WITH PRINCE NIKITA D. LOBANOV-ROSTOVSKY, 19.01.2021

Bella B. Pak

This interview covers the wide range of topics related to the Russo-Chinese union treaty of 1896, concluded during the coronation celebrations in Moscow and having great importance in the history of Russian-Chinese relations. The subject of this interview is close to the academic interests of Prince Nikita D. Lobanov-Rostovsky, descendant of the Prince Alexey B. Lobanov-Rostovsky, Minister of Foreign Affairs, whose signature was written on the treaty. The events under discussion preceding the conclusion of the treaty show the prerequisites for rapprochement between Russia and China. In the discourse the circumstances of the conclusion of the treaty are analyzed: General political situation in the Far East near the end of the Sino-Japanese war, which prompted the non-recognition of the Russian conditions in the Shimonoseki Treaty and Alexey B. Lobanov-Rostovsky's organization of the European powers' intervention on the Chinese side, which strengthened Russia's authority in the Far East. The paper examines the problem of security in the weakly defended Far Eastern outskirts and the choice of a future ally that faced Russia as a result of the Chinese empire's defeat in the war. The traditionally friendly nature of Russian-Chinese relations, the long common border, and the state interests of Russia are especially emphasized. An assessment of Lobanov-Rostovsky's diplomatic activities as contributing to the preservation of the territorial integrity of the Qing Empire is given. Particular attention is paid to the fact that with the signing of the agreement and due to the activities of Lobanov-Rostovsky in Russia, the strategy of her behavior in the Far East was for the first time formalized conceptually. The interview touches the history and current economic significance of the CER for China. The significance of the treaty as the first equal treaty, formalizing the first alliance of the Chinese Empire with a European power in its history, is explained.

Keywords: Prince N. D. Lobanov-Rostovsky, Prince A. B. Lobanov-Rostovsky, Li Hongzhang, Russia, China, Japan, the Russian-Chinese Union Treaty of 1896, the Shimonoseki world, the Chinese Eastern Railway, interview, oral history

For citation: Pak B. B. To the 125th Anniversary of the Russian-Chinese Union Treaty. Interview with Prince Nikita D. Lobanov-Rostovsky, 19.01.2021. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 141–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-141-149

Сокращенный вариант интервью, взятого автором у князя Н. Д. Лобанова-Ростовского в середине января 2021 г., был опубликован в «Независимой газете» 31 января 2021 г.[1] Здесь мы предлагаем читателю более полную версию этого важного разговора с потомком славного российского аристократического рода. В настоящую публикацию вошли урезанные при публикации в «Независимой газете» отрывки и воспоминания.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (*илл. 1*) — геолог, финансист, выдающийся коллекционер, собиратель театрально-декорационного русского искусства первой трети XX в. Князь — один из наиболее видных представителей русской дворянской эмиграции, проживает в Лондоне, является почетным членом Президиума и сооснователем Международного Совета Российских Соотечественников, почетным

[1] Как российский орел китайского дракона обаял. *Независимая газета*. 31.01.2021. URL: https://www.ng.ru/courier/2021-01-31/10_335_china.html (дата обращения 10.03.2021).

членом Российской Академии художеств. Никита Дмитриевич — представитель рода Рюриковичей, потомок князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, министра иностранных дел Российской империи (1895–1896), одного из инициаторов дипломатического выступления России, Германии и Франции, заставивших Японию смягчить условия Симоносекского договора с Цинской империй (1895 г.); принимавшего участие в разработке и подписавшего русско-китайский договор о союзе 1896 г. (*илл. 2*).

Переговоры о заключении договора происходили в мае 1896 г. во время коронационных торжеств в Москве, на которые явились представители трех дальневосточных государств, причастных к договору. Действующая на тот момент в Китае династия прислала своего наиболее выдающегося государственного деятеля Ли Хунчжана; Япония — маршала Ямагату (*илл. 3*), Корея — Мин Ёнхвана (*илл. 4*), которому было поручено предложить России принять Корею под свой протекторат.

Результатом происходивших в это время переговоров были:

1. Союзный договор с Китаем, куда вошла статья, дававшая России право пользоваться бухтой Киао-Чао (Цзяо-Чжоу) для стоянки нашего флота и согласие Китая на постройку железной дороги через Маньчжурию для кратчайшего соединения с Владивостоком (*илл. 5*)

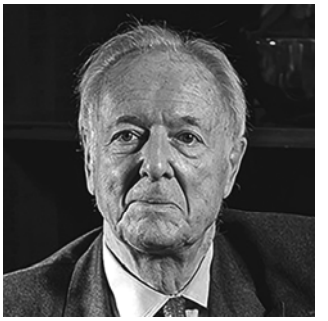
2. С японским маршалом Ямагата был подписан так называемый Московский протокол, секретными статьями которого было оговорено право России содержать в Корее число войск, одинаковое с японцами, и установление нейтральной зоны

3. Достигнута договоренность с Кореей об организации корейской армии русскими инструкторами и назначение в Сеул русского финансового советника.

Князь А. Б. Лобанов-Ростовский активно вел переговоры с представителями всех этих государств.

Интервью

Б. П.: Глубокоуважаемый Никита Дмитриевич, в 2021 г. исполнится 125 лет со дня заключения русско-китайского союзного договора 1896 г. На нем стоит подпись вашего предка князя А. Б. Лобанова-Ростовского.

Илл. 1. Князь Н. Д. Лобанов-Ростовский и Б. Б. Пак (*из личного архива кн. Н. Д. Лобанова-Ростовского и автора*)

Эпизод подписания русско-китайского союзного договора отображен на замечательной картине болгарской художницы Марины Русевой (*илл. 2*), преподнесенной вами в дар МИД РФ и Институту востоковедения РАН. Очень горжусь тем, что принимала участие в подборе фотоматериала, архивных документов для установления личностей китайских делегатов, участвовавших в подписании и присутствовавших в комнате, когда это подписывалось.

Торжественное вручение вами этой картины министру иностранных дел С. В. Лаврову и руководителю нашего института В. В. Наумкину должно состояться

26 мая 2021 г., на открытии международной научной конференции в Институте востоковедения, посвященной 125-летию подписания договора.

Никита Дмитриевич, что вы думаете об этом договоре?

Н. Л.-Р.: Несмотря на то, что договор заключался в период могущества Российской империи и упадка цинского Китая, я считаю, что он был полезен для обеих сторон по разным причинам. Китай искал союзника в потенциальном конфликте с Японией. Концессия России на строительство железной дороги была «данью» за эту «крышу». Россия же стремилась сократить длину железнодорожной магистрали к Владивостоку, проложив ее через Маньчжурию, и получить права на пользование портом в Китае. Подписание этого договора создало правовую базу для строительства КВЖД.

Илл. 2. Картина болгарской художницы Марины Русевой, на которой запечатлен эпизод подписания российско-китайского договора 1896 г. (*фото автора*)

Б. П.: А чем он, по вашему мнению, был полезен Китаю?

Н. Л.-Р.: Он дал Китаю эпохи империи Цин защиту от нападения Японии. Дал работу китайским трудящимся в строительстве дороги и облегчил экспорт китайских товаров в Россию. Заметьте, что С. Ю. Витте подписал этот договор в качестве

министра финансов, ибо расходы по постройке дороги были всецело за счет России. Эта инфраструктура обошлась Китаю даром, а расходы на КВЖД были огромными, что было вызвано техническими трудностями из-за трудного рельефа местности, строительства в бассейнах рек, а также тем, что в Маньчжурии полностью отсутствовали зачатки индустрии, и все оборудование приходилось доставлять чуть ли не кругосветным путем.

Б. П.: Показательно, что этот договор иногда значится как секретный договор Лобанова-Ростовского.

Н. Л.-Р.: Он и был секретный. Он не разглашался. Но в названии не было этого слова. Называли его договор Лобанова-Ростовского, а не русско-китайский секретный договор. Его «пришили» к Лобанову, потому что он был министром иностранных дел. Витте был ответствен за финансирование проекта, а не МИД. Витте был инициатором финансирования и участвовал в переговорах. Договор с японцами тоже был секретным. Но он не имел в названии слова «секретный». Его содержание просто не разглашалось.

Илл. 3. Ямагата Аритомо (по: Kinsei Meishi Shashin. Vol. 1, call no.: 427-53. Monochrome, 21.0×27.0 cm. *National Diet Library*. URL: https://www.ndl.go.jp/portrait/e/datas/208.html (дата обращения 30.03.2021))

Б. П.: Китай вступил с Россией в тесный союз и согласился на сооружение участка ширококолейной железнодорожной российской линии до Владивостока по своей территории. Это в ответ на оказанную услугу, сопряженную с большим политическим риском и с серьезными финансовыми расходами, инициатором которой являлся князь А. Б. Лобанов-Ростовский.

Н. Л.-Р.: Да. Под услугой имеется в виду:

1. Непризнание Россией условий Симоносекского договора, согласно которому побежденный Китай уступал Японии как победителю Формозу (Тайвань), Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и обязывался уплатить 200 млн. таэлей (лянов. — *Ред.*) контрибуции

2. Организованное князем А. Б. Лобановым-Ростовским дипломатическое давление трех европейских великих держав во главе с Россией на Японию, в защиту неприкосновенности Китайской империи и недопущение присоединения к ней китайских владений и Кореи

3. Японское правительство, однако, ставило условием вывода своих войск с полуострова в замену уплаты ему Китаем денежной контрибуции. У Китая на то средств не имелось. Тогда Россия пришла на помощь Китаю. При посредничестве и ручательстве России китайское правительство заключило заем во Франции на 400 млн. франков для уплаты контрибуции. Это дало возможность России, Франции и Германии потребовать и добиться отозвания, без проволочек, войск Японии с полуострова и вообще с азиатского материка.

Правительство Японии вынуждено было уступить требованиям держав и вернуть Китаю Ляодунский полуостров. Это была дипломатическая победа Лобанова, после которой его сразу стали называть русским Бисмарком.

С момента вмешательства трех держав, заставившего Токио отказаться от Ляодуна, в российском руководстве окончательно сформировалась идея союза с Китаем против Японии, чтобы не дать последней усилиться на материке в Азии.

Б. П.: Как вы считаете, в какой степени такое решение Лобанова было вызвано его политическим чутьем, а в какой степени личными качествами? Он ведь был известен тем, что признавал элемент честности в политике необходимым, а по своему темпераменту был не склонен на какую-либо политику авантюр и замаскированных захватов.

Н. Л.-Р.: Лобанов, был не только дипломатом, но и стратегом. Он занимался проектами, на которые имелись необходимые средства для их решения, считая, что обеим сторонам затея должна принести выгоду.

Б. П.: Существовал выбор перед заключением договора: выбор будущего союзника. Китай или Япония? Как вы думаете, почему князь Лобанов-Ростовский сделал выбор в пользу Китая, а не Японии?

Н. Л.-Р.: А потому что он явно чувствовал, что Японии экспансия экономически необходима. Это маленькая страна, производившая огромное количество товара, который нужно было продавать. У Японии колоний не было. Так что для Японии тогда, как и для Китая сейчас, были необходимы рынки. Ситуация напоминает причины Первой мировой войны в случае Германии, которой были нужны рынки.

Б. П.: То есть Япония рассматривалась как соперник на рынке Китая и одновременно как потенциальный военный противник?

Н. Л.-Р.: В те времена восходящая Япония была реальной угрозой для российских интересов, а Китай не был силен ни военно, ни экономически. Договор с Китаем был заключен Россией с целью вытеснения Японии с завоеванных ею позиций на материке и обеспечения территориальной неприкосновенности Китая от будущих возможных посягательств Японии.

Б. П.: Может быть, выбор в пользу соглашения с Китаем был вызван также тем, что такой искусный и разумный политик и дипломат, как князь Лобанов-Ростовский, должен был понимать необходимость заступничества за Китай, прежде всего для обеспечения государственных интересов России?

Н. Л.-Р.: Если бы Россия не пришла на помощь Китаю, побежденный Китай согласился бы на все условия победителя — Японии, что привело бы к крайне невыгодному и для России соотношению сил на Дальнем Востоке. Корея была бы поглощена уже тогда японцами. Утверждение японцев на Ляодунском полуострове в непосредственном соседстве со столицей Китая повлекло бы за собой потерю Китаем независимости. Что было бы невыгодно для России, так как, владея обоими берегами Японского (Восточного) моря и Курильскими островами, японцы создали бы для России новый Босфор, а кроме того приобрели бы преобладающее влияние в Маньчжурии и Монголии, в местностях, сопредельных строящейся Сибирской железной дороге. Ее сооружение представляло поистине первостепенную для России государственную важность.

Б. П.: Как вы считаете, каковы современные задачи России в отношениях с Китаем и вообще в Азиатско-Тихоокеанском регионе?

Н. Л.-Р.: Жизненная необходимость РФ поддерживать дружеские отношения с Китаем с целью задержать территориальную экспансию Китая. Для этого не нужен будет военный конфликт, только продолжение глубокой интеграции двух стран. А до этого РФ нужно вместе противостоять таким двум экономическим гигантам как Евросоюз и США. Сотрудничество и экономическая и культурная интеграция России и Китая будут и дальше усиливаться при ведущей роли Китая.

Илл. 4. Корейское посольство на коронации Николая II, сидит в центре — Мин Ёнхван
(по: [РГИА. Ф. 472. Оп. 44\420\1968. Д. 26. Л. 103])

Ныне в мире три полярных гегемонии — Москва, Пекин и Вашингтон. Нынешние отношения РФ с Китаем продолжатся до тех пор, пока военные силы РФ будут сильнее китайских. Скажем еще 20–30 лет. За ними можно ожидать нарушения баланса и затруднения для РФ, а до этого для США.

Б. П.: А Китайская Восточная железная дорога? Она тоже должна была содействовать укреплению российского военного присутствия на фоне экспансии Японии в Корее и Китае?

Н. Л.-Р.: Дорогу можно рассматривать как экономическую экспансию России, наподобие тому как сейчас Китай строит за свой счет дороги, как например проект «нового шелкового пути», который развивает Китай, — через Казахстан с выходом в Россию в районе Екатеринбурга, далее через Казань, Нижний Новгород и Москву — в Белоруссию и далее в Европу. Сегодня это гигантское строительство делается для того, чтобы продавать легче и быстрее китайские товары. (То есть, это последствие китайской экономической экспансии). КВЖД работала на пользу обеих сторон. Китайцы воспользовались этой дорогой, чтобы поставлять товары в Россию. Охрана от нападения от Японии была реальна.

Б. П.: Известно, что проект о постройке этой соединительной с Приморской областью ветви Сибирской магистрали через Маньчжурию ради сокращения пути и сокращения расходов возник в Министерстве финансов. Она была высказана раньше адмиралом Н. В. Копытовым и подхвачена министром С. Ю. Витте и со свойственной ему энергиею и размахом получила осуществление. А князь А. Б. Лобанов-Ростовский принимал потом в переговорах с китайским правительством серьезное участие. В них Витте и Лобанов-Ростовский выступили как единомышленники.

Н. Л.-Р.: Верно. Известно, что Лобанов-Ростовский не щадил сил на посту министра иностранных дел. Громадные задачи, выпавшие на его долю, расшатали его

Илл. 5. Карта линий КВЖД (чертеж Альдоны Забелло) (по: URL: https://sites.google.com/site/vinogradovyivse/home/vmesto-predislovia/certezniki-kartografy (дата обращения 30.03.2021))

здоровье. Продолжительные переговоры с Ли Хунчжаном, Ямагатой и Мин Ёнхваном, приведшие к благоприятному результату, сократили его дни.

Б. П.: Очень жаль, что смерть прервала его деятельность на посту министра иностранных дел в самом начале. Как вы считаете, Никита Дмитриевич, какими основными дипломатическими успехами ознаменовалось время князя Лобанова-Ростовского во главе МИД России?

Н. Л.-Р.: В первую очередь это его действия в Китае, которые не позволили Японии воспользоваться плодами ее побед и основаться на Ляодунском полуострове в опасном соседстве с русскими владениями. Лобанов способствовал сохранению территориальной целостности слабеющей Империи Цин. При нем без единого выстрела и захвата чужой земли Россия усилила свой нравственный авторитет и влияние на Дальнем Востоке, тяготение к ней азиатских народов. Важно отметить, что при Н. К. Гирсе не было у России конкретного плана по поводу ее политики на Дальнем Востоке. Она оставалась реактивной. Подписание договора и деятельность Лобанова заставили Россию разработать концептуально стратегию о ее поведении на Дальнем Востоке.

Интересно, что КВЖД доказала свою выгоду Китаю. Экономически отсталая Маньчжурия с началом строительства КВЖД, закрытием порто-франко во Владивостоке в 1900 г., представлением КВЖД особых льгот по передвижению грузов через Харбин, Порт Артур и Маньчжурию, переживала настоящий бум. С другой стороны, торговля, промышленность, судоходство, колонизация Амурского бассейна переживали кризис. КВЖД отвлекала значительные силы и капиталы от Приамурья, вызвала гибель Амурского флота, уменьшила вывоз русских товаров в Китай и через Кяхту.

Б. П.: Понятно, а как вы считаете, связано ли культурное влияние с этой дорогой?

Н. Л.-Р.: Культурное влияние было огромное, как вы знаете. План С. Ю. Витте был основан на идее постепенного завоевания Маньчжурии культурными средствами: железнодорожным строительством, банковскими, торгово-промышленными предприятиями, появлением крупных русских городов, потрачены были сотни миллионов на развитие Маньчжурии. Русские специалисты внесли огромный вклад в развитие производительных сил Маньчжурии, в частности, местной промышленности, сельского хозяйства, обмена их излишков с русскими областями. Русские ученые положили начало серьезному изучению природы, экономики, археологии северо-

востока Китая, ими были открыты первые библиотеки, высшие учебные заведения, поддерживавшие лучшие традиции старейших русских университетов. Харбин стал крупным театральным и музыкальным центром.

Б. П.: Никита Дмитриевич, в чем, по-вашему, заключается основное значение договора?

Н. Л.-Р.: Конечно, русско-китайский союзный договор 1896 г. принципиально отличался от неравноправных договоров, которые Китай вынужденно подписал с рядом западных держав во второй половине XIX в., после Опиумных войн. Это первый равноправный договор, оформивший первый союз Китайской империи с европейской державой в его истории. В российской историографии Китай рубежа XIX–XX вв. чаще всего предстает как жертва «империалистической» агрессии, захватнической политики великих держав. Между тем, история заключения русско-китайского договора 1896 г. показывает, что Пекин сам искал себе союзника в противостоянии Японии в лице России и был инициатором заключения союзного договора с Россией.

О конференции в Институте востоковедения РАН 26.05.2021 г.

Б. П.: Почему вы считаете важным проведение конференции в Институте востоковедения РАН?

Н. Л.-Р.: Думаю, что это будет полезное мероприятие и высветит современные разногласия в Китае по поводу значения русско-китайского союзного договора и роли Ли Хунчжана, если будут представители с обеих сторон, с разных точек зрения. Лишь бы отношения между Россией и Китаем остались на нынешнем уровне.

Б. П.: Как вы считаете, сейчас благоприятный момент для этого?

Н. Л.-Р.: Хороший момент. Зато в политике многое меняется ежедневно. Не знаешь, какие события произойдут в мире завтра, которые повлияют на отношения.

Б. П.: Большое вам спасибо, Никита Дмитриевич!

Литература / References

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Фонд 472. Опись 44\420\1968. Дело 26.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Как российский орел китайского дракона обаял. *Независимая газета.* 31.01.2021. URL: https://www.ng.ru/courier/2021-01-31/10_335_china.html (дата обращения 10.03.2021).

Kinsei Meishi Shashin. Vol. 1, call no.: 427-53. Monochrome, 21.0×27.0 cm. *National Diet Library.* URL: https://www.ndl.go.jp/portrait/e/datas/208.html (дата обращения 30.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-150-161

СОВЕТСКО-ЕГИПЕТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО ОРУЖИЮ 1955 г.

© 2021

Т. В. Носенко*

В середине 1950-х гг. Советский Союз совершил прорыв на Ближний Восток, став реальным участником региональных международных отношений. Обретение статуса великой державы в послевоенные годы значительно укрепило позиции СССР как глобального игрока, что стимулировало более активную политику в смежных регионах, в том числе и на Ближнем Востоке. Наступательная советская политика рассматривалась на Западе как угроза всему «свободному» миру, экономическим и стратегическим интересам союзников по НАТО. На Ближнем Востоке выстраивались схемы сдерживания советской угрозы в форме военно-политических союзов с региональными странами, по-прежнему испытывавшими большую зависимость от Запада как в политическом, так и в экономическом плане. Это, в свою очередь, порождало противодействие с советской стороны, считавшей такие действия непосредственной угрозой безопасности. В середине 1950-х гг. советское руководство стало искать возможности переориентации арабских стран, прежде всего Египта, на сотрудничество с СССР. Этому способствовала смена жестких идеологических оценок националистических лидеров арабских государств как «агентов империализма», принятых в сталинский период, на более прагматичную политику. В поведении египетского лидера Г. А. Насера в Москве усматривали значительный антизападный потенциал, что сыграло важную роль в решении вступить в переговоры о продаже Египту вооружений. «Чехословацкая сделка», приобретение советского оружия Египтом через Чехословакию стала первым шагом в направлении завоевания Советским Союзом нового статуса в Арабском мире. В отечественной историографии этому эпизоду в советско-египетских отношениях уделено недостаточно внимания. Между тем, это была важнейшая веха на пути проникновения СССР на Ближний Восток. Перед Москвой открывались не только перспективы более тесного двустороннего сотрудничества с арабскими странами, но и возможность активного политического взаимодействия с ними.

Ключевые слова: СССР, Египет, советско-египетские отношения, «чехословацкая сделка», Багдадский пакт, арабо-израильский конфликт, Г. А. Насер.

Для цитирования: Носенко Т. В. Советско-египетское соглашение по оружию 1955 г. *Вестник IИнститута востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 150–161. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-150-161

SOVIET-EGYPTIAN ARMS DEAL OF 1955

Tatiana V. Nosenko

In the mid-1950s the Soviet Union made a breakthrough to the Middle East establishing itself as a real participant in regional international relations. After the World War II the acquired status

* Татьяна Всеволодовна НОСЕНКО, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nosenkotat@gmail.com

Tatiana V. NOSENKO, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nosenkotat@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9872-3324

of a great power significantly strengthened the position of the USSR as a global player, which stimulated a more active policy in adjacent regions, including the Middle East. In the West the offensive Soviet policy was considered a threat to the entire "free" world, to the economic and strategic interests of the NATO allies. In the Middle East, schemes were lined up to contain the Soviet moves in the form of military-political alliances with regional countries, which were still highly dependent both politically and economically on the West. This, in turn, generated opposition from the Soviet side, which saw such actions as an immediate threat to its security. In the mid-1950s the Soviet leadership began to look for opportunities to reorient the Arab countries, primarily Egypt, to cooperation with the USSR. It was facilitated by the change in the harsh ideological assessments of the nationalist leaders of the Arab states as "agents of imperialism", adopted in the Stalinist period, to a more pragmatic policy.I Moscow saw a significant anti-Western potential in the behavior of the Egyptian leader Gamal Abdel Nasser, which played an important role in the decision to enter into negotiations on the sale of arms to Egypt. The "Czechoslovak deal", the acquisition of Soviet weapons by Egypt through Czechoslovakia was the first step towards the Soviet Union's gaining a new status in the Arab world.M In Russian historiography, not much attention has been paid to this episode in Soviet-Egyptian relations. Meanwhile, it was the most important milestone on the path of the USSR's penetration into the Middle East. Moscow was opening not only the prospects for closer bilateral cooperation with Arab countries, but also the possibility of active political interaction with them.

Keywords: USSR, Egypt, Soviet-Egyptian relations, Czechoslovak deal, Baghdad pact, Arab-Israeli conflict, Gamal Abdel Nasser.

For citation: Nosenko T. V. Soviet-Egyptian Arms Deal of 1955. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 150–161. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-150-161

К середине 1950-х гг. ближневосточный регион фактически не был освоен Советским Союзом как сфера геополитических интересов. Определенные расчеты на Израиль как на потенциальную опору на Ближнем Востоке делались сталинским руководством, выступившим в 1947 г. в поддержку создания еврейского государства на территории бывшей подмандатной Палестины. Однако они оказались иллюзией. Израиль неукоснительно двигался в сторону Запада. Арабские страны, даже вступая на путь антиколониальной борьбы, оставались привязанными к бывшим метрополиям Англии и Франции, а также испытывали большое давление со стороны США.

Старые колониальные державы, прежде всего Англия, теряя свои позиции в стратегически важном регионе в результате становления новых независимых государств и опасаясь распространения в них коммунистического влияния, искали новые формы контроля над арабскими странами. В США вовлечение стран Азии и Ближнего Востока на приграничных с Советским Союзом территориях в военно-политические союзы под американской эгидой являлось важной частью политики сдерживания «коммунистической экспансии», одним из элементов стратегии «массированного ответного удара». Общие задачи стран НАТО по укреплению стратегических позиций в противостоянии с СССР, необходимость сохранения контроля за природными ресурсами региона и противодействия антизападным интеграционным тенденциям создавали прочную основу для англо-американских сотрудничества на Ближнем Востоке.

Кроме того, западные державы намеренно не допускали участия СССР в решение проблем арабо-израильского конфликта. Советские дипломаты отмечали тенденцию «западных держав, и в первую очередь США, устранить Советский Союз от

дальнейшего участия в разрешении спорных вопросов на Ближнем и Среднем Востоке… путем решения их вне органов Совета Безопасности» [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 210]. Перед советским руководством в первой половине 1950-х гг. возникала задача противодействия англо-американским планам втягивания ближневосточных стран в военно-политические блоки антисоветской направленности, «выдавливания» Запада из традиционных сфер влияния посредством расширения дружественных связей с арабскими режимами, что должно было обеспечивать более благоприятную для СССР региональную атмосферу.

Реализация такой политики усложнялась отсутствием у советских представителей необходимого опыта в общении с арабским миром. У советского государства не было тех широких традиционных связей в арабских обществах, которые нарабатывались западными державами в предыдущие десятилетия. Различался и уровень профессиональной подготовки западных и советских дипломатов, работавших в арабских странах. В 1940–1950-х гг. на высших дипломатических постах в советских представительствах на Ближнем Востоке работали люди, пришедшие в Наркомат иностранных дел в конце 1930–1940-х гг., когда СССР еще испытывал дефицит в специалистах по Арабскому Востоку[1]. Редко кто из сотрудников советских дипмиссий владел арабским языком, разбирался в традициях и психологии местного населения.

С арабской стороны настороженности в отношении СССР добавляла предубежденность против «безбожных» коммунистических идей, исходившая как от мусульманских клерикальных кругов, так и подпитывавшаяся западной пропагандой. Новые арабские лидеры, проникнутые националистическими идеями, не вызывали симпатий у советских представителей. Посланник СССР в Египте Д. С. Солод отмечал, что «вся правящая военная верхушка Египта копирует во всем немецкий и итальянский фашизм. На днях министр социальных дел майор Камаль эд-Дин Хусейн прямо заявил, что величайшим деятелем века он считает Гитлера» [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 200]. Взаимное недоверие и неприязнь негативно отражались на развитии советско-арабских отношений.

Особое внимание уделялось Египту, стратегическое и политическое значение которого хорошо понимали в Советском Союзе. Складывалось общее представление, что лидеры Египта, пришедшие к власти в результате военного переворота в июле 1952 г., особенно негативно воспринимают перспективы объединения в военно-политические союзы с западными странами. Известный египетский журналист, соратник и друг Г. А. Насера[2] М. Хейкал утверждал, что египетский лидер видел в коммунистической угрозе прежде всего внутреннюю, а не внешнюю проблему для Египта [Heikal, 1978, p. 49]. Вхождение в военно-политические союзы под эгидой западных держав противоречило собственным представлениям Насера о будущем Арабского Востока, которое он видел в объединении региона по эгидой Египта и превращении его в мощного, но не враждебного Западу игрока на международной арене.

[1] Московский Государственный институт международных отношений, созданный в 1944 г. и Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова (до 1972 г. — Институт восточных языков), созданный в 1956 г., стали основными поставщиками кадров квалифицированных арабистов в СССР.

[2] После июльской революции 1952 г. Г. Насер занимал ряд высших политических и государственных постов, в июне 1956 г. был избран президентом Египта.

Занятая Насером негативная позиция в отношении Багдадского пакта, официально созданного в феврале 1955 г. с участием Турции, Ирака, Ирана, Пакистана и Великобритании, не означала отказа от сотрудничества с Западом. В Каире рассчитывали на американскую экономическую и военную помощь, обусловливавшуюся, однако, целым рядом политических требований, в том числе принятием западных условий по урегулированию арабо-израильского конфликта.

В Москве понимание того, что конфликт является препятствием для реализации Западом блоковой политики, приводило к заключению, что существующие противоречия между Израилем и арабскими странами, а также между Израилем, арабскими странами и империалистическими державами нужно использовать для противодействия сколачиванию агрессивных блоков на Ближнем и Среднем Востоке и для ослабления позиций США и Англии в этом районе [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 259] Поддержка арабской стороны в вопросах, связанных с конфликтом, обеспечивала не только возможность противостоять западным схемам урегулирования, но и открывала дорогу к более тесному политическому взаимодействию, в частности с Египтом. В 1953–1954 гг. позиция СССР по арабо-израильскому конфликту в рамках ООН стала отчетливо склоняться в арабскую сторону. В 1954 г. советский представитель дважды применял в Совете Безопасности право вето в отношении проектов резолюций по арабо-израильскому конфликту, отвергавшихся арабской стороной, хотя эти документы не были лишены здравого смысла[3]. Это вызывало большое раздражение западных представителей. Но советские дипломаты подчеркивали, что впервые поддержав арабов в вопросе, затрагивающем их интересы, Советский Союз демонстрировал готовность защищать их на основе принципа абсолютной справедливости в отличие от западных авторов проектов резолюций [Ro'i, 1973, p. 116–124].

Большую роль в сдвиге советской позиции в пользу развития отношений с египетским режимом сыграл сделанный Насером выбор нейтрализма как внешнеполитической ориентации на глобальном уровне. В СССР высоко оценили активную роль Египта в организации и проведении в апреле 1955 г. конференции афро-азиатских государств в Бандунге (Индонезия). В канун Бандунгской конференции советское правительство выступило с первым заявлением, непосредственно касавшимся Ближнего Востока, в котором СССР приветствовал отказ ближневосточных стран от участия в агрессивных военных блоках и подчеркивал свою заинтересованность в сотрудничестве с ними на основе уважения их национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. [СССР и арабские страны, 1961, с. 116]. Заявление стало важным сигналом, в том числе и для Египта, подтверждающим совпадение интересов с теми, кто противостоит англо-американским планам, и напоминающим о готовности оказывать поддержку таким силам.

Политика поддержки самостоятельности и независимости молодых государств на международной арене давала свои плоды: египетское руководство уже с лета 1954 г. начало рассматривать возможность развития крупных экономических проектов с СССР

[3] В январе 1954 г. СССР наложил вето на проект резолюции по использованию вод реки Иордан; в марте 1954 г. право вето было применено в отношении проекта резолюции, требовавшей снятия наложенных Египтом ограничений для прохода по Суэцкому каналу торговых судов, направлявшихся в Израиль.

и закупок вооружения как альтернативу сотрудничеству с Западом. Американские аналитики из Совета национальной безопасности были вынуждены признать, что «возросшая активность СССР в регионе и особенно советская поддержка арабской позиции в противостоянии с Израилем» является одной из основных возникающих проблем, требующих жестких и более решительных мер для сохранения контроля за ситуацией[4].

Однако ситуация в регионе все более выходила из-под контроля великих держав, в том числе вследствие динамики арабо-израильского конфликта. С 1954 г. после провала провокационной операции израильских спецслужб на территории Египта под кодовым названием «Сусанна»[5], напряженность между Египтом и Израилем неуклонно нарастала. Убийство арабскими террористами израильского гражданина в Реховоте послужило поводом для израильского рейда возмездия в Газе 28 февраля 1955 г.

Израильская операция в Газе, в результате которой египетские потери составили 38 погибших и 33 раненых, стал важной отправной точкой для переоценки Египтом боеспособности своей армии. Помимо этого атака на Газу являлась, с точки зрения египтян, доказательством усиления в Израиле правых сил, цель которых, как считал Г. А. Насер, состояла в установлении «господства Израиля от Нила до Евфрата»[6]. Насер оказался в сложном положении. Дисбаланс с Израилем в военной сфере требовал предпринимать срочные меры. Американцы тормозили его запросы на поставки оружия, выдвигая условиями его приобретения урегулирование конфликта с Израилем по предлагавшейся Западом схеме, а также присоединение к Багдадскому пакту. Правда, в августе 1955 г., когда стала вырисовываться перспектива закупок оружия у СССР, администрация Эйзенхауэра предложила Насеру контракт на вооружения, условием которого была его оплата в американской валюте. Но сумма в 27 млн. долларов составляла практически весь валютный резерв Египта в то время[7].

Складывавшиеся конфликтные отношения египетского лидера с Западом открывали для Советского Союза очень благоприятные возможности. Как пишет в мемуарах В. А. Кирпиченко, работавший тогда в советской резидентуре в Каире, советское руководство искало пути сближения с Насером, чтобы в условиях противоборства с США и Англией «сделать ход конем в тылы НАТО и Багдадского пакта» [Кирпиченко, 1993, с. 24].

Документы свидетельствуют, что военный аспект в советско-египетских отношениях возник на ранних этапах. В начале 1953 г. генерал М. Нагиб, первый глава

[4] Progress Report on NSC 155/1 United States Objectives and Policies with Respect to the Near East. Washington, July 29, 1954. *Foreign Relations of the United States 1952–1954, The Near and Middle East.* Vol. IX. Part 1. Doc. 221. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d221 (дата обращения 26.05.2020).

[5] В ходе операции «Сусанна» израильские агенты в обличии арабских террористов должны были осуществить ряд взрывов в американских и английских учреждениях с целью возложить ответственность за эти акции на египтян.

[6] Telegram from the Embassy in Egypt to the Department of State. Cairo, October 1, 1955. *Foreign Relations of the United States 1955–1957 Arab-Israeli Dispute. 1955.* Vol. XIV Doc. 321. URL:https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d321 (дата обращения 20.05.2020).

[7] Telegram from the Embassy in Egypt to the Department of State. Cairo, October 1, 1955. *Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955.* Vol. XIV. Doc. 321. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d321 (дата обращения 20.05.2020).

египетского послереволюционного государства, зондировал почву о возможности закупок в СССР тяжелой военной техники — танков и самолетов [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 182]. Тогда советское правительство не проявило заинтересованности в этом вопросе не столько по причине опасения британских санкций, как полагает израильский исследователь [Laron, 2007, p. 5], сколько из-за осторожного отношения к захватившим в Египте власть военным. Но уже летом 1954 г., после довольно длительного визита в Москву египетской торговой делегации в январе и обращения Насера с просьбой о возможности закупок оружия, советское правительство дало положительный ответ о готовности рассмотреть конкретные предложения [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 214]. При этом Насер мотивировал просьбу тем, что слабая египетская армия не может ничего сделать против английской оккупации страны[8], что явилось для советской стороны беспроигрышным аргументом.

Зарубежные авторы относят начало переговоров Египта с советским блоком к марту-апрелю 1955 г., когда в этот период в Каире побывала чехословацкая торговая делегация во главе с заместителем министра торговли [Laron, 2007, p. 25, 28] Затем именно чехословацкая делегация вела летом переговоры с египтянами в Каире, как полагают, получая при этом советские инструкции. Е. М. Примаков называет военного атташе в советском посольстве в Каире Л. Д. Немченко «основной фигурой в переговорах по закупке советского оружия через Чехословакию» [Примаков, 2006, с. 44]. Имя полковника Немченко как главного переговорщика при обсуждении потребностей Египта в вооружении упоминает и М. Хейкал [Heikal, 1973, p. 55]. К 19 июля основной список египетских запросов был сформирован, но его должна была одобрить Москва.

В конце июля 1955 г. в египетскую столицу был направлен Д. Т. Шепилов, секретарь ЦК КПСС, главный редактор «Правды», являвшийся в то время доверенным лицом Н. С. Хрущева. В данных ему инструкциях по линии министерства иностранных дел перед ним ставилась задача «выяснить, в какой степени египетское правительство намерено продолжать свою политику неучастия в военных союзах с США и Англией и как оно намерено строить свои дальнейшие отношения с Советским Союзом» [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 306]. Впервые высокопоставленный гость из Москвы был приглашен на египетские торжества, посвященные третьей годовщине египетской революции 1952 г. Шепилов был очарован ораторским искусством Насера и поставил вопрос об организации его встречи с египетским президентом. Однако посольству с трудом удалось добиться аудиенции у Насера [Кирпиченко, 1993, с. 24–25], бывшего в высшей степени осторожным в контактах с советскими представителями.

С советской стороны первые шаги на ближневосточной арене также были вынужденно осторожными. Советско-египетские договоренности вошли в историческую литературу под именем «чехословацкой сделки». Соглашение было представлено мировому сообществу как сугубо коммерческий проект Чехословакии и Египта. Даже первые советские военные специалисты приезжали в Каир с чехословацкими паспортами [Кирпиченко, 1993, с. 39]. Такая осторожность не в последнюю очередь была продиктована тем, что в июле 1955 г. в Женеве состоялось первое после Потсдама[9] совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции,

[8] До июня 1956 г. в зоне Суэцкого канала сохранялось английское военное присутствие.

[9] Потсдамская (Берлинская) конференция союзных государств, участвовавших во Второй мировой войне, проходила в июле–августе 1945 г. в Потсдаме.

на котором вопросы сокращения и контроля над вооружением занимали большое место. В Москве не хотели представать в роли разжигателей ближневосточного пожара в нарушение «духа Женевы».

В разъяснение советской позиции по переговорам между Чехословакией и Египтом 1-го октября 1955 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором отрицалась какая-либо политическая подоплека в соглашении и указывалось, что в противовес Западу, предлагавшему оружие ближневосточным странам на определенных условиях, ущемляя таким образом их национальную независимость и суверенитет, советское правительство считает, что каждое государство имеет право на приобретение оружия для обеспечения своей безопасности на обычных коммерческих условиях [СССР и арабские страны, 1961, с. 123]. Советская сторона не забывала напомнить, что США и Великобритания много лет снабжали страны Ближнего и Среднего Востока значительным количеством оружия на условиях присоединения к военным группировкам, направленным против других стран.

Приобретение Египтом советского оружия имело большой международный резонанс. Соглашение в Праге было подписано 12 сентября, но еще до того как Насер 27 сентября официального объявил о нем, американская разведка сообщала госсекретарю, что советская сторона брала на себя обязательства в течение пяти лет поставить Египту 200 самолетов-бомбардировщиков, 100 танков, две подводные лодки и ряд других вооружений на общую сумму 86 млн. долларов [10]. По подсчетам американских спецслужб это обеспечивало Египту численное превосходство над Израилем в реактивных самолетах и тяжелых танках. Оплату предполагалось осуществлять за счет египетского экспорта, в основном хлопка [11]. Однако сведения американской агентуры были не совсем точными: советская сторона упорствовала в предоставлении Египту тяжелых танков, эскадренных миноносцев и подводных лодок. Для удовлетворения своих требований Насер был вынужден прибегать буквально к шантажу, угрожая, что поражение Египта в возможной войне с Израилем подготовит почву для свержения правительства и «замены его правительством какого-либо угодного американцам египетского паши» [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 334].

Для Запада неожиданный советский успех в традиционной сфере его влияния был большим ударом. Американское посольство в Лондоне писало, что египетскую сделку по оружию следует рассматривать как очень серьезный шаг, направленный на подрыв западных позиций в арабском мире. Особую обеспокоенность вызывало прибытие советских военных специалистов в Каир, создание в Египте опорного пункта для дальнейшего советского проникновения в другие арабские страны[12]. Дипломатам вторила разведка. «Советская военная помощь Египту осложнит достижение двух важнейших целей США на Ближнем Востоке, если не полностью воспрепятствует их осуществлению: урегулирование арабо-израильского конфликта и создание

[10] Академик А. М. Васильев приводит цифру 225–250 млн. долларов со ссылкой на западные источники [Васильев, 1993, с. 44]; в работе западных исследователей приводится цифра 320 млн. долл. [Rasler, Thompson, Ganguli, 2013, pp. 38–39].

[11] *Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955.* Vol. XIV. Doc. 301. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d301 (дата обращения 20.05.2020).

[12] *Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955.* Vol. XIV. Doc. 299. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d299 (дата обращения 20.05.2020).

эффективной региональной системы обороны против коммунизма», — указывалось в Специальном докладе разведслужб[13].

Все же совместно выработанная США и Англией позиция относительно советских вооружений на Ближнем Востоке была рассчитана на то, чтобы приглушить значение этого события. Дж. Ф. Даллес[14] полагал, что: «возможно, необходимо принять желание ближневосточных стран иметь дело одновременно и с Востоком, и с Западом, иначе жесткая западная позиция может заставить их иметь дело только с советским блоком»[15].

«Чехословацкая сделка» подрывала монопольные позиции Запада в торговле оружием на Ближнем Востоке, что вполне объясняет и чрезмерно острую реакцию Запада на нее, и сохраняющуюся до сих пор в зарубежной литературе ее оценку как события, стимулировавшего гонку вооружений между Египтом и Израилем. Отечественные авторы до недавнего времени старались найти оправдательные аргументы продажи оружия Египту, утверждая, что эта сделка имела первоначально коммерческий характер, а баланс сил между Израилем и Египтом мог быть быстро восстановлен на новом уровне. Поэтому обвинения СССР в том, что он открыл новый фронт холодной войны, являются преувеличением и «проявлением логики двойного стандарта» [Пелипась, 2003, с. 548]. Тем более что британский мемуарист приводил данные о том, что сразу после «чехословацкой сделки» Лондон стал наращивать поставки оружия Египту в стремлении предотвратить дальнейшие договоренности с СССР [Von Tunzelman, 2000, p. 362].

До этого подписанты Трехсторонней декларации[16] 1950 г. имели возможность самостоятельно регулировать поступление вооружений конфликтующим сторонам на собственных условиях. Израиль с 1950 по 1955 гг. сумел приобрести значительное количество довольно новых видов вооружений, включая 200 танков и 200 самолетов, из которых 50 с реактивными двигателями [Safran, 1969, p. 223]. Эти приобретения до заключения «чехословацкой сделки» обеспечивали его превосходство в вооружениях над Египтом. Для Египта эта ситуация была не только унизительной, но и чреватой большими рисками. «Чехословацкая сделка» обеспечивала Насеру фундамент, позволявший говорить с позиции силы и с Израилем, и с арабским миром, и с собственной внутренней оппозицией.

В Израиле массированное перевооружение Египта советским оружием было расценено как значительное усиление стратегической угрозы высокого уровня по сравнению с тактическими рисками низкого уровня, представлявшими собой действия арабских инфильтрантов в предыдущие годы. Оценивая ситуацию, аналитики ЦРУ

[13] Probable Consequences of the Egyptian Arms Deal with the Soviet Bloc. *Special National Intelligence Estimate Number 30-3-55*. 12 October 1955. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000011348.pdf (дата обращения17.05.2020).

[14] Дж. Ф. Даллес — государственный секретарь в администрации президента Д. Эйзенхауэра.

[15] *Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955*. Vol. XIV. Doc. 323. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d323 (дата обращения 20.06.2020).

[16] В 1950 г. США, Англия и Франция подписали Трехстороннюю декларацию, в которой условием поставок оружия и военных материалов в арабские страны и Израиль ставился запрет их использования в целях агрессии против другой стороны. Tripartite Declaration regarding the armistice borders: Statement by the governments of the United States, the United Kingdom and France, May 25, 1950. *The Avalon Project at Yale Law School*. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/mid001.asp (дата обращения 28.03.2021).

полагали, что возрастала вероятность нового военного столкновения между Египтом и Израилем или, как они выражались, опасность «второго раунда» [17]. Прогноз о перерастании напряженности в египетско-израильских отношениях в военную фазу через год воплотился в Суэцком кризисе.

Существовало ли в Москве понимание того, что масштабная продажа Египту современного оружия может быть чревата обострением арабо-израильского конфликта, способным повлечь за собой новую военную вспышку? Как представляется, у творцов советской ближневосточной политики была своя система координат для оценки арабо-израильского конфликта, в которой главную роль играли не столько внутренние противоречия, приводившие к его обострению, сколько манипулирование им внешними силами. С точки зрения Москвы военное усиление Египта делало его менее подверженным внешним воздействиям со стороны Запада, в то время как шансы СССР на обретение регионального союзника повышались. К тому же египтяне уверяли советских представителей, что Насер якобы согласился на переговоры с Израилем для поисков мирного решения существующих проблем [Laron, 2007, p. 44]. Перспектива политического взаимодействия Египта и Израиля соответствовала установке советского руководства на то, что оружейная сделка должна рассматриваться лишь как мера по укреплению египетской армии [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 338].

Обеспокоенность Израиля угрозой своей безопасности старались не замечать. Рассуждения советского министра иностранных дел В. М. Молотова о том, что арабы слабы, поскольку до недавнего времени находились в колониальной зависимости, что они боятся Израиля, а Израиль готовится к войне, строит убежища и оборонительные линии [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 366, 403, док. 220, 242], отражают образ мышления, превалировавший в верхних эшелонах власти. Не вызывали отклика и попытки израильских представителей пробудить интерес советского руководства к выполнению посреднической роли, чтобы добиться согласия арабов на прямые переговоры с Израилем [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 402].

Прорыв на Ближнем Востоке, осуществленный благодаря оружейной сделке, обеспечил Советскому Союзу качественно новые позиции непосредственно в Египте. Помимо уже функционировавших посольства и торгпредства, в Каире был создан культурный центр, открылись консульства в Александрии и Порт-Саиде. Кроме того, Насер стал своего рода мостом для продвижения интересов СССР и его восточноевропейских союзников в арабском мире: через его посредничество велись переговоры о закупке чехословацкого оружия сирийцами, которых он убеждал, что приобретение оружия у советского блока не влечет усиления коммунистического влияния [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 381].

Однако с самых первых шагов разворачивавшегося сотрудничества с СССР Насер четко ограничивал его содержание и объем, опасаясь, что советская помощь окажется инструментом нажима на Египет в целях выстраивания его политики по советским идеологическим и политическим стандартам. Он сразу же заявил, что избранный Советским Союзом путь построения социализма является слишком жестким и неприемлем для Египта [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 334]. Число военных

[17] Probable Consequences of the Egyptian Arms Deal with the Soviet Bloc. *Special National Intelligence Estimate Number 30-3-55*. 12 October 1955. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000011348.pdf (дата обращения 17.05.2020).

специалистов, предполагавшихся к прибытию в Египет, он сократил до 20 человек вместо 130, предлагавшихся советской стороной [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 343]. В египетских СМИ более широкое освещение получили процессы над египетскими коммунистами, нацеленные на то, чтобы отвести от Насера обвинения со стороны консервативных политических противников в заключении союза с безбожным коммунистическим режимом. Насер доказывал, что он импортирует оружие, а не идеологию [Heikal, 1978, p. 63].

Египетский лидер стремился минимизировать последствия оружейной сделки для отношений с США, разъясняя американским собеседникам, что на этот шаг его вынудили требования, предъявлявшиеся армией [18]. В его намерения не входило жертвовать связями с США ради сотрудничества с СССР: отношения с Москвой становились для него хорошим способом для укрепления переговорных позиций в Вашингтоне.

Вступив на ближневосточную арену в качестве самостоятельного игрока, Советский Союз тщательно избегал резких действий на этом направлении. На возраставшие запросы египтян о предоставлении новейших образцов танков и самолетов из Москвы отвечали уклончиво, ссылаясь на то, что техника еще не прошла всех необходимых испытаний [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 436–437]. Руководство МИД не считало необходимым принимать ответные меры на усиление активности американских и английских ВМС в Восточном Средиземноморье в начале 1956 г., ставшее следствием советско-египетского соглашения [Ближневосточный конфликт, 2003, с. 388]. В Москве опасались военных столкновений с англо-американцами на почве ближневосточного конфликта, и это становилось долгосрочным политическим императивом в советских действиях в этой части мира.

Заключение

В 1950-е гг. в условиях развернувшейся борьбы арабских народов за независимое суверенное существование, за выход из-под контроля колониальных держав, СССР, не имевший колониальной истории в регионе, предпринял шаги для того, чтобы выступить для арабских стран альтернативной Западу опорой на международной арене. Западная политика чрезмерного давления на арабов, прежде всего на Египет, переоценка США и Англией своих возможностей в выстраивании региональной архитектуры в соответствии с экономическими и политическими задачами, недооценка ими силы идей панарабизма способствовали внедрению СССР на Ближний Восток.

«Чехословацкая сделка», ставшая вехой на пути продвижения СССР на Ближнем Востоке, в определенной мере противоречила декларированной советской политике борьбы за мир и предотвращение гонки вооружений. Однако ее драматизированные оценки на Западе и в Израиле как фактора, кардинально нарушавшего баланс сил в зоне конфликта, представляются преувеличенными. Ее паническое восприятие было связано не столько с реальными военными аспектами, сколько с тем, что в появлении СССР на ближневосточной арене видели серьезную угрозу распространения коммунистических идей в арабских странах. Кроме того нарушалась монополия Запада

[18] *Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955.* Vol. XIV. D. 293. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d293 (дата обращения 25.06.2020).

по своему усмотрению регулировать на своих условиях, в том числе посредством поставок оружия, конфликтную ситуацию в регионе, не давая ей переходить в открытые военные столкновения.

В условиях конфликтной ситуации на Ближнем Востоке СССР действовал крайне осторожно в новых отношениях с арабскими странами, избегая провоцировать эскалацию напряженности с западными странами. В то же время пренебрежение с советской стороны интересами безопасности Израиля, отсутствие в советско-египетских договоренностях четких условий неприменения вооружений в агрессивных целях способствовало росту силового компонента в израильской политике и послужило оправданием для участия Израиля в разработке совместно с Англией и Францией планов военного решения Суэцкого кризиса в 1956 г.

Литература / References

Ближневосточный конфликт 1947–1967. IИз документов Архива внешней политики РФ. Отв. ред. В. В. Наумкин. Т. 1. М., 2003 [*Middle East Conflict 1947–1967. From the Documents of the Russian Foreign Policy Archive.* Vol. 1. V. V. Naumkin (ed.). Moscow, 2003 (in Russian)].

Васильев А. М. *Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму.* М., 1993 [Vasil'ev A. M. *Russia in the Near and Middle East: From Messianism to Pragmatism.* Moscow, 1993 (in Russian)].

Кирпиченко В. А. *IИз архива разведчика.* М., 1993 [Kirpichenko V. A. *From the Archive of the Intelligence Agent*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Пелипась М. Я. Суэцкий кризис 1956 г. *Холодная война. 1945–1963 гг. IИсторическая ретроспектива.* М., 2003. С. 543–584 [Pelipas' M. Y. Suez Crisis of 1956. *Cold War. 1945–1963. Historical retrospective.* Moscow, 2003. Pp. 543–584 (in Russian)].

Примаков Е. М. *Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века).* М., 2006 [Primakov E. M. *The Middle East on Stage and Behind the Scenes (Second Half of 20th — Early 21st Centuries).* Moscow, 2006 (in Russian)].

СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М., 1961 [*USSR and Arab Countries. 1917–1960. Documents and Materials.* Moscow, 1961 (in Russian)].

Heikal M. *Nasser. The Cairo Documents*. London, 1973.

Heikal M. *The Sphinx and the Commissar*. New York, 1978.

Laron G. Cutting the Gordian Knot: The Post–WWII Egyptian Quest for Arms and the 1955 Czechoslovak Arms Deal. *Cold War International History Project. Working Paper No. 55. The Wilson Center for Scholars*. Washington, 2007. Pp. 1–59.

Rasler K., Thompson W., Ganguli S. *How Rivalries End*. Philadelphia, 2013.

Ro'i Y. *From Encroachment to Involvement. A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East 1945–1973*. New York, Toronto, Jerusalem, 1974.

Safran N. *From War to War. The Arab-Israeli Confrontation 1948–1967*. New York, 1969.

Von Tunzelman A. *Blood and Send. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.*Sydney, 2000.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Foreign Relations of the United States 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/ (дата обращения 26.05.2020).

Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955. Vol. XIV. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/ (дата обращения 20.05.2020).

Probable Consequences of the Egyptian Arms Deal with the Soviet Bloc. *Special National Intelligence Estimate Number 30-3-55*. 12 October 1955. URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000011348.pdf (дата обращения 17.05.2020).

Progress Report on NSC 155/1 United States Objectives and Policies with Respect to the Near East. Washington, July 29, 1954. *Foreign Relations of the United States 1952–1954. The Near and Middle East*. Vol. IX. Part 1. Doc. 221. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d221 (дата обращения 26.05.2020).

Telegram from the Embassy in Egypt to the Department of State. Cairo, October 1, 1955. *Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute. 1955*. Vol. XIV Doc. 321. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d321 (дата обращения 20.05.2020).

Tripartite Declaration regarding the armistice borders: Statement by the governments of the United States, the United Kingdom and France, May 25, 1950. *The Avalon Project at Yale Law School*. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/mid001.asp (дата обращения 28.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-162-176

BINTANG BUDAYA PARAMA DHARMA — ИНДОНЕЗИЙСКИЙ ОРДЕН «ЗА ЗАСЛУГИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ»

© 2021

А. О. Захаров*

Наградная система Индонезии развивалась в соответствии с изменениями ее государственности. Возникнув еще в годы войны за независимость, она оформилась в конце 1950-х гг., зафиксировав профессионализацию индонезийских вооруженных сил и победу централизации над федералистскими и автономистскими движениями на Малайском (Индонезийском) архипелаге. После прихода к власти генерала Сухарто и установления режима «нового порядка» во второй половине 1960-х гг. к уже имевшимся высшим военным и гражданским орденам добавились награды для родов войск, а в 1972 г. перечень орденов был унифицирован Законом № 4 от 9 ноября 1972 г. «О дополнительных поправках и положениях относительно наград Республики Индонезии — звезд (орденов) и о порядке старшинства наград — орденов (звезд) Республики Индонезии». Однако борьба вокруг интерпретации государственной идеологии «панча сила» и подавление инакомыслия вынудили Сухарто и его ближайшее окружение искать дополнительные рычаги воздействия на общество, включая сферу культуры. В условиях критики президента оппозицией в 1980 г. был учрежден новый орден — «За заслуги в области культуры» (Bintang Budaya Parama Dharma). Но первое награждение состоялось спустя восемь лет, в 1988 г., когда его удостоился президент Сухарто, которому орден полагался по должности. В статье на основании законодательных актов и открытых источников, в первую очередь прессы, рассматриваются обстоятельства создания награды, ее статут и примеры награждений. На сегодняшний день удалось выявить сорок четыре награждения, из которых четырнадцать — посмертно. Тем самым индонезийский орден «За заслуги в области культуры» принадлежит к числу крайне редких наград мира.

Ключевые слова: Индонезия, награды, культура, Сухарто, орден «За заслуги в области культуры», Bintang Budaya Parama Dharma.

Для цитирования: Захаров А. О. Bintang Budaya Parama Dharma — индонезийский орден «За заслуги в области культуры». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 162–xx. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-162-176

* Антон Олегович ЗАХАРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zakharov_anton@mail.ru

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; zakharov_anton@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3654-9551.

Выражаю глубокую благодарность доктору политических наук Алексею Юрьевичу Другову за критические замечания по тексту статьи.

BINTANG BUDAYA PARAMA DHARMA — THE INDONESIAN ORDER FOR CULTURAL MERITS

Anton O. Zakharov

The award system of the Republic of Indonesia developed following the state evolution and reflecting significant changes of its institutions. The first Indonesian Order — *Bintang Gerilya* — was established in 1949, during the anticolonial struggle against the Netherlands. In the late fifties, when the Indonesian National Armed Forces became more professionalized due to efforts by the General Abdul Haris Nasution, and they managed to block autonomist and federalist anti-government movements throughout the Indonesian Archipelago, the Indonesian Government instituted highest military and civil orders. In the late sixties, General Suharto established the "New Order" and instituted the orders for three major branches of the National Armed Forces — Army, Navy, and Air Force. In 1972, the Law No. 4 unified the award system of Indonesia. Later, in 1980, Suharto instituted the Order for Cultural Merits, or Cultural Merit Star — *Bintang Budaya Parama Dharma*. Then there was a serious political trouble in Indonesia. Political parties and actors expressed serious doubts in the election laws and criticized Suharto. Nasution and his colleagues signed the Petition of Fifty (*Petisi 50*) openly expressing their concerns about Suharto's biased treatments of the state ideology Pancasila. In these circumstances, a new award may have been seen as a means to support state ideology and to attract cultural figures to the government. Be that as it may, the first award of the *Bintang Budaya Parama Dharma* was Suharto himself as President of Indonesia. He obtained the Order in 1988. To date, there are at least 44 awardees of the Order, fourteen of them posthumously. Therefore, the *Bintang Budaya Parama Dharma* is a very rare order.

Keywords: Indonesia, awards, culture, Suharto (Soeharto), humanities, democracy.

For citation: Zakharov A. O. Bintang Budaya Parama Dharma — The Indonesian Order for Cultural Merits. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 162–176. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-162-176

Индонезийский орден «За заслуги в области культуры» (*Bintang Budaya Parama Dharma*) учрежден Законом № 10 от 2 августа 1980 г. «Об ордене "За заслуги в области культуры"»[1]. Время для его создания выдалось довольно непростое. Хотя в целом наградная система Индонезии к тому времени была уже вполне развитой, включая в себя как военные, так и гражданские ордена и медали[2], сфера культуры оставалась фактически вне ее. Это в целом вполне объяснимо как военным характером самого режима «нового порядка» генерала Сухарто, в котором главную роль в стране играла армия, так и в целом особенностями самой сферы культуры, представители которой по роду своей деятельности плохо вписываются в бюрократическую, авторитарную структуру. Достаточно указать на то, что один из крупнейших прозаиков Индонезии Прамудья Ананта Тур в 1965–1979 гг. был политическим заключенным [Цыганов, 1993, с. 241; Оглоблин, 1996; Тур, 1986]. Его романы «Мир человеческий» (1980) [Тур, 1986; рецензия — Парникель, 1981] и «Дитя всех народов» (1981) «разошлись невиданным для Индонезии тиражом по 50 тыс.

[1] Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 10 Tahun 1980 Tentang Tanda Kehormatan Bintang Budaya Parama Dharma. *Lembaran Negara Republik Indonesia*. № 45. 1980. *Ngada.org*. URL: https://ngada.org/uu10-1980.htm (дата обращения: 23.02.2021).

[2] См.: [Захаров, 2019; Захаров, 2020а–е; Захаров, 2021].

экземпляров», но были запрещены в мае 1981 г. за скрытую пропаганду коммунистических идей [Цыганов, 1993, с. 242].

Еще в 1978 г. Народный консультативный конгресс, большинство в котором составляли правительственная партия Голкар, армия и представители провинций, установил «панча силу» в качестве государственной идеологии и принял «Наставление и изучению и претворению в жизнь принципов "панча силы", обязательное для всех граждан; во исполнение данного постановления проводились двухнедельные сборы для госслужащих, а в школьную программу всех классов двенадцатилетней школы включили предмет «воспитание панчасилаистской нравственности» [Тюрин, 2004, с. 463]. В том же году опальный генерал А. Х. Насутион основал «Общество конституционного правосознания», которое провело опрос жителей Джакарты и выявило, что 64 % опрошенных оценивают механизм выборов как неудовлетворительный [Цыганов, 1993, с. 197]. Главком Вооруженных сил и министр обороны и безопасности генерал Мухаммад Юсуф (1978–1983) стал проводить политику невмешательства армии в дела гражданской администрации и запретил офицерам действительной службы заниматься политической деятельностью [Цыганов, 1993, с. 198]. В то же время армия проводила масштабное общественное строительство и для личного состава, и для сельского населения Индонезии, что привело к росту популярности Юсуфа и в дальнейшем его снятию с должностей главкома и министра обороны и безопасности [Цыганов, 1993, с. 198].

1980-й год в Индонезии отмечен беспрецедентным выступлением оппозиции «Нового порядка». Сначала 25 февраля двадцать шесть политиков обратились к президенту с просьбой провести «честные, чистые, демократические выборы» и пресечь злоупотребления властью, тем самым фактически обвинив правительственные структуры и подчеркнув недемократический характер избирательного закона, да и самого государства в целом [Цыганов, 1993, с. 200]. 29 февраля пятьдесят шесть депутатов от мусульманской Партии единства и развития отказались голосовать за избирательный закон [Цыганов, 1993, с. 200]. Нужно иметь в виду, что избиралось менее сорока процентов депутатов Народного консультативного конгресса и лишь 78 % Совета народных представителей, входившего в НКК в качестве постоянно действующего парламента [Цыганов, 1993, с. 199]. Остальные депутаты назначались президентом от партий и «функциональных групп», в первую очередь вооруженных сил и представителей регионов (провинций).

В марте и апреле 1980 г. Сухарто неоднократно выступал с резкими заявлениями о нападках «неких сил» на «панча силу» и конституцию, о недопустимости отказа от существующей избирательной системы и от фактической власти военных (следует иметь в виду, что по ст. 10 Конституции 1945 г. именно президент осуществляет «верховное командование сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами»). Сухарто квалифицировал обвинения членов своей семьи в злоупотреблениях и кумовстве как попытку устранить его из политики [Цыганов, 1993, с. 200].

В ответ на жесткие заявления Сухарто, включая его призыв к армии «встать на защиту "панча силы" с оружием в руках», 5 мая 1980 г. группа из пятидесяти политиков, включая отставных генералов, националистов, правосоциалистических деятелей и внепартийной мусульманской оппозиции подписали «Изъявление озабоченности»

(Ungkapan Keprihatinan), или Петицию пятидесяти. В ней они выразили беспокойство по поводу того, что «недавние речи президента Сухарто
а) способствуют новым конфликтам, раскалывая общество на предполагаемых сторонников и противников "панча силы";
б) используют "панча силу" как средство борьбы с политическими противниками, а не для объединения нации;
в) оправдывают недостойные действия властей, армии и полиции ссылками на выполнение воинского долга, ставя его выше Конституции 1945 г., хотя никакие присяги и клятвы не могут быть выше нее;
г) превращают армию в одного из участников конфликта по распоряжению сверху, вместо того чтобы стоять над обществом;
д) создают впечатление, будто президент — олицетворение "панча силы", а всякий порочащий его слух — как посягательство на нее;
е) содержат обвинения в существовании заговоров, подготовке подтасовок на будущих выборах» [Цыганов, 1993, с. 201; Bambang Siswoyo, 1983, p. 27–28; Bakri Tianlean, 1997, p. 151–154].

Петицию подписали Насутион, бывшие премьер-министры Мохаммад Натсир и Бурхануддин Харахап, бывший председатель Чрезвычайного правительства Республики Индонезии Шафруддин Правиранегара, бывший губернатор Джакарты Али Садикин, бывший начальник полиции Хугенг Имам Сантосо, бывший заместитель начальника штаба армии генерал-лейтенант Мохамад Ясин, генерал-лейтенант А. Ю. Мокогинта и ряд других лиц. Обсуждение Петиции пятидесяти привело к запросу девятнадцати парламентариев к Сухарто с просьбой дать разъяснения из-за накала «политической атмосферы» [Цыганов, 1993, с. 201]. Индонезийские власти фактически подвергли подписантов репрессиям, начиная с игнорирования и запрета покидать страну до уголовных преследований [Тюрин, 2004, с. 471]. Вместе с тем открытое выступление части генералитета и политической верхушки Индонезии с критикой режима «нового порядка» наряду с накалом страстей вокруг избирательной системы, а также относительно автономное поведение главкома Юсуфа свидетельствовало о внутренних проблемах режима, а не только о разнородности оппозиции, на которую указывал В. А. Цыганов [Цыганов, 1993, с. 202]. В этих условиях разработка ордена за заслуги в сфере культуры могла казаться одним из средств укрепления идеологической опоры власти наряду с армией, экономическим и финансовым капиталом и «панча силой». Именно этим объясняются постоянные ссылки на «панча силу» в статуте награды.

Статут ордена

Орден «За заслуги в области культуры» (*Bintang Budaya Parama Dharma*) вручается исключительно гражданам Республики Индонезии за большие достижения в области культуры, при условии, что кавалеры отличаются высокой нравственностью [3]. Иностранцы орденом не награждаются. Согласно пункту 3 статьи 1 закона, орден за заслуги в области культуры равноценен ордену Заслуг первой степени (Bintang Jasa

[3] Совершенно ясно, что решение о нравственности награждаемого принимается индонезийским правительством в лице Совета по наградам при президенте Республики (Dewan Tanda-Tanda Kehormatan Republik Indonesia) и зависит от лояльности кавалера президенту и высшему чиновничеству.

Илл. 1. Прорисовка ордена «За заслуги в области культуры» (Bintang Budaya Parama Dharma) (по: Bintang Budaya Parama Dharma. *Wikipedia: Bauwarna Mardika*. URL: https://jv.wikipedia.org/wiki/Bintang_Budaya_Parama_Dharma#/media/Barkas:Lintang_Budaya_Parama_Dharma.gif (дата обращения 26.02.2021))

Utama). В настоящее время он идет на одиннадцатом месте по старшинству, деля его с первыми степенями орденов Заслуг, Человечности, «Защитник демократии», Партизанской и Священной звездами и военным орденом «За верность долгу» (ст. 9 Закона № 20 от 2009 г.)[4]. Орден «За заслуги в области культуры» степеней не имеет.

Форма ордена — пятиугольник с вогнутыми сторонами (*илл. 1*). На нем помещен индонезийский круглый гонг с ядром в центре. Вокруг ядра лента с колосьями риса и хлопка и восемь стрелок, указывающих на основные стороны света[5]. Радиус от центра гонга до конца стрелки — 25 мм, до ленты с изображением риса и хлопка — 10 мм. Шейная лента по краям зеленая (цвет ислама), в центре — красная и белая (цвета государственного флага Индонезии), что указывает на национальное взаимопонимание и плодородие индонезийской почвы (ст. 2.3 Закона № 10 от 2 августа 1980 г.). Ширина темно-зеленых полос на ленте — 8 мм каждая, красной и белой полос — по 9,5 мм. Общая ширина ленты — 35 мм. Цвет знака ордена — золотистый (ст. 2.1 Закона № 10 от 2 августа 1980 г.). Согласно ст. 2.2, знак ордена дополняется нагрудной звездой (*patra*) такого же размера.

Смысл орденской символики поясняет пункт 3 статьи 2. Пятиконечная звезда выражает благородные идеалы «*панча силы*». Восемь стрелок указывают на признание полезных заслуг кавалеров ордена во всех частях страны. Гонг встречается во всех традиционных культурах Индонезии и, будучи способен производить эхо, символизирует воздействие достижений обладателей ордена

[4] *Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2009 Tentang Gelar, Tanda Jasa, dan Tanda Kehormatan*. URL: https://pih.kemlu.go.id/files/UU%2020%202009.pdf (дата обращения 22.10.2020).

[5] К сожалению, высококачественных фотографий ордена найти не удалось. В Интернете опубликованы довольно посредственные фотографии орденских знаков Сухарто и нагрудной звезды Мегавати Сукарнопутри. См.: Museum Kepresidenan RI Balai Kirti. Koleksi Presiden Soeharto. *Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Direktorat Jenderal Kebudayaan*. 24.10.2018. URL: https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/muspres/koleksi-presiden-soeharto-12/ (дата обращения 05.02.2021); Soeharto: Masa Bakti 1966–1998. Penghargaan. *Kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id*. URL: https://kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id/award/?box=detail&id=41&from_box=list&hlm=3&search_ruas=&search_keyword=&activation_status=&presiden_id=2&presiden=Suharto (дата обращени: 18.02.2021); Museum Kepresidenan. Koleksi Presiden Megawati Soekarnoputri. *Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Direktorat Jenderal Kebudayaan*. 03.12.2019. URL: https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/muspres/koleksi-presiden-megawati-soekarnoputri-5/ (дата обращения 18.02.2021).

на направления культурной жизни нации. Рис и хлопок символизируют социальную справедливость и благосостояние людей.

Согласно пункту 1 ст. 3, первым кавалером ордена «За заслуги в области культуры» (Будая Парама Дхарма) является президент страны, т. е. подписавший Закон № 10 генерал Сухарто; он получил его в 1988 г. по собственному указу 029/TK/1988 от 27 мая 1988 г.[6] Орденом награждаются граждане, внесшие большой вклад в культуру страны и отвечающие требованиям ст. 7 Чрезвычайного закона № 4 от 1959 г.[7] Орден «За заслуги в области культуры» может вручаться посмертно.

Орденом награждает президент Индонезии на основании представления министра образования и культуры и после заключения Департамента по наградам Республики Индонезии (Dewan Tanda-tanda Kehormatan Republik Indonesia; ст. 4.1 Закона № 10 от 2 августа 1980 г.). Каждое награждение оформляется отдельной грамотой с указанием его причины. Вручает награду президент страны. Процедура представления к награде, ее присуждения и вручения регулируется постановлением правительства.

Право на награду теряется, если не выполняются требования ст. 7 Чрезвычайного закона № 4 от 1959 г.; в случае тюремного заключения на срок более одного года по решению суда; в случае судебного решения о наказании за преступление против государственной безопасности; в случае членства в запрещенной законом организации или восстания против государства; поступления на службу в вооруженные силы других государств без разрешения правительства Индонезии; утраты индонезийского гражданства (ст. 6 Закона № 10 от 2 августа 1980 г.).

Индонезийское название ордена Bintang Budaya Parama Dharma содержит санскритский и древнеяванский термин *paramadharma* ‘высшая добродетель’ [Zoetmulder, 1982, p. 1281]. Дословно награда именуется Звездой высших достижений культуры.

В Постановлении Правительства № 12 от 26 февраля 1986 г. отдельные положения Закона № 10 были уточнены[8]. Так, к области культуры относятся искусство, традиционные ценности (nilai-nilai tradisional), наука и техника (ст. 2.2). Другие министры могут представлять к награде через министра культуры (ст. 4.2). Такое представление должно сопровождаться письменной характеристикой кандидата и его достижений (ст. 5). Орден «За заслуги в области культуры» вручается кавалеру лично, за исключением передачи знаков наследникам в случае посмертного награждения (ст. 7.2). Право на ношение ордена имеют только его кавалеры (ст. 8.1). Орден носится только на официальной или полной парадной форме для мужчин и на национальной одежде для женщин (ст. 8.2).

---

[6] Soeharto: Masa Bakti 1966–1998. *Penghargaan. Kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id.* URL: https://kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id/award/?box=detail&id=41&from_box=list&hlm=3&search_ruas=&search_keyword=&activation_status=&presiden_id=2&presiden=suharto (дата обращения 18.02.2021).

[7] Undang-undang Darurat No. 4 Tahun 1959 Ketentuan-Ketentuan Umum Mengenai Tanda-Tanda Kehormatan. *Database Peraturan.* URL: https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/51670/uudrt-no-4-tahun-1959 (дата обращения 26.02.2021).

[8] Peraturan Pemerintah No. 12 Tahun 1986 tentang Pelaksanaan Undang-Undang Nomor 10 Tahun 1980 Tentang Tanda Kehormatan Bintang Budaya Parama Dharma. *Database Peraturan* [JDIH BPK RI]. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/64370/pp-no-12-tahun-1986#:~:text=PP%20No.%2012%20Tahun%201986,Parama%20Dharma%20%5BJDIH%20BPK%20RI%5D (дата обращения 26.02.2021).

Примеры награждений

Как уже говорилось, сам президент Сухарто получил орден «За заслуги в области культуры» только в 1988 г. До этого времени данных о каких-либо награждениях найти не удалось. Тем самым можно предположить, что в течение восьми лет орден был «спящим». В целом награждение Сухарто, по-видимому, отражало достигнутое в политической элите страны согласие считать «панча силу» «единственным руководящим принципом» в сочетании с наметившимся во второй половине 1980-х гг. устойчивым экономическим ростом и прочным господством чиновничьей партии Голкар и военных в стране [Тюрин, 2004, с. 473–474; Цыганов, 1993, с. 222][9].

По должности орден «За заслуги в области культуры» получили все президенты Индонезии, начиная с Сухарто, — Хабиби, Абдуррахман Вахид, Мегавати Сукарнопутри, Юдойоно и Джоко Видодо. На основании Закона № 20 от 18 июня 2009 г. «О титулах, наградах и знаках отличия» орден по должности получает вице-президент страны (ст. 10, п. 2). Среди них — Юсуф Калла (род. 1942, в должности 2004–2009, 2014–2019), Будионо (род. 943, в должности 2009–2014) и Мааруф Амин (род. 1943, в должности с 2019).

17 июня 1992 г. президент Сухарто вручил орден «За заслуги в области культуры» своей супруге Сити Хартине, или Тин Сухарто[10].

В 2002 г. орденом был награжден индонезийский музыкант, композитор, пианист и виолончелист Амир Пасарибу (1915–2010). В разное время он возглавлял музыкальную школу в Джакарте, преподавал музыку в высших учебных заведениях страны, занимался частной практикой. Амир Пасарибу написал множество сочинений для фортепьяно соло, скрипки и фортепьяно, а также для струнного квартета[11]. Он автор музыки гимна Вооруженных Сил Индонезии (Angkatan Bersenjata Republik Indonesia) *Andhika Bhayangkari*[12]. Президентским указом № 52/TK/2003 от 12 августа 2003 г. орденом «За заслуги в области культуры» награжден композитор детских песен Абдулла Тотонг Махмуд (1930–2010)[13].

14 августа 2003 г. орден получил индонезийский танцор, хореограф, актер и режиссер Сардоно Валюйо Кусумо. Он родился 6 марта 1945 г. в Суракарте (Соло). В 1961 г. он танцевал роль Ханумана в балетной постановке Кусумо Кесово по мотивам яванской «Рамаяны» на территории древнего храмового комплекса Прамбанан, ныне

[9] Впрочем, с 1989 г. началось обсуждение проблемы преемственности власти, а в правящем классе наметилось усиление этнических китайцев-хуацяо и родственников Сухарто и одновременно ослабление позиций ряда генералов-предпринимателей [Цыганов, 1993, с. 223; Тюрин, 2004, с. 475].

[10] См. архивные фото и комментарии: Soeharto. Masa Bakti 1966–1998. Koleksi Citra. *Penyematan Bintang Budaya Parama Dharma Kepada Ibu Tien Soeharto di TMII*. URL: https://kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id/photo/?box=detail&id=32&from_box=list_245&hlm=1&search_tag=&search_keyword=&activation_status=&presiden_id=2&presiden=suharto; https://kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id/uploaded_files/jpg/photo/normal/suharto_gma_0011.jpg (дата обращения 05.02.2021).

[11] Amir Pasaribu. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Amir_Pasaribu (дата обращения 11.02.2021).

[12] Записи можно найти на Youtube. Например: Andhika Bhayangkari — Instrumental Lagu Nasional Indonesia. Lagu Nasional Indonesia. 28.09.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-KrME-lvMz4 (дата обращения 11.02.2021).

[13] Abdullah Totong Mahmud. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Abdullah_Totong_Mahmud (дата обращения 11.02.2021).

включенного в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. С 1970-х гг. Сардоно возглавляет балетный театр своего имени (Sardono Dance Theatre). С 2004 г. он профессор Института искусств Джакарты[14].

В 2011 г. президент Юдойоно посмертно наградил орденом «За заслуги в области культуры» индонезийского певца, актера, комика и продюсера Беньямина Суэба, или Банг Бена (1939–1995)[15]. По данным яванской Википедии, среди кавалеров этой награды профессор Ахмад Маттулада (один из основателей Университета Хасануддин на Макассаре[16]); поэт, писатель и юморист Али Акбар Навис[17] (1924–2003, посмертно); певец, поэт-песенник и актер Бинг Сламет (настоящее имя Ахмад Сайч Альбар, 1927–1974; посмертно[18]); композитор и драматург Сариджа Ниунг, или Ибу Суд[19] (1908–1993); поэт, переводчик и лидер «поколения-45» Хайрил Анвар (1922–1949, посмертно) [Парникель, 1965; Болдырева, 1976; Тюрин, 2004, с. 494]; актриса Кристина Хаким [20] (род. 1956); кинорежиссер Джадуг Джаякусума [21] (1918–1987, посмертно); яванский танцор К. Р. Т. Джаядипура [22] (посмертно); скульптор и художник Эди Сунарсо[23] (1932–2016); актриса Фифи Янг / Юн[24] (1914–1975); композитор-песенник Гесанг Мартохартоно (1917–2010; награжден в 1992)[25]; просветитель, историк и писатель И Густи Багус Сугрива [26] (1900–1973, посмертно); балийский танцор И Кетут Марьо (посмертно); композитор, поэт и певец Исмаил Марзуки (1914–1958, посмертно) [Погадаев, 2012, с. 389]; производитель яванских кинжалов-крисов Ки Эмпу Джено Харумброджо[27] (1929–2006); художник Ки Суратман[28] (посмертно); композитор Либерти

---

[14] Sardono Waluyo Kusumo. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Sardono_Waluyo_Kusumo (дата обращения 11.02.2021).

[15] Benyamin Sueb. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Benyamin_Sueb (дата обращения 11.02.2021).

[16] Prof Dr Mattulada, Berani Hentikan Mobil Menteri untuk Desak Unhas Didirikan. *Identitas Unhas*. 23.11.2017. URL: https://identitasunhas.com/prof-dr-mattulada-berani-hentikan-mobil-menteri-untuk-desak-unhas-didirikan/ (дата обращения 05.02.2021).

[17] Ali Akbar Navis. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ali_Akbar_Navis (дата обращения 11.02.2021).

[18] Fabiola Desy Unidjaja. Megawati awards posthumously Hero title to Gorontalo figure. *The Jakarta Post*. 08.11.2003. URL: https://www.webcitation.org/69hhQreeq?url=http://www.thejakartapost.com/news/2003/11/08/megawati-awards-posthumously-hero-title-gorontalo-figure.html (дата обращения 11.02.2021).

[19] Saridjah Niung. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Saridjah_Niung (дата обращения 11.02.2021).

[20] Christine Hakim. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Christine_Hakim (дата обращения 11.02.2021).

[21] D. Djajakusuma. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/D._Djajakusuma (дата обращения 11.02.2021).

[22] Некоторые сведения, вероятно, можно найти в неопубликованной диссертации, но доступ к ней ограничен: [Mularsih, 1971].

[23] Edhi Sunarso. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Edhi_Sunarso (дата обращения 11.02.2021).

[24] Fifi Young. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Fifi_Young (дата обращения 11.02.2021).

[25] Гесанг. *Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B3 (дата обращения 11.02.2021).

[26] I Gusti Bagus Sugriwa, Bapak Peradaban Hindu. *Dinas Kebudayaan Pemerintah Kebupaten Buleleng*. 20.01.2021 (дата обращения 11.02.2021).

[27] Ki Empu Djeno Harumbrodjo. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Ki_Empu_Djeno_Harumbrodjo (дата обращения 18.02.2021).

[28] Данных найти не удалось. Имеющиеся цит. по: 10 Budayawan Terima Bintang Jasa. *Tempo.co*. 7.11.2003. URL: https://nasional.tempo.co/read/28488/10-budayawan-terima-bintang-jasa (дата обращения 18.02.2021).

Маник[29] (1924–1993, посмертно в 1999 г. [Hafnita Sari Dewi Lubis, 2019, p. 112][30]); сунданская актриса и танцовщица Мисс Чичи[31] (1908–1936, посмертно); танцовщица Сандия Сурьоно[32] (Госпожа Касур, посмертно); археолог, историк и искусствовед Сукмоно[33] (1922–1997); индонезийский просветитель и телеведущий Сурьоно[34] (Пак Касур, 1912–1992, посмертно); кинорежиссер, сценарист и актер Тегух Карья (Стив Льем Чоан Хок, 1937–2001, посмертно); ачехский ученый и журналист Теуку Абдуллах[35] (род. 1954, награжден 14.08.2003); актер Тан Ченг Бок[36] (1898–1985)[37].

15 августа президент Джоко Видодо на основании Указа № 66-ТК-2016 вручил орден «За заслуги в области культуры» поэту и публицисту Тауфику Исмаилу (род. 1935) за большие достижения в поэзии и прозе[38]; султану Суракарты — Мангкунегоро VII Раден Мас Сурьо Супарто за большой вклад в сохранение яванской культуры, музыки и драмы (посмертно); Марте Тилаар (Martha Tilaar[39]) за значительные заслуги в фитотерапии и пропаганде здорового образа жизни, доктору Ахдиати Икраму за выдающиеся труды в области филологии[40]. Мангкунегоро VII (1885–1944, на престоле

---

[29] Liberty Manik. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Liberty_Manik (дата обращения 18.02.2021). Маник — автор песни «Одна страна, один народ» (Satu Nusa, Satu Bangsa, 1947 г.).

[30] Ср.: 7 Pencipta Lagu-Lagu Nasional Indonesia. *Kapanlagi.com*. 14.08.2014. URL: https://musik.kapanlagi.com/berita/7-pencipta-lagu-lagu-nasional-indonesia-d0dcb9-6.html (дата обращения 18.02.2021). Здесь год награждения указан ошибочно как 2007).

[31] Sandiwara Sunda Miss Tjitjih. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Sandiwara_Sunda_Miss_Tjitjih (дата обращения 18.02.2021).

[32] Информации найти не удалось. Награждена в 1992 г. одновременно с Гесангом Мартохартоно. См.: Gesang, Ibu Sud (Bintang Soedibyo), almarhum Pak Kasur (Suryono) dan Ng. Sandiyah Suryono menerima anugerah Bintang Budaya Parama Dharma dari Presiden Soeharto diserahkan oleh mendikbud Fuad Hasan. *Tempo.co*. 7.11.1992. URL: https://majalah.tempo.co/read/album/8996/gesang-ibu-sud-bintang-soedibyo-almarhum-pak-kasur-suryono-dan-ny-sandiyah-suryono-menerima-anugerah-bintang-budaya-parama-dharma-dari-presiden-soeharto-diserahkan-oleh-mendikbud-fuad-hasan (дата обращения 18.02.2021).

[33] Soekmono. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Soekmono (дата обращения 18.02.2021). Сукмоно специализировался на истории яванской храмовой архитектуры, в первую очередь храмовых комплексов Боробудур и Чанди Гумпунг. Он написал трехтомное введение в историю индонезийской культуры [Soekmono, 1973] и обобщающее исследование яванских храмов-чанди [Soekmono, 1995].

[34] Pak Kasur. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Pak_Kasur (дата обращения 18.02.2021).

[35] Profil: Drs. Teuku Abdullah, SH., MA alias T.A. Sakti. Bek Tuwo Busaya. *Tambeh.WordPress.com*. 6.07.2018. URL: https://tambeh.wordpress.com/2018/07/10/profil-drs-teuku-abdullahsh-ma-alias-t-a-sakti/ (дата обращения 18.02.2021).

[36] Tan Tjeng Bok. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Tan_Tjeng_Bok (дата обращения 18.02.2021).

[37] Bintang Budaya Parama Dharma. *Wikipédia*. URL: https://jv.wikipedia.org/wiki/Bintang_Budaya_Parama_Dharma (дата обращения 18.02.2021).

[38] О Тауфике Исмаиле см.: [Погадаев, 2013]. Переводы сочинений на русский язык: [Тауфик Исмаил, 2004].

[39] Novy Lumanauw. Dianugerahi Bintang Budaya Parama Dharma, Martha Tilaar: Saya Kaget. BeritaSatu.com. 15.08.2016. URL: https://www.beritasatu.com/nasional/379955/dianugerahi-bintang-budaya-parama-dharma-martha-tilaar-saya-kaget (дата обращения 05.02.2021). Марта Тилаар — крупный бизнесмен, ей принадлежит носящая ее имя группа компаний, см. *Martha Tilaar Group Official Website*. URL: https://www.marthatilaargroup.com/ (дата обращения 05.02.2021).

[40] Presiden Jokowi Sematkan Tanda Kehormatan Bintang Budaya Parama Dharma Kepada Taufiq Ismail. *Himpunan Alumni IPB (Institut Pertanian Bogor)*. 19.08.2016. URL: http://haipb.ipb.ac.id/alumni/presiden-jokowi-sematkan-tanda-kehormatan-bintang-budaya-parama-dharma-kepada-taufiq-ismail (дата обращения 05.02.2021); Mohammad Wildan. Penerima Kelas Bintang Budaya Parama Dharma Tahun 2016. *Kementerian Pendidikan dan*

1916–1944) принимал активное участие в деятельности национально-освободительной организации «Буди утомо», изучал историю яванского кукольного театра ваянг и в 1933 г. создал первое радио на яванском языке *Solosche Radio Vereniging*[41] [Bastomi, 1996].

13 августа 2019 г. президент Джоко Видодо указом № 74-ТК-2019 наградил орденом «За заслуги в области культуры» трех человек: индонезийского просветителя Мухаммада Сьяфея (1893–1969, посмертно), основавшего в 1926 г. Индонезийскую национальную школу в Каютанам на Западной Суматре [42]; первую женщину-профессора, декана факультета литературы и специалистки в области арабской филологии Сити Бароро Барид [43] (1925–1999, посмертно); и ныне здравствующего журналиста Сено Три Сулистийоно (Seno Tri Sulistiyono)[44].

Вместо заключения

Таким образом, орден «За заслуги в области культуры» получили, по имеющимся данным, не менее сорока четырех человек. Судя по открытым источникам, данная награда пока не поступала на аукционы, что дает основание считать этот орден достаточно редким. Трудно сказать, насколько он способствует укреплению идеологии «панча сила» и мобилизации деятелей культуры: скорее всего он подчеркивает признание заслуг некоторых из них на государственном уровне, показывая восприятие кавалеров высшей индонезийской бюрократией. На это указывает и значительное число посмертных вручений награды: из сорока четырех четырнадцать, то есть почти треть. В таких случаях награждение становится способом, с одной стороны, увековечить память выдающихся деятелей прошлого, подчеркнуть их роль в развитии индонезийской культуры, а с другой — привлечь на сторону правительства родственников награжденных, которым награда передается фактически.

Как бы то ни было, индонезийский орден «За заслуги в области культуры» остается одним из самых редких в стране, уступая только недавно учрежденным орденам Человечности и Борца за демократию (Bintang Kemanusiaan и Bintang Penegak Demokrasi) [Захаров, 2020d], а также просуществовавшему очень недолго ордену Гаруды (Bintang Garuda, 1959–1972 [45]) [Захаров, 2020e].

Kebudayaan Direktorat Jenderal Kebudayaan. 27.09.2016. URL: https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/ditwdb/penerima-kelas-bintang-budaya-parama-dharma/ (дата обращения 05.02.2021).

[41] Mangkunegara VII. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Mangkunegara_VII_(дата обращения 05.02.2021).

[42] Saiful Guci. Mimpi Mohammad Sjafei Residen Pertama Sumatera Barat. *CilotehTampaSuara.com*. URL: http://cilotehtanpasuara.com/blog/mimpi-mohammad-sjafei-residen-pertama-sumatera-barat/; Muhammad Isnaini. Moehammad Sjafei (Pemikiran dan Praktik Pendidikan tentang Ruang Pendidik INS Kayutanam). 11.05.2007. URL: https://sumsel.kemenag.go.id/files/sumsel/file/dokumen/PemikiranPendidikanSyafei.pdf (дата обращения 18.02.2021).

[43] Siti Baroroh Baried. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Siti_Baroroh_Baried (дата обращения 18.02.2021).

[44] Presiden Jokowi Anugerahkan Tanda Kehormatan Bagi 29 Tokoh. *InsidePontianak.com*. 15.08.2019. URL: https://insidepontianak.com/2019/08/15/presiden-jokowi-anugerahkan-tanda-kehormatan-bagi-29-tokoh/ (дата обращения 05.02.2021); Karaeng Pattingalloang Terima Bintang Budaya Parama Dharma. *MediaRiau.com*. 18.08.2019. URL: https://www.mediariau.com/berita/karaeng-pattingalloang-terima-bintang-budaya-parama-dharma (дата обращения 05.02.2021).

[45] Имеющиеся сведения о награждении орденом Гаруды летчиков захваченного террористами самолета «Гаруда-Индонезия», рейс 206, в 1981 г., не могут считаться вполне достоверными: в перечне

Литература / References

Болдырева М.А. *Творчество индонезийских поэтов XX века Амира Хамзаха и Хэйрила Анвара*. М., 1976 [Boldyreva M.A. *Works of Indonesian poets Amir Hamzah and Chairil Anwar*. Moscow, 1976 (in Russian)].

Захаров А. О. К истории формирования наградной системы Индонезии: Партизанская звезда и кампанейские медали. *Нумізматика і фалеристика. Довідково-інформаційний журнал*. 2019. № 2 (90). Квітень–червень. С. 31–39 [Zakharov A. O. On the History of Indonesian Decoration System: Guerilla Star and Campaign Medals. *Numizmatika i Faleristika. International Coin Trend Magazine*. 2019. 2 (90). Pp. 31–39 (in Russian)].

Захаров А. О. Звезда Республики Индонезии — к истории ордена. *Восточный курьер*. 2020a. № 3–4. С. 311–326 [Zakharov A. O. Bintang Republik Indonesia — The Star of the Republic of Indonesia. *Oriental Courier*. 2020a. 3–4. Pp. 311–326 (in Russian)].

Захаров А. О. Священная звезда — военный орден Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020b. № 3. С. 217–228 [Zakharov A. O. The Military Award of Indonesia Bintang Sakti — The Sacred Star. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020b. 3. Pp. 217–228 (in Russian)].

Захаров А. О. Медали Индонезии за Западный Ириан. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020c. № 1. С. 170–177 [Zakharov A. O. The Medals of Indonesia for West Irian Campaigns. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020c. 1. Pp. 170–177 (in Russian)].

Захаров А. О. Новые ордена Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020d. № 4. С. 192–200 [Zakharov A. O. New Orders of Indonesia — Bintang Kemanusiaan and Bintang Penegak Demokrasi. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 4. Pp. 192–200 (in Russian)].

Захаров А. О. Bintang Jasa – индонезийский орден «За заслуги». *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020e. Т. III, № 3 (48). С. 230–241 [Zakharov A. O. Bintang Jasa — The Indonesian Star of Service. *Yugo-Vostochnaya Azia: Aktualnye Problemy Razvitiia*. 2020e. III. 3 (48). Pp. 230–241 (in Russian)].

Захаров А. О. Индонезийский орден «Великий Сын Родины» и Юрий Гагарин. *Военно-исторический журнал*. 2021. № 4. С. 86–92 [Zakharov A. O. The Indonesian Star of Mahaputera and Yuri Gagarin. *Voenno-istorichesky zhurnal*. 2021. 4. Pp. 86–92 (in Russian)].

Оглоблин А. К. П. А. Тур — художник и мыслитель (история Индонезии как путь к духовной свободе). *Вестник Ленинградского университета*. 1996. № 2. С. 77–93 [Ogloblin A. K. P. A. Turas a Painter and Thinker (History of Indonesia as a Way to Spiritual Freedom). *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 1996. 2. Pp. 77–93 (in Russian)].

Парникель Б. Б. Александр Блок и Хайрил Анвар. *Народы Азии и Африки*. 1965. № 4. С. 134–137 [Parnikel B. B. Alexander Blok and Hairil Anvar. *Narody Azii i Afriki*. 1965. 4. Pp. 134–137 (in Russian)].

Парникель Б. Б. Роман, сочиненный на острове Буру. *Иностранная литература*. 1981. № 8. С. 260–261 [Parnikel B. B. A Novel Composed on the Island of Buru. *Inostrannaia Literatura*. 1981. 8. Pp. 260–261 (in Russian)].

Погадаев В. А. *Малайский мир (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур). Лингвострановедческий словарь*. М., 2012 [Pogadaev V. A. *Malay World (Brunei, Indonesia, Malaysia, Singapore): Lingua-Cultural Dictionary*. Moscow, 2012 (in Russian)].

действующих наград с 1972 г. орден Гаруды отсутствует; см. Закон № 4 от 9 ноября 1972 г. «О дополнительных поправках и положениях относительно наград Республики Индонезии — звезд (орденов) и о порядке старшинства наград — орденов (звезд) Республики Индонезии». Perubahan dan Tambahan Ketentuan Mengenai Beberapa Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia Yang Berbentuk Bintang dan Tentang Urutan Derajat/Tingkat Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia yang Berbentuk Bintang. *Database Peraturan* [JDIH BPK RI]. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/47551 (дата обращения 14.11.2020).

Погадаев В. А. Тауфик Исмаил — защитник бедных и угнетенных. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 12 (677). С. 73–74 [Pogadaev V. A. Taufiq Ismail: Advocate of the Poor and Oppressed. *Asia and Africa today*. 2013. 12 (677). Pp. 73–74 (in Russian)].

Тауфик Исмаил. *Рандеву. Избранные стихи*. Составление и перевод Виктора Погадаева. М., 2004 [Taufiq Ismail. *Rendezvous: Selected Verses*. Compiled and translated by Victor Pogadaev. Moscow, 2004 (in Russian)].

Тур Прамудья Ананта. *Мир человеческий*. Роман. Пер. с индонез. Е. Руденко; предисл. Вил. Сикорского. М., 1986 [Pramoedya Ananta Toer. *Bumi Manusia* (Jakarta: Hasta Mitra, 1980); bagian pertama Tetralogi Buru, dilarang Jaksa Agung, 1981; English translation – *This Earth of Mankind*; first part of the *Buru Quartet*, Ringwood, Victoria, Australia; New York, N.Y.: Penguin Books, 1981].

Тюрин В. А. *История Индонезии*. М., 2004 [Tiurin V. A. *A History of Indonesia*. Moscow, 2004 (in Russian)].

Цыганов В. А. *История Индонезии. Учебник*. Ч. 2. М., 1993 [Tsyganov V. A. *History of Indonesia: A Textbook*: Pt. 2. Moscow, 1993 (in Russian)].

Bakri Tianlean. *A. H. Nasution pada Masa Orde Baru*. Bandung, 1997.

Bambang Siswoyo P. *Sekitar Petisi 50, 61, 360 CV*. Solo, 1983.

Bastomi S. *Karya budaya Kanjeng Gusti Pangeran Adipati Aryo Mangkunegara I–VIII*. Semarang, 1996.

Hafnita Sari Dewi Lubis M. Si Regina Siburian. Pemikiran Liberty Manik Terhadap Semangat Nasionalisme. *Puteri Hijau*. 2019. 4.1. Pp. 100–115.

Mularsih Sri. *Peranan K.R.T. Djajadipura didalam Bidang Kesenian Chususnja Seni Tari Djawa Jogjakarta*. Diploma thesis, Institut Seni Indonesia. Yogyakarta, 1971.

Soekmono R. *Pengantar sejarah kebudayaan Indonesia*. Vols. 1–3. Yogyakarta, 1973.

Soekmono R. *The Javanese Candi: function and meaning*. Leiden, 1995.

Zoetmulder P. J. *Old Javanese-English Dictionary*. Parts 1–2. Hague, 1982.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Гесанг. *Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B3 (дата обращения 11.02.2021).

Abdullah Totong Mahmud. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Abdullah_Totong_Mahmud (дата обращения 11.02.2021).

Ali Akbar Navis. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ali_Akbar_Navis (дата обращения 11.02.2021).

Amir Pasaribu. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Amir_Pasaribu (дата обращения 11.02.2021).

Andhika Bhayangkari — Instrumental Lagu Nasional Indonesia. Lagu Nasional Indonesia. 28.09.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-KrME-lvMz4 (дата обращения 11.02.2021).

Benyamin Sueb. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Benyamin_Sueb (дата обращения 11.02.2021).

Bintang Budaya Parama Dharma. *Wikipedia*. URL: https://jv.wikipedia.org/wiki/Bintang_Budaya_Parama_Dharma#/media/Barkas:Lintang_Budaya_Parama_Dharma.gif (дата обращения 26.02.2021).

Christine Hakim. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Christine_Hakim (дата обращения 11.02.2021).

D. Djajakusuma. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/D._Djajakusuma (дата обращения 11.02.2021).

Edhi Sunarso. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Edhi_Sunarso (дата обращения 11.02.2021).

Fabiola Desy Unidjaja. Megawati awards posthumously Hero title to Gorontalo figure. *The Jakarta Post*. 08.11.2003. URL: https://www.webcitation.org/69hhQreeq?url=http://www.thejakartapost.com/news/2003/11/08/megawati-awards-posthumously-hero-title-gorontalo-figure.html (дата обращения 11.02.2021).

Fifi Young. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Fifi_Young (дата обращения 11.02.2021).

Gesang, Ibu Sud (Bintang Soedibyo), almarhum Pak Kasur (Suryono) dan Ng. Sandiyah Suryono menerima anugerah Bintang Budaya Parama Dharma dari Presiden Soeharto diserahkan oleh mendikbud Fuad Hasan. *Tempo.co*. 7.11.1992. URL: https://majalah.tempo.co/read/album/8996/gesang-ibu-sud-bintang-soedibyo-almarhum-pak-kasur-suryono-dan-ny-sandiyah-suryono-menerima-anugerah-bintang-budaya-parama-dharma-dari-presiden-soeharto-diserahkan-oleh-mendikbud-fuad-hasan (дата обращения 18.02.2021).

I Gusti Bagus Sugriwa, Bapak Peradaban Hindu. *Dinas Kebudayaan Pemerintah Kebupaten Buleleng*. 20.01.2021 (дата обращения 11.02.2021).

Karaeng Pattingalloang Terima Bintang Budaya Parama Dharma. *MediaRiau.com*. 18.08.2019. URL: https://www.mediariau.com/berita/karaeng-pattingalloang-terima-bintang-budaya-parama-dharma (дата обращения 05.02.2021).

Ki Empu Djeno Harumbrodjo. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Ki_Empu_Djeno_Harumbrodjo (дата обращения 18.02.2021).

Liberty Manik. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Liberty_Manik (дата обращения 18.02.2021).

Mangkunegara VII. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Mangkunegara_VII (дата обращения 05.02.2021).

Martha Tilaar Group Official Website. URL: https://www.marthatilaargroup.com/ (дата обращения 05.02.2021).

Mohammad Wildan. Penerima Kelas Bintang Budaya Parama Dharma Tahun 2016. *Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Direktorat Jenderal Kebudayaan*. 27.09.2016. URL: https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/ditwdb/penerima-kelas-bintang-budaya-parama-dharma/ (дата обращения 05.02.2021).

Muhammad Isnaini. Moehammad Sjafei (Pemikiran dan Praktik Pendidikan tentang Ruang Pendidik INS Kayutanam). 11.05.2007. URL: https://sumsel.kemenag.go.id/files/sumsel/file/dokumen/PemikiranPendidikanSyafei.pdf (дата обращения 18.02.2021).

Museum Kepresidenan RI Balai Kirti. Koleksi Presiden Megawati Soekarnoputri. *Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Direktorat Jenderal Kebudayaan*. 03.12.2019. URL: https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/muspres/koleksi-presiden-megawati-soekarnoputri-5/ (дата обращения 18.02.2021).

Museum Kepresidenan RI Balai Kirti. Koleksi Presiden Soeharto. *Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Direktorat Jenderal Kebudayaan*. 24.10.2018. https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/muspres/koleksi-presiden-soeharto-12/ (дата обращения 05.02.2021).

Novy Lumanauw. Dianugerahi Bintang Budaya Parama Dharma, Martha Tilaar: Saya Kaget. *BeritaSatu.com*. 15.08.2016. URL: https://www.beritasatu.com/nasional/379955/dianugerahi-bintang-budaya-parama-dharma-martha-tilaar-saya-kaget (дата обращения 05.02.2021).

Pak Kasur. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Pak_Kasur (дата обращения 18.02.2021).

Peraturan Pemerintah No. 12 Tahun 1986 tentang Pelaksanaan Undang-Undang Nomor 10 Tahun 1980 Tentang Tanda Kehormatan Bintang Budaya Parama Dharma. *Database Peraturan* [JDIH BPK RI]. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/64370/pp-no-12-tahun-1986#:~:text=PP%20No.%2012%20Tahun%201986,Parama%20Dharma%20%5BJDIH%20BPK%20RI%5D (дата обращения 26.02.2021).

Perubahan dan Tambahan Ketentuan Mengenai Beberapa Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia Yang Berbentuk Bintang dan Tentang Urutan Derajat/Tingkat Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia yang Berbentuk Bintang. *Database Peraturan* [JDIH BPK RI]. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/47551 (дата обращения 14.11.2020).

Presiden Jokowi Anugerahkan Tanda Kehormatan Bagi 29 Tokoh. *InsidePontianak.com*. 15.08.2019. URL: https://insidepontianak.com/2019/08/15/presiden-jokowi-anugerahkan-tanda-kehormatan-bagi-29-tokoh/ (дата обращения 05.02.2021).

Presiden Jokowi Sematkan Tanda Kehormatan Bintang Budaya Parama Dharma Kepada Taufiq Ismail. *Himpunan Alumni IPB (Institut Pertanian Bogor)*. 19.08.2016. URL: http://haipb.ipb.ac.id/alumni/presiden-jokowi-sematkan-tanda-kehormatan-bintang-budaya-parama-dharma-kepada-taufiq-ismail (дата обращения 05.02.2021).

Prof Dr Mattulada, Berani Hentikan Mobil Menteri untuk Desak Unhas Didirikan. *Identitas Unhas*. 23.11.2017. URL: https://identitasunhas.com/prof-dr-mattulada-berani-hentikan-mobil-menteri-untuk-desak-unhas-didirikan/ (дата обращения 05.02.2021).

Profil: Drs. Teuku Abdullah, SH., MA alias T. A. Sakti. Bek Tuwo Busaya. *Tambeh.WordPress.com*. 6.07.2018. URL: https://tambeh.wordpress.com/2018/07/10/profil-drs-teuku-abdullahsh-ma-alias-t-a-sakti/ (дата обращения 18.02.2021).

Sardono Waluyo Kusumo. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Sardono_Waluyo_Kusumo (дата обращения 11.02.2021).

Saiful Guci. Mimpi Mohammad Sjafei Residen Pertama Sumatera Barat. CilotehTampaSuara.com. URL: http://cilotehtanpasuara.com/blog/mimpi-mohammad-sjafei-residen-pertama-sumatera-barat/ (дата обращения 18.02.2021).

Sandiwara Sunda Miss Tjitjih. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Sandiwara_Sunda_Miss_Tjitjih (дата обращения 18.02.2021).

Saridjah Niung. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Saridjah_Niung (дата обращения 11.02.2021).

Soeharto: Masa Bakti 1966–1998. *Penghargaan. Kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id*. URL: https://kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id/award/?box=detail&id=41&from_box=list&hlm=3&search_ruas=&search_keyword=&activation_status=&presiden_id=2&presiden=suharto (дата обращения 18.02.2021).

Soeharto. Masa Bakti 1966–1998. Koleksi Citra. Penyematan Bintang Budaya Parama Dharma Kepada Ibu Tien Soeharto di TMII. *Kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id*. URL: https://kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id/photo/?box=detail&id=32&from_box=list_245&hlm=1&search_tag=&search_keyword=&activation_status=&presiden_id=2&presiden=suharto; https://kepustakaan-presiden.perpusnas.go.id/uploaded_files/jpg/photo/normal/suharto_gma_0011.jpg (дата обращения 05.02.2021).

Soekmono. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Soekmono (дата обращения 18.02.2021).

Siti Baroroh Baried. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Siti_Baroroh_Baried (дата обращения 18.02.2021).

Tan Tjeng Bok. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Tan_Tjeng_Bok (дата обращения 18.02.2021).

Undang-undang Darurat No. 4 Tahun 1959 Ketentuan-Ketentuan Umum Mengenai Tanda-Tanda Kehormatan. *Database Peraturan*. URL: https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/51670/uudrt-no-4-tahun-1959 (дата обращения 26.02.2021).

Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 10 Tahun 1980 Tentang Tanda Kehormatan Bintang Budaya Parama Dharma. *Lembaran Negara Republik Indonesia*. № 45. 1980. *Ngada.org*. URL: https://ngada.org/uu10-1980.htm (дата обращения 23.02.2021).

Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2009 Tentang Gelar, Tanda Jasa, dan Tanda Kehormatan. URL: https://pih.kemlu.go.id/files/UU%2020%202009.pdf (дата обращения 22.10.2020).

7 Pencipta Lagu-Lagu Nasional Indonesia. *Kapanlagi.com*. 14.08.2014. URL: https://musik.kapanlagi.com/berita/7-pencipta-lagu-lagu-nasional-indonesia-d0dcb9-6.html (дата обращения 18.02.2021).

10 Budayawan Terima Bintang Jasa. *Tempo.co*. 7.11.2003. URL: https://nasional.tempo.co/read/28488/10-budayawan-terima-bintang-jasa (дата обращения 18.02.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-177-195

О:ТА ГЮ:ИТИ. «ЗАПИСИ О КНЯЗЕ НОБУНАГА». СВИТОК XIII (ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ). ЧАСТЬ I

© 2021

С. А. Полхов*

В публикации представлен первый комментированный перевод на русский язык свитка XIII «Записей о князе Нобунага» («Синтё:-ко: ки»), хроники, написанной в Японии на рубеже XVI–XVII вв. О:та Гю:ити, вассалом Ода Нобунага. В данном фрагменте хроники рассказывается о завершении осады замка Мики в провинции Харима, а также о самоубийстве его владетеля Бэссё Нагахару и его родственников. Сообщение хроники о пощаде Хасиба Хидэёси, полководцем Нобунага, гарнизона Мики после его капитуляции расходится с данными некоторых документальных источников о поголовном истреблении защитников замка после его сдачи по приказу Хидэёси. Кроме того, описывается визит посланцев даймё Хо:дзё: Удзимаса в Киото, в результате которого Удзинао, старший сын Удзимаса, был помолвлен с одной из дочерей Нобунага. Согласно хронике Удзимаса, «передал» «восемь провинций» области Канто: Нобунага, и тем самым признал его верховную власть. В этой части свитка XIII также повествуется о заключении мирного договора между Нобунага и Кэннё верховным настоятелем храма Хонгандзи в Одзака. После падения замков Ариока и Мики, а также перехода даймё Укита Наоиэ на сторону Нобунага, Кэннё и его окружение вынуждены были принять условия, выдвинутые Нобунага. Переговоры велись при посредничестве императора О:гимати. Главным условием соглашения стал уход из Одзака верховного настоятеля и его приверженцев и передача крепости Нобунага (7-я луна 8-го года Тэнсё:). Согласно «Синтё:-ко: ки», несмотря на прекращение активных военных действий близ Одзака, продолжалась борьба между полководцами Нобунага и сторонниками Хонгандзи в провинциях, в частности, в провинции Кага.

Ключевые слова: средневековая Япония, «Синтё:-ко: ки», О:та Гю:ити, Ода Нобунага, Бэссё Нагахару, Хонгандзи, Хо:дзё:.

Для цитирования: Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток XIII (перевод и комментарии). Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 177–195. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-177-195

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4705-7488

O͞TA GYŪICHI. «SHINCHO͞-KO͞ KI». BOOK XIII (RUSSIAN TRANSLATION WITH COMMENTS). PART I

Svyatoslav A. Polkhov

The publication presents the first commented Russian translation of the book XIII of «Shincho͞-ko͞ ki», a chronicle written in Japan at the turn of the 16th–17th centuries by O͞ta Gyūichi, vassal of Oda Nobunaga. This fragment of the chronicle retells the end of the siege of Miki castle in the province of Harima, as well as the suicide of its lord Bessho Nagaharu and his relatives. Information, given by this historical source about the mercy of Hashiba Hideyoshi, the commander of Nobunaga, towards the garrison of Miki after its surrender, is not confirmed by some documentary evidence according to which there took place total extermination of the castle defenders by Hideyoshi. In addition, the visit of the emissaries of daimyo Ho͞jo͞ Ujimasa to Kyoto is described; as a result Ujinao, Ujimasa's eldest son, was engaged to one of Nobunaga's daughters. According to *Shincho͞-ko͞ ki*, Ujimasa "transferred" the "eight provinces" of Kanto͞ region to Nobunaga, and thereby recognized his supreme power. This part of book XIII also narrates the conclusion of a peace treaty between Nobunaga and Kennyo, the supreme priest of the Honganji Temple in Ozaka. After the fall of Arioka and Miki castles, as well as after the transition of daimyo Ukita Naoie to Nobunaga's side, Kennyo and his entourage were forced to accept the conditions put forward by Nobunaga. Negotiations were conducted through the mediation of Emperor O͞gimati. The main condition of the agreement was the departure of the supreme priest and his followers from Ozaka and the transfer of the fortress to Nobunaga on the 7th month of the 8th year of Tensho͞. According to *Shincho͞-ko͞ ki*, despite the cessation of active hostilities near Ozaka, struggle between the Nobunaga commanders and Honganji's supporters in the provinces continued, in particular, in the Kaga province.

Keywords: medieval Japan, «Shincho͞-ko͞ ki», O͞ta Gyūichi, Oda Nobunaga, Bessho Nagaharu, Honganji, Ho͞jo͞.

For citation: Polkhov S. A. O͞ta Gyūichi. «Shincho͞-ko͞ ki». Book XIII (Russian Translation with Comments). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 177–195. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-177-195

СВИТОК XIII[1]

Сложил это О:та Идзуми-но ками

8-й год [девиза правления] Тэнсё:, дракона и старшего брата металла[2]:

1. О падении [замка] Мики в провинции Харима;
2. О Мухэн;
3. О том, как [в] Одзака согласились отступить и [выдали] клятвенную грамоту;
4. О том, как Сибата полностью покорил две провинции Кага и Ното;
5. О покорении храмового города Ага;
6. Об уходе прежнего верховного настоятеля из Одзака;

[1] При переводе за основу взят отрывок свитка XIII «Записей о князе Нобунага» списка Ё:мэй бунко, опубликованного издательством Кадокава [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 306–319]. Во время работы автор обращался и к аналогичным фрагментам из рукописи Матида, близкой к списку Ё:мэй [Синтё:-ко: ки, 1921, с. 184–192].

[2] Соответствует временному промежутку с 17 января 1580 г. по 3 февраля 1581 г. по юлианскому календарю.

7. О строительстве [по воле его милости] святилища Хатиман;
8. О том, как Хасиба отправился в провинции Инаба и Хо:ки;
9. Об отступлении из Одзака;
10. Об осмотре [его милостью] моста в Удзи;
11. О Сакума, Хаяси Садо, Нива Укон, Ига Ига-но ками;
12. Об умерщвлении именитых [предводителей] *икки* в провинции Кага;
13. Об осаде Иэясу [замка] Такатэндзин в провинции То:то:ми.

Первая луна, первый день. Весь день шел снег. В связи с тем что в последние годы все [военачальники], не щадя себя, несли гарнизонную службу [3] в районе провинции Сэтцу, прошлой зимой [своим] приказом [князь Нобунага] освободил [их от обязанности] поздравлять [его] с Новым годом, [и они] не предстали [в Адзути].

(1). Первая луна, 6-й день. В районе Мики в провинции Харима Хасиба Тикудзэн-но ками захватил крепость Мияноуэ [4], где укрепился Бэссё Хико-но Син, приблизив все отряды вплотную [к врагу]. Бэссё Хико-но Син, не вступая в сражение, отошел в главную цитадель, объединившись с Бэссё Косабуро:[5].

Первая луна, 11-й день. Хасиба Тикудзэн, благоволив осмотреться из [крепости] Мияноуэ, переместил войско к подножию [форта] Таканооояма, замка-резиденции Бэссё Ямасиро[6]. Решив, что устоять [не удастся], Ямасиро также отошел в главную цитадель. Когда, воспользовавшись [отступлением противника], все воины [Хасиба собирались] ворваться [туда], из главной цитадели вышли стойкие самураи и оборонялись. [Тогда Хасиба стал] один за другим посылать в бой отряды, [находившиеся] позади[7], [и его силы] ворвались [в замок]. В этот момент [враги] из главной цитадели пустили огонь и спалили [часть замка][8].

---

[3] Гарнизонная служба — *дзайбан* (在番), в разных фортах в провинции Сэтцу, где продолжалась война с Одзака Хонгандзи и Араки Мурасигэ.

[4] Если верить «Тэнсё: ки» («Записям о годах Тэнсё») О:мура Ю:ко, уроженца провинции Харима и приближенного Тоётоми Хидэёси (Хасиба Тикудзэн-но ками Хидэёси), форт Мияноуэ был захвачен благодаря «хитрой уловке» (調略), то есть переходу на сторону Хидэёси его защитников [Тэнсё: ки, 1965, с. 18]. Согласно письму самого Хидэёси в 6-й день 1-й луны был взят не только Мияноуэ (Мияяма), один из фортов замка Мики, но также и призамковый город (*со:мё:* 惣町), который по-видимому был защищен укреплениями, так как Хидэёси упоминает при этом о захвате семи дозорных башен (*ягура* やぐら) (письмо от 14/1/ Тэнсё: 8) [Тоётоми, 2015, № 211, с. 70]. Согласно «Бэссё Нагахару ки» («Записям о Бэссё Нагахару») Хидэёси из Мияноуэ осмотрел главную цитадель замка Мики и понял, что «военные силы» Мики исчерпаны [Бэссё, 1987, с. 347].

[5] Бэссё Косабуро: — Бэссё Нагахару, владетель замка Мики. Бэссё Хико-но Син — Бэссё Томоюки, младший брат Нагахару.

[6] Возможно, О:та Гю:ити допустил неточность. Из письма Хидэёси следует, что форт Таканооояма был резиденцией не Бэссё Ёситика (Бэссё Ямасиро), дяди Нагахару, а принадлежал Бэссё Томоюки (Бэссё Хико-но син), младшему брату Нагахару [Тоётоми, 2015, № 211, с. 70]. В «Бэссё Нагахару ки» и «Тэнсё: ки» указывается, что Ёситика жил в «новом замке» (新城), также занятом армией Хидэёси [Бэссё, 1987, с. 348; Тэнсё: ки, 1965, с. 18].

[7] *Ко:дзин* (後陣), располагающиеся позади, в тылу отряды.

[8] Из данного фрагмента неясно, куда именно удалось ворваться воинам Хидэёси и какая часть замка Мики была сожжена.

Первая луна, 15-й день. Бэссё Магоэмон[9], *ёрики* Хасиба, призвал [к себе] из замка человека по имени Кобаяси Ёсодзаэмон, и послал [через него] письмо троим — Косабуро:, Ямасиро и Хико-но син, передав: досадно будет, коли сгинете подобно Араки из Сэтцу и Хатано из Тамба, и [подвергнетесь] осмеянию в грядущие времена; подобает вам достойно взрезать [свои] животы. «[Мы] трое взрежем животы, посему соизвольте пощадить всех остальных воинов», — передали [они] неотступную мольбу через посланца Комори. В письме говорилось: «Ныне [почтительно] обращаемся с нижеследующей [просьбой]. С позапрошлого года враждуя [с вами], [мы] были повержены, и истинным [нашим] чаянием было почтительно оправдаться, но неожиданно все [люди] из ближнего круга[10] переменили замыслы, и потому ничего [уже] не поделать. Однако было бы прискорбно, коли все до единого будут убиты те, [кто] доныне, не жалея себя, преданно служил. Если из сострадания соизволите [их] пощадить, мы втроем порешили — взрежем животы. Нижайше просим без искажений доложить об этом. С глубоким почтением[11].

Первая луна, 15-й день
Бэссё Хико-но Син Томоюки
Бэссё Ямасиро Ёситика
Бэссё Косабуро: Нагахару

Господину Асано Яхё:э[12]
Господину Магоэмон

---

[9] Бэссё Сигэмунэ, еще один дядя Бэссё Нагахару, не поддержавший племянника, выступившего против Нобунага во 2-й луне 6-го года Тэнсё: (1578 г.).

[10] Ближнего круга — *утива* (内輪), в данном случае «родственники», «семья», т. е. по-видимому главнейшие представители рода Бэссё, либо группа виднейших вассалов, в которую они также входили.

[11] Текст этого письма приведен и в «Тэнсё: ки» [Тэнсё: ки, 1965, с. 18]. Бэссё Нагахару и его родственники подняли мятеж против Нобунага в 1578 г. и капитулировали после почти двухлетнего сопротивления. Среди союзников Бэссё были дом Мо:ри, Одзака Хонгандзи, Араки Мурасигэ. Замок Мики был окружен сетью мощных крепостей, что затрудняло его осаду. В 7-й луне 6-го года Тэнсё: (1578 г.) Ода Нобутада и другим полководцам Нобунага удалось взять крепости Канки и Сиката, преграждавшие путь к замку Мики [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 248]. После этого Хасиба Хидэёси приступил к планомерной осаде твердыни Бэссё, состоявшей из ряда взаимосвязанных цитаделей, рассчитывая взять ее измором. В конце концов он установил практически полную блокаду Мики. Замок был окружен выстроенными по приказу Хидэёси фортами, защищенными двумя рядами глинобитных стен, между которыми были навалены камни, а также осадными башнями. Перед этими укреплениями поставили засеку из наклоненных вперед и связанных вместе колючих веток с заостренным верхом (*сакамоги*; 逆茂木) и палисад (*саку*; 柵), а на речном берегу вбили в разных местах колья (*рангуй*; 乱杭) и натянули толстые веревки, а также притащили большие валуны. На мостах установили посты. За фортами один за другим расположились походные лагеря отрядов Хидэёси. На перекрестках дорог соорудили ворота, зажгли сигнальные костры. Шесть отрядов из самураев, приближенных Хидэёси (*киндзю:* 近習), днем и ночью поочередно несли дозор [Бэссё, 1987, с. 347]. В замке подошли к концу запасы провианта, люди стали умирать от голода. Вначале ели рисовые высевки и корм для лошадей, затем — коров, лошадей и собак, и наконец — человеческое мясо [Тэнсё: ки, 1965, с. 17]. Таким образом, осажденные обессилели, а падение главной цитадели замка было лишь вопросом времени, что побудило Бэссё Нагахару, а также его брата и дядю направить Хидэёси такое послание.

[12] Асано Яхё:э — Асано Нагамаса (1547–1611), вассал Хасиба Хидэёси, один из известных полководцев периода Адзути — Момояма.

Когда доложили о содержании [этого письма], Хасиба Тикудзэн был восхищен, ответил, что пощадит всех [остальных] воинов и отправил два-три бочонка сакэ в замок. Бэссё [Косабуро:], довольный [ответом], позвал жену и сына, братьев, и всех старейшин дома. [Он] сказал [всем] и даже жене и сыну, что в 17-й день первой луны взрежет живот. Обменявшись чарками сакэ, [они] распрощались в этой жизни [друг с другом]. Надо ли говорить, как же [все это] было печально. Меж тем, когда от [Бэссё] Косабуро: передали [Бэссё] Ямасиро, что взрезать живот предстоит в 17-й день в час обезьяны, Ямасиро, как говорят, решил: «Коли взрежу живот, непременно заберут голову, [провезут] по [большим] дорогам и доставят в Адзути. А случится такое, досадно, коли [станут меня] поносить в столице и в провинции. Потому, пущу огонь в замке, и сгинув в огне, схороню [свои] кости». Увидев, что [он] поджег дом, воины кинулись [на него] и умертвили Ямасиро[13].

Первая луна, 17-й день, час обезьяны. Бэссё Косабуро: посадил на колени [свое] трехлетнее дитя, и, сдерживая слезы, заколол [его]. Затем [он] привлек к себе жену и умертвил на том же месте. Бэссё Хико-но син так же заколол [свою] жену. Зрелище [лежавших в беспорядке] словно разбросанные гадательные палочки мертвых тел было нестерпимо для глаз. После того братья Бэссё, взявшись за руки, вышли на веранду [дома]. Заняв место рядом [друг с другом] и сев надлежащим образом, созвали всех [своих людей]. «Ныне в осажденном замке закончились [запасы] продовольствия, [а вы] едите коров и лошадей, [но неусыпно] стережете главные входы и выходы, [полны] решимости до конца защищать осажденный замок — подвиги, неслыханные в прежние времена. Не передать словами, сколь великими благодеяниями [я вам обязан]. Итак, я умру и спасу всех воинов. И не может быть [для меня] большей радости», — обратившись так [к своим вассалам], [Бэссё] Косабуро: взрезал живот, и ступивший на путь Миякэ Хидзэн, помог совершить *сэппуку*, [обезглавив его]. Ступивший на путь сказал: «Хотя прежде многие удостоились высоких милостей [господина Бэссё], едва ли кто-то последует за ним. Напрасно родился я в доме старейшего вассала [дома Бэссё], [ведь мне] совсем не доводилось появляться на службе подле господина. Скажу, что на сердце: хотя [для меня это] незаслуженная [честь], последую [за господином]. Смотрите же на доблесть ступившего на путь Миякэ Хидзэн». Сказав [так], взрезал живот крест-накрест, вывалив наружу внутренности, и умер. Тут Хико-но Син созвал своих людей, служивших [ему] прежде, раздал в качестве прощальных даров [мечи] *тати*, [мечи] *катана*, [малые мечи] *вакидзаси*, одежду. Взяв *вакидзаси*, [которым его] старший брат Косабуро вспорол [себе] живот, Хико-но Син так же достойно взрезал живот. Косабуро: [было] 26, Хико-но Син — 25 лет, — [сколь же все это] прискорбно, [как же] прискорбно. Тут случилось [нечто] необычайно славное[14]. Жена Ямасиро была

[13] Похожий рассказ содержится в «Тэнсё: ки». Бэссё Ёситика будто бы сказал: подожжем замок, «все вместе обратимся в пламя и схороним кости». Узнав, что он собирается отступить от прежде данных обещаний, все воины бросились на Ёситика. Последний заперся на складе и собирался уже устроить пожар, когда его выволокли оттуда и обезглавили [Тэнсё: ки, 1965, с. 19]. Высказывается мнение, что сведения о гибели Ёситика вымышлены с целью опорочить его как ослушника, посмевшего воспротивиться воле Хидэёси. Сохранился источник более позднего времени, свидетельствующий, что будто бы он покончил с собой [Ватанабэ, 2016, с. 140]. Едва ли можно с этим согласиться: схожие истории о его смерти содержатся и в «Синтё:-ко: ки» и в «Тэнсё: ки», имеющих репутацию надежных источников.

[14] [Нечто] необычайно славное — *китай-но мэйё* (希代の名誉). Бином *мэйё* (名誉) имеет значения «славный», «знаменитый», но также может иметь и другой смысл — «странный», «удивительный».

дочерью Хатакэяма Со:сю:. Решившись покончить с собой, слева и справа [от себя она] усадила двух сыновей и дочь, не дрогнув, одного за другим [их] заколола, затем и себе перерезала горло, умерев рядом [с ними]. Деяние, неслыханное в прежние времена, [и сколь же] прискорбное[15].

После того люди из замка были пощажены[16]. Среди них один отрок[17] вышел, держа [длинные полоски бумаги] *тандзаку*[18]. Когда [их] забрали и осмотрели, оказалось, что это предсмертные стихи[19].

Косабуро:

Ныне злобы совсем
Во мне нет.
Как подумаю, что жизнь моя
Будет отдана вместо жизней
Всех людей.

Песнь жены Косабуро:

Отрадно мне,
Что вместе умрем.
Одни остаются,
Другие прежде уходят.
В этом мире так повелось.

---

[15] Описание *сэппуку* Бэссё Нагахару и Томоюки в «Синтё:-ко: ки» и «Тэнсё: ки» в значительной мере совпадает, практически идентичен и текст предсмертных стихотворений. Можно предположить, что одно из этих сочинений могло послужить источником для другого, или же их авторы почерпнули сведения из какого-то третьего источника.

[16] О пощаде гарнизона главной цитадели замка Мики говорится и в «Тэнсё: ки» и «Бэссё Нагахару ки» [Тэнсё: ки, 1965, с. 20; Бэссё, 1987, с. 352]. Однако не так давно были высказаны обоснованные сомнения в достоверности этого известия. В частности, в письме Укита Наоиэ, бывшего союзника дома Мо:ри, перешедшего на сторону Нобунага, говорится о том, что всех защитников Мики собрали в одном месте и умертвили. Сходная информация обнаруживается и в письме Кэннё, верховного настоятеля Хонгандзи. Оба свидетельства датированы тем же 8-м годом девиза правления Тэнсё: (1580 г.) [Ватанабэ, 2016, с. 140]. Наконец и в письма Хидэёси, посланном в 6-й луне того же года даймё Тё:сокабэ Мототика, сказано, что людям замка Мики в 17-й день 1-й луны всем до единого отрезали головы [Тоётоми, 2015, № 248, с. 80]. Если сведения о помиловании Хидэёси осажденных — не более чем красивый вымысел, значит О:та Гю:ити и О:мура Ю:ко могли сознательно исказить случившееся в своих сочинениях, чтобы не бросить тень на преемника Нобунага, которому они оба служили.

[17] Отрок — *косё:* (小姓). В конце эпохи Муромати и в период Адзути–Момояма название служилых людей, приближенных к особе даймё, выполнявших разнообразные его поручения и сопровождавших его во время выездов и на поле битвы (пешими или конными) [Сэкай дайхякка, 2007].

[18] *Тандзаку* (短冊) — продолговатый лист бумаги, на котором писали стихотворение на японском или китайском языке или рисовали изображение. Размеры *тандзаку*, как и сорт бумаги, из которой вырезались эти листки, варьировались в разные периоды японской истории. В настоящее время длина *тандзаку* составляет примерно 36,4 см, а ширина чуть более 6 см. Подробнее см.: Кандзаки Мицухару. Тандзаку. *Нихон дайхякка дзэнсё (Ниппоника)*. URL: https://kotobank.jp/word/%E7%9F%AD%E5%86%8A-563984 (дата обращения 20.03.2021).

[19] *Дзисэй* (辞世). Стихотворение, в котором автор, чувствовавший приближение конца или находившийся на пороге смерти, выражал свои чувства и мысли. См.: Дзимбо Кадзуя. Дзисэй. *Нихон дайхякка дзэнсё (Ниппоника)*. https://kotobank.jp/word/%E8%BE%9E%E4%B8%96-519854 (дата обращения 20.03.2021).

Хико-но Син

И жизни своей
Ничуть мне не жаль.
Думаю лишь об одном:
И в грядущих веках
Останется имя мое.

Жена Хико-но Син

Всегда уповала
на клятву,
И в жизнь другую
Нам птицами лететь,
Расправив рядом крылья[20].

Жена Ямасиро

И на пути к жизни другой
Не должна заблудиться.
Милых детей
ведя за собой, отправлюсь
К далеким небесам.

Ступивший на путь Миякэ Хидзэн

Коль господина не будет,
На что безотрадная жизнь?
Пусть даже
Останусь в мире, где
Жить дальше стоит.

Те [песни] вызывали скорбь, и верхи и низы безмерно горевали. Затем головы трех [братьев] Бэссё отослали в Адзути. Со всеми до единого, кто становился [его] врагом, [князь Нобунага] поступал по своей воле. Никак не соизмерить могущество и величие [его власти]. В конечном счете Хасиба Тикудзэн благодаря своему самоотверженному служению вот так соблаговолил сокрушить великого врага, и в ратной доблести и в хитрых уловках не превзойти честь лука и стрел[21], [что он обрел].

2-я луна, 21-й день. Князь Нобунага прибыл в столицу и изволил проследовать в Мё:какудзи.

2-я луна, 24-й день. [Князь Нобунага] целый день занимался соколиной охотой со своим белым соколом у Итидзё:дзи, Сюгакудзи и на [горе] Мацугасакияма, добыв много [дичи].

---

[20] Стихотворение содержит аллюзию на мифическую птицу с сомкнутыми крыльями *би-и-няо* (比翼鳥). В китайской мифологии это существо «в виде сдвоенной птицы или пары птиц… каждая из которых имеет один глаз, одно крыло и одну ногу и не способна летать без другой» [Титаренко, 2007, с. 377]. В китайской и японской литературе *би-и-няо* используется как метафора неразлучных супругов. Подробнее см.: [Титаренко, 2007, с. 377–379].

[21] Честь лука и стрел — *юмия-но мэмбоку* (弓矢の面目), то есть военную славу и доблесть Хидэёси.

2-я луна, 26-й день. Объявив о том, что переносит местопребывание в [храм] Хонно:дзи, [князь Нобунага] пожаловал [туда], отдал распоряжения Мураи Сюнтё:кэн касательно строительства[22].

2-я луна, 27-й день. [Князь Нобунага] изволил проследовать в Ямадзаки[23]. Здесь [он] приказал троим — Цуда Ситибё:э Нобудзуми, Сиокава Хо:ки, Корэдзуми Горо:дзаэмон — двинуться к Хё:го в район Ханакума и, выбрав подходящее место, обращенное к вражескому [замку] Ханакума, возвести прочную крепость, оставить там троих — Икэда Сёдзабуро и двух его сыновей[24] — и вернуться обратно.

2-я луна, 28-й день. Весь день шел дождь. [Князь Нобунага] остановился [на ночлег] в Ямадзаки. Пришел Ивамуро-но Бо: из [монастыря] Нэгородзи. Когда [он] приветствовал [князя Нобунага], [тот] пожаловал [ему] коня, а также [накидку] *до:буку*. Преисполнившись благодарности, [Ивамуро-но Бо:] возвратился обратно.

2-я луна, 29-й день и последний день. Два дня [князь Нобунага] охотился с белым соколом у Нисияма в Ямадзаки.

3-я луна, первый день. [Князь Нобунага] изволил проследовать в Ко:рияма[25], занимался соколиной охотой на пути через Тэндзин-но Бамба и О:да. Для заключения мира из государева дворца в Одзака посланцами его величества соблаговолили отправить господина Коноэ, господина Кансюдзи, господина Нивата. От князя Нобунага послали, присоединив [к ним] как [наблюдателей] *омэцукэ* Кунайкё:-но Хо:ин и Сакума Уэмон. На сей раз на соколиной охоте в Ко:рияма Като: Хикодзаэмон преподнес [князю Нобунага] светло-солового коня.

В 3-ю луну, 3-й день [князь Нобунага] изволил перенести местопребывание в замок Итами и осмотрел состояние [бывшего] замка-резиденции Араки Сэтцу-но ками. Когда после того [его милость] вознамерился обойти и осмотреть район Хё:го, [ему] сообщили, что возведение крепости уже закончено, и трое вышеупомянутых [вассалов] покинули [ее], и потому [в] 3-ю луну, 7-й день князь Нобунага возвратился из Итами в Ямадзаки. По пути [он] занимался соколиной охотой в Китаяма.

---

[22] Хонно:дзи — главный храм школы Лотоса (Хоккэ-сю:, школы Нитирэн). Известно, что Нобунага останавливался там в 1570 г. [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 112]. Впоследствии, прибывая в столицу, он часто жил в Мё:какудзи, другом монастыре школы Лотоса. В дневнике Ёсида Канэми, который постоянно встречался с Мураи Садакацу, де-факто «градоначальником» Киото, говорится, что «правый министр Нобунага» приказал Садакацу построить для него усадьбу в храме Хонно:дзи [Синтэй дзо:хо Канэми-кё: ки, 2014, 17/3/ Тэнсё: 8, с. 207]. В то же время в «Синтё:-ко: ки» в сообщении, датированном 20-м днем 2-й луны 9-го года Тэнсё: (1581 г.), говорится, что Нобунага «соблаговолил перенести местопребывание в Хонно:дзи» [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 339]. Можно согласиться с Каваути Масаёси, который считает, что к этому времени новая резиденция Нобунага в Хонно:дзи была построена. Исследователь справедливо полагает, что властитель Адзути использовал часть территории монастырского комплекса Хонно:дзи для сооружения усадьбы. Мё:какудзи, где прежде любил останавливаться Нобунага, стал использоваться в качестве резиденции его старшим сыном Нобутада [Каваути, 2018, с. 118, 119]. Во фрагменте свитка XV «Синтё:-ко: ки», где описывается мятеж Акэти Мицухидэ, упоминается дворец («палаты», *годэн;* 御殿) Нобунага, а также «конюшня [его милости]» (*оумая* 御厩) в Хонно:дзи [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 416]. Каваути, основываясь на донесениях иезуитов, предполагает, что во время пребывания Нобунага в своей резиденции в Хонно:дзи оттуда удалялись все монахи. В остальное время Хонно:дзи продолжал функционировать как храм [Каваути, 2018, с. 118].

[23] Современное поселение О:ямадзаки, уезд Отокуни префектуры Киото.

[24] Икэда Цунэоки (1536–1584). Двое его сыновей — Икэда Мотосукэ (1559–1584) и Икэда Тэрумаса (1564–1613).

[25] Современный город Ибараки префектуры Осака.

3-я луна, 8-й день. [Он] возвратился в Мё:какудзи в столице.

3-я луна, 9-й день. От Хо:дзё: Удзимаса доставили в столицу 13 соколов: ловцов гусей-гуменников[26]; ловцов соколов[27]; ловцов даурских журавлей[28]; был и [сокол], звавшийся Рандори[29]; коней — пять. [Дары эти] преподнесли [князю Нобунага] в столице в Хонно:дзи. Сокольник из Сагами привязал [соколов] к насесту. Посредником[30] тогда был Такигава Сакон.

3-я луна, 10-й день. Посланцы Удзимаса приветствовали [князя Нобунага]. Сакума Уэмон [преподнес] [большой] меч и доложил [князю Нобунага о перечне даров] из [сложенного пополам листа] *оригами*. Дары: лебеди[31] — 20; полоски сушеных *аваби*[32] — одна коробка; *аваби* — 300; сушеные трепанги[33] — одна коробка; сакэ Эгава[34] — две бочки и три вида [закусок]. Посланец от Удзимаса — Касахара Этидзэн-

---

[26] *Ко:дори* (鴻取) — соколы, приученные к охоте на гусей-гуменников (*хисикуи;* 鴻 или же 菱喰), также известных как восточносибирские тундровые изменники.

[27] *Цуруторн* (鶴取) — соколы, ловящие журавлей.

[28] *Манадзурудори* (真那鶴取) — соколы, ловящие даурских журавлей (*Grus vipio Pallas*). К особенностям внешнего вида даурских журавлей, имеющих темно-серое оперение, относят ноги розового или красноватого оттенка и широкие белые полосы на шее.

[29] *Рандори* (乱取) — возможный дословный перевод: «[сокол] ловящий любых птиц».

[30] *Готорицуги* (御取次).

[31] Лебеди — *хакутё:* (白鳥). Под *хакутё:* переводчики на английский и на современный японский обычно понимают лебедей, которые подавались как одно из блюд на пирах периода Сэнгоку [The Chronicle, 2011, p. 357; Сакагути, 2018, с. 286]. Однако Симояма Харухиса, исследователь истории дома Хо:дзё:, считает, что речь идет о бутылочках для сакэ, прозванных «лебедями» — *хакутё: догури* (白鳥徳利) из-за цвета, а также вытянутой формы и длинного горлышка (Симояма Харухиса. Ёкохама-но сэнгоку буси. Ода Нобунага-ни цукаисита Мамия Цунанобу. *Web-хан ю:рин.* № 519. 10.03.2012. URL: https://www.yurindo.co.jp/yurin/5831/2 (дата обращения 21.03.2021). Все же скорее всего *хакутё:* здесь — живые лебеди. Аналогичный пример относится к 7-й луне следующего 9-го года Тэнсё: (1581), когда от даймё Андо: Тикасуэ (1539–1587) с севера Японии в дар Нобунага были присланы ловчие птицы, а также три живых лебедя [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 359].

[32] *Носи* (熨計), то есть *носиаваби* 熨斗鮑 — высушенные моллюски морское ушко (*аваби*, лат. *Haliotis*), растянутые на тонких полосках. Подавались на стол во время застолий при императорском дворе, а позднее стали одним из излюбленных лакомств на пирах самураев. *Аваби* символизировали процветание, удачу и долголетие [Наливайко, 2017, с. 42]. Известно, что синоним *носиаваби* — слово *утиаваби* (打ち鮑). Между тем, именно *утиаваби* входили в перечень из трех блюд, обыкновенно вкушавшихся полководцем периода Сэнгоку перед выступлением в поход (вместе с чарками сакэ). Первыми надлежало отведать сушеных *аваби*, затем сушеных каштанов (*катигури;* 勝ち栗), напоследок — морскую капусту (*комбу;* 昆布). Исходя из значения иероглифов, образовывавших названия первых двух блюд, а также созвучия *комбу* глаголу *ёрокобу* (悦ぶ «радоваться») ритуал вкушения рассматривался как залог успеха на войне. Съев *утиаваби,* военачальник должен был ударить (*уцу* 打つ) по врагу, победить его (*кацу* 勝つ), после чего радоваться (*ёрокобу* 悦ぶ) своему триумфу [Овада, 2007, с. 180–181].

[33] Сушеные морские огурцы (голотурии).

[34] Эгава-сю (江川酒). Известная в то время и высоко ценившаяся марка сакэ, производимая в провинции Идзу, входившей в княжество Хо:дзё:. Даймё этого дома дарили его другим князьям: Юки Масакацу, Имагава Ёсимото, Уэсуги Кэнсин, Токугава Иэясу и др. Эгава — название местности близ замка Нираяма (современный город Идзунокуни, префектура Сидзуока), а также фамилия клана *дзидзамураи* (地侍), занимавшегося изготовлением Эгава-сю. Эгава Хидэмото начал делать этот сорт сакэ в годы Эйсё: (1504–1521) [Симояма, 2006, с. 109].

но ками[35]. Посланец [его] младшего брата Удзинао — Мамия Вакаса-но ками[36], помощник [посланца][37] — Хара Идзуми-но ками. Докладчик правителю[38] — Такигава Сакон-но Сё:гэн. Его помощник — Бокуан[39]. Посланцы, выслушавшие то, о чем доложили люди Канто: — Нии-но Хо:ин, Такигава Сакон, Сакума Уэмон. С помощью трех посланцев [князя Нобунага] условились о помолвке[40], [Хо:дзё:] передали восемь провинций Канто:[41] в высочайший удел[42]. Касахара Этидзэн-но ками приветствовал

---

[35] Касахара Ясуаки (?–?), приближенный даймё Хо:дзё: Удзимаса, управляющий (*бугё:* 奉行) замка Ивацуки в провинции Мусаси, входил в высший административно-судебный совет вассалов (*хё:дзё:сю:* 評定衆) замка Одавара. Неоднократно выполнял важные административные, политические и дипломатические поручения [Симояма, 2006, с. 199, 200].

[36] Мамия Цунанобу (?–?), вассал Хо:дзё: Удзитэру, владетеля замка Такияма в провинции Мусаси, приходившийся младшим братом Хо:дзё: Удзимаса [Симояма, 2006, с. 633–634]. О:та Гю:ити ошибочно называет Цунанобу посланцем Хо:дзё: Удзинао, старшего сына Удзимаса, которому последний передал формальное главенство в клане Хо:дзё: в 8-й луне 8-го года Тэнсё: (1580 г.).

[37] *Ситадзукаи* (下使) — слуга, выполняющий различные поручения. В данном случае — «помощник».

[38] Докладчик правителю — *ко:ги госиссо:* (広儀後執奏). *Сиссо:* (執奏) — лицо, доводящее до сведения императора или знатного человека чье-либо мнение или представляющее ему письменный доклад и т. п. В эпоху Муромати *букэ сиссо:* (武家執奏) — должностное лицо при дворе, выполнявшее функции посредника в процессе коммуникации между императорским двором и сёгунатом Асикага. *Ко:ги* (広儀) в «Записях о князе Нобунага», а также в других источниках конца периода Сэнгоку, именовались сёгуны Асикага. О:та Гю:ити в данном отрывке своей хроники фактически приравнивает Нобунага к главе военного правительства (*бакуфу*).

[39] Ёсида Бокуан — врач, дядя Ёсида Канэми, настоятеля святилища Ёсида и автора дневника «Канэми-кё:ки». Часто бывал в разных провинциях Японии, в особенности в Одавара, замке-резиденции даймё Хо:дзё:, куда привозил амулеты из святилища Ёсида. Кроме того он занимался там врачебной практикой. Вероятно, его выбрали помощником Такигава Кадзумасу из-за знакомства с представителями дома Хо:дзё: [Кирино, 2011, с. 490].

[40] Речь идет о помолвке между Удзинао, старшим сыном Хо:дзё: Удзимаса, и одной из дочерей Нобунага, хотя какой именно, неясно. Свадьбе, затевавшейся ради укрепления союзнических отношений Нобунага и Хо:дзё:, так и не суждено было состояться. После достаточно легкой победы над домом Такэда в 1582 г., означавшей исчезновение главного фактора, консолидировавшего альянс с Хо:дзё:, Нобунага по-видимому перестал считать этот брак насущной необходимостью [Хираяма, 2017, с. 354–356].

[41] Восемь провинций области Канто: (Канто: хассю: 関東八州) на востоке Японии, к которым в Средние века и период Эдо обычно относили земли Мусаси, Сагами, Ко:дзукэ, Симоцукэ, Симо:са, Кадзуса, Ава и Хитати. Могущественный дом Хо:дзё: (Гохо:дзё:) на востоке Японии, просуществовавший почти столетие (1491–1590), был основан Исэ Синкуро: Моритоки (Хо:дзё: Со:ун), происходившим из ветви рода Исэ; отпрыски основной линии Исэ возглавляли ведомство *мандокоро* в сёгунате Асикага. При этом фамилией Хо:дзё: нарекся не Моритоки, а его сын Удзицуна в 1523 г. После захвата провинции Сагами он желал в какой-то мере облегчить признание своего господства со стороны самураев Канто:, многие из которых воспринимали Удзицуна и его отца как незваных пришельцев. Однако пост военного наместника (*сюго*) провинции Сагами в эпоху Муромати наследовался отпрысками рода О:гигаяцу Уэсуги, которые враждовали с Удзицуна. Приняв новую фамилию, Удзицуна уподобил себя главам рода Хо:дзё: эпохи Камакура (1185–1333), которые стали фактическими правителями *бакуфу*, со временем оттеснив преемников Минамото-но Ёритомо на второй план. Представители этого же рода в XIII в. занимали должности управителей провинции Сагами (Сагами-но ками) [Икэ, 2012, с. 16–17; Курода, 2005, с. 12,–13, 71–72]. По всей видимости, использование фамилии Хо:дзё: отражало притязания Удзицуна и его потомков на гегемонию в области Канто: — именно там зародился первый сёгунат и там же находились многочисленные владения основной линии Хо:дзё: периода Камакура.

[42] Высочайший удел — *гобунгокуто:* (御分国中), в данном фрагменте, как и во всей хронике О:та Гю:ити, так называются подвластные Нобунага территории. Здесь несомненно говорится не об отказе Хо:дзё: от своих владений в пользу Нобунага, а скорее о признании его «сюзеренитета». Нельзя считать верным

[князя Нобунага] [от имени Хо:дзё: Удзимаса] и [передал] меч и [сложенный пополам лист] *оригами*[43] [с перечнем даров]. Приветствие Удзинао огласил Мамия Вакаса. Таким же образом эти двое передали и свои приветствия [князю Нобунага]. Так же [поступил] помощник [посланца] Хара Идзуми.

Когда все удалились, [князь Нобунага] изволил сказать людям из Сагами следующее. «[Наша встреча] была счастливым событием. Такигава Сакон [будет вашим] провожатым, тщательно осмотрите Киото и [затем] тотчас же прибудьте в Адзути», — молвил он. В тот день князь Нобунага покинул столицу. Охотился с белым соколом в окрестностях Мацугасаки у Оцу, а вечером взошел на корабль, соблаговолил высадиться в Ябасэ и вернулся в замок Адзути.

перевод Сакагути Ёсиясу, согласно трактовке которого восемь провинций Канто: были признаны уделом Хо:дзё: [Сакагути, 2018, с. 287]. Визит троих посланцев Хо:дзё: Удзимаса был уже не первой попыткой установления дружественных отношений с Нобунага. Так, согласно «Синтё:-ко: ки» в 11-й день 9-й луны 7-го года Тэнсё: (1579 г.) Хо:дзё: Удзитэру в Киото преподнес в дар Нобунага трех соколов [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 282]. На этот раз была достигнута договоренность о помолвке Хо:дзё: Удзинао и одной из дочерей Нобунага, а также «восемь провинций Канто:» были «переданы» Нобунага. Фактически обе стороны заключили альянс, в котором Хо:дзё: отводилась подчиненная роль. Это означало, что Хо:дзё: признали верховную власть Нобунага в «Поднебесной» (Японии). Почему Хо:дзё: Удзимаса и его родичи решились на такой шаг? В 1579 г. княжество Хо:дзё:, занимавшее значительную часть Канто:, оказалось с трех сторон окружено враждебной коалицией даймё, с которой вынуждено было вести тяжелую борьбу. Хо:дзё: противостояли властитель провинции Этиго Уэсуги Кагэкацу в союзе с даймё Такэда Кацуёри. Владения Хо:дзё в землях Идзу и Мусаси, а также их союзники в Ко:дзукэ подвергались нападению войск Такэда. Вместе с тем кланы севера Канто: — Сатакэ, Юки, Уцуномия, Насу и др. в 1579 г. вступили в союз с Кацуёри и старались координировать с ним военные действия против Хо:дзё в провинциях Симоцукэ и Симо:са. Силы дома Хо:дзё: явно уступали мощи этой коалиции. Тогда Удзимаса заключил союз с Токугава Иэясу, а затем, используя его связи, сблизился с Нобунага [Итимура, 2009, с. 248–250]. Таким образом, для Хо:дзё: союз с Нобунага был крайне важен. У обоих сторон был один общий противник — Такэда Кацуёри, поэтому Нобунага откликнулся согласием на инициативу Хо:дзё:, признавших его более высокий статус в рамках альянса. Вряд ли можно согласиться с Хираяма Ю:, который полагает, что для Удзимаса союз с Нобунага был равноправным [Хираяма, 2017, с. 362]. Предпочтительнее мнение Курода Мотоки: помолвка Удзинао и «передача» восьми земель Канто: — не что иное как подчинение Хо:дзё: центральной политической власти. При этом ученый справедливо констатирует, что к 1579 г. этот дом не контролировал всей области Канто:. Возможно, договариваясь с Нобунага, Удзимаса в действительности рассчитывал на признание всех провинций Канто: своим владением [Курода, 2005, с. 138]. Также не исключено, что глава дома Хо:дзё: надеялся на отказ Нобунага от поддержки владетелей севера Канто: [Хираяма, 2017, с. 361]. Однако Нобунага едва ли был к этому готов. Как раз в это время он активно развивал связи с магнатами северных провинций Японии, которые все больше видели в нем властителя Поднебесной. Установление безраздельного преобладания Хо:дзё: в Канто: было не в интересах Нобунага. Таким образом, для повелителя Адзути главным результатом, вероятно, было признание его верховенства со стороны Хо:дзё: Удзимаса и сотрудничество в борьбе с домом Такэда. Однако Удзимаса, на словах соглашаясь с подчинением Нобунага, планировал с помощью нового союзника в первую очередь выстоять в борьбе с враждебным ему альянсом даймё.

[43] *Оригами* (*ориками;* 折紙), сложенный вдвое лист бумаги, а также написанный на нем документ. Начало использования *оригами* восходит к концу эпохи Хэйан. В период Камакура на таких листах записывались судебные иски и доводы ответчика, а в эпоху Муромати — письма, передаваемые по поручению высокопоставленных лиц приказы (*хо:сё;* 奉書), списки лиц, обязанных явиться на суд или же для исполнения повинности (*сандзё:;* 散状). Кроме того *оригами* именовались перечни передаваемых даров. См.: Момосэ Кэсао. Оригами. *Нихон дайхякка дзэнсё (Ниппоника).* URL: https://kotobank.jp/word/%E6%8A%98%E7%B4%99-41428 (дата обращения 20.03.2021).

3-я луна, 13-й день. [Князь Нобунага] через своего посланца Ябэ Дзэнситиро: пожаловал 100 пластин золота и серебра Касахара и Мамия, двум посланцам от Хо:дзё: Удзимаса. «Наберите в Киото подарков на память, [возвращаясь] в родные края[44]», — изволил передать [его милость].

3-я луна, 15-й день. Желая поохотиться с соколами на [горе] Окуносимаяма, [князь Нобунага] взошел на корабль и изволил прибыть в [обитель] Дзэнринбо: в [храме] Тё:мэйдзи. Пять дней до 19-го дня 3-й луны [он] провел [там]. Узнав, что белый сокол, которого любил [его милость], — поистине диковинная [птица] с великолепным оперением, — отовсюду [стали] сбираться толпами [желавшие] увидеть соколиную охоту [князя Нобунага]. Сокол [его милости], звавшийся Рандори, превосходно летал. Добыв [благодаря нему] много [дичи], в 19-й день [князь Нобунага] возвратился в замок Адзути.

(2). 3-я луна, 20-й день. Обходивший разные земли странствующий монах[45] по имени Мухэн, на время поселился у монаха Садзай-но Бо: из [храма] Исибадзи. Чернь[46] прослышала, что [Мухэн] непрестанно творит необыкновенные чудеса. [Каждый] сообразно своему состоянию подносил благодарственные дары[47]. «[Свершается] посвящение в великий тайный закон “Часа быка”[48]», — говорили [люди]. Днем и ночью сбирались толпы, мужчины и женщины не отходили от ворот дома, [в котором остановился Мухэн].

До слуха князя Нобунага часто доходили [вести] о Мухэн, [и он] изволил сказать, что хотел бы взглянуть на этого человека. Садзай-но Бо:, ведя Мухэн, пришел на гору Адзути. [Князь Нобунага] тотчас же изволил проследовать на конюшню, пристально посмотрел [на Мухэн] и задумался.

«В какой земле странствующий монах родился?», — вопросил [его милость].

«[В] Беспредельности[49]», — ответил [Мухэн].

«Китаец ли [ты] или индиец?», — снова молвил [его милость].

«Всего лишь странствующий подвижник[50]», — сказал [Мухэн].

---

[44] Инака (田舎). Слово также может иметь другие смыслы: «местность, отдаленная от города», «деревенский», «деревенщина», «неотесанный», «грубый».

[45] *Кякусо:* (客僧), «путешествующий по разным землям монах». Бином имеет и другое значение — *ямабуси* (山伏) [Сэкай, 2007]. *Ямабуси* («спящие в горах») — подвижники *сю:гэндо:* (修験道; «Пути аскезы для обретения сверхъестественных способностей»), учения, вобравшего в себя верования, связанные с древним анимистическим культом гор, даосизмом и буддизмом. Стремились с помощью аскезы в горах достичь просветления и обрести сверхъестественные способности. Пользовались немалым авторитетом в народе как врачеватели, гадатели и заклинатели [Смирнов, 2010, с. 264]. Можно согласиться с авторами комментария к английскому переводу хроники: Мухэн — определенно *ямабуси*, поскольку говорит, что пришел с горы Хагуро в провинции Дэва [The Chronicle, 2011, p. 358, сноска 8]. Гора Хагуро, одна из трех священных гор провинции Дэва (современный город Цуруока, префектура Ямагата, высота 414 м), считается важнейшим центром *сю:гэндо:* в Японии. На ее склонах возник целый комплекс храмов и обителей. Анализ представлений о горах как сакральном пространстве в Японии в VII–XV вв. дан в: [Горбылёв, 2002, с. 119–139].

[46] *Ситадзита-но моно* (下々の者).

[47] *Кокородзаси* (心ざし) — дары, преподносимые в благодарность или из любви к кому-либо.

[48] Великий тайный закон «Часа быка» — *уси-но токи дайдзи-но хихо:* (丑時大事の秘法).

[49] *Мухэн* (無辺).

[50] *Сюгё:дзя* (修行者). Странствовавшие по разным землям Японии и просившие подаяние буддийские проповедники, а также последователи *сю:гэндо*.

«Странно, коли место рождения человеческого создания [где-то] за пределами трех стран. Может [ты] оборотень? Тогда сожжем [тебя], потому разведите огонь», — велел [князь Нобунага]. Поставленный в безвыходное положение одним словом [его милости], [Мухэн] доложил: «[Я] с [горы] Хагуро в Дэва».

[Был он] всего лишь навсего лжецом [51]. В последнее время [о Мухэн] обыкновенно говорили: «Места рождения нет, и места жительства нет, проповедует [по миру] закон Будды». Какую бы вещь ни давали [ему] люди, не брал, и [казался] бескорыстным, оставляя [ее] хозяину того дома, [где селился]. Когда же [Мухэн] вновь и вновь возвращался в то место, хоть и говорили, что [он] бескорыстен, [на деле] напротив оказывался не бескорыстным. Дошли до слуха [князь Нобунага] [рассказы] о чудесах [Мухэн], и потому он велел: «Покажи чудо, ну же». Тут [Мухэн оказался] ни на что не годен. «Человек, [способный] на удивительные чудеса, от внешнего облика до цвета глаз — человек святопочтенный, превосходящий [других] людей. Ты же, [негодный], ниже самых ничтожных диких жителей гор[52]. Обманывать женщин и детей, быть напрасной обузой для страны[53] — непростительная низость. А сейчас осрамите Мухэн», — повелел [князь Нобунага]. Хотя голова [Мухэн была как у] мирянина, [его] волосы кое-где остригли, раздели догола, связали веревками и, [проведя] по городским улицам, прогнали.

Потом [князь Нобунага] снова тщательно соблаговолил расспросить [о Мухэн], выяснилось, что [тот] совершает посвящение в «закон Часа быка», либо «сравнивает пупы»[54] женщин, не родивших детей, и больных женщин. Изволив сказать, что [это необходимо] ради будущего, [князь Нобунага] в [своем] уделе [приказал] всем владетелям земель[55] направить во все стороны погоню [за Мухэн]. Вскоре [его милость] послал [за ним], соизволил провести расследование и казнил. Когда [князь Нобунага] спросил Садзай-но Бо: «Зачем [ты] поселил около [моего] замка такого негодяя?», [тот почтительно] доложил, что хотел заделать прорехи в [протекающей крыше главного] павильона храма Исибадзи и потому ненадолго приютил, чтобы собрать подаяние. Тогда [князь Нобунага] пожаловал [ему] 30 пластин серебра.

3-я луна, 21-й день. Перечень [даров князя Нобунага], посланных Хо:дзё: Удзимаса из Сагами: тигриные шкуры 20; креп — 300 отрезов в трех коробках; алое сукно — 15 [свертков]. Принял эти [дары] Касахара Этидзэн-но ками. Для Удзинао: узорчатая шелковая ткань — две коробки. Принял Мамия Вакаса-но ками.

3-я луна, 25-й день. [Князь Нобунага] изволил проследовать на [гору] Окуносима и заночевал в горах [перед охотой]. До 28-го дня 3-й луны [его милость] занимался

---

[51] Лжецом — *майсу* (売僧). В дзэнских храмах *майсу* — «опустившийся монах» (*даракусо:* 堕落僧), занимающийся торговлей и другими мирскими делами; пренебрежительное название монахов; также «лгун», «ложь». См.: Майсу. *Нихон кокуго дайдзитэн.* 2001. URL: https://kotobank.jp/word/%E5%A3%B2%E5%83%A7-632962 (дата обращения 20.03.2021).

[52] *Ямагацу* (山賤), «горные дикари». Неразумные и грубые обитатели гор, живущие охотой и лесорубным промыслом, также «чернь».

[53] Дословно *кокудо-но цуиэ о итаси* (国土の費をいたし), «истощаешь понапрасну земли страны».

[54] *Хэсокурабэ* (臍くらへ).

[55] *Кокусю* (国主).

соколиной охотой. Изволив сказать, что доставил беспокойство, [он] пожаловал Нагата Гё:бу-но сё: серого коня, а Икэда Магодзиро:[56] был пожалован вороным конем.

3-я луна, 28-й день. [Князь Нобунага] вернулся в замок Адзути.

Повторная 3-я луна, первый день. Повелев нести охранную службу в замке Итами посменно [каждые] 30 дней, [князь Нобунага] послал [туда] Ябэ Дзэнситиро:.

Повторная 3-я луна, 2-й день. Из вражеского замка Ханакума послали войско на крепость Икэда Сё:дзабуро:. Сразу же после того [как началась] схватка *асигару,* старший и младший братья Икэда Сё:куро: и Икэда Косин 15 и 16 лет [от роду][57], столь юные годами, отчаянно ворвались [во вражеские ряды], начали сражение, [бились так яростно], что [вокруг] сыпались искры [от клинков]. Подоспел [их] отец Икэда Сё:дзабуро:, и в пылу сечи сразили [они] пятерых или шестерых сильнейших воинов [врага]. Братья прославили себя беспримерными деяниями.

(3). Тем временем из государева дворца милостиво соблаговолили направить посланца [с повелением о том], что замок Одзака следует покинуть[58]. [Посланцы] просили верховного настоятеля [Хонгандзи], Кита-но ката[59] и старейших вассалов: выскажите сполна все, о чем думаете в своем сердце, не страшась могущественных домов — как следует быть? Тогда Симоцума Танго, Хираи Этиго, Яги Суруга, Иноуэ, Фудзии То:дзаэмон-но дзё: и другие [старейшины] держали совет. Было ли то свидетельством изнеможения [из-за войны], или уразумели [они новое положение дел] на свете, но на сей раз верхи и низы сказали: «Быть миру [с князем Нобунага]». Коли

---

[56] Икэда Кагэкацу (1528–1597) и Нагата Кагэхиро (?–?), бывшие вассалы дома Роккаку, поставившие подписи под уложением законов «Роккаку-си сикимоку» (1567 г.). Быстро перешли на сторону Нобунага во время его похода на Киото в 1568 г.

[57] Икэда Сё:куро: — Икэда Мотосукэ, старший сын Икэда Цунэоки. Икэда Косин — Икэда Тэрумаса, его младший брат.

[58] Противостояние Нобунага и Истинной школы Чистой земли (Дзё:до синсю: или Икко:-сю:) ветви Хонгандзи длилось с короткими перерывами почти 10 лет — с 1570 по 1580 гг. Кэннё, верховный настоятель храма Хонгандзи в Одзака, был участником враждебных властителю Адзути коалиций, по его призыву последователи Дзё:до синсю: поднялись на борьбу с Нобунага. Их выступления (Икко:-икки) происходили в разных провинциях Японии. Блокаду Одзака удалось установить на суше, но не на море. В 1576 г. флот Нобунага была разбит в первой битве у устья реки Кидзугава эскадрой дома Мо:ри и его союзников, доставившей в Одзака продовольствие. В 1578 г. Куки Ёситака, флотоводец Нобунага взял реванш: после его победы во второй битве у устья реки Кидзугава Одзака была блокирована с моря. Вскоре Хонгандзи потерял сильных союзников: в конце 1579 г. пал замок Ариока в Сэтцу, а в начале 1580 г. — замок Мики в Харима. В 10-й луне 7-го года Тэнсё: (1579 г.) даймё Укита Наоиэ, оставив дом Мо:ри, перешел на сторону Нобунага. После этого дому Мо:ри стало сложно оказывать помощь Одзака. В этих условиях Кэннё оказался готов к мирным переговорам с Нобунага. Позднее в письме приверженцам Хонгандзи в провинции Ното, объясняя решение заключить мир с Нобунага, он упомянул и неудачи в войне на суше и на море и измену Укита Наоиэ. Для него было очевидным, что Одзака в случае продолжения конфликта постигла бы участь замков Ариока и Мики. Было бы уничтожено все, вплоть до святыни — изображения Синран, основателя Истинной школы Чистой земли, пресеклось бы и само вероучение школы. Поэтому, писал первосвященник Хонгандзи, он повиновался воле государя и согласился на мир [Окуно, 1988, с. 493–494]. Таким образом, О:та Гю:ити довольно точно передает опасения Кэннё и его окружения. Письма Кэннё и Нобунага свидетельствуют о том, что для обоих сторон «августейшая воля» императора О:гимати (*эйрё;* 叡慮) была очень удобным обоснованием для примирения, весомым аргументом для вассалов и сторонников, который позволял сохранить лицо и избежать дальнейшей борьбы.

[59] Кита-но ката — Кё:ко:ин Нёсюнни (1544–1598), жена Кэннё, верховного настоятеля храма Хонгандзи. Была дочерью придворного аристократа Сандзё: Кинъёри (1495–1551).

воспротивиться сейчас государеву указу[60], то как же страшна [будет кара] Пути неба[61]. Кроме того, князь Нобунага непременно соблаговолит выступить [в поход][62], и так же, как сокрушил [он] Араки, Хатано и Бэссё, вырвав корни и иссушив листья, соизволит поступить [и с Одзака][63]. В последние годы [приверженцы Хонгандзи] удерживают форты в 51 месте у Одзака; хотя и не жалую наград[64] [переносящим] тяготы верхам и низам, по крайней мере, за [их] благодеяния следует спасти [им] жизни, решил верховный настоятель. Постановили покинуть замок Одзака до 20-го дня следующей 7-й луны[65].

---

[60] *Гоиндзэн* (御院宣). Так именовали повеления отрекшихся государей. Однако император О:гимати таковым не являлся. О:та Гю:ити называет так императорские указы в разных частях своей хроники [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 167, 205, 231].

[61] Слова хрониста по-видимому отражают представления о том, что воля императора соответствует Пути неба (*тэнто:* 天道).

[62] Возможно, заключение мира ускорили слухи о готовившемся «генеральном» нападении армии Нобунага на Одзака в начале 3-й луны 8-го года Тэнсё:. О них упоминает в дневнике и Тамонъин Эйсюн [Тамонъин, 1936, 21/2/Тэнсё: 8, с. 95]. В связи с этим из Одзака срочно разослали дочерним храмам в разных провинциях приказы о наборе подкреплений, а также запросили денежную помощь у сторонников для закупки оружия и продовольствия [Канда, 2008, с. 184–185]. По всей видимости, в хронике О:та Гю:ити говорится именно об этой обеспокоенности иерархов Хонгандзи.

[63] Во время мирных переговоров с Одзака Нобунага обратился к посредничеству императорского двора. Переговоры начались в 12-й луне 7-го года Тэнсё: после прибытия в Одзака посланцев государя — придворных Нивата Сигэясу и Кансюдзи Харэтоё, доставивших его повеление. В 1-й луне следующего 8-го года Тэнсё: (1580) Кансюдзи Харэтоё прибыл в Адзути и доложил Нобунага о результатах переговоров [Кирино, 2011, с. 493]. Условия мира, фактически продиктованные Нобунага с позиции силы, перечислены в его «памятной записке» из семи пунктов («меморандуме», *обоэгаки*; 覚書, 17/3/Тэнсё: 8), адресованной Хонгандзи. Среди них первостепенное значение имели следующие положения: помилование всех сторонников Одзака (*со:сямэн* 惣赦免, «полное помилование»); предоставление заложников; разблокирование дорог к «дочерним» храмам Хонгандзи; уход защитников из замка Одзака и последующее возвращение Кэннё двух уездов провинции Кага (вероятно, Энума и Номи) при соблюдении договоренностей; выполнение условий соглашения до праздника Бон в 7-й луне; передача Нобунага замков Ханакума и Амагасаки во время ухода из Одзака [Окуно, 1988, № 852, с. 471]. Тем же 17-м днем 3-й луны датирована и клятвенная грамота Нобунага, адресованная Нивата Сигэясу и Кансюдзи Харэтоё. В документе, написанном на «бумаге-обреге» (*гоо хоин*; 牛玉宝印) с изображением воронов святилища Кумано, Нобунага называет помилование Хонгандзи повелением государя О:гимати и обязывается под страхом кары богов и Бодхисаттв не нарушать статьи мирного договора, если их будет соблюдать и противная сторона [Окуно, 1988, № 853, с. 472]. Со своей стороны главнейшие сановники Кэннё (Симоцума Райрэн, Симоцума Райрю:, Симоцума Накаюки) еще раньше направили клятву Нивата Сигэясу и Кансюдзи Харэтоё. Они также обещали: следовать пунктам мирного договора; заложников от Нобунага разместить в Одзака, не посылать их в к Мо:ри или к союзам Сайка-сю:, и вернуть после передачи замка Одзака; побудить объединения Сайка-сю:, чьи воины сражались на стороне Хонгандзи, написать клятвенные грамоты о подчинении приказам Кэннё; покинуть Одзака до праздника Бон в 7-й луне и передать после этого замки Ханакума и Амагасаки [Окуно, 1988, с. 475–476]. После обмена клятвенными грамотами между иерархами Хонгандзи и Нобунага последний разослал своим полководцам письма с приказами о разблокировании сухопутных и морских путей к храмовому городу (*дзинай*) крепости Одзака [Окуно, 1988, № 859–861, с. 483–485], о прекращении военных действий (*ядомэ;* 矢留) против сторонников Хонгандзи, его дочерних храмов (*мацудзи*) и храмовых городов в Харима; приостановке военных действий в Кага и близ замка Амагасаки и в других районах [Окуно, 1988, № 862–863, 866–867, с. 486–487, 490–492].

[64] *Сё:року* (賞禄).

[65] Нобунага предпочел заключить мир, хотя положение сторонников Хонгандзи было тяжелым. Властитель Адзути вполне мог дождаться полного истощения сил и исчерпания запасов продовольствия

Государевых посланцев господина Коноэ[66], господина Кансюдзи, господина Нивата, а также Кунайкё:-но Хо:ин и Сакума Уэмон известили, что принимают [выдвинутые требования], попросив [прислать] инспекторов [его милости] [для удостоверения] клятвенной грамоты. Когда об этом донесли в Адзути, [князь Нобунага] назначил Аояма Тора [своим] инспектором.

3-я повторная луна, 6-й день. [Аояма Тора] прибыл в течение того же дня в Тэнно:дзи из Адзути. На другой день, повторной 3-й луны, в 7-й день, осмотрел подлинник клятвенной грамоты. Список подписавших клятвенную грамоту: Сё:син-но Хоккё:, сын Симоцума Тикуго — 15 пластин золота; Симоцума Гё:букё:-но Хоккё: — 15 пластин того же; Адзэра Хоккё: — 15 пластин того же; Кита-но ката — 20 пластин того же; верховный настоятель — сопроводительное письмо, 30 пластин того же[67].

(4). Повторная 3-я луна, 9-й день. Сибата Сюри-но сукэ вторгся в провинцию Кага[68]. Переправившись через [реки] Соэгава и Тэдоригава, встал лагерем в Миянокоси[69]

защитников Одзака, или же бросить все силы на штурм крепости и истребить ее гарнизон, как это прежде делали он и его полководцы в Каваути Нагасима и Этидзэн. Однако в данном случае Нобунага отказался от тактики поголовного уничтожения и, прибегнув к посредничеству императора, примирился с давним противником. Историки давно уже пытаются найти объяснение его «великодушию». Согласно одному предположению в районах, где казалось бы были подавлены восстания Икко:-икки, все же сохранялись очаги сопротивления и Нобунага, опасаясь «провалиться в трясину народной войны», «помиловал» Хонгандзи. Усмирять *икки* впредь должен был верховный настоятель Икко:-сю: [Кинрю:, 2004, с. 335]. Интересную гипотезу выдвинул Иматани: властитель Адзути хотел получить крепость Одзака неповрежденной, чего невозможно было бы добиться с помощью штурма. Дожидаться же голодной смерти осажденных он видимо не хотел. Одзака была важна для Нобунага как база в войне с домом Мо:ри. Туда же он, вероятно, готовился перенести свою резиденцию из Адзути. Не случайно позднее его преемник Тоётоми Хидэёси построил в этом месте неприступный Осакский замок. Желая получить Одзака в целости и сохранности, Нобунага просил о посредничестве на переговорах О:гимати, поскольку Хонгандзи по статусу приравнивался к храмам *тёкугандзи* (勅願寺, построенным по воле государя) и его первосвященники признавали авторитет государя [Иматани, 2002, с. 144]. Вместе с тем можно согласиться с точкой зрения Канда Тисато: Нобунага стремился избежать ненужных военных потерь, а также подчинить Хонгандзи [Канда, 2008, с. 193]. При этом Нобунага вовсе не был заклятым врагом течения Дзё:до синсю: ветви Хонгандзи как такового и не хотел его полного искоренения: после ухода Кэннё из Одзака школа продолжала существовать, и никаких репрессий против неё Нобунага не проводил [Танигути, 2013, с. 122]. По всей видимости, он действительно желал положить конец долгой и трудной войне, и, изгнав Кэннё и его приверженцев из Одзака, лишить Дзё:до синсю: мощной крепости, одной из основ ее военного могущества, а также других замков. По-видимому, Нобунага, зная о немалом числе адептов школы в разных провинциях, считал, что компромисс с Кэннё поможет их умиротворить, тогда как полное уничтожение осажденных в Одзака напротив приведет к ожесточению и росту сопротивления его власти со стороны последователей Дзё:до синсю:.

[66] Сохранилось скрепленное красной печатью Нобунага послание к Коноэ Сакихиса, в котором властитель Адзути просил Сакихиса развеять подозрения и сомнения представителей Хонгандзи в прочности договора [Окуно, 1988, № 855, с. 478]. Безусловно, эмиссары императора, благодаря посредничеству которого Кэннё ранее соглашался на временные перемирия, и на этот раз оказали немалую поддержку Нобунага.

[67] Золото было послано Нобунага в дар Кэннё и его сановникам.

[68] Южная часть совр. преф. Исикава. Нобунага в письме Сибата Кацуиэ (11/ 3-я повторная луна/ Тэнсё: 8) приказывал приостановить военные действия в Кага, но оборонять крепости и замки [Окуно, 1988, № 863, с. 486]. Однако эта и другие похожие инструкции Нобунага не означали наступления настоящего мира с Хонгандзи, условия которого еще не были выполнены полностью. Если близ Одзака боевые действия почти прекратились, то в других районах, напротив, продолжалась ожесточенная борьба. Нобунага приказал Кацуиэ вторгнуться во внутренние уезды провинции Кага, где почти столетие

и предал огню разные селения. [Силы] *икки,* расположившись перед рекой, укрепились в месте, зовущемся Ноноити[70]. Сибата Сюри выбил [силы] *икки* из Ноноити, сразив многих, забрал провиант с нескольких сотен судов и раздал [своим воинами]. После этого [он], сжигая [все на своем пути], постепенно вошел вглубь [Кага], [а затем] перешел в провинцию Эттю:[71]. Продвинувшись до окрестностей перевала Анъё:дзи, и [оставив] склоны Анъё:дзи справа, [Сибата дошел] до подножия [горы] Хакусан[72] и без остатка сжег все долины и ложбины вплоть до границы с провинцией Ното[73]. [Затем его воины] взяли приступом храмовый город[74] Кигоси, где укрепился наместник-настоятель[75] [храма] Ко:токудзи и сразили многих [приверженцев] *икки*. Напав на крепость Дои Тадзима-но ками в Суэномори[76], [Сибата] взял [ее] штурмом. И здесь убили многих именитых людей [*икки*], [после чего] [Сибата] встал [там] лагерем; Тё: Куро:дзаэмон[77] разбил лагерь в Иинояма[78]. Объединив силы, [они] предали огню разные селения.

Литература / References

Бэссё Нагахару ки (Записи о Бэссё Нагахару). *Сэнгоку-ки Тю:гоку сирё:сэн* (*Подборка исторических источников области Тю:гоку периода Сэнгоку*). Сост. и коммент. Ёнэхара Масаёси. Токуяма, 1987. С. 313–354 [Bessho Nagaharu ki (Records about Bessho Nagaharu). Yonehara Masayoshi (ed.) (Selection of Historical Sources of Chūgoku Region during Sengoku Period). Tokuyama, 1987. Pp. 313–354 (in Japanese)].

Ватанабэ Даймон. Мики кассэн (Битва [за замок] Мики). *Нобунага гун-но кассэн-си. 1500–1582* (*История сражений войска Нобунага. 1500–1582*). Ред. Ватанабэ Даймон. Токио, 2016. С. 124–141 [Watanabe Daimon. Battle [for the Castle] Miki. Watanabe Daimon (ed.) *The History of the Battles of the Army of Nobunaga. 1500–1582*). Tokyo, 2016. Pp. 124–141 (in Japanese)].

Горбылёв А. М. Эволюция представлений о сакральном пространстве в VII–XV веках. «Мандализация» пространства. *История и культура Японии.* Алпатов В. М. (отв. ред.). М., 2002. С. 119–139 [Gorbylev. A. M. Evolution of the Concept of Sacred Space in the 7th–15th Centuries. "Mandalization" of Space. *History and Culture of Japan*. Moscow, 2002. Pp. 119–139 (in Russian)].

(1488–1580) сохранялось господство сторонников Икко:-икки. В письме Тё: Цуратацу (3-я повторная луна/ 30/ Тэнсё: 8), одному из союзников, властитель Адзути выражал удовлетворение тем, что Кацуиэ и Цуратацу «уничтожили большую часть шаек злодеев провинции Кага» [Окуно, 1988, № 865, с. 489].

[69] Современный город Канадзава, префектура Исикава.

[70] Современный город Ноноити в центральной части префектуры Исикава.

[71] Современная префектура Тояма.

[72] Вулкан (высота около 2702 м) в регионе Хокурику, расположен на части территории города Хакусан префектуры Исикава и деревни Сиракава уезда О:но префектуры Гифу.

[73] Северная часть префектуры Исикава.

[74] *Дзинай* (寺内). *Дзинаймати* (寺内町), города, возникавшие в период Сэнгоку вокруг храмов Истинной школы Чистой земли, как правило, обнесенные земляным валом и другими укреплениями.

[75] *Дайбо:дзу* (代坊主), назначенный из Хонгандзи настоятель храма.

[76] Уезд Хакуи, провинция Ното. Современный уезд Хакуи, поселение Хо:дацу Симидзу, префектура Исикава.

[77] Тё: Цуратацу (1546–1619), самурай провинции Ното, в войне между домом Уэсуги и Нобунага поддержал последнего. Впоследствии был переведен в подчинении Маэда Тосииэ, которому Нобунага доверил управление Ното [Сэнгоку, 2006, с. 513–514].

[78] Современный город Хакуи префектуры Исикава.

Икэ Сусуму. *То:гоку-но сэнгоку со:ран то Сёкухо: кэнрёку* (*Смуты Восточных земель* [*периода*] *Сэнгоку и власть Ода и Тоётоми*). Токио, 2012 [Ike Susumu. Upheavals in the Eastern Lands during Sengoku [period] and the Power of Oda and Toyotomi. Tokyo, 2012 (in Japanese)].

Иматани Акира. *Нобунага то тэнно:* (*Нобунага и император*). Токио, 2002 [Imatani Akira. Nobunaga and Tennō. Tokyo, 2002 (in Japanese)].

Итимура Такао. *То:гоку-но сэнгоку кассэн* (*Войны в Восточных землях [периода] Сэнгоку*). Токио, 2009 [Ichimura Takao. Wars in the Eastern Lands during Sengoku [period]. Tokyo, 2009 (in Japanese)].

Каваути Масаёси. *Нобунага то Киото* (*Нобунага и Киото*). Киото, 2018 [Kawauchi Masayoshi. Nobunaga and Kyoto. Kyoto, 2018 (in Japanese)].

Канда Тисато. *Нобунага то Исияма кассэн* (*Нобунага и война Исияма*). 2-е изд. Токио, 2008 [Kanda Chisato. Nobunaga and Ishiyama War. Tokyo, 2008 (in Japanese)].

Кинрю: Сидзука. *Икко:-икки рон* (*Очерки,* [*посвященные*], *Икко:-икки*). Токио, 2004 [Kinryū Shizuka. Essays on Ikkō-ikki. Tokyo, 2004 (in Japanese)].

Кирино Сакудзин. *Ода Нобунага.* Токио, 2011 [Kirino Sakujin. Oda Nobunaga. Tokyo, 2011 (in Japanese)].

Курода Мотоки. *Сэнгоку Хо:дзё: итидзоку* (*Род Хо:дзё: [периода] Сэнгоку*). Токио, 2005 [Kuroda Motoki. Hōjō House of Sengoku Period. Tokyo, 2005 (in Japanese)].

Наливайко О. А. (вступит. слово, комм. и пер.). Хаяси Радзан. Заметки повара. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2017. № 1 (39). С. 30–46 [Nalivaiko O. A. (foreword, comm. and transl.). Hayashi Razan. Hōchō shoroku. *Humanities Research in the Russian Far East.* 2017. 1 (39). Pp. 30–46 (in Russian)].

Овада Тэцуо. *Сэнгоку гунси-но кассэндзюцу* (*Искусство сражения гунси [периода] Сэнгоку*). Токио, 2007 [Owada Tetsuo. The Battle Art of *Gunshi* during Sengoku [Period]. Tokyo, 2007 (in Japanese)].

Окуно Такахиро (сост. и комм.). *Дзо:тэй Ода Нобунага мондзё-но кэнкю:* (*Исследование документов Ода Нобунага. Расширенное и исправленное издание*). Т. 2. Токио, 1988 [Okuno Takahiro (ed.). Study of Oda Nobunaga's Documents. Extended and Revised Edition. Vol. 2. Tokyo, 1988 (in Japanese)].

Сакагути Ёсиясу. *Якутю: Синтё:-ко: ки* (*Перевод и комментарии Синтё:-ко: ки*). Токио, 2018 [Sakaguchi Yoshiyasu. *Shinchō-kō ki.* Translation and Comments. Tokyo, 2018 (in Japanese)].

Симояма Харухиса. *Гохо:дзё:-си касиндан дзиммэй дзитэн* (*Словарь имён вассалов рода Гохо:дзё:*). Токио, 2006 [Shimoyama Haruhisa. The Dictionary of Vassals of Gohōjō Clan. Tokyo, 2006 (in Japanese)].

Синтё:-ко: ки («Записи о князе Нобунага). Ōta Gyūichi. *Кайтэй сисэки сю:ран* (*Исправленное собрание исторических книг*). Токио, 1921. С. 1–258 [Shinchō-kō ki. Ōta Gyūichi // Revised Collection of Historical Books. Tokyo, 1921. Pp. 1–258 (in Japanese)].

Синтё:-ко: ки (*Записи о князе Нобунага*). О:та Гю:ити. Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро (комм.). 9-е изд. Токио, 1996 [*Shinchō-kō ki.* Ōta Gyūichi. Iwasawa Yoshihiko, Okuno Takahiro (ed.). 9th ed. Tokyo, 1996 (in Japanese)].

Канэми-кё: ки. Синтэй дзо:хо. (Канэми-кё: ки. Исправленное и дополненное издание). Канэко Хираку, Эндо: Тамаки (ред.). Т. 1. Токио, 2014 [Kanemi-kyō ki. Revised and extended edition. Kaneko Hiraku and Endō Tamaki (ed.). Vol. 1. Tokyo, 2014 (in Japanese).].

Смирнов И. С. (ред.). *Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия Синто.* М., 2010 [Smirnov I. S. (ed.). *Japan: Gods, Shrines, Rites. Encyclopedia of Shinto.* Moscow, 2010 (in Russian)].

Сэкай дайхякка дзитэн (*Мировая энциклопедия*). Като: Сюити (ред.). Изд. на CD ROM. Хэйбонся; 2007 [World Encyclopedia. Katō Shuichi (ed.). CD ROM ed. Heibonsha; 2007 (in Japanese)].

Сэнгоку дзиммэй дзитэн. Компакуто хан (*Словарь имен периода Сэнгоку. Компактное издание*). Ред. Абэ Такэси, Нисимура Кэйко. Токио, 2006 [Dictionary of names of the Sengoku Period. Compact edition. Abe Takeshi, Nishimura Keiko (ed.). Tokyo, 2006 (in Japanese)].

Тамоньин никки (*Дневник Тамоньин*). Сост. Цудзи Дзэнносукэ. Т. 3. Токио, 1936 [Tamon'in nikki. Tsuji Zennosuke (ed.). Vol. 3. Tokyo, 1936 (in Japanese)].

Танигути Кацухиро. *Нобунага-но сэйряку* (*Стратегия Нобунага*). Токио, 2013 [Taniguchi Katsuhiro. The Strategy of Nobunaga. Tokyo, 2013 (in Japanese)].

Титаренко М. Л. и др. (ред.). *Духовная культура Китая*: *энциклопедия*. Т. 2. М., 2007 [Titarenko M. L. et al. (ed.). *The Spiritual Culture of China*. Vol. 2. Moscow, 2007 (in Russian)].

Тоётоми Хидэёси мондзёсю: (*Собрание документов Тоётоми Хидэёси*). Т. 1. Токио, 2015 [The Collection of Documents of Toyotomi Hideyoshi. Vol. 1. Tokyo, 2015 (in Japanese)].

Тэнсё:-ки («Записи о годах Тэнсё»). *Тайко: сирё:-сю:*. (*Собрание исторических материалов [относящихся к] Тайко:*). Кувата Тадатика (комм.). Токио, 1965. С. 2–147 [Tenshō-ki. Collection of Historical Materials on Taikō. Kuwata Tadachika (ed.). Tokyo, 1965 (in Japanese)].

Хираяма Ю:. *Такэда-си мэцубо:* (*Гибель рода Такэда*). Токио, 2017 [Hirayama Yu̾. The Fall of Takeda Clan (in Japanese)].

The Chronicle of Lord Nobunaga by Ōta Gyūichi. Transl. and ed. By J. S. A. Elisonas and J. P. Lamers. Boston, Leiden, 2011.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Дзимбо Кадзуя. Дзисэй. Нихон дайхякка дзэнсё *(Ниппоника) (Полная энциклопедия Японии. Ниппоника)*. Сёгакукан. URL: https://kotobank.jp/word/%E8%BE%9E%E4%B8%96-519854 (дата обращения 20.03.2021).

Кандзаки Мицухару. Тандзаку. Нихон дайхякка дзэнсё (Ниппоника) *(Полная энциклопедия Японии. Ниппоника)*. Сёгакукан. URL: https://kotobank.jp/word/%E7%9F%AD%E5%86%8A-563984 (дата обращения 20.03.2021).

Майсу. Нихон кокуго дайдзитэн. (*Большой словарь японского языка*. 2-е изд.). Сёгакукан, 2001. URL: https://kotobank.jp/word/%E5%A3%B2%E5%83%A7-632962 (дата обращения 20.03.2021).

Момосэ Кэсао. Оригами. Нихон дайхякка дзэнсё (Ниппоника). *Полная энциклопедия Японии. Ниппоника*. Сёгакукан. URL: https://kotobank.jp/word/%E6%8A%98%E7%B4%99-41428 (дата обращения 20.03.2021).

Симояма Харухиса. Ёкохама-но сэнгоку буси. Ода Нобунага-ни цукаисита Мамия Цунанобу (Воин [периода] Сэнгоку из Ёкохама. Мамия Цунанобу, посланный к Ода Нобунага). *Web-хан ю:рин*. № 519. 10.03.2012. URL: https://www.yurindo.co.jp/yurin/5831/2 (дата обращения 20.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-196-213

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОСТ-ИНДИЮ (ДНЕВНИК МАРИИ ДОРОТЕИ ЦИГЕНБАЛЬГ, УРОЖДЕННОЙ ЗАЛЬЦМАН)

© 2021

К. Д. Никольская*

Датская Ост-Индская компания (Dansk Østindisk Kompagni) была создана в начале XVII в. Город Транкебар (крепость Дансборг) на Коромандальском побережье стал опорным пунктом датчан в Индии. Через столетие на Коромандельском побережье появились первые лютеранские миссионеры: в Транкебаре была создана Датская королевская миссия, финансировавшаяся королем Фредериком IV. Миссия главным образом состояла из немцев, выпускников университета саксонского города Галле. Галльские миссионеры проповедовали среди местного населения, изучали языки региона, занимались переводами христианской литературы с последующей ее публикацией в созданной ими же типографии, а также обучали неофитов из числа местных детей. Одним из первых миссионеров в Транкебаре стал пастор Бартоломеус Цигенбальг, проживший в Индии с 1706 по 1719 гг. Сведения о деятельности пастора в Датской королевской миссии сохранились в его письмах и отчетах. В 1714 г. Цигенбальг был вынужден на два года покинуть общину и отправиться в Европу, а в 1716 г. вернулся в Транкебар с молодой женой — Марией Доротеей (урожденной Зальцман). Сведений о Марии, ее жизни и деятельности сохранилось не слишком много, однако очевидно, что именно она стала одной из главных помощниц Цигенбальга в делах миссии. В 1717 г., через год после прибытия Марии Доротеи в Транкебар, в Европе был опубликован ее путевой дневник, который она вела на пути в Индию. С момента публикации дневник не переиздавался, однако он позволяет больше узнать о малоизвестных страницах истории миссионерского движения в Индии — прежде всего, о том, какая роль в нем отводилась женщинам.

Ключевые слова: Индия, Транкебар, Цигенбальг, Датская королевская миссия, Галльский университет, Мария Доротея Цигенбальг, микроистория.

Для цитирования: Никольская К. Д. Путешествие в Ост-Индию (дневник Марии Доротеи Цигенбальг, урожденной Зальцман). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 196–213. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-196-213

TRAVEL TO THE EAST INDIES (THE DIARY OF MARIA DOROTHEA ZIEGENBALG, NEE SALZMAN)

Xenia D. Nikolskaia

The Danish East India Company (Dansk Østindisk Kompagni) was established in the early 17th century. The city of Tranquebar (Dansborg fortress) on the Coromandal Coast became a stronghold of the Danes in India. A century later, the first Lutheran missionaries appeared

* Ксения Дмитриевна НИКОЛЬСКАЯ, кандидат исторических наук, доцент ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; sniff0210@gmail.com

Xeniia D. NIKOLSKAIA, PhD (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University, Moscow; sniff0210@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5996-6318

on the Coromandel Coast: The Royal Danish Mission was established in Tranquebar, funded by King Frederick IV. It consisted mainly of Germans, graduates of the University of the Saxon city of Halle. Hallic missionaries preached among the local population, studied the languages of the region, translated Christian literature and then published it in the printing house they built. They also taught neophytes from among the local children. One of the first missionaries in Tranquebar was pastor Bartholomäus Ziegenbalg. He lived in India from 1706 to 1719. Information about the pastor's activities in the Royal Danish mission is preserved in his letters and reports. In 1714, Ziegenbalg had to leave the community for two years and departed to Europe. In 1716, he returned to Tranquebar with his young wife, Maria Dorothea (nee Salzman). There is not much information about her life and activities. However, it is clear that it was she who became one of Ziegenbalg's main assistants in the affairs of the mission. In 1717, a year after Maria Dorothea's arrival in Tranquebar, her travel diary, which she had been writing on her way to India, was published in Europe. This diary has not been reprinted since its first publication. However, it allows us to learn more about the little-known pages of the history of the missionary movement in India — first of all, about the role of women in it.

Keywords: India, Tranquebar, Ziegenbalg, the Royal Danish Mission, University of Halle, Maria Dorothea Ziegenbalg, microhistory.

For citation: Nikolskaia X. D. Travel to the East Indies (The Diary of Maria Dorothea Ziegenbalg, Nee Salzman). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 196–213. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-196-213

В самом начале XVII в. в Европе была создана Датская Ост-Индская компания (Dansk Østindisk Kompagni). Опорным пунктом датчан в Индии стал город Транкебар (крепость Дансборг). В самом начале следующего столетия на побережье, территория которого находилась под юрисдикцией датчан, высадились первые лютеранские миссионеры, прибывшие из немецкого города Галле. Галльский университет в ту эпоху был центром пиетизма, тесно связанным с «Датской королевской миссией» на юге Индии, которая хоть и финансировалась королем Фредериком IV, но с самого начала своего существования комплектовалась, главным образом, из немцев, устремлявшихся в далекие земли с благородной целью нести невежественным язычникам слово Божие.

Первыми из череды этих подвижников на земли Индии ступили Бартоломеус Цигенбальг и Генрих Плутшау[1]. Особенно хорошо известно в кругу индологов имя первого из этих двоих, ибо именно он по праву считается одним из пионеров в изучении индийских языков и религии в Европе.

Прибыв в Транкебар в 1706 г., Цигенбальг с двухгодичным перерывом провел на Коромандельском берегу все оставшиеся годы своей жизни вплоть до 1719 г. Жизнь пастора в Индии была чрезвычайно насыщенной: с первых же дней он взялся учить тамильский, чтобы иметь возможность говорить с местным населением на одном языке и переводить тексты Священного Писания. Действительно, все годы своего пребывания в Индии Цигенбальг беспрерывно занимался переводами христианской литературы на «малабарский», открыл школу, где обучал индийских детей, принявших крещение, и

[1] Биографию Б. Цигенбальга см. в: [Jeyaraj, 2006]. Генрих Плутшау родился в Везенбурге (Мекленбург) в 1677 г. Учился в Галле, принял сан в Копенгагене в 1705 г., откуда и отправился 29 ноября 1705 г. в Индию. В Транкебаре находился с июля 1706 до сентября 1711 г. В 1711 г. он вернулся в Европу вместе с тамильским мальчиком, новообращенным по имени Тимотеус — первым индийцем, посетившим Германию. Скончался как пастор Бейенфлиета в Гольштейне 4 января 1752 г [Annotated Bibliography for Tamil Studies, 2010, p. 27].

основал типографию, в которой многие годы и после его смерти печатались христианские книги. Наконец, он с неподдельным интересом изучал быт, нравы и религиозные взгляды своих подопечных, результатом чего явилось фундаментальное исследование ("Genealogie der Malabarischen Götter"), которое, впрочем, отказались печатать в Европе при его жизни, обвинив пастора в попытке распространения языческих суеверий среди европейцев [Sweetman, 2004, p. 21].

Жизнь Цигенбальга в Транкебаре, очевидно, не была безоблачной. Прежде всего, от рождения имея слабое здоровье, он еще больше подорвал его в нездоровом для европейца климате юга Индии. Отчасти, именно это обстоятельство вынудило его на два года покинуть миссию и отплыть в Европу (1714–1716). Кроме того, если верить письмам пастора, очень быстро испортились его отношения с комендантом датской крепости Хассиусом. На пике конфликта Цигенбальга даже заключили в тюрьму, где он провел четыре месяца — с декабря 1708 по март 1709 г., о чем подробно рассказывал в письмах друзьям [2]. Наконец, напряженный график работы вкупе с определенной неустроенностью быта не мог не сказываться на настроениях миссионерской братии.

Возможно, в тесной связи с последними обстоятельствами и возникла тема брака для некоторых из миссионеров. В середине 1709 г. первый раз поднимается вопрос о возможном появлении в миссии женщин и гипотетической женитьбе пасторов [Tamcke, 2003, S. 428]. В итоге из четырех миссионеров, находившихся в это время в Транкебаре, жениться согласились трое, а именно, Цигенбальг, Иоганн Эрнст Грюндлер [3] и упомянутый выше Генрих Плутшау. Однако найти кандидаток, достойных почетного звания пасторш, казалось в Транкебаре совершенно невозможным. Кроме того, требования, предъявляемые к потенциальным кандидаткам, были столь высоки, что становилось очевидным: невест необходимой степени великолепия можно обнаружить только в Германии. Дело оставалось за малым: найти, во-первых, немок достойных, а во-вторых, готовых выйти замуж за миссионеров и последовать за ними на край света.

Забегая вперед, отметим, что из троих миссионеров, вознамерившихся связать себя брачными узами, женами обзавелись лишь двое — Иоганн Эрнст Грюндлер и Цигенбальг. Грюндлер удивительным образом сумел найти себе супругу в самом Транкебаре, женившись на сорокалетней вдове вице-коменданта, Утилии Элизабет (1675–1720), урожденной Ран [Tamcke, 2003, S. 434, etc]. Цигенбальг же привез молодую жену из своего двухгодичного путешествия в Европу [Tamcke, 2003, S. 428].

В ноябре 1715 г. Цигенбальг приехал в Галле и встретился там со своими давними знакомыми — семьей Йоганна Якоба Зальцмана, секретаря правительства. Глава семейства к этому времени уже скончался, осталась лишь вдова с двумя сыновьями и дочерью, Марией Доротеей (1693–?), бывшей некогда ученицей пастора. В 1715 г. ей было около 22 лет. Впечатленный ее красотой и душевными качествами, Цигенбальг сделал девице предложение руки, сердца, а также жизни в далеком Транкебаре среди язычников. Она ответила согласием, и, хотя мать Марии Доротеи была вовсе не в восторге от ожидающих дочь перспектив, в том же месяце в соборе св. Георгия в Галле

[2] См., например: [Ziegenbalg, 1955, S. 93–97, 104, 107].

[3] Иоганн Эрнст Грюндлер (1677–1720), друг и коллега Цигенбальга. Одной из сторон его деятельности было изучение (по тамильской литературе и личным наблюдениям) индийской медицины. Созданный им манускрипт "Medicus Malabaricus" не опубликован и хранится в рукописном виде в архиве Франке в Галле [Dharmapal-Frick, 1994, S. 106, 151–152].

состоялось бракосочетание. А в начале 1716 г. молодожены отправились в Индию. Их путешествие продолжалось больше пяти месяцев, и все эти пять месяцев пасторша вела дневник.

Прожив с Цигенбальгом в браке три счастливых года, в 1719 г. Мария Доротея осталась вдовой с двумя детьми, беременная третьим. Вдова решила не покидать Транкебар, рассчитывая на помощь фрау Грюндлер. Через несколько недель после смерти Цигенбальга умер и его двухлетний сын, а в июле того же года Мария Доротея родила еще одного мальчика. Через год она вышла замуж за датского советника Лигарда и вместе с ним и детьми в том же году вернулась в Копенгаген [Tamcke, 2003, S. 440–441].

Перед нами выдержки из путевых заметок Марии Доротеи Цигенбальг, урожденной Зальцман, сразу по прибытии в Мадрас в августе 1716 г. отосланные ею другу и наставнику ее мужа — Августу Герману Франке, человеку, стоявшему у самых истоков идеи миссионерской деятельности на индийском Юге[4]. Меньше чем через год Франке опубликовал этот дневник. Бесхитростные записки молодой пасторши могут на первый взгляд показаться не столь важным источником для изучения работы христианской миссии в Индии, ибо носят, скорее, личный характер. И все же этот документ заслуживает внимания.

С одной стороны, педантичность, с которой юная пасторша фиксирует перемещение корабля «Принц Фридрих», позволяет ясно представить себе подробную карту путешествия европейца начала XVIII в. в Ост-Индию (очевидно, общий для того времени маршрут), равно как и бесчисленные опасности, с которыми встречался путешественник, рискнувший на такое предприятие (достаточно заметить, как пугается Мария Доротея всякого судна, что появляется на пути корабля, предполагая встречу с пиратами). С другой стороны, перед нами история молодой немки, изначально ничем не примечательной девицы, которая до замужества вряд ли выезжала куда-нибудь за пределы родного Галле, но, выйдя замуж, отправившейся вслед за супругом, миссионером-подвижником, на край света, в мир, для нее совершенно неведомый, жизнь в котором была крайне далека от привычного ей уклада. Уже эти обстоятельства предполагают определенные перемены в мировоззрении молодой особы, безусловно, заслуживая внимания историка — хотя бы потому что иногда детали жизни «маленького человека», вписывающиеся в актуальный жанр микроистории, оказываются гораздо красноречивее официальных документов и фундаментальных сочинений выдающихся личностей эпохи.

Спокойный тон, которым Мария Доротея описывает смерти своих попутчиков, регулярные бури, в которые попадает судно, ожидание встречи с пиратами, — все это демонстрирует определенный фатализм, без которого преодолеть подобный путь в начале XVIII в. молодой женщине, сохранив рассудок, было бы просто невозможно. Интересно и то, что исследователям, знакомым с творчеством самого Цигенбальга, очевидно определенное сходство в восприятии супругами окружающей

[4] August Hermann Francke (1663–1727) — преподаватель Галльского университета. В 1691 г. Франке получил должность пастора в Глаухау, а затем стал преподавателем греческого и восточных языков в недавно основанном (в 1694 г.) университете. С 1698 г. занимал там же должность профессора на теологическом факультете. См.: *Liste von Universitätsprofessoren*. URL: https://www.catalogus-professorum-halensis.de (дата обращения 26.06.2020).

действительности. Конечно, можно предположить, что пастору просто посчастливилось найти родственную душу, но вероятнее всего, прирожденный учитель и после свадьбы продолжал оставаться наставником жены, оказав существенное влияние на молодую супругу и ученицу.

Нам хорошо известны тексты, выходившие из-под пера Цигенбальга, благодаря сохранившемуся обширному эпистолярному наследию, с одной стороны, и научным сочинениям — с другой. Язык и стиль Цигенбальга изящны и отточены. Многие его тексты зачастую выглядят как стихи в прозе, они наполнены самыми утонченными метафорами. Юная Мария Доротея, напротив, не имеет очевидных писательских талантов: пишет простыми предложениями, текст ее зачастую страдает повторами, а стиль вовсе не выглядит изящным (что часто создает определенные проблемы для переводчика). Справедливости ради, стоит заметить, что с течением времени стиль постепенно совершенствуется: если в начале дневника пасторша, как правило, обходится без каких-либо средств художественной выразительности, то ближе к его концу появляются эпизоды, описываемые весьма эмоционально. Впрочем, и содержание дневника не слишком разнообразно — изначально это всего лишь рассказ о погоде и маршруте, упоминание самых ярких эпизодов длительного путешествия. Практически никаких личных переживаний текст не содержит, зачастую превращаясь в формальные отписки (кто знает, возможно, Мария Доротея и завела дневник по настоянию супруга)[5]. С определенного момента создается ощущение, что пастор следит за регулярностью и качеством записей и даже пытается контролировать их содержание, ибо ему делается заметно унылое однообразие тем. Возможно, на правах бывшего наставника он делал супруге замечания, после чего записки становились чуть разнообразнее: Мария Доротея начинает отмечать градусы широт, через которые проходит судно, время заката и восхода, добавляет описания морских обитателей, встречающихся во время путешествия[6]. Эти мелочи и частности превращают малозначимый на первый взгляд эпизод из истории миссионерского движения в историю подлинных живых людей.

Наконец, еще одно обстоятельство делает этот источник крайне важным. Практически все материалы, касающиеся лютеранской миссии в Транкебаре, освещают, главным образом, деятельность мужчин. Однако с определенного момента в составе миссии постоянно присутствовали и женщины, среди которых была и Мария Доротея. Нет никаких сомнений, что в ее обязанности входило не только ведение домашнего хозяйства и забота о благополучии супруга, о чем красноречиво свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, еще во время морского путешествия пасторша прилежно изучает португальский и тамильский языки и сообщает об этом в дневнике (очевидно, это делается с целью помогать мужу). Во-вторых, ожидание помощи от жены читается и в письмах самого Цигенбальга. Так, в письме, посланном в августе того же 1716 г. из

[5] Ситуация кажется вероятной, если обратить внимание на оперативность, с которой дневник опубликовали в Европе. Супруги оказались на юге Индии в середине 1716 г., а уже в 1717 г. дневник был напечатан. Учитывая сроки, необходимые, чтобы доставить почту в Европу, можно предположить, что по прибытии в Мадрас записки Марии Доротеи были незамедлительно отправлены назад в Германию, что позволяет допустить, будто текст был заказан ей заранее для предполагаемой публикации, а супругу надлежало следить за выполнением проекта.

[6] В этом смысле Мария Доротея не одинока: бортовой журнал знаменитого итальянского миссионера и художника Маттео Рипы (1682–1746), плывшего в Китай в ту же эпоху, изобилует даже зарисовками разнообразных «морских гадов» [Круглова, 2019].

Мадраса, скорее всего, А. Г. Франке, он сообщает: «Она меж тем всем очень довольна, ей удалось провести путешествие с пользой для себя, прилежно занимаясь… (?)[7] возможно одна она мне и (нашему) делу сможет оказывать какую-то помощь» [РГАДА. Ф. 191. Д. 141. Л. 112–113].

Между тем, за исключением небольшой работы Л. Георги [Georgi, 1958] и главы в монографии М. Тамке [Tamcke, 2003], тема женщин в миссии специальным образом не рассматривалась, а сами они оставались в тени своих выдающихся мужей. Все эти соображения позволяют говорить о том, что приведенный ниже текст, как минимум, заслуживает внимания специалистов[8].

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОСТ-ИНДИЮ. ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА МАРИИ ДОРОТЕИ ЦИГЕНБАЛЬГ, УРОЖДЕННОЙ ЗАЛЬЦМАН

Ваше Высокопреподобие,

досточтимый господин профессор,

чье последнее письмо, что я получила еще в Лондоне, как и воспоминание о последних прощальных словах, обращенных к покровителям, служили мне утешением и поддержкой в путешествии. Чтобы и он, и другие могли представить, как проходила наша нынешняя поездка, я опишу ее.

Мы выехали из Лондона 26 февраля и 28-го прибыли в *Deal*[9], где стоял наш корабль «Принц Фридрих». Капитан думал отплыть 29-го, потому тем же вечером мы поднялись на борт. Однако ветер переменился, из-за чего мы вынуждены были 4 дня стоять на якоре и смогли, находясь на судне, написать несколько писем в Галле.

4 марта, благодарение Господу, мы отбыли из *Deal*, но при очень слабом ветре.

5-го достигли *Dovre*[10], ветра же не было вовсе.

6-го и 7-го дул сильный встречный[11] ветер, и нам пришлось лавировать по каналу. Здесь у меня началась морская болезнь. И уж если морская болезнь и сохранялась у меня столь долгое время, то в необходимой заботе обо мне не было недостатка, и на корабле я получала всю возможную поддержку. Обстоятельства были такими, какими были, но с моим наставником я никогда не испытывала сомнений в воле Господа, за которые мне следовало бы каяться. И это испытание еще более приблизило меня к Богу. Я вновь подумала обо всем том хорошем, чему обучалась с юности, о

[7] Слово не читается. Однако из приведенного ниже дневника видно, что пасторша занималась изучением языков, которые нужны были ей для жизни в Транкебаре.

[8] Перевод записок Марии Доротеи Цигенбальг сделан по изданию: [Der Königl.dänischen Missionarien, 1717, S. 968–984].

[9] Следует отметить, что в немецких текстах, записанных или напечатанных готическим шрифтом, обычной латиницей даются все слова, приводимые на иностранных языках (латынь, французский, английский и т. п.). В дневнике Марии Доротеи обычной латиницей даются почти все топонимы (кроме немецких). Здесь и далее в переводе, следуя за текстом оригинала, эти топонимы будут даваться в том написании, в котором они присутствуют в тексте. Дил — город в графстве Кент в 8 милях к северо-востоку от Дувра.

[10] Дувр.

[11] Здесь и в других частях дневника Мария Доротея часто употребляет для обозначения встречного ветра французское “cotrair”. Противоположностью этому является то, что пасторша называет “ein guter Wind” (букв. «хороший ветер») — следуя логике, попутный ветер.

прекрасных наставниках, которых в течение 7 лет[12] слушала в Галле, и о многих поучительных благочестивых переменах, что прошли перед моим взором. И потому меня премного волнуют мысли о смерти, а при подобных обстоятельствах еще более, особо же из-за того, что я любила слушать песни на эти темы. И Господь не оставил меня без утешения.

Но я возвращаюсь к нашему путешествию. 8 марта дул попутный ветер, и мы достигли *Portsmouth*[13]. После обеда ветер вновь стал встречным, а ночью случилась сильная буря[14], которая была тем более опасна, что повсюду вокруг нас были песчаные отмели, напротив, в открытом море такая буря была бы не столь опасна[15].

9-го мы хотели войти в *Portsmouth* и бросить якорь. Но когда были уже у порта, подул попутный ветер, и мы отправились своей дорогой.

10-го случился штиль, а после полудня вновь ветер стал встречным.

11-го планировали войти в порт *Pleymouth*[16], но из-за встречного ветра не смогли этого сделать.

12-го достигли мы оконечности Англии и Франции; первая была от нас справа, а вторая — слева. Подул попутный ветер.

13-го мы попали в сильную бурю в Бискайском море, день и ночь погода была очень сурова. Волны на море были необыкновенно велики, и все оно пришло в движение. Дул сильнейший ветер. В этих обстоятельствах можно было научиться верно понимать 107 Псалом[17].

14-го подул попутный ветер, и мы прошли за сутки 200 английских миль.

15-го попутный ветер сохранялся, мы оказались прямо напротив Португалии. Сегодня под вечер за борт в море выпал корабельный кузнец, его не смогли спасти. Эта внезапная смерть ошеломила всех на судне. Также в тот день нам встретился корабль, который, вероятно, шел в Португалию.

16-го вновь был попутный ветер, и вновь мимо нас проплыл корабль.

17-го мы проходили мимо Гибралтарского пролива, что между Европой и Африкой.

18-го ветер был суров.

---

[12] Числительные в дневнике даются то цифрами, то словами. В тексте перевода сохраняется вариант оригинала.

[13] Портсмут.

[14] При описании непогоды в дневнике встречаются три термина: “der Sturm”, “die Bie” и “der Orkan”. С последним термином вопросов не возникает — это ураган. С первыми двумя ситуация сложнее: далее в дневнике пасторша рассуждает о разнице между “der Sturm” и “die Bie” и пишет: «Между Bie и Sturm есть разница: первая длится один, два или три дня, тогда как второй приходит и уходит быстро, так что часто продолжается только полчаса или час». Потому целесообразно здесь и далее слово Sturm переводить как «буря», а Bie как «шторм».

[15] Очевидный лексический повтор (слово «опасный») присутствует и в тексте оригинала. Здесь и далее по возможности некоторое несовершенство стиля пасторши сохранено в переводе.

[16] Плимут.

[17] Нумерация псалмов в протестантизме не совпадает с нумерацией в православной Библии. Православие опирается на текст «Септуагинты», тогда как протестанты ориентируются на Масоретскую Библию. Потому 107 псалом, который вспоминает автор, соответствует 106 псалму в православной Библии. Строки из этого же псалма (23–32) цитирует в одном из своих ранних писем, посвященном первому путешествию в Индию, и сам Цигенбальг [Merckwuerdige Nachricht aus Ost-Indien, 1708, S. 2]. В этих строках псалмопевец описывает спасение моряков от страшной бури.

А 19-го установился штиль, и нам встретился корабль. Подготовили все орудия, ибо решили, что это турецкие пираты. Но судно прошло мимо нас.

20-го подул попутный ветер. На корабль спустилось множество птиц, мы поймали одну, очень красивую. По правую руку от нас остались лежать острова *Wester*.

21-го был полный штиль.

И 22-го ветра почти не было. Видели одну рыбу, что была почти так же велика, как и наш корабль.

23-го после полудня подул ветер, мы увидали остров *Madera*[18], который остался от нас по левую руку.

24-го день и ночь была штормовая погода.

25-го ветер стал попутным, и мы заметили позади судно, что плыло за нами. Вновь подготовили все орудия на случай, если это морские пираты. Но наступил вечер, а нас так и не смогли догнать. Ночью случилась страшная буря. Ветер был такой, что пришлось плыть всего на двух парусах.

26-го буря немного стихла. Увидели 3 судна, что плыли рядом, но мы от них оторвались, ибо наш корабль шел быстро. Были вблизи островов *Canari*[19], которые остались по левую руку от нас.

27-го дул попутный ветер.

28-го мы вновь увидали вблизи 4 корабля.

29-го был слабый ветер, увидали 5 кораблей вблизи нас, которые, вероятно, тоже плыли в Ост-Индию, но мы всех их обогнали. Теперь мы были под *Tropico Canari*, потому стало очень тепло.

30-го был полный штиль. Матросы плавали в море вокруг корабля.

31-го подул попутный ветер, мы видели 3 испанских судна. Летучие рыбы часто поднимались из моря, и смотреть на это было очень забавно. Выглядели они почти как сельдь и имели по 4 крыла. В море их преследовала особая порода рыб, называемых *Ponnetten*[20], потому они поднимались ввысь и улетали от них. Над морем же на них охотится множество хищных птиц. И когда в море они хотят улететь от хищных рыб, то попадают хищным птицам в когти. Часто они прилетают на корабль, желая там спастись. Но тут их ловят матросы и съедают. В этих краях я видала, как рыбы летают по воздуху, а птицы плавают в воде. Нескольких рыб мы поймали.

1 апреля съели первых морских рыб, которые были недурны на вкус. Я приказала зажарить одну летучую рыбу, чтобы узнать, вкусна ли она. Она оказалась аппетитной, лучше, чем крупные рыбины. За сутки при попутном ветре мы прошли 200 английских миль.

2-го мы оказались у острова, именуемого *Cape de Verd*[21], который оставили по правую руку. Видели два судна, которые плыли рядом с нами.

3-го по-прежнему сохранялся попутный ветер, который 4-го стал слабым.

---

[18] Мадейра.

[19] Канарские острова.

[20] В наиболее полном справочном издании такого названия нет. На летучих рыб охотятся тунцы, скумбрия, марлин, рыба-меч. Вероятнее всего, в тексте имеется в виду либо тунец (самая быстрая рыба), либо рыба-меч [Пятиязычный словарь названий животных, 1989].

[21] Совр. Кабо-Верде — государство, расположенное на вулканическом архипелаге в нескольких сотнях километров от северо-западного побережья Африки.

5-го умер пассажир, который 14 дней лежал больным с высокой температурой. Его тело положили в гроб и бросили в море. К гробу привязали тяжелые камни, чтобы он потонул.

6-го был попутный ветер, мы видели вокруг нашего корабля множество рыб и птиц. Некоторые прилетели в море с суши и жили, питаясь рыбой, но каждую ночь улетали обратно на сушу. Их, впрочем, можно видеть только когда находишься вблизи островов или берега. Иные же птицы постоянно живут в море и спят по ночам, качаясь на воде. Есть и множество морских ласточек, которые ретируются на корабль, если надвигается буря.

7-го и 8-го сохранялся попутный ветер. Было необыкновенно жарко.

9-го стало очень спокойно. Один матрос скончался, и [его труп] был брошен в море. Мы видели такого же морского черта[22], какого встречал мой супруг 11 лет тому назад по пути в Ост-Индию. Он выглядел зелено-желтым, и был, скорее, толстым, чем длинным, имел спереди на голове два белых рога, а с обеих сторон два пера-плавника, подобные двум крыльям. Почти 2 часа он плыл за нами, совсем близко к кораблю. В него стреляли 6 раз, каждый раз очень сильно, несколькими снарядами. Каждый раз попадали, ибо он плавал на самой поверхности, но он не отставал от нас, и не было похоже, чтобы пули причиняли ему вред. Под вечер он нас покинул. Воистину, есть в море удивительнейшие создания, которые почти не всплывают на поверхность. На глубине кишмя кишат большие и маленькие рыбы и иные редкие морские твари.

10-го мы оказались прямо под солнцем и мучились от сильной жары.

11-го на море был полный штиль. Вечером, как стемнело, рядом с нашим судном появилось множество рыб, которые из-за своей пестроты как будто сверкали, особенно, когда выпрыгивали из воды.

12-го апреля, в день Светлой Пасхи, у нас опять был штиль. Мы видели акулу и множество других рыб. Ночью случился шторм или буря. Между штормом и бурей есть разница: первый длится один, два или три дня, тогда как вторая приходит и уходит быстро, так что часто продолжается только полчаса или час. И вахтенные должны все время стоять на страже, чтобы подобный шторм внезапно не сорвала все паруса, что чрезвычайно опасно.

13-го погода все еще была штормовой с очень сильным ветром. Мы увидали два корабля, мимо которых проплыли.

14-го[23] подул юго-восточный ветер, обычный для муссонных ветров. Другие корабли встречаются с этим ветром после пересечения экватора, мы же — до, что было великой милостью Господа. Ибо прочие суда оказываются [в этих условиях] часто через 2, 3, 4, 5 и 6 недель после пересечения экватора, и тогда людям приходится выносить ужасающую жару. Но у нас не было нужды здесь задерживаться, и мы не страдали от зноя, ибо сильный ветер все охлаждал.

15-го мы пересекли линию, или иначе *Aequator*. Перед нами прошло судно, над которым развевался английский флаг. Мы тоже подняли свой. Люди на нашем корабле понимали, что в этой местности не может быть английских судов, да и корабль тот был выстроен не на английский манер. В конце концов, он развернулся и пошел к нам

[22] Морской черт, или Европейский удильщик (*Lophius piscatorius*) — хищная рыба, живущая в восточной части Атлантического океана.

[23] В издании дневника стоит не «14-го», а «12-го», что, очевидно, является опечаткой.

навстречу. Поравнявшись с нами, он вновь развернулся и подплыл прямо к нам. Немедленно на нашем судне были открыты все орудия, а люди встали наизготовку, готовые к бою, ибо это корабль казался враждебным. Но он не мог плыть так же быстро, как наше судно, и остался позади. По всеобщему мнению корабль тот был французским.

17-го видели судно, что проплыло мимо.

18-го мы были на 3 с половиной градусе южной широты, видели множество летучих рыб и птиц.

19-го оказались мы на 5 градусе.

20-го случился изрядный шторм, который сделал погоду прохладнее.

21-го мы оказались на уровне Бразилии, против *S. Augustine*[24].

22-го мы были на 10,5 градусе.

23-го случился дождь и поменялся ветер, хотя муссоны меняются нечасто.

24-го мы были на 14 градусе, подул северо-восточный ветер.

25-го и 26-го ветер был тот же, и мы оказались на 17 градусе.

27-го дошли до 20 градуса и оказались рядом с островом, называемым *Trinidada*[25].

28-го мы поймали акулу. Это огромные рыбы, но мясо их не слишком вкусно. Плавники же, если их высушить, могут быть использованы в качестве досок для письма.

29-го был дождь и спокойная погода. Под вечер подул южный ветер, который дул и 30-го.

1-го мая мы достигли *Tropicum Capricorni*. Наша передняя мачта сломалась, но никого на корабле не покалечило.

2-го день и ночь была штормовая погода, при которой мы смогли плыть только под двумя парусами. Ветер дул северо-восточный. Поставили новую мачту.

3-го лил сильный дождь, и не было никакого ветра. Повсюду видели множество птиц, что следовали за нами все дни.

4-го дул южный ветер.

5-го ночью погода была спокойная, а днем подул попутный западный ветер, теперь мы поплыли с юго-востока на восток.

6-го дул сильный ветер, и мы оказались на 28 градусе. По морю ходили огромные волны.

7-го дул попутный юго-восточный ветер.

8-го мы были на 30 градусе, а после полудня подул встречный ветер.

9-го была спокойная погода. Солнце зашло в 5.30, а встало в 6.30 утра. Снова похолодало.

10-го ночью был сильный шторм, когда же он прошел, установился штиль, а потом вновь случился шторм с очень сильным дождем. Мы видели большую красивую птицу.

11-го дул попутный ветер, мы оказались на 31,5 градусе. Рядом с нами появились птицы, которые выглядели как утки, и на вкус были почти такими же[26]. Эти птицы вот уже более 1000 миль и 9 недель все дни сопровождали наш корабль, питались они тем,

[24] Мыс в Пернабуко (Бразилия).

[25] Тринидад — остров на западе Атлантического океана.

[26] Скорее всего, Мария Доротея описывает бакланов.

что ежедневно выбрасывалось за борт. Многих из них мы поймали и съели. Они ловятся на маленькую удочку, к которой прикрепляется небольшой кусочек мяса.

12-го подул встречный ветер.

13-го стояла суровая погода. Было достаточно холодно и штормило.

14-го ночью случилась буря, при этом шел сильный дождь с градом. Днем ветер ослаб и стал попутным. Солнце зашло в пять часов, а взошло в 7 утра.

15-го погода была штормовая, но при этом мы хорошо продвинулись вперед. Теперь почти все время плывем на восток. Часы наши приходится ежедневно переводить вперед на 4 минуты, ибо солнце на Востоке встает раньше, чем на Западе, откуда мы плывем. Мы оказались на 34,5 градусе на уровне *Cabo*, или Мыса Доброй Надежды. Очень хотелось пристать к нему, чтобы сообщить о нашем местонахождении в Европу [27], но капитан не находил существенных причин, чтобы причаливать, поскольку мы по-прежнему были обеспечены необходимым провиантом, и никто, кроме одного человека на нашем корабле, не был болен. Потому поплыли мы не на восток, где лежит *Cabo*, а дальше на юг.

16-го подул юго-восточный ветер, который к вечеру совсем ослаб.

17-го была совершенно тихая погода, какой обычно не бывает в этих краях. Мы видели множество незнакомых птиц, которые выглядели совершенно серыми.

18-го все еще был абсолютный штиль. К вечеру подул встречный ветер.

19-го мы оказались на 35,5 градусе.

20-го подул восточный ветер, и мы поплыли четко на юг. Море катило волны, подобные большим горам. Если бы корабль не был построен таким образом, что мог уклоняться от волн, то был бы разбит их силой. Он постоянно поднимался ими на большую высоту, и ими же бросался на глубину. Мы оказались на 37 градусе. Под вечер подул попутный западный ветер. Солнце взошло в 8 часов 30 минут, а в 4 часа 30 минут снова зашло.

21-го по-прежнему дул попутный ветер, с которым мы шли четко на восток. За сутки прошли 150 английских миль.

22-го была прекрасная погода и слабый ветер.

23-го был штиль.

24-го ветер снова стал встречным.

25-го и 26-го вновь погода была спокойной, мы поймали множество птиц.

27-го ветер был попутным, а 28-го и 29-го стал встречным.

30-го вокруг нас был штиль, и пели птицы. Теперь мы находились на меридиане напротив *Cabo*, который оставили по левую руку.

31-го, в день Святой Пятидесятницы[28], шел очень сильный дождь, дул встречный ветер и погода была штормовая.

1-го июня мы были на 39 градусе к югу, пело множество птиц, но погода была штормовая, однако к полудню все стихло.

2-го дул попутный ветер и шел сильный дождь.

---

[27] Если судить по письмам миссионеров, в эту эпоху Мыс Доброй Надежды служил, своего рода, перевалочным пунктом. Многие из путешественников делали на нем остановку, в том числе для того, чтобы пополнить провиант и отправить письма родным и друзьям.

[28] Пятидесятый день после пасхального воскресенья.

3-го погода была штормовой, но дул попутный ветер. Поскольку у нас хороший новый корабль, мы и при сильном ветре можем поднимать разные паруса.

4-го по-прежнему дул попутный ветер. В этих краях каждый день летает множество птиц.

5-го была тихая погода, редкая для этих краев. В море плавала большая мертвая рыбина, вокруг которой собралось несколько тысяч птиц, пожиравших ее. Когда такие большие рыбы умирают, они всплывают на поверхность, если только их не съедают на глубине другие рыбы. Бывает, некоторые рыбы пожирают других и живьем.

6-го ветер стал встречным и отогнал нас к югу.

7-го ветер оставался прежним, мы увидели огромную рыбу, даже бóльшую, чем кит, которая извергала вверх воду и дышала воздухом.

8-го и 9-го ветер все еще оставался встречным. Далеко по левую руку от нас лежал большой остров *Madagascar*. Прошел сильный дождь.

10-го и 11-го сохранялся тот же ветер, при котором мы вынуждены были плыть на юго-восток. Оказались на 43 градусе к югу, где было холодно, сверкали молнии и гремел гром. Все дни вокруг нашего корабля мы видели разных крупных птиц.

12-го ветер стал чуть лучше, мы оказались против острова *Mascarin*[29], который оставили далеко по левую руку.

13-го ветер дул нам в спину, мы снова плыли с юга на северо-восток и на восток.

14-го погода была пасмурная, а ветер ужесточился.

15-го подул попутный юго-западный ветер, который бушевал день и ночь. Волны на море выглядели как большие снежные горы. Далеко по левую руку мы оставили остров *Mauricien*[30], а вдали перед нами лежали два острова – *S.Paul* и *Amsterdam*[31].

16-го волны на море стали необыкновенно велики. Поднялся яростный ветер, который, в конце концов, превратился в сильнейший ураган. Поскольку ветер дул нам в спину, мы все еще могли плыть. Корабль летел подобно стреле. Под вечер ветер разорвал на несколько сотен кусков два паруса, а именно большой парус на большой мачте и парус на фок-мачте[32]. Ночью волна разбила вдребезги окно на галерее, так что вода залила нашу каюту, а волны бились в заднее окно, которое, впрочем, укрепили прочными досками. Укреплена заново была и галерея.

17-го ураган сохранял свою силу. Море и небо выглядели устрашающе. Капитан и все на корабле уверяли, что в жизни не видали подобного шторма. Все еще держался один парус[33], благодаря которому мы за сутки прошли 100 английских миль.

В ночь на 18-е ураган немного стих, но днем вновь усилился. Парус на фок-мачте, который все еще держался и который был совсем новым, также разорвало на мелкие кусочки. Теперь мы не могли поднять ни одного паруса и должны были препоручить себя бешеному ветру и морским волнам. Вечером к нам пришел капитан вместе с корабельным доктором и стал нас успокаивать, говоря, что с Божьей помощью

[29] Маскаренские острова — архипелаг в Индийском океане в 650 км к востоку от Мадагаскара.

[30] Остров Маврикий в западной части Индийского океана.

[31] Сен-Поль и Амстердам — острова в Индийском океане.

[32] Мария Доротея не вполне разбирается в морской терминологии. Потому мачты у нее называются попросту — то большими, то маленькими. В данном случае, поскольку она говорит о парусе на «передней мачте» («das vördere Mast-Segel»), очевидно, что речь идет именно о фок-мачте.

[33] Исходя из этого пассажа, можно предположить, что «Принц Фридрих» был трехмачтовым судном.

несчастья не должно случиться. Так я во благо себе поняла, как душа обретает мужество, когда, сохраняя стойкость, должна перейти из времени в вечность. После того, как оба они нас покинули, муж стал истово молиться. И под звуки этой молитву я возрадовалась. Когда было 8.30, а он все еще молился, волны так ударили о нашу каюту, что разбили ее. Мы оказались затоплены водой. И поскольку свет погас, и ничего не было видно, подумалось нам, что вся каюта и *Arcalic*[34] разбиты, но были разломаны только лишь окно и дверь нашей галереи. Тут же появился капитан с людьми из команды и невредимой доставили меня в кают-компанию[35]. Капитан немедленно освободил нам свою каюту и койку, коими мы могли пользоваться, пока чинили нашу каюту и сушили наши койки. Мы возблагодарили Бога, что все прошло без потерь, и что этот кошмар нам не навредил. Столь явная помощь Господа укрепила мою веру в него. Всю ночь шторм продолжался.

19-го ураган стих. Около полудня мы смогли плыть дальше. Но волны на море все еще были очень велики.

20-го ветер и море стали успокаиваться, подул попутный ветер, при котором мы вновь поплыли с юга на север.

21-го по-прежнему дул попутный ветер, вечером был шторм.

22-го мы вновь вселились в нашу каюту, которая была полностью отремонтирована.

23-го проплыли с юга на север до 28,5 градуса, и так постепенно вернулись в теплые края.

24-го при попутном ветре мы доплыли до 26,5 градуса. Ветер был юго-восточный, постоянный муссон вплоть до линии экватора.

25-го наш корабль прошел 160 английских миль.

26-го достигли *Tropicum Capricorni*. Здесь мы видели больших белых птиц, что постоянно обитают в этих краях и парят высоко в небе.

27-го мы были на 27 градусе.

А 28-го – на 19 градусе. Ветер в здешних краях благоприятствовал нам. В общем и целом мы прошли за сутки 180 английских миль.

29-го и 30-го доплыли до 13,5 градуса.

1-го июля были на 11 градусе. Если бы не было сильного ветра, в местности этой приходилось бы терпеть необычайно сильную жару, но из-за прохладного ветра она вполне переносима. Здесь можно видеть тучи летучих рыб.

2-го мы были на 8,5 градусе, проплыли необитаемый остров, называемый *Apaluria*[36], который оставили по левую руку. Видели огромное количество прилетевших оттуда птиц.

---

[34] В тексте слово дано обычной латиницей, а не готическим шрифтом, из чего следует, что оно не немецкое. Значение термина не вполне понятно.

[35] Скорее всего, имеется в виду именно кают-компания. В тексте стоит слово «Rundhaus» — буквальный перевод «круглый дом», в "Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm" предлагается значение «амфитеатр» [Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm, 1854].

[36] Остров в Индийском океане. Очевидно, название устаревшее. На старых картах (до XIX в. включительно) оно на картах есть, на картах современных – нет.

3-го мы были на 6,5 градусе и оставили по левую руку необитаемый остров, называемый *Candi*. На наш корабль прилетели птицы, их можно было ловить руками, ибо это очень глупая порода.

4-го были за 4,5 градуса до линии экватора и плыли четко на северо-запад, так чтобы *Ceylon* лежал впереди перед нами.

5-го мы были на 2,5 градусе.

6-го мы еще были на 26 минуте и после обеда прошли через линию *Aequinostial*[37], которую мы уже проходили прежде. Шел сильный дождь, и было очень спокойно.

7-го по правую руку оставили скалы *Owora*. Была совершенно тихая погода, и мы оказались на 40 минуте к северу от экватора. Вокруг нашего корабля можно было видеть всевозможных рыб, трижды удавалось поймать на удочку большую рыбину, но каждый раз она, сильно израненная, срывалась.

8-го был тот же слабый ветер, с которым мы дошли до 1 градуса 40 минуты.

9-го и 10-го доплыли до 4-го градуса. Подул сильный северо-западный ветер, который шел с суши и был для нас скорее встречным.

11-го ветер был тот же, и мы оказались на 5,5 градусах и нескольких минутах. Думали, что сегодня точно увидим остров *Ceylon*, но встречный ветер нас отнес в сторону. Вечером искали при помощи лота[38] дно. Но так и не нашли. Ночью погода была штормовая. Ветер порвал большой парус[39]. Поскольку было неведомо, далеко ли мы от суши, пришлось снова развернуться, но под утро мы вновь пошли своим курсом.

12-го[40] суша все еще не была видна, ветер дул встречный, и сильная буря отбросила нас далеко. Мы оказались на 6 градусе и 6 минуте. Под вечер бросили лот, но дна не нашли. Развернули корабль, пошли на юго-запад и стали крейсировать в поисках берега.

13-го мы шли со встречным ветром своим курсом и вновь приплыли к 5 градусу и 15 минуте от линии экватора.

14-го продолжал дуть встречный ветер, который сместил нас к 3,5 градусам. Это совершенно необычно, что в это время и в этой местности дует такой северо-западный ветер, как свидетельствуют все люди из команды: видимо, Господь хочет испытать наше терпение. Вечером около 8 часов ветер стал лучше и развернул судно.

15-го ветер снова подул встречный, так что нам опять пришлось вернуться.

16-го ветер стал чуть лучше, но он едва дул, так что мы не могли плыть дальше. Поймали 4 акулы, из которых одна сорвалась и ушла, остальные же три были приготовлены корабельным поваром.

17-го нам снова пришлось вернуться, произошло три сильных шторма. После полудня мы поймали и приготовили двух *Ponnetten*[41].

18-го мы находились лишь на 1 градусе от экватора.

---

[37] Экватор (лат.).

[38] В тексте оригинала стоит слово, ныне устаревшее: der Bleiwurf [Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm, 1854].

[39] В тексте этот парус называется «Mecrs», однако значение термина установить не удалось.

[40] В тексте стоит «6-го», что, очевидно, является опечаткой.

[41] См. сноску 20.

19-го, когда мы были прямо на экваторе, подул попутный ветер, и мы снова развернулись. Случился необыкновенный шторм, который был очень сильным. Когда прошел проливной дождь, стало спокойно, пока снова не набежали тучи.

20-го всю ночь был сильный дождь, сверкали молнии, и гремел гром. После полудня мы были на 1 градусе 25 минутах к северу от экватора. У солнца появился нимб, который выглядел как радуга разноцветным, подобного никто на корабле прежде никогда не видал.

21-го мы вновь оказались на 2,5 градусах, здесь нас настиг тот же ветер, с которым мы возвращались, но течение не сместило нас слишком сильно с нашего пути.

22-го мы вынуждены были развернуться.

23-го с утра подул попутный ветер, но после полудня он вновь стал встречным. Дождь лил все сильнее.

24-го ночью был сильный дождь и большой штиль, после чего подул попутный ветер, при котором мы смогли пойти на северо-запад. Видели на море водяной столб, достигавший облаков, а затем пошел сильный дождь. Под вечер вокруг нашего корабля множество морских свиней[42] стало выпрыгивать из воды.

25-го то шел дождь, то был штиль, и мы смогли немного проплыть вперед.

26-го почти весь день был штиль, и мы оказались не дальше трех градусов 15 минут. Спустили *Chalouppe*[43], чем уменьшили вес, чтобы течение отнесло нас на юго-восток. Некоторые из команды попрыгали в море и стали плавать вокруг (корабля).

27-го ночью поймали трех больших акул. Вплоть до вечера ветер был очень слабым, и лишь под вечер он усилился.

28-го достигли 4 градусов 50 минут.

29-го мы полагали с утра увидеть *Ceylon*, т. к. были уже на 6 градусе и 50 минутах, но шторм отнес нас слишком далеко, чтобы мы могли видеть сушу, что так будоражила умы, особенно учитывая, что 12 июля мы уже были там, где оказались теперь. Вечером и ночью бросали лот, но дна не нашли.

30-го мы были на 7 градусе 25 минуте. Плыли на северо-северо-запад и не могли разглядеть сушу. После полудня мы увидели, что море полно крабов, которые выглядят почти как ракообразные. Из этого капитан и вахтенные заключили, что мы, вероятно, дрейфуем у бухты *Comorin*[44], и было бы плохо, если бы мы еще день плыли дальше. Спустили лодку и попытались слева и справа найти дно, но так и не нашли. Снова поплыли назад.

31-го мы взяли курс на юго-восток на остров *Ceylon* и вновь видели множество крабов. Море казалось совершенно застывшим.

1-го августа мы все еще не могли разглядеть берег *Ceylon*, что доставил нам столько беспокойства. Море сильно пахло рыбой, из чего можно было заключить, что мы, видимо, вблизи суши.

2-го августа, когда все на судне были сильно опечалены и уже не ведали, где же мы очутились, после полудня с мачты закричали: «Земля, земля, земля!», что вызвало необычайную радость, ибо уж 3 недели, как мы сбились с пути. Капитан поднялся на

[42] Особый вид дельфина.

[43] Шлюпка (фр.).

[44] В тексте дневника, действительно, стоит слово «Bucht» (бухта, залив), хотя Коморин — мыс, южная оконечность Индостана.

мачту, желая удостовериться лично. Подплыв поближе, (увидели, что) это был *Ceylon*. Мы оказались совсем рядом с *Colombo*[45]. Того, кто первым увидел землю, все пассажиры щедро одарили деньгами. Теперь, надо полагать, мы поплывем в *Adschin*, а затем в *Bengalen*[46]. Так мы вновь обрели надежду, что достигнем Коромадельского берега и *Madras*.

3-го августа мы шли вблизи берега, оставляя по левую руку прекрасный остров, вокруг которого нам следовало плыть. Было видно высоко вздымающуюся гору Адама[47], можно было видеть и деревья на берегу.

4-го августа мы все еще плыли вокруг острова, на коем видели множество гор. К полудню достигли *Pattacala*[48] и пошли дальше. Ветер доносил с суши приятный аромат корицы.

5-го августа был штиль, и мы все еще находились вблизи суши, которая выглядела очень красивой. Наловили множество крабов, или морских ракообразных, которые часто проплывали мимо нашего корабля.

6-го ветер все еще был очень слабым, и мы смогли немного продвинуться вперед.

7-го ночью подул сильный ветер, но днем он опять ослаб. Мы были на 9,5 градусах. Вечером море выглядело пламенеющим; и этот свет какое-то время следовал за кораблем, оставляя за собой запах серы. Никто и никогда на нашем корабле прежде в море такого не видел. Так же было и 16-го июня, когда мы попали в жестокий шторм, на верхушке мачты собрались светящиеся существа, которые перелетали с мачты на мачту.

8-го мы покинули *Ceylon* и поплыли к Коромандельскому берегу, который к вечеру был так близко, что мы уже могли его видеть.

9-го августа проплыли мимо Форта *S. David*[49], *Budescheri*[50] и *Sadraspatnam*[51]. Нам встретилось множество шлюпок и (другого) транспорта.

10-го августа рано утром вступили в порт *Madras* и в 9 часов бросили якорь. Мы поприветствовали город и форт 21 залпом и получили в благодарность тоже 21 залп. К нашему кораблю тут же вышла толпа господ из Мадраса и малабарцев. Капитан наш был встречен на суше 21 залпом. Мой муж и я тут же на корабле получили письма из Транкебара, чему были рады. Немедленно одним из этих писем мы были вызваны на сушу, где пришлось пробираться через большую толпу малабарцев, что нас приветствовали. Нам был предоставлен паланкин, в котором я отправилась в крепость к *Gouverneur*[52], который встретил нас очень любезно. Английский пастор, господин *Stevenson*, отвел нас в свой прекрасный сад, где мы и расположились, и который был столь красив, что в Европе таких и не увидишь.

---

[45] Округ и город на Шри-Ланке.

[46] Этот, с точки зрения географии не вполне понятный пассаж в тексте, может объясняться тем, что Мария Доротея пишет о дальнейшем маршруте судна, по которому оно пойдет уже после того, как чета Цигенбальгов высадится в Мадрасе.

[47] Адамов пик, гора на Шри-Ланке.

[48] Вероятно, город Баттикаола, который на старинных картах обозначался как Oldest Dutch Settlement.

[49] Крепость между Пондишери и Транкебаром.

[50] Очевидно, Пондишери (Пондичерри) на юге Индии.

[51] Совр. Садрас — поселение на Коромандельском побережье в устье реки Палар.

[52] Губернатор (фр.).

Этот город вместе с пригородами тянется очень далеко и имеет немыслимое число жителей всех наций. Все гудит и кишит людьми. И гавань всегда полна судами. Одни приходят, другие уходят прочь. Кажется, что здесь ведется коммерческая деятельность всего Света.

Вот маршрут, который мы проделали в нашем путешествии, и то, что произошло. Мы от всей души благодарим Господа за то, что вопреки последним тяготам, он сделал это путешествие скорым, тогда как на других кораблях его приходится проделывать за 7–8 месяцев. Мы благодарим Бога и за то, что у нас был такой замечательный капитан, что стал нам как отец и доказал свою великую любовь, а с ним и все судовые офицеры и пассажиры. На нашем корабле все прошло благополучно, ибо капитан подавал всем хороший пример, и ежедневно запирался, чтобы творить в тиши свою молитву, сие серьезное поведение придало ему большой авторитет, так что все его очень уважали.

У нас никогда не было нужды в пище и питье, напротив, множество кур, овец и свиней остались живыми. Всю дорогу мы, как и прочие пассажиры, обходились без солонины, но каждый день ели свежие блюда. Ибо у нас в качестве пищи была свежая рыба и особенно множество птиц.

Наше судно было построено недавно и отправилось в плавание впервые. Отлично отстроенное, оно могло идти прекрасно. На нем у нас имелось собственное помещение, которое было половиной большой каюты, с тремя застекленными окнами, с просторной галереей сбоку, куда вела дверь, и с большим окном наружу. Наше помещение было самым большим и удобным из всех. Над нами располагались покои капитана, которые назывались *Rundel*, где мы собирались с пассажирами. Оттуда выходила дверь в проход, отделанный железом, где можно было сидеть или прогуливаться. На корабле имелось три палубы, на средней из них было расположено множество кают, в которых жили пассажиры и судовые офицеры. На верхней палубе по обеим сторонам лежали проходы для прогулок.

Из 14 пассажиров было 9 мужчин и 5 женщин. Время для нас проходило быстро. Мой возлюбленный постоянно занимался, изучал английский и писал малабарский *Vocabularium*[53]. Я же прилежно читала Библию, прочие немецкие и французские книги, а также изучала португальский и малабарский языки[54].

Определенно, морское путешествие не так ужасно, как его рисуют в Германии. Хотя, у того, кто впервые оказывается в море, оно вызывает постоянную рвоту и сильную тошноту, но когда они проходят, и выздоравливаешь настолько, что можешь переносить плавание, тогда смотреть на море — это более *plaisir*[55], чем страдание. Иногда некоторые опасения создают жестокий шторм или угроза морских пиратов,

[53] Словарь, о котором пишет Мария Доротея, — фундаментальный труд Цигенбальга «Grammatica Damulica», в котором нормы тамильского языка излагались на латыни. Интересно, что, хотя еще на корабле пастор работал над ним, но, видимо, тут же по прибытии в Мадрас переслал его в Европу. И в том же 1716 г. он был издан в Галле [Annotated Bibliography for Tamil Studies, 2010, p. 24–27].

[54] Интересная подробность: на самом деле супруги Цигенбальг путешествовали не вдвоем, а втроем. В одном из своих писем пастор сообщает о том, что с ними на корабле был индийский мальчик [Der Königl.dänischen Missionarien, 1717, S. 961]. Из писем более раннего времени мы узнаем, что Цигенбальг брал с собой из Индии в Европу мальчика по имени Малайяппа (в крещении Петрус) [Ziegenbalg, 1955, S. 414]. Вполне вероятно, что именно с его помощью Мария Доротея учила в пути тамильский язык.

[55] Удовольствие, наслаждение (фр.).

также во время столь длительного путешествия бывают и другие опасности, зачастую случаются то холод, то жара. Однако для тех, кто стремится к Господу, все это лишь служит возрастанию их веры и доверия к БОГУ, как я убедилась на собственном примере. Кроме того, это путешествие обогатило мои познания.

Милостивый Господь желает и дальше трудиться надо мною и усердно стараться, чтобы я среди язычников могла вести тот образ жизни, что был бы сообразен моему призванию и являлся бы светочем для язычников в их обращении.

Передавая поклон всей Вашей высокочтимой семье
навсегда остаюсь
Вашему Высокопреподобию
преданнейшей дочерью
Марией Доротеей Цигенбальг,
Урожденной Зальцман.

Мадрас в Ост-Индии на
Коромандельском побережье
18-го августа года 1716.

Литература / References

Круглова М. С. Маттео Рипа и его путешествие в Китай: выдержки из бортового журнала. *Восточный курьер*. 2019. № 1–2. С. 138–149 [Kruglova M. S. Matteo Ripa and His Travel to China: Extracts from the Logbook. *Oriental Courier*. 2019. No. 1–2. Pp. 138–149 (in Russian)].

Пятиязычный словарь названий животных. Рыбы. Латинский, русский, английский, французский, немецкий. Под ред. В. Е Соколова. М., 1989 [*A five-language dictionary of animal names. Fish. Latin, Russian, English, French, German*. Edited by V. E. Sokolov. Moscow, 1989].

Annotated Bibliography for Tamil Studies conducted by Germans in Tamilnadu during 18th and 19th Centuries: A Virtual Digital Archives Project. C. S. Mohanavelu (ed.). New Delhi, 2010.

Der Königl.dänischen Missionarien aus Ost-Indien eingesandte ausführliche Berichte von dem Werck ihres Amts unter den Heyden / Zwoelfte Continuation Des Berichte Derer Koenigl. Daenischen Missionarien Zu Tranquebar in Ost-Indien, Bestehend aus verschiedenen Briefen, Worinnen absonderlich von des Herrn Probst Ziegenbalgs Rueckreise naci Indien, und was sich auf selbiger merckliches zugetragen, theils auch von dem Zustande des Missions-Wercks in Tranquebar, umstaendliche Nachricht gegeben wird. Samt einer Vorrede. HALLE, in Verlegung des Waysenhauses. MDCCXVII (1717).

Dharmapal-Frick G. *Indien im Spiegel deutscher Quellen der Frühen Neuzeit (1500–1750)*. Tübingen, 1994.

Georgi L. *Maria Dorothea Ziegenbalg. Tatsachenberichte aus dem Leben der ersten deutschen evangelischen Missionarsfrau in Süd-Indien*. Berlin, 1958.

Jeyaraj D. *Bartholomäus Ziegenbalg, the Father of Modern Protestant Mission: An Indian Assessment*. New Delhi, 2006.

Merckwuerdige Nachricht aus Ost-Indien. Leipzig, 1708.

Sweetman W. The Prehistory of Orientalism: Colonialism and Textual Basis for Bartolomäus Ziegenbalg's Account of Hinduism. *New Zealand Journal of Asian Studies*. 2004. 6.2. Pp. 12–38.

Tamcke M. *Koexistenz und Konfrontation. Beiträge zur jüngerer Geschichte und Gegenwartslage der orientalischen Christen*. Münster, Hamburg, London, 2003.

Ziegenbalg B. *Alte Briefe aus Indien. Unveröffentliche Briefe von Bartholomäus Ziegenbalg 1706–1719*. Berlin, 1955.

Архивные документы / Archival documents

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 191. Дело 141.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Liste von Universitätsprofessoren. URL: https://www.catalogus-professorum-halensis.de (дата обращения 26.06.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-214-217

«ВЫЗОВЫ», БРОШЕННЫЕ РОССИИ В ЕЕ РЕГИОНАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ (АНАЛИЗ ИРАНСКОГО ФАКТОРА)

© 2021 **Маджид бен ‘Абд аль-‘Азиз ат-Турки***

В статье анализируется суть взаимоотношений Ирана и России как наследницы многонационального Советского Союза ввиду особенностей проблематики межнациональных конфликтов, унаследованных Российской Федерацией от СССР — с одной стороны, и экспансионистских устремлений Ирана — с другой. Иранская политическая стратегия во всех ее аспектах проявляется в стремлении сформировать точечные шиитские общины в регионах проживания мусульман-суннитов в России и в странах Средней Азии. В перспективе это самая серьезная проблема, от которой Россия будет страдать в рамках глубинной безопасности как на своей собственной территории, так и в региональном аспекте. Иранское вмешательство способно устремиться во внутренние российские регионы распространения ислама и столкнуться с российской суннитской глубинкой. За подобным развитием событий стоит Иран с его военным потенциалом, а также его эмиссары, действующие под прикрытием «уполномоченных представителей». Такая политика опирается на внутренние движущие силы и местное финансирование.

Ключевые слова: Российско-иранские отношения, межнациональные конфликты, конфликтология, российская внешняя политика, внешняя политика Ирана.

Для цитирования: Ат-Турки М. «Вызовы», брошенные России в ее региональном окружении (анализ иранского фактора). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 214–217. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-214-217

CHALLENGES TO RUSSIA IN ITS REGIONAL ENVIRONMENT (THE ANALYSIS OF THE IRANIAN FACTOR)

Majid bin ‘Abd al-’Aziz at-Turki

The article analyzes the essence of the relationship between Iran and Russia as the heir to the multinational Soviet Union in view of the peculiarities of interethnic conflicts inherited by the Russian Federation from the USSR, on the one hand, and Iran’s expansionist aspirations, on the other. Iranian political strategy in all its aspects manifests in the desire to form pinpoint Muslim Shiite communities in some regions of Russian Federation and in the states of Central Asia. In the long term, this is the most serious problem from which Russia will suffer within the framework of deep security both on its own

* Маджид бен ‘Абд аль-‘Азиз ат-ТУРКИ, кандидат политологических наук, президент Фонда информации и арабо-российских исследований; Эр-Рияд, Саудовская Аравия; dr.majedalturki@gmail.com

Majed bin Abdulaziz Al Turki, PhD (Political Science), Head of the Center for Media and Arab-Russian Studies in Riyadh, Saudi Arabia; dr.majedalturki@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8440-4752

Перевод статьи с арабского на русский язык выполнен Д. В. Микульским (д. и. н., г. н. с. ИВ РАН, Москва).

territory and in the regional aspect. Iranian intervention could reach inner Russian regions, where Islam is spreading rapidly, and collide with the Russian Sunni hinterland. Iran with its military potential, as well as its emissaries acting under the guise of 'authorized representatives' are behind such a development, relying on internal driving forces and local funding.

Keywords: Russian-Iranian relations, interethnic conflicts, conflictology, Russian foreign policy, Iranian foreign policy.

For citation: At-Turki M. Challenges to Russia in Its Regional Environment (The Analysis of the Iranian Factor). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 214–217. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-214-217

Российская Федерация — преемница Советского Союза. Об этой ее особенности необходимо вспоминать всякий раз при осуществлении глубокого анализа современного состояния и прогнозировании будущего России, исследуем ли мы перспективы ее развития или же совокупность стоящих перед нею проблем. Среди связанных с этой преемственностью характерных черт, свойственных России, выделим:

- этническое разнообразие и переплетение различных этносов в российском обществе, от чего проистекает также и языковое разнообразие;
- религиозное разнообразие, следствием которого выступает разнообразие коренных культур коренных народов России;
- взаимодополняющие и гармоничные экономические интересы;
- общие потребности в обеспечении государственной безопасности и основы таких потребностей.

Таковы основные черты Российской Федерации как наследницы СССР и связанные с ними горизонты большой стратегии. В то же время, эти черты порождают глубинные проблемы, стоящие перед Россией в контексте ее регионального окружения, ибо они могут использоваться противниками, которые стремятся подорвать ее безопасность и нарушить политическую, экономическую и социальную стабильность. Безусловно, все это необходимо скрупулезно и глубоко проанализировать.

Скрупулезного анализа требуют и этнические стороны бытия Российской Федерации. Нужно отметить, что в РФ отсутствует какая бы то ни было сегрегация или маргинализация по этническому признаку. Причин этому две. С одной стороны, положения федерального российского законодательства в этом отношении весьма жестко и четко сформулированы. С другой стороны, иные, нерусские / неславянские этнические элементы исторически глубоко укоренены в республиках или регионах проживания.

Углубленному анализу следует подвергнуть государственно-политические образования, расположенные вблизи российских границ. Отметим две разновидности.

1. Образования, полузависимые от России в силу исторических традиций. Это республики Средней Азии, Южного Кавказа, прибалтийские республики. Такие образования связаны с Россией политическими и экономическими интересами и объединены с нею русским языком.

2. Независимые политические образования, располагающиеся вдоль российских границ и образующие некую стратегическую глубину. Важнейшим среди таких образований является Иран, который представляет собой серьезный стратегический

вызов для России. Причина этого коренится в политической философии, господствующей в Иране.

В связи с этим представляется непонятным, почему Россия поддерживает опасные, с нашей точки зрения, стороны политики Ирана, причем не только относительно стран Персидского залива, но и относительно самой России. Опасность таких устремлений коренится в следующих причинах, связанных с Ираном:

1. Иран имеет общие границы с шестнадцатью государствами. Важнейшие из них — государства, составляющие основу российской стратегической глубины. Таковы Азербайджан, Грузия и некоторые среднеазиатские государства.

2. Иран — государство, обладающее серьезными экспансионистскими стратегическими устремлениями. В историко-географическом отношении со времен древнеперсидской державы и Сасанидской империи он представляет собой великую державу. Частично геополитические устремления Ирана распространяются на зоны стратегических интересов России (к этому относятся российско-грузинская война вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 г.[1] из-за Осетии и российско-украинский кризис из-за Крыма 2014 г.).

3. Иран — военизированное революционное государство, обладающее мощным военно-морским и ракетным потенциалом и стремящееся к обладанию высококачественным ядерным оружием, что создает угрозу для России и регионов ее стратегического влияния.

4. Иран — государство, опирающееся на революционный религиозно-общинный принцип. Частично сфера иранского религиозно-общинного влияния примыкает к мусульманским республикам и регионам Российской Федерации, а также распространяется на зону российского стратегического влияния.

5. Помимо этого, исторически существует и психологический аспект отношения иранцев к России и русским, ведь иранцы так и не преодолели исторических последствий ирано-российских войн. В XIX в. они захватили российское посольство, и это событие получило наименование «Резни в российском посольстве», когда были убиты русский посол Александр Грибоедов и все сотрудники российской дипломатической миссии. По всей видимости, захват посольств — это наследственная поведенческая черта иранцев.

Перечисленные исходные моменты вызывают вопросы.

1. Чего хочет Россия от Ирана?

2. Способны ли российская политика и потребности обеспечения национальной безопасности противостоять подобным вызовам? Или же все это находится вне поля зрения российской внешней политики?

Такое подробное рассмотрение российско-иранского досье необходимо для понимания и анализа подлинных проблем, с которыми сталкивается Россия. Если бы вновь обратиться к линии ирано-российского соприкосновения и подсчитать факторы, формирующие российские интересы, неизбежно возникнет вопрос:

Какие интересы имеют для России более глубокий и широкий характер — интересы, связанные с ее отношениями с Ираном, или же те, что связаны со странами Персидского залива?

[1] См.: Хроника вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Справка. *РИА Новости.* 04.08.2009. URL: https://ria.ru/20090804/179738601.html (дата обращения 20.03.2021).

На эту проблему возможно посмотреть под разными углами.

1. Экономический потенциал стран Персидского залива многократно превосходит возможности Ирана. Степень влияния стран Залива на мировом рынке нефти и газа масштабнее и глубже. Это в особенности значимо в связи с тем, что национальная экономика России главным образом опирается на нефть и газ.

2. Отношения стран Залива с Россией в высокой степени свободны от общинно-религиозного аспекта. Равным образом, страны Персидского залива не имеют геостратегических притязаний как на сами российские регионы, так и на зону ее стратегического влияния. С Ираном же дело обстоит иначе.

3. Отношения государств Залива с Россией имеют будущее, которое соответствует тому стратегическому повороту, который США намерены осуществить в нашем регионе относительно Ирана. Это означает, что Иран станет стратегическим пунктом противостояния России и Америки в рамках интересов обеих великих держав. Что же до отношения со странами Залива, то они носят принципиально иной характер.

Иранская политическая стратегия во всех ее аспектах (среди них: ядерное досье и баллистические ракеты, руководство борьбой внутри Сирии, оккупация Южного Ирака и воздействие на управление ситуацией в Ираке, создание проблем в местах расселения шиитов в Персидском заливе, создание опорных пунктов для шиитско-общинного влияния в прочих странах арабского мира) проявляется в стремлении сформировать точечные шиитские общины в регионах проживания мусульман-суннитов в России и в странах Средней Азии. В перспективе это самая серьезная проблема, от которой Россия будет страдать в рамках глубинной безопасности как на своей собственной территории, так и в региональном аспекте.

Российский политический истеблишмент осознает, что он еще не оправился от последствий Чеченского кризиса[2], оказавшего влияние и на другие регионы Кавказа, хотя такая ситуация не поддерживается внешними политическими силами реально. Иное дело иранское вмешательство, способное устремиться во внутренние российские регионы распространения ислама и столкнуться с российской суннитской глубинкой. За подобным развитием событий стоит Иран с его военным потенциалом, а также его эмиссары, действующие под прикрытием «уполномоченных представителей». Такая политика опирается на внутренние движущие силы и местное финансирование.

Неужели происходящее — это выражение сознательной российской политической воли? Или же это воля России, обусловленная влиянием иранских сил, действующих в среде российской политической элиты?

Литература / References

Гродненский Н. *Первая чеченская: История вооруженного конфликта*. М., 2018 [Grodnenskiy N. *The First Chechen War: The History of Military Conflict*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Хроника вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Справка. *РИА Новости*. 04.08.2009. URL: https://ria.ru/20090804/179738601.html (дата обращения 20.03.2021).

[2] Первая (1994–1996) и Вторая (1999–2009) чеченские войны. См.: [Гродненский, 2018]. — *Прим. ред.*

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-218-224

О ДЖИХАДИСТСКИХ ГРУППИРОВКАХ В ЗОНЕ САХЕЛЯ И РАСКЛАДЕ СИЛ МЕЖДУ НИМИ

© 2021

С. Э. Бабкин*

В статье рассказывается о расстановке сил между джихадистскими группировками в зоне Сахеля в связи со сменой руководства в одной из них — «Аль-Каиде в странах (исламского) Магриба», (организация «Аль-Каида» запрещена в РФ), об особенностях действий против них французского антитеррористического воинского контингента «Бархан», развернутого в этой зоне, а также других национальных и международных воинских формирований. Представлен «боевой путь» нового главаря «Аль-Каиды в странах (исламского) Магриба» алжирца Абу Убейды Юсефа аль-Аннаби, фигурирующего в американском «черном» списке международных террористов и в аналогичном списке ООН. Рассказано о трансформации действовавшей на национальном уровне Салафистской группы проповеди и джихада в группировку регионального масштаба, какой стала «Аль-Каида в странах (исламского) Магриба», об ее связях с «террористом № 1» Усамой бен Ладеном. Приведены детали и особенности спецоперации, в результате которой французским военным удалось ликвидировать многолетнего регионального главаря «Аль-Каиды» Абдельмалека Друкделя. Рассмотрен расклад сил между различными джихадистскими формированиями в регионе на начало 2021 г. Автор статьи является специалистом в области современных процессов в странах Северной Африки, в течение продолжительного времени проводившим полевые исследования в зоне Сахеля.

Ключевые слова: Сахель, Алжир, Мали, Бархан, джихадизм, операция.

Для цитирования: Бабкин С. Э. О джихадистских группировках в зоне Сахеля и раскладе сил между ними. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 218–224. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-218-224

ON JIHADIST GROUPS IN THE SAHEL ZONE AND THE BALANCE OF POWER

Sergei E. Babkin

The article describes the balance of forces between jihadist groups in the Sahel zone in connection with the change of leadership in one of them — al-Qaeda in the (Islamic) Maghreb (al-Qaeda is banned in the Russian Federation), the specifics of actions against them by the French anti-terrorist military contingent "Barkhan", deployed in this zone, as well as other national and international military formations. The article follows the "combat path" of the new leader

* Сергей Эдуардович БАБКИН, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sbab@mail.ru

Sergei E. BABKIN, DSc (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; sbab@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4555-6515

of "Al-Qaeda in the (Islamic) Maghreb" Algerian Abu Ubayda Youssef al-Annabi, who appears on the American "black" list of international terrorists and on a similar UN list. The article describes the transformation of the Salafist group of preaching and Jihad, which operated at the national level, into a regional-scale group, which became "Al-Qaeda in the (Islamic) Maghreb", its links with "terrorist #1" Osama bin Laden. The details and features of the special operation, resulting in French military's elimination of the long-term regional leader of Al-Qaeda, Abdelmalek Drukdel, are provided. The author considers the balance of forces between various jihadist groups in the region at the beginning of 2021, being a specialist in modern processes in North Africa, for a long time conducting field research in the Sahel zone.

Keywords: Sahel, Alger, Mali, Barkhan, jihadism, operation.

For citation: Babkin S. E. On Jihadist Groups in the Sahel Zone and the Balance of Power. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 218–224. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-218-224

21 ноября 2020 г. стало известно, что действующая в Алжире и ряде стран Сахеля террористическая группировка «Аль-Каида в странах (исламского) Магриба» (АКМ, запрещена в РФ) назначила на пост главаря («эмира») этой организации алжирца Абу Убейду Юсефа аль-Аннаби (боевой псевдоним, говорящий о том, что речь идет об уроженце алжирского города Аннаба). Ранее в течение многих лет этот пост занимал алжирец Абдельмалек Друкдель (или Друкдаль), уничтоженный французскими военными в июне 2020 г. в ходе спецоперации на севере Мали[1].

Таким образом, Аль-Аннаби занял пост главы АКМ, притом что ранее он возглавлял Консультативный совет этой организации. До последнего времени он руководил структурой АКМ, работавшей со СМИ, и поэтому регулярно появлялся в видеоматериалах, связанных с этой группой. 51-летний Аль-Аннаби — «ветеран» джихада. Он начинал еще в Салафистской группе проповеди и джихада (СГПД), действовавшей в Алжире. В 2011 г. именно он от имени АКМ присягнул на верность новому главарю «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири. В сентябре 2015 г. он попал в американский «черный» список международных террористов, а год спустя — в аналогичный список ООН.

Что касается АКМ, то в свое время ей «присягнули на верность» несколько джихадистских групп, действующих в Сахеле, которые в 2017 г. объединились в «Группу поддержки ислама и мусульман» (ГПИМ).

Одновременно с сообщением о назначении Аль-Аннаби АКМ в том же видеоролике вернулась к казни швейцарской миссионерки Беатрис Штекли, похищенной джихадистами в Мали в районе Томбукту в 2016 г. АКМ связала казнь заложницы с попыткой «французских крестоносцев» — французских военных из контингента «Бархан» — освободить ее.

В 2019 г. в интервью телеканалу France 24 Аль-Аннаби упомянул о возможности переговоров относительно освобождения европейских заложников, реализованной в октябре 2020 г., когда в обмен на освобождение из малийских тюрем свыше 200 джихадистов получили свободу одна француженка, двое итальянцев и лидер малийской оппозиции.

[1] AQIM Announces New Leader, Holds France Responsible for Death of Swiss Hostage. *SITE Intelligence Group*. 21.11.2020. URL: https://ent.siteintelgroup.com/Statements/aqim-announces-new-leader-holds-france-responsible-for-death-of-swiss-hostage.html (дата обращения 09.03.2021).

Назначение нового главаря АКМ может повлиять на развитие ситуации в Сахеле, где активно действующие под патронажем этой организации группировки начали соперничать за зоны влияния с местным подразделением «Исламского государства» (ИГ, запрещено в РФ). Но прежде чем проанализировать, к чему может привести это соперничество, вернемся к истокам.

Кем был Абдельмалек Друкдель?

СГПД возникла в 1998 г. в завершающий период внутриалжирского противостояния между властями этой страны и вооруженными исламистами, два года спустя после выхода ее основателя Хасана Хаттаба (боевой псевдоним — Абу Хамза) со сторонниками из Вооруженной исламской группы (ВИГ). Это произошло по настоянию бывшего международного «террориста № 1» Усамы бен Ладена. Такой шаг во многом был продиктован необходимостью реабилитировать в глазах алжирцев радикальных исламистов, ранее отметившихся массовыми убийствами мирных граждан.

СГПД заметно отличалась среди других джихадистских группировок. Во-первых, она была создана по прямому указанию бен Ладена, что говорило о ее прямой связи с «Аль-Каидой». Во-вторых, организация Хаттаба всегда претендовала на идейность, поскольку в отличие от ВИГ стремилась — по крайней мере, на словах — не прибегать к массовым расправам над мирным населением. В-третьих, вероятно, финансовые возможности «террориста № 1» обусловили переход многочисленных зарубежных структур ВИГ в оперативное подчинение СГПД [Куделев, 2014, с. 8]. В 2006 г. СГПД принесла присягу на верность бен Ладену.

В марте 2007 г. основатель и бывший национальный «эмир» СГПД Х. Хаттаб в Алжире был заочно приговорен к смерти. К этому времени его изгнали из СГПД, перед тем как эта организация «официально» присоединилась к «Аль-Каиде». Согласно утверждениям алжирских властей, Хаттаб воспротивился этому альянсу и был низложен собственными заместителями [Куделев, 2014, с. 8]. Существовал и еще один повод для его отстранения: полевым командирам стало известно, что Хаттаб вступил в контакт с алжирскими властями с целью разоружения своей организации по примеру того, как это было ранее сделано с Исламской армией спасения (ИАС — боевое крыло Исламского фронта спасения). Его место во главе уже АКМ занял А. Друкдель. В том же месяце он также получил наказание (заочно) в виде 20 лет тюрьмы.

Датой «рождения» АКМ считается 26 января 2007 г., когда СГПД объявила, что «по указанию» бен Ладена сменила название и будет называться новым именем. Само по себе название АКМ весьма многозначительно: оно указывает на то, что экс-СГПД замахнулась практически на всю Северную Африку. «После присоединения СГПД к "Аль-Каиде" и клятвы на верность льву ислама У. бен Ладену — да хранит его Аллах — было абсолютно необходимо, чтобы СГПД сменила название и показала тем самым связь между муджахидинами Алжира и нашими братьями из "Аль-Каиды"», — отмечалось в коммюнике, подписанном главарем СГПД [2] Друкделем (боевой псевдоним — Абу Мусаб Абдельвадуд). Он подчеркнул, что новое название было выбрано после консультаций с бен Ладеном. Уже позднее стало известно, что в ходе

[2] Куделев В. В. Ситуация в Алжире: январь 2007 г. *Институт Ближнего Востока*. 07.02.2007. URL: http://www.iimes.ru/?p=5440#more-5440 (дата обращения 09.03.2021).

«консультаций» с руководством «Аль-Каиды» АКМ выторговала для себя автономность в вопросах выбора целей и принятия решений.

У Друкделя «богатое» боевое прошлое. Он родился в 1971 г. в квартале Зайян в бедном предместье Мефтах алжирской столицы, образование получил в Блиде, успел повоевать против советских войск в Афганистане. В Алжире в 1993 г. присоединился к Вооруженной исламской группе (ВИГ), в которой выполнял функции пиротехника. В 1996 г. он примкнул к обосновавшейся в Кабилии и выделившийся в том же году из ВИГ СГПД во главе с Хаттабом. Позднее Друкдель сменил убитого Набиля Сахрауи во главе СГПД и в 2006 г. привел ее «под знамена» «Аль-Каиды». В то время одной из задач главаря СГПД была подготовка и направление бойцов из Алжира, Мавритании, Мали, Нигера, Туниса и Ливии в Ирак для джихада в рамках «Аль-Каиды». Эта работа была организована на крайнем юге Алжира.

Политическим и военным ментором Друкделя стал иорданец Абу Мусаб аз-Заркауи, убитый в Ираке американцами в 2006 г. В память о нем Друкдель включил в свой боевой псевдоним его имя, ведь не кто иной как Аз-Заркауи ввел в арсенал «Аль-Каиды» использование самоубийц в Ираке — практика, позднее использовавшаяся в Алжире Друкделем. Знавшие Друкделя рассказывали о нем как о сильной личности, блестящем ораторе, беспощадном полевом командире, готовом убивать даже своих подельников, если они не выполнят его инструкции или не разделят его идеологические взгляды. Его идеологическими воззрениями была смесь политического ислама и арабского национализма.

В Алжире Друкдель пять раз приговаривался к смертной казни заочно. Он надолго стал врагом номер 1 властей этой страны. Ему приписывали амбиции занять место бен Ладена в системе джихада, и продолжительность его «жизни» во главе АКМ во многом подтверждает это, хотя его положение «эмира» из «эмиров» нередко оспаривалось.

Об операции по уничтожению «эмира» АКМ

5 июня 2020 г. министр обороны Франции Флоранс Парли объявила о «большом успехе» Парижа: «3 июня французские военные (из состава контингента «Бархан») при поддержке партнеров нейтрализовали эмира АКМ Друкделя и несколько его ближайших сподвижников в ходе операции, проведенной на севере Мали»[3]. До этого всегда считалось, что главарь АКМ скрывался в горной местности на границе Алжира и Туниса. Были данные о том, что с 2018 г. главарь АКМ мог находиться не в Алжире, а в зоне Сахеля, о событиях в которой выходили подписанные им коммюнике. В Алжире роль главаря местного крыла АКМ стал играть Аль-Аннаби.

Про операцию, итогом которой стало уничтожение Друкделя, первоначально было известно следующее. Она была комбинированной с участием восьми вертолетов, в том числе двух боевых типа «Тигр», а также ударного беспилотника. Операция проводилась в дневное время в условиях 45-градусной жары в районе уэда Урдджан в регионе Тальхандак близ границы Мали и Алжира, в 20 км к западу от алжирского

[3] Le chef d'Al-Qaïda au Maghreb islamique tué au Mali par l'armée française. *Le Parisien*. 05.06.2020. URL: https://www.leparisien.fr/international/abdelmalek-droukdel-chef-d-al-qaida-au-maghreb-islamique-a-ete-tue-au-mali-05-06-2020-8330808.php (дата обращения 09.03.2021).

города Тимиауин и в 60 км к востоку от малийского города Тессалит. Там Друкдель собрал совещание полевых командиров АКМ. Две «Газели» высадили десант из 15 бойцов сил специальных операций, остальные вертолеты прикрывали огнем их действия на земле.

Франция заранее уведомила несколько стран о проведении этой операции, с тем чтобы заручиться их поддержкой на земле и не допустить ухода боевиков в соседние с Мали страны. США тут же заявили, что предоставили Франции разведывательную информацию, позволившую выследить главаря АКМ, а также «блокировали» его перемещения.

В ходе операции во время «ближнего боя» кроме Друкделя был уничтожен Туфик Шаиб, отвечавший в АКМ за координацию действий различных отрядов и пропаганду. Один джихадист без сопротивления сдался. Спецназовцы захватили важную цифровую информацию — мобильные телефоны и компьютеры, содержимое которых подлежало изучению. Операции предшествовало двухдневное слежение за целью.

18 июня АКМ распространила видеозапись, содержание которой признавало смерть Друкделя. Кроме этого признания запись содержала обещание АКМ продолжить борьбу против Франции и других иностранных сил в Северной Африке и Сахеле[4]. Французский контингент «Бархан» численностью 5100 военных действует в Сахеле с 2014 г., сменив (сугубо по названию) аналогичное формирование под названием «Серваль».

Что может произойти завтра?

К настоящему времени АКМ состоит из двух достаточно автономных структур. Одна из них действует в Кабилии, другая в Сахеле. При этом Друкделю не удалось привлечь под свое начало формирования джихадистов в Тунисе и Ливии, несмотря на заявленный в названии организации региональный характер. Его изолированность в Алжире вызывала вопросы у тех, кто действовал в зоне Сахеля от имени АКМ.

Какими могут быть последствия замены главы АКМ? Во-первых, нет ясности, каким авторитетом пользуется Аль-Аннаби внутри самой АКМ, где выросло молодое поколение джихадистов. Он известен больше как пропагандист, а не полевой командир, а в новой должности ему придется принимать решения по проведению операций. Известно также, что у него были напряженные отношения с Друкделем.

Второе неизвестное — как сложатся отношения между Аль-Аннаби и малийским туарегом, главарем ГПИМ Айядом аг-Гали, располагающим большой автономией при принятии решений. Считается, что он знает зону Сахеля и действующих там полевых командиров лучше алжирца.

Третье неизвестное — позиция Аль-Аннаби в отношении предложения властей Мали начать переговоры с джихадистами, первоначально отвергнуто Францией.

Главной «внешней» проблемой для Аль-Аннаби будут, как представляется, отношения с региональным подразделением ИГ — «ИГ в Большой Сахаре» (ИГБС) во

[4] AQIM Announces New Leader, Holds France Responsible for Death of Swiss Hostage. *SITE Intelligence Group*. 21.11.2020. URL: https://ent.siteintelgroup.com/Statements/aqim-announces-new-leader-holds-france-responsible-for-death-of-swiss-hostage.html (дата обращения 09.03.2021).

главе с Аднаном Абу Валидом Сахрауи, с формированиями которого у «каидистов» уже были боестолкновения. Бамако готов к переговорам с ГПИМ, но отвергает их с ИГБС. Теперь последнее в связи с гибелью Друкделя получает определенные преимущества перед главным региональным конкурентом – АКМ. И не случайно Франция еще в январе 2020 г. назвала ИГБС своим главным противником в регионе.

Как сообщила 5 июня 2020 г. Ф. Парли, «операции против ИГБС — другой большой террористической угрозы в регионе — продолжатся, 19 мая французские военные захватили Мохаммеда эль-Мрабата, ветерана джихада в Сахеле и видного полевого командира ИГБС» [5]. К тому же между Францией и Мали наметился определенный конфликт после того, как в начале октября 2020 г. Бамако освободил более 200 джихадистов, и, судя по всему, пошел на выплату выкупа в обмен на освобождение исламистами лидера оппозиции Сумайлы Сиссе, француженки Софи Петронин и двух итальянцев. Париж на словах всегда был против подобных сделок с джихадистами.

75-летняя француженка была похищена вооруженными лицами 24 декабря 2016 г. в городе Гао на севере Мали, где она жила и возглавляла гуманитарную организацию, оказывавшую помощь нуждающимся детям. 70-летний С. Сиссе был похищен 25 марта 2020 г. в районе Томбукту, куда он отправился в рамках предвыборной кампании перед парламентскими выборами. В его похищении подозревали связанную с «Аль-Каидой» джихадистскую группу во главе с Амаду Куфа, состоящую в ГПИМ.

Таким образом, за освобождение четырех заложников малийские власти отпустили на свободу 200 джихадистов. Последним ГПИМ во главе с Айядом аг-Гали устроила торжественную встречу. Понятно, что освобожденные вновь вольются в ряды этой организации. Последнее вряд ли понравится французам, которые передают захваченных пленников малийским властям после операций. Согласно расследованию французской «Либерасьон»[6], по меньшей мере 29 человек из числа освобожденных джихадистов были ранее пленены французами из контингента «Бархан». Показательно, что алжирские власти то и дело вновь арестовывают освобожденных джихадистов на территории страны, в связи с чем Алжир осудил действия Мали.

Быстро менялась и позиция Парижа в отношении возможных переговоров с некоторыми группировками джихадистов. 14 декабря 2020 г. начальник Генштаба французской армии генерал Франсуа Леконтр заявил в эфире радиостанции RFI, что принципиальный отказ Франции от переговоров с джихадистами не исключает возможности обсуждения «когда-нибудь» неких вопросов с врагами, чем придал определенную двусмысленность позиции Парижа. «Это выбор не военных, а политиков, начиная с малийских», — пояснил он[7].

---

[5] Communiqué de Mme Florence Parly, ministre des armées (Paris, 5 juin 2020). *Ambassade de France en Angola*. URL: https://ao.ambafrance.org/Communique-de-Mme-Florence-Parly-ministre-des-armees-Paris-5-juin-2020 (дата обращения 24.03.2021).

[6] Otages. Au Mali, un vaste échange de prisonniers se dessine. *Libération*. 5.10.2020. URL: https://www.liberation.fr/planete/2020/10/05/au-mali-un-vaste-echange-de-prisonniers-se-dessine_1801468/ (дата обращения 24.03.2021).

[7] Barkhane: en 2020, «un bilan très positif» même si «tout reste fragile», selon le général Lecointre. *Rfi.fr*. 14.12.2020. URL: https://www.rfi.fr/fr/podcasts/invit%C3%A9-du-matin/20201213-barkhane-en-2020-un-

Эта позиция Парижа была подтверждена 21 декабря 2020 г., когда канцелярия президента Франции допустила возможность переговоров местных властей с некоторыми джихадистскими группировками, действующими в Сахеле. При этом исключалась возможность переговоров с группировками, связанными с «Аль-Каидой» и ИГ. Разъяснялось, что в части возможных переговоров речь идет о некоторых формированиях, входящих в ГПИМ. Известно, что последняя также допустила возможность переговоров с малийскими властями при условии вывода из региона контингента «Бархан».

С другой стороны, двойная атака боевиков ГПИМ на французов в Мали на Новый 2021 год, а также последующие акции, свидетельствуют о непримиримости джихадистских формирований в Сахеле в момент, когда в некоторых странах региона, а также во Франции стали допускать возможность переговоров с некоторыми из них, и в частности, входящими в ГПИМ. Эти атаки были расценены как подтверждение решимости главаря ГПИМ Айяда аг-Гали добиться выдвинутых им условий начала диалога — вывода из региона французского контингента «Бархан», Миссии ООН Minusma и других международных сил. Их можно также рассматривать через призму стремления джихадистов подойти к возможным переговорам с позиции силы. Общепризнанно, что ГПИМ умеет заручиться поддержкой местного населения, эффективна в боях против армий стран региона (и не только их). Представляется, что мир в Мали не настанет либо без соглашения с ГПИМ, либо без ее уничтожения.

Литература / References

Куделев В. В. *«Аль-Каида в странах исламского Магриба» и др. в Северной Африке. Хроника событий*. М., 2014 [Kudelev V. V. *"Al-Qaeda in the Islamic Maghreb" and Others in North Africa. Events Chronicle*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Куделев В. В. Ситуация в Алжире: январь 2007 г. *Институт Ближнего Востока*. 07.02.2007. URL: http://www.iimes.ru/?p=5440#more-5440 (дата обращения 09.03.2021).

AQIM Announces New Leader, Holds France Responsible for Death of Swiss Hostage. *SITE Intelligence Group*. 21.11.2020. URL: https://ent.siteintelgroup.com/Statements/aqim-announces-new-leader-holds-france-responsible-for-death-of-swiss-hostage.html (дата обращения 09.03.2021).

Barkhane: en 2020, «un bilan très positif» même si «tout reste fragile», selon le général Lecointre. *Rfi.fr*. 14.12.2020. URL: https://www.rfi.fr/fr/podcasts/invit%C3%A9-du-matin/20201213-barkhane-en-2020-un-bilan-tr%C3%A8s-positif-m%C3%AAme-si-tout-reste-fragile-selon-le-g%C3%A9n%C3%A9ral-lecointre (дата обращения 24.03.2021).

Communiqué de Mme Florence Parly, ministre des armées (Paris, 5 juin 2020). *Ambassade de France en Angola*. URL: https://ao.ambafrance.org/Communique-de-Mme-Florence-Parly-ministre-des-armees-Paris-5-juin-2020 (дата обращения 24.03.2021).

Le chef d'Al-Qaïda au Maghreb islamique tué au Mali par l'armée française. *Le Parisien*. 05.06.2020. URL: https://www.leparisien.fr/international/abdelmalek-droukdel-chef-d-al-qaida-au-maghreb-islamique-a-ete-tue-au-mali-05-06-2020-8330808.php (дата обращения 09.03.2021).

Otages. Au Mali, un vaste échange de prisonniers se dessine. *Libération*. 5.10.2020. URL: https://www.liberation.fr/planete/2020/10/05/au-mali-un-vaste-echange-de-prisonniers-se-dessine_1801468/ (дата обращения 24.03.2021).

bilan-tr%C3%A8s-positif-m%C3%AAme-si-tout-reste-fragile-selon-le-g%C3%A9n%C3%A9ral-lecointre (дата обращения 24.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-225-237

ИДЛИБ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ (2011–2020)

© 2021

А. А. Хасан, С. А. Сейидли*

В статье рассматриваются разные периоды сирийского конфликта в регионе. В первой части разбираются причины формирования в Идлибе вооруженных группировок, факторы, повлекшие усиление экстремистов в регионе, а также описывается территориальный контроль над провинцией. Во второй части авторы анализируют влияние иностранных акторов на ход конфликта в Идлибе и акцентируют внимание на меняющейся сущности российско-турецких взаимоотношений в Сирии. Наступление сирийской армии в Идлибе в 2019 и 2020 гг. показало эволюцию российско-турецких взаимоотношений в Сирии. Страны, изначально поддерживающие разные стороны конфликта и имеющие совершенно разные интересы в регионе, готовы к полноправному сотрудничеству, которое, тем не менее, постоянно испытывается как личными разногласиями, так и противостоянием сирийских акторов конфликта. Будущее Идлиба на данном этапе определяет российско-турецкое сотрудничество и отношения в целом. Город Идлиб не контролируется правительственными войсками, и новая операция Сирийской Арабской Армии на данном этапе маловероятна из-за довольно значительного турецкого военного присутствия. Главной проблемой Анкары в настоящий момент является не столько угроза нового наступления со стороны сирийской армии, сколько борьба с влиянием Хайят Тахрир аш-Шам (запрещена в РФ) и других экстремистских группировок. В третьей части статьи авторы рассматривают Хайят Тахрир аш-Шам (крупнейшую экстремистскую группировку в Идлибе), ее влияние на конфликт и на будущее на Идлиба. В заключениях к разделам авторы отмечают, что Идлиб стал одной из важнейших зон конфликта и будущее взаимоотношений России и Турции определит деятельность сирийских участников конфликта и судьбу провинции в целом.

Ключевые слова: Сирия, Идлиб, США, Хайят Тахрир аль-Шам, Сирийский конфликт, терроризм, экстремизм, Турция, Россия.

Для цитирования: Хасан А. А., Сейидли С. А. Идлиб в сирийском конфликте (2011–2020). *Вестник I Института востоковедения РАН.* 2021. № 1. С. 225–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-225-237

* Аммар Абдулла ХАСАН, магистр факультета международных отношений Университета АДА (Баку, Азербайджан), бакалавр факультета бизнеса и администрации в Arab Open University (Эль-Кувейт, Кувейт); ammar.ahs86@gmail.com

Ammar Abdulla HASAN, MA graduate from the Faculty of International Relations of the ADA University, Baku, Azerbaijan; BA graduate from Faculty of Business and Administration at the Arab Open University, el-Kuwait, Kuwait; ammar.ahs86@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5360-8456

Салех Агил оглы СЕЙИДЛИ, аспирант факультета управления и политики МГИМО, Москва; saleh6064@gmail.com

Saleh Agil oglu SEYIDLI, postgraduate student at the Faculty of Management and Politics of MGIMO, Moscow, Russia; saleh6064@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4507-8640

IDLIB IN SYRIAN CONFLICT (2011–2020)

Ammar A. Hassan, Saleh A. Seyidli

The paper focuses on Idlib in Syrian conflict and aims at analyzing the course of the civil war in this province and describing its significance for the conflict in general. The article examines different phases of the Syrian conflict in the province. The first part covers the reasons behind formation of armed groups in Idlib and factors that led to the reinforcement of extremists in the region, as well as describes territorial control over the province. In the second part, the authors examine the impact of foreign intervention on the course of the conflict in Idlib and focus on the changing nature of Russian-Turkish relations in Syria. Syrian army offensive in Idlib in 2019 and 2020 showed the evolution of Russian-Turkish relations there. The countries that initially supported different parties to the conflict while having completely different interests in the region are ready for full-fledged cooperation, which, nevertheless, is constantly tested by both personal differences and the confrontation of the Syrian actors in the conflict. The future of Idlib at this stage determines Russian-Turkish cooperation and relations in general. The city of Idlib is not controlled by government forces, and a new operation by the Syrian Arab Army is unlikely due to the rather significant Turkish military presence. Ankara's main problem now is not so much the threat of a new offensive from the Syrian army, but rather the fight against the influence of Hayat Tahrir al-Sham (banned in the Russian Federation) and other extremist groups. In the third part of the article, the authors explore Hayat Tahrir al-Sham (the largest extremist group in Idlib), its impact on the conflict and the general future in Idlib. In the conclusions the authors note that Idlib has become one of the most important conflict zones in the country and that the future of relations between Russia and Turkey will determine the activity of the Syrian actors of the conflict and the future of province.

Keywords: Syria, Idlib, FSA, Hayat Tahrir al-Sham, Syrian conflict, terrorism, extremism, Turkey, Russia.

For citation: Hassan A. A., Seyidli S. A. Idlib in Syrian Conflict (2011–2020). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 225–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-225-237

РАЗВИТИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА В ИДЛИБЕ

Массовые антиправительственные демонстрации в Сирии начались в марте 2011 г., но к июлю развитие событий приняло более агрессивный характер, и страна вступила в так называемый «ранний этап повстанческого движения», продолжавшийся до апреля 2012 г. и отмеченный ростом насилия по всей Сирии, привлечением международного внимания к сирийской проблеме, а также появлением целого ряда вооруженных антиправительственных группировок, многие из которых впоследствии стали важными участниками конфликта.

Два основных фактора привели к формированию вооруженных групп в Идлибе (а также других регионах Сирии) летом и осенью 2011 г. Во-первых, довольно спорное решение правительства Башара Асада объявить амнистию целому ряду политических заключенных в мае 2011 г. Несмотря на то что международное сообщество довольно долгое время требовало от сирийского правительства освободить от наказания огромное количество разного рода активистов[1], большинство людей, вышедших на

[1] Syria: Sednaya prison killings: independent investigation needed. *Amnesty International*. 07.08.2008. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/mde24/018/2008/en/ (дата обращения 05.03.2021); States must act resolutely on UN report on Syria. *Amnesty International*. 28.11.2011. URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2011/11/states-must-act-resolutely-un-report-syria/ (дата обращения 05.03.2021); Resolution adopted by the Human Rights Council. *United Nations*. 04.05.2011. URL:

свободу в результате выборочной амнистии, были радикалами, имевшими связи с экстремистскими движениями. Такие личности, как Захран Алуш (будущий лидер Джейш аль-Ислам)[2], Хасан Абуд[3] (будущий лидер Ахрар аль-Шам), Ахмад Иса аш-Шейх (будущий лидер Сукур аш-Шам), Аваад аль-Махлаф[4] и Абу Ахир аль-Абси[5] (высокопоставленные члены ИГИЛ)[6] были выпущены из тюрем, в то время как многие сирийские активисты, не представлявшие угрозу безопасности страны, так и не были помилованы[7]. Согласно ряду аналитиков, сирийское правительство довольно корректно спрогнозировало, что получившие амнистию экстремисты вступят в ряды различных вооруженных групп, постепенно радикализируют некоторые элементы внутри сирийского антиправительственного движения и тем самым нанесут большой ущерб имиджу оппозиции как внутри, так и за пределами Сирии, а также придадут большую легитимность действиям сирийского правительства[8] [Вайс, Хасан, 2016, с. 187].

Таким образом, с первого года войны Идлиб становится регионом активной деятельности разного рода исламистских и экстремистских групп (что в контексте

https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Syria%20AHRC%20RES%20S-16%201.pdf (дата обращения 05.03.2021).

[2] Syria's Top Five Insurgent Leaders. *Syria Comment*. URL: https://www.joshualandis.com/blog/biggest-powerful-militia-leaders-syria/ (дата обращения 05.03.2021).

[3] Aightial muasis harakat 'ahrar ash-sham hisan ebbwad. *Al Jazeera*. 09.09.2014 URL: https://www.aljazeera.net/videos/2014/09/10/%D8%A7%D8%BA%D8%AA%D9%8A%D8%A7%D9%84-%D9%85%D8%A4%D8%B3%D8%B3-%D8%AD%D8%B1%D9%83%D8%A9-%D8%A3%D8%AD%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%A7%D9%85-%D8%AD%D8%B3%D8%A7%D9%86 (дата обращения 05.03.2021).

[4] ISIS Restructures Raqqa Under its New Ruling System. *Syria Deeply*. 14.11.2014. URL: https://deeply.thenewhumanitarian.org/syria/articles/2014/11/14/syrian-diary-part-16-my-first-day-at-university (дата обращения 05.03.2021).

[5] ISIS Restructures Raqqa Under its New Ruling System. *Syria Deeply*. 14.11.2014 URL: https://deeply.thenewhumanitarian.org/syria/articles/2014/11/14/syrian-diary-part-16-my-first-day-at-university (дата обращения 05.03.2021).

[6] Seyidli S. Syria's Unending Inter-Rebel Conflict: The War within the Opposition. *Suriye Gundemi* 04.03.2019. URL: http://en.suriyegundemi.com/2019/03/04/syrias-unending-inter-rebel-conflict-the-war-within-the-opposition/ (дата обращения 05.03.2021).

[7] Report of the independent international commission of inquiry on the Syrian Arab Republic. *United Nations Human Rights Council*. 24.03.2014. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/secretary-generals-reports/page/8?ctype=Syria&cbtype=syria#038;cbtype=syria (дата обращения 05.03.2021); Syria: UN Calls for the Release of Freedom of Speech Advocate Bassel Khartabil. *Al Karama*. 23.06.2015. URL: https://web.archive.org/web/20150625170229/http://en.alkarama.org/1763-syria-un-calls-for-the-release-of-freedom-of-speech-advocate-bassel-khartabil (дата обращения 05.03.2021).

[8] Sands P., Vela J., Maayeh S. Assad regime set free extremists from prison to fire up trouble during peaceful uprising. *Souriya Houriya*. 28.01.2014. URL: https://souriahouria.com/assad-regime-set-free-extremists-from-prison-to-fire-up-trouble-during-peaceful-uprising-by-phil-sands-justin-vela-and-suha-maayeh/ (дата обращения 05.03.2021); Radicals are Assad's best friends. *The National*. 01.01.2014. URL: https://www.thenationalnews.com/radicals-are-assad-s-best-friends-1.308145 (дата обращения 05.03.2021); Weiss M. Bashar al-Assad's Connection to ISIS. *Carnegie Council*. 16.10.2015. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nyxg0J3alX0 (дата обращения 05.03.2021); Fares N. Why I defected from Bashar al-Assad's regime. *The Telegraph*. 14.07.2012. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/9400537/Exclusive-interview-why-I-defected-from-Bashar-al-Assads-regime-by-former-diplomat-Nawaf-Fares.html (дата обращения 05.03.2021); Tamimi A. J. The Assad Regime and Jihadis. *Syria Comment*. 11.02.2014. URL: https://www.aymennjawad.org/14413/the-assad-regime-and-jihadis-collaborators (дата обращения 16.03.2021).

сирийского конфликта не синонимично). Бригады Сукур аш-Шам были сформированы под руководством Ахмад Иса аш-Шейха в сентябре 2011 г. в Сардже (Идлиб), а в декабре того же года в Бабсаке (Идлиб) под руководством Хасана Абуда возник один из крупнейших исламистских союзов Сирии «Ахрар аш-Шам». Однако ошибочно утверждать, что исламистские группы стали основными действовавшими в Идлибе антиасадовскими силами из-за наличия в регионе ряда светских групп.

Вторым фактором стали массовые дезертирства из рядов Сирийской Арабской Армии (часто именуемой в СМИ как САА) из разных военных частей в Идлибе[9]. Перешедшие на сторону оппозиции солдаты сформировали в Идлибе «Бригаду солдат справедливости», официально составлявшей часть «Свободной Армии Сирии» (ССА), крупнейшей повстанческой коалиции, боровшейся против правительства и изначально состоявшей преимущественно из светских групп[10]. Несколько вооруженных групп, связанных с ССА, появились в Идлибе и в 2013 г.: «Бригада Ястребов горы Завия», «13-я дивизия», «Стражи революции», «Революционный фронт Саракиба» и другие.

К началу 2014 г. Идлиб стал ареной борьбы большого числа различных умеренных и радикальных оппозиционных групп. Отношения между группами, идеологические предпочтения которых варьировались от светского сирийского национализма до салафизма, были довольно сложными. Несмотря на то что имело место противостояние и конкуренция между рядом вооруженных групп, оппозиции удалось избежать полномасштабного конфликта, так как свержение Башара Асада оставалось главным приоритетом антиправительственных сил. Тем не менее ситуация начала меняться в худшую сторону по мере усиления в сирийском конфликте таких террористических организаций, как «Джабхаат ан-Нусра» (запрещена в РФ). Основанная в начале 2012 г. как отделение Аль-Каиды в Сирии, ан-Нусра изначально располагала штаб-квартирой в Дейр аль-Зоре, но в феврале 2014 г. переместилась в Идлиб после конфликта с ИГИЛ [Листер, 2016, с. 5].

После обоснования в Идлибе руководство ан-Нусры решило продолжить реализацию долгосрочного проекта в Сирии, заключающегося в свержении сирийского правительства и создании исламского эмирата, но для этого нужно было добиться доминирования внутри сирийской оппозиции. Совершив тактическое объединение с рядом других радикальных групп, Ан-Нусра атаковала позиции Сирийского Революционного Фронта и Движения «Хазм» (обе группы входили в ССА) и тем самым увеличила сферу влияния в Идлибе. Решение было продиктовано не только

[9] Landis J. Free Syrian Army Founded by Seven Officers to Fight the Syrian Army. *Syria Comment*. 29.06.2019. URL: https://www.joshualandis.com/blog/free-syrian-army-established-to-fight-the-syrian-army/ (дата обращения 05.03.2021).

[10] Engel R., Miklazshewski J., Balkiz G., Windrem R. Extremist element among Syrian rebels a growing worry. *NBC News*. 10.09.2013. URL: https://www.nbcnews.com/news/other/extremist-element-among-syrian-rebels-growing-worry-f8C11115141 (дата обращения 05.03.2021); Roche C. Syrian Opposition Factions in the Syrian Civil War. *Bellingcat*. 13.08.2016. URL: https://www.bellingcat.com/news/mena/2016/08/13/syrian-opposition-factions-in-the-syrian-civil-war/ (дата обращения 05.03.2021); Haid H. The Southern Front: allies without a strategy. *Heinrich Boll Stiftung*. 21.08.2015. URL: https://lb.boell.org/en/2015/08/21/southern-front-allies-without-strategy (дата обращения 05.03.2021); Alami M. Can FSA get back on its feet after Russian intervention? *Al Monitor*. 31.12.2015. URL: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/12/free-syrian-army-morale-russia-strikes.html (дата обращения 05.03.2021); Jettmer J. Syria's Rebel Rivalry Between Jihadists and FSA. *Daily Beast*. 12.06.2017. URL: https://www.thedailybeast.com/syrias-rebel-rivalry-between-jihadists-and-fsa (дата обращения 05.03.2021).

идеологическими, но и стратегическими различиями. Постепенная децентрализация ССА, военные поражения, разногласия в руководстве, неспособность оказать гуманитарную помощь населению на подконтрольных территориях и дезорганизация привели к падению популярности связанных с ССА групп и утрате доверия к ним в ряде районов Сирии. Поэтому в такой обстановке подъем Джабхат ан-Нусры в Идлибе казался закономерным, поскольку ан-Нусра представляла собой более дисциплинированную, организованную, идеологически мотивированную группу, полевые командиры которой были довольно лояльны к ее лидеру Ахмеду Хусейну аш-Шараа (более известному как Абу Мухаммад аль-Джулани). Ан-Нусра показала себя как довольно прагматичная фракция: несмотря на то, что ан-Нусра вступила в конфликт с рядом групп ССА за сферу влияния на севере и западе Идлиба, это не мешало ей сотрудничать с другими группами ССА (а также с рядом исламистских групп) против правительственных сил на юге Идлиба (например, во время битвы за Хан-Шейхун) [Листер, 2016, с. 7].

В то время как был достигнут международный консенсус о статусе «Джабхаат ан-Нусры» как террористической организации [11], статус других вооруженных групп, боровшихся против правительства, оставался неясен. Одной из таких групп стала базирующаяся в Идлибе Ахрар аш-Шам. Несмотря на требования России и Сирии, Совет Безопасности ООН отказался признать Ахрар аш-Шам террористической организацией. В марте 2015 г. Ахрар аш-Шам сформировала общий командный центр с рядом религиозных групп, получивший название «Джейш аль-Фатах». На начальном этапе «Джейш аль-Фатах» действовала в военном плане очень успешно, и в июне 2015 г. разгромила силы правительства и их союзников (проправительственные ополчения и ливанское движения Хезболла) в Идлибе, в ходе контрнаступления заняв север провинции Хама и в последующие месяцы закрепив позиции в Алеппо.

К осени 2015 г. положение Сирийской Арабской Армии было довольно критическим. Правительство Сирии контролировало только треть территории и не смогло оказать достойное сопротивление ни наступлению ИГИЛ в Хаме, Хомсе и Дейр аль-Зоре, ни контрнаступлению оппозиции в Идлибе и Хаме; к сентябрю 2015 г. правительственные силы потеряли какой бы то ни было контроль над Идлибом.

В конце сентября 2015 г. Вооруженные Силы России официально начали военную операцию в Сирии с целью борьбы с терроризмом и поддержки правительства Башара Асада [12]. На начальном этапе российской операции в Сирии именно Идлиб стал основным регионом авиаударов ВВС России [13]. Российское вмешательство постепенно начало менять ход войны, и, несмотря на ряд успехов «Джейш аль-Фатах» весной и летом 2016 г., альянс понес значительные потери и

[11] UN blacklists Syria's al-Nusra Front. *Al Jazeera*. 31.05.2013. URL: https://www.aljazeera.com/news/americas/2013/05/201353021594299298.html (дата обращения 05.03.2021).

[12] Мирзоян Г. В., Кузнецов В. А. Дебаты на РСМД: Россия в Сирии. *РСМД*. 30.09.2015. URL: https://russiancouncil.ru/syriadebate (дата обращения 05.03.2021); Мельникова А. Почему Россия помогает Сирии. *РИА Новости*. 24.09.2015. URL: https://ria.ru/20150924/1279620257.html (дата обращения 05.03.2021); Валитов И. С. Зачем Россия в Сирии? И почему? *РИА Новости*. 15.10.2015. URL: https://ria.ru/20151015/1302441187.html (дата обращения 06.03.2021).

[13] Russian airstrikes in Syria: September–October 2015. *Institute Study of the War*. 22.10.2015. URL: http://www.understandingwar.org/map/russian-airstrikes-syria-september-30-october-18-2015 (дата обращения 06.03.2020).

потерпел ряд серьезных поражений осенью и зимой того же года. Из-за увеличивающейся российско-иранской поддержки правительству и нарастающего соперничества между Ахрар аш-Шам и ан-Нусрой, альянс окончательно распался.

В январе 2017 г. аль-Джулани (к тому моменту уже сменивший название на Джбхат Фатах аш-Шам) объявил о разрыве связей с Аль-Каидой и о создании Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ) в Идлибе[14]. Летом 2017 г. ХТШ начала активную вооруженную компанию против умеренных повстанческих групп в Идлибе и к осени того же года смогла взять под контроль около 60 % провинции, включая сам город Идлиб[15], а в сентябре 2017 г. ХТШ провозгласила собственное «Правительство Национального Спасения», тем самым окончательно оформившись в независимую и отдельную сторону конфликта. В такой критической для оппозиции политической ситуации другим повстанческим группировкам пришлось объединить усилия для борьбы с ХТШ, поэтому к началу к 2019 г. абсолютное большинство групп в Идлибе стали частью единого оппозиционного альянса под названием «Сирийская Национальная Армия» (СНА), которая лояльна Временному правительству Сирии (политическому органу, занимающемуся гражданской администрацией на территориях подконтрольных оппозиции, некоторые представители которой участвуют в переговорах по Сирии).

Турция и Россия в Идлибе

С самого начала конфликта Турция заняла довольно четкую позицию по отношению к конфликту. В мае 2011 г. она присоединилась к числу стран, призвавших президента Сирии Башара Асада уйти в отставку. С последующей эскалацией конфликта Турция начала оказывать дипломатическую, финансовую и военную поддержку оппозиции, постепенно стала основным сторонником оппозиции на международной арене и, соответственно, страной с наибольшим влиянием на нее. Тем не менее дальнейшие политические события в регионе повлекли за собой смену баланса сил в конфликте и поставили Турцию перед двумя свершившимися фактами. Во-первых, российское и иранское военное вмешательство позволили Асаду сохранить власть и изменить ход конфликта в свою пользу. Во-вторых, военные успехи сирийской армии на юге и востоке страны повысили стратегическую важность Идлиба и турецкой «зоны безопасности» на севере (территории, контролируемой ССА и Турцией в мухафазах Алеппо, Ракка и Хасака), ставших убежищем для огромного количества беженцев, активистов и повстанцев (если до войны население Идлиба составляло 1,5 млн. человек[16], то на данный момент там проживает более 4 млн. человек[17]).

На турецкую политику в Сирии также оказало влияние действий США в Сирии. Если изначально внешнеполитические цели Турции и США в Сирии были схожими, и

[14] Al-Nusra leader Jolani announces split from al-Qaeda. *Al Jazeera.* 20.07.2016. URL: https://www.aljazeera.com/news/2016/07/al-nusra-leader-jolani-announces-split-al-qaeda-160728163725624.html (дата обращения 16.03.2021).

[15] Hay'at Tahrir al Sham Takes Control of the Majority of the Idlib Governate by Brute Force. *SNHR.* 21.10.2017. URL: http://sn4hr.org/wp-content/pdf/english/Report_of_violations_of_the_Hay%E2%80%99et_Tahrir_al%20Sham_en.pdf (дата обращения 16.03.2021).

[16] Provinces of Syria. *Statoids.* URL: http://www.statoids.com/usy.html (дата обращения 16.03.2021).

[17] Bringing Down Baghdadi. *VICE News.* 02.11.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fz_B4SvS48o&t=2192s (дата обращения 16.03.2021).

в Аммане при содействии США был создан Центр Военных Операций, который занимался поддержкой ССА в Сирии[18], то с усилением ИГИЛ в 2014 г. США начала менять свою политику в регионе, и главной целью стало устранение территориального контроля ИГ [19]. Поэтому в сентябре 2014 г. была сформирована международная коалиция для борьбы с ИГИЛ, и одним из основных партнеров для борьбы с этой организацией стало курдское движение «Демократический союз», а точнее, ее военное крыло «отряды народной самообороны» (известные в западных и российских СМИ под аббревиатурой YPG) [20]. При поддержке международной коалиции «Сирийским Демократическим Силам» (вооруженный альянс, основу которого составляет YPG) удалось взять контроль над большей частью севера Сирии. Из-за связей YPG с Рабочей Партией Курдистана (РПК) Турция негативно восприняла сотрудничество США и целого ряда других государства с YPG.

На фоне расширения территориального контроля сирийской армии и постепенного усиления курдского фактора Турция начинает менять свою политику в Сирии: с 2016 г. ее приоритетом становится борьба против YPG, окончательная цель которой — установление автономии на севере Сирии — рассматривается Анкарой как угроза национальной безопасности. Еще одним приоритетом Анкары стало создание «зоны безопасности» на севере Сирии для гражданских лиц, бежавших из зон конфликта, и тем самым предотвращение ухудшения положения с беженцами в самой Турции.

Тем не менее, при осуществлении описанных целей Турция столкнулась с жесткой реакцией США и других союзников по НАТО, не поддерживавших любые вооруженные операции против YPG. Поэтому Турция решила добиться ряда своих целей через сотрудничество с Россией, т. е. одной из причин сближения России и Турции в Сирии стал курдский фактор. Если Турция рассматривала YPG как угрозу национальной безопасности и оппонента оппозиционных сил в Сирии[21], то Россия, несмотря на отсутствие серьезных разногласий с СДС, негативно относилась к значительному американскому присутствию на подконтрольных СДС территориях[22].

Поэтому, несмотря на совершенно разные позиции по Сирии и серьезное ухудшение отношений между этими двумя странами, последовавшее после инцидента с российским Су-24 в ноябре 2015 г., уже в 2016 г. Турция и Россия смогли начать переговоры по полномасштабному перемирию в Сирии, достигнутому в декабре того же года. Перемирие затрагивало правительственные силы и основные повстанческие

---

[18] Maintaining the U.S. CT Mission in Southern Syria. *The Washington Institute*. 28.08.2017. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/maintaining-the-u.s.-counterterrorism-mission-in-southern-syria (дата обращения 16.03.2021).

[19] Joint communiqué by ministers of the global coalition to defeat Daesh/ISIS small group. *The Global Coalition*. URL: https://theglobalcoalition.org/en/ (дата обращения 16.03.2021).

[20] Голубев Д. Курды между Трампом и Эрдоганом. *РСМД*. 18.05.2017. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kurdy-mezhdu-trampom-i-erdoganom-/?sphrase_id=73954308 (дата обращения 16.03.2021).

[21] Erdogan says Turkey in Syria due to terror threat. *Anadolu Agency*. 01.10.2019. URL: https://www.aa.com.tr/en/politics/erdogan-says-turkey-in-syria-due-to-terror-threat/1599071 (дата обращения 16.03.2021).

[22] Посол России в САР оценил политику США в Сирии. *RT*. 11.02.2021. URL: https://russian.rt.com/world/news/831179-posol-rossii-v-sar (дата обращения 16.03.2021).

группировки (включая базировавшиеся в Идлибе), однако оно не касалось ИГИЛ, Ан-Нусры и СДС. В дальнейшем Турция провела несколько полномасштабных военных операций против ИГИЛ и YPG при согласии России.

В результате Астанинских переговоров, начавшихся в мае 2017 г., были определены четыре зоны «деэскалации» сроком на шесть месяцев: Идлиб, часть Хомса, Кунейтра с Дараа и Западная Гута. ВС России, Ирана и Турции также устанавливали в этих зонах военные посты.

К началу 2018 г. территории трех из четырех зон прекратили существование в результате военных операций сирийской армии при поддержке России и Ирана, что сделало Идлиб последней зоной деэскалации и главным оплотом оппозиции. Несмотря на то что крупнейшие оппозиционные группировки, базирующие в Идлибе, входили в соглашение о перемирии от декабря 2016 г., их положение ухудшилось из-за усиления в регионе экстремистов (таких, как ХТШ и сформированная в 2018 г. «Хурас ад-Дин»), а также из-за постоянных авиаударов со стороны ВВС Сирии, повлекших за собой потери среди гражданского населения[23]. Наличие в этом регионе экстремистов не только означало борьбу за территориальный контроль между оппозиционным фракциями и ХТШ, но также создавала формальный повод для будущих военных операций со стороны сирийского правительства и его союзников. Для того чтобы предотвратить эскалацию ситуации в Идлибе, в марте 2018 г. Россия, Турция и Иран заключили Сочинские соглашения, по которым объявлялось о создании демилитаризованной буферной зоны и совместных турецко-российских патрулей. Но уже в феврале 2019 г. сирийская армия начала военную операцию, имевшую первоначальный успех, но остановленную военными и дипломатическими действиями Турции. В результате в марте 2020 г. было подписано новое соглашение, по которому перемирие объявлялось заново, была объявлена новая демилитаризованная зона, увеличивалось число турецких военных постов и турецко-российских патрулей. По сути, данное соглашение делило Идлиб на две зоны влияния: турецкую (севернее дороги М4) и российскую (южнее дороги М4)[24]. Перемирие видится аналитикам более устойчивым из-за увеличившегося числа турецких военных постов, что означает более многочисленное турецкое военное присутствие в регионе.

---

[23] Targeting Life in Idlib. *Human Rights Watch.* 15.10.2020. URL: https://www.hrw.org/report/2020/10/15/targeting-life-idlib/syrian-and-russian-strikes-civilian-infrastructure (дата обращения 16.03.2021); Bringing Down Baghdadi. *VICE News.* 02.11.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fz_B4SvS48o&t=2192s (дата обращения 16.03.2021); Amos D. Civilian Casualties And Refugee Crisis Intensify As Syrian Army Moves In On Idlib. *NPR.* URL: https://www.npr.org/2020/02/26/809741300/civilian-casualties-and-refugee-crisis-intensifies-as-syrian-army-moves-in-on-id#:~:text=Civilian%20Casualties%20And%20Refugee%20Crisis%20Intensify%20As%20Syrian%20Army%20Moves%20In%20On%20Idlib,-Listen%C2%B7%203%3A55&text=Transcript-,Syrian%20and%20Russian%20armed%20forces%20are%20advancing%20quickly%20on%20rebel,Little%20relief%20is%20in%20sight (дата обращения 16.03.2021); Rampant human rights violations and war crimes as war-torn Idlib faces the pandemic UN Syria Commission of Inquiry report. *United Nations Human Rights Council.* 07.07.2020. URL: https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=26044&LangID=E (дата обращения 16.03.2021).

[24] Al harb fi souriya: itifaq rusiya turkiya ala waqt itlaq al nar fi idlib. *BBC Arabic.* 03.05.2020. URL: https://www.bbc.com/arabic/middleeast-51730835 (дата обращения 16.03.2021).

Наступление сирийской армии в Идлибе в 2019 и 2020 гг. довольно четко показало эволюцию российско-турецких взаимоотношений в Сирии. Страны, изначально поддерживающие разные стороны конфликта и имеющие совершенно разные интересы в регионе, готовы к полноправному сотрудничеству, которое, тем не менее, постоянно испытывается как личными разногласиями, так и противостоянием сирийский акторов конфликта. По сути, будущее Идлиба на данном этапе как раз и определяет российско-турецкое сотрудничество и отношения в целом. Город Идлиб не контролируется правительственными войсками, и новая операция Сирийской Арабской Армии маловероятна из-за довольно значительного турецкого военного присутствия. Стоит отметить, что главная проблема Анкары ныне состоит не столько в угрозе нового наступления со стороны сирийской армии, сколько в борьбе с влиянием ХТШ и других экстремистских группировок.

Деятельность Хайят Тахрир аш-Шам и ее возможное влияние на будущее Идлиба

Последнее соглашение о перемирии от марта 2020 г. вызвало вопросы о будущем ХТШ, сильно пострадавшей в результате весеннего наступления сирийской армии, и данное перемирие только закрепило территориальные приобретения сирийской армии. Поэтому ХТШ призвала сторонников из числа местного населения мешать совместным российско-турецким патрулям путем протестов и демонстраций на трассе М4. Впрочем, несмотря на то что ХТШ не удалось сорвать перемирие, организация показала себя как довольно прагматичную группировку. Аль-Джулани удалось построить довольно организованное и дисциплинированное формирование, которому удавалось успешно лавировать между разными противоборствующими сторонами, подстраиваться под меняющуюся политическую картину в Сирии и добиться доминирования в Идлибе.

Несмотря на ряд действий, предпринятых руководством ХТШ во время конфликта, Аль-Джулани не удалось убедить мировое сообщество в отказе от террористической деятельности, поэтому политика России, США и других иностранных держав по отношению к ХТШ не изменилась. Как отмечалось выше, наличие ХТШ в регионе создает формальную причину для будущих военных операций ВС Сирии и России. Однако новая операция в Идлибе маловероятна по ряду причин. Во-первых, число турецких военных постов в Идлибе значительно увеличилось. Если раньше сирийской армии удавалось просто обойти позиции турецких военных из-за их небольшого количества, то сейчас это практически невозможно. Во-вторых, не стоит недооценивать военный потенциал ХТШ, которая за годы своего участия в сирийском конфликте показала себя как довольно эффективная сила.

На данном этапе ХТШ является большей проблемой для Турции, чем для сирийского правительства и России. Самостоятельно сирийские оппозиционные группы не в состоянии бороться против ХТШ, ее устранение возможно только при помощи Турции, но в Анкаре опасаются реакции турецкого общества на потерю солдат в Сирии. Если правительству ПСР удалось убедить турецкое общество в необходимости военных операций против ИГИЛ, ссылаясь на террористическую деятельность организации (в том числе и в самой Турции), и против YPG, ссылаясь на связи YPG и РПК, то получить подобное одобрение для борьбы с ХТШ очень сложно. ИГИЛ и

YPG воспринимались турецким обществом как угроза безопасности, но вряд ли турецкое общество и оппозиционные партии в турецком парламенте поддержат борьбу против ХТШ, избегавшей прямых столкновений с Турцией. Следовательно, Турция находится в достаточно сложном положении. С одной стороны, остается вероятность нового военного наступления правительства Асада и России с целью устранения ХТШ и взятия Идлиба под контроль, что означает новый кризис беженцев на турецкой границе и возможные потери среди турецких вооруженных сил в регионе. С другой стороны, способность про-турецких сирийских оппозиционных фракций устранить ХТШ без прямого военного турецкого вмешательства остается под сомнением.

В сложившейся ситуации довольно закономерной и возможной является устранение лидеров ХТШ. Сирийский конфликт имеет немало прецедентов, когда гибель лидера группировки влекла за собой децентрализацию и дальнейший распад группировки. Гибель Абдул Кадира Салеха обусловила ослабление и распад «Бригады ат-Таухида», смерть Захрана Алуша привела к распаду коалиции группировок «Исламский фронт», гибель Хасана Абуда вызвала серьезное ослабление Ахрар аш-Шам и т. д. Поэтому потеря Аль-Джулани будет большим ударом для ХТШ, уже имеющей серьезные проблемы в руководстве. Руководство ХТШ может быть поделено на две группы. Первая — это так называемые «ветераны международного джихада», имеющие боевой опыт до сирийского конфликта и прибывающие в Сирию примерно с 2014 г. Вторая группа — это сирийские члены ХТШ, участвующие в конфликте с самого начала и занявшие высокие позиции внутри иерархии организации по мере развития конфликта. Обе группы руководителей важны для приобретении ее легитимности в глазах рядовых членов организации и населения контролируемых районов.

Наблюдение за деятельностью ХТШ приводит к выводу, что, несмотря на все политические маневры Аль-Джулани по сохранению своей организации, на данном этапе вооруженная группировка ощущает нехватку опытных членов в руководстве организации. В 2016 г. в результате удара БПЛА погиб один из ключевых лидеров, египтянин Абу Фарадж аль-Масри, сыгравший важную роль в формировании организации[25]. В 2017 г. из-за разрыва отношений ХТШ с аль-Каидой ХТШ покинул саудовец Абдулла аль-Мухайсни. В 2018 г. из-за продолжающихся конфликтов ХТШ с другими повстанческими группировками в Идлибе организацию оставили Абу Джабер аш-Шейх и Абу Салех Таххан. Процессы, протекающие внутри руководства ХТШ, однозначно ведут к ослаблению группировки, а в будущем могут способствовать распаду вооруженной коалиции. Поэтому весьма возможно, что в дальнейшем ВС Турции и оппозиционные группы в Идлибе станут избегать прямого открытого военного конфликта с ХТШ и будут пытаться повлиять на ситуацию внутри организации путем устранения ее высокопоставленных руководителей или пользуясь разладом в рядах организации, для того чтобы добиться маргинализации группы.

[25] Abu faraj al misry qiyadi fatah ash-Sham al maghtal. *Al Jazeera*. 10.04.2016. URL: https://www.aljazeera.net/encyclopedia/icons/2016/10/4/%D8%A3%D8%A8%D9%88-%D8%A7%D9%84%D9%81%D8%B1%D8%AC-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B5%D8%B1%D9%8A-%D9%82%D9%8A%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D9%81%D8%AA%D8%AD-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%A7%D9%85 (дата обращения 17.03.2021).

Литература / References

Вайс М., Хасан Х. *Исламское Государство. Армия Террора*. М., 2016 [Weiss M., Hassan H. *ISIS: Inside the Army of Terror*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Матвеев И. А. *Сирия в конфликте*. М., 2020 [Matveyev I. A. *Syria in conflict*. Moscow, 2020 (in Russian)].

Lister C. *Profiling Jabhat al-Nusra*. Washington, 2016.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Валитов И. С. Зачем Россия в Сирии? И почему? *РИА Новости*. 15.10.2015. URL: https://ria.ru/20151015/1302441187.html (дата обращения 06.03.2021).

Голубев Д. Курды между Трампом и Эрдоганом. *РСМД*. 18.05.2017. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kurdy-mezhdu-trampom-i-erdoganom-/?sphrase_id=73954308 (дата обращения 16.03.2021).

Мельникова А. Почему Россия помогает Сирии. *РИА Новости*. 24.09.2015. URL: https://ria.ru/20150924/1279620257.html (дата обращения 05.03.2021).

Мирзоян Г. В., Кузнецов В. А. Дебаты на РСМД: Россия в Сирии. *РСМД*. 30.09.2015. URL: https://russiancouncil.ru/syriadebate (дата обращения 05.03.2021).

Посол России в САР оценил политику США в Сирии. *RT*. 11.02.2021. URL: https://russian.rt.com/world/news/831179-posol-rossii-v-sar (дата обращения 16.03.2021).

Abu faraj al misry qiyadi fatah ash-Sham al maghtal. *Al Jazeera*. 10.04.2016. URL: https://www.aljazeera.net/encyclopedia/icons/2016/10/4/%D8%A3%D8%A8%D9%88-%D8%A7%D9%84%D9%81%D8%B1%D8%AC-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B5%D8%B1%D9%8A-%D9%82%D9%8A%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D9%81%D8%AA%D8%AD-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%A7%D9%85 (дата обращения 17.03.2021).

Aightial muasis harakat ‘ahrar ash-sham hisan ebbwad. *Al Jazeera*. 09.09.2014 URL: https://www.aljazeera.net/videos/2014/09/10/%D8%A7%D8%BA%D8%AA%D9%8A%D8%A7%D9%84-%D9%85%D8%A4%D8%B3%D8%B3-%D8%AD%D8%B1%D9%83%D8%A9-%D8%A3%D8%AD%D8%B1%D8%A7%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%A7%D9%85-%D8%AD%D8%B3%D8%A7%D9%86 (дата обращения 05.03.2021).

Al harb fi souriya: itifaq rusiya turkiya ala waqt itlaq al nar fi idlib. *BBC Arabic*. 03.05.2020. URL: https://www.bbc.com/arabic/middleeast-51730835 (дата обращения 16.03.2021).

Alami M. Can FSA get back on its feet after Russian intervention? *Al Monitor*. 31.12.2015. URL: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/12/free-syrian-army-morale-russia-strikes.html (дата обращения 05.03.2021).

Al-Nusra leader Jolani announces split from al-Qaeda. *Al Jazeera*. 20.07.2016. URL: https://www.aljazeera.com/news/2016/07/al-nusra-leader-jolani-announces-split-al-qaeda-160728163725624.html (дата обращения 16.03.2021).

Amos D. Civilian Casualties And Refugee Crisis Intensify As Syrian Army Moves In On Idlib. *NPR*. URL: https://www.npr.org/2020/02/26/809741300/civilian-casualties-and-refugee-crisis-intensifies-as-syrian-army-moves-in-on-id#:~:text=Civilian%20Casualties%20And%20Refugee%20Crisis%20Intensify%20As%20Syrian%20Army%20Moves%20In%20On%20Idlib,-Listen%C2%B7%203%3A55&text=Transcript-

,Syrian%20and%20Russian%20armed%20forces%20are%20advancing%20quickly%20on%20rebel,Little%20relief%20is%20in%20sight (дата обращения 16.03.2021).

Bringing Down Baghdadi. *VICE News*. 02.11.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fz_B4SvS48o&t=2192s (дата обращения 16.03.2021).

Bringing Down Baghdadi. *VICE News*. 02.11.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fz_B4SvS48o&t=2192s (дата обращения 16.03.2021).

Engel R., Miklazshewski J., Balkiz G., Windrem R. Extremist element among Syrian rebels a growing worry. *NBC News*. 10.09.2013. URL: https://www.nbcnews.com/news/other/extremist-element-among-syrian-rebels-growing-worry-f8C11115141 (дата обращения 05.03.2021).

Erdogan says Turkey in Syria due to terror threat. *Anadolu Agency*. 01.10.2019. URL: https://www.aa.com.tr/en/politics/erdogan-says-turkey-in-syria-due-to-terror-threat/1599071 (дата обращения 16.03.2021).

Fares N. Why I defected from Bashar al-Assad's regime. *The Telegraph*. 14.07.2012. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/9400537/Exclusive-interview-why-I-defected-from-Bashar-al-Assads-regime-by-former-diplomat-Nawaf-Fares.html (дата обращения 05.03.2021).

Haid H. The Southern Front: allies without a strategy. *Heinrich Boll Stiftung*. 21.08.2015. URL: https://lb.boell.org/en/2015/08/21/southern-front-allies-without-strategy (дата обращения 05.03.2021).

Hay'at Tahrir al Sham Takes Control of the Majority of the Idlib Governate by Brute Force. *SNHR*. 21.10.2017. URL: http://sn4hr.org/wp-content/pdf/english/Report_of_violations_of_the_Hay%E2%80%99et_Tahrir_al%20Sham_en.pdf (дата обращения 16.03.2021).

ISIS Restructures Raqqa Under its New Ruling System. *Syria Deeply*. 14.11.2014. URL: https://deeply.thenewhumanitarian.org/syria/articles/2014/11/14/syrian-diary-part-16-my-first-day-at-university (дата обращения 05.03.2021).

Jettmer J. Syria's Rebel Rivalry Between Jihadists and FSA. *Daily Beast*. 12.06.2017. URL: https://www.thedailybeast.com/syrias-rebel-rivalry-between-jihadists-and-fsa (дата обращения 05.03.2021).

Joint communiqué by ministers of the global coalition to defeat Daesh/ISIS small group. *The Global Coalition*. URL: https://theglobalcoalition.org/en/ (дата обращения 16.03.2021).

Landis J. Free Syrian Army Founded by Seven Officers to Fight the Syrian Army. *Syria Comment*. 29.06.2019. URL: https://www.joshualandis.com/blog/free-syrian-army-established-to-fight-the-syrian-army/ (дата обращения 05.03.2021).

Maintaining the U.S. CT Mission in Southern Syria. *The Washington Institute*. 28.08.2017. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/maintaining-the-u.s.-counterterrorism-mission-in-southern-syria (дата обращения 16.03.2021).

Provinces of Syria. *Statoids*. URL: http://www.statoids.com/usy.html (дата обращения 16.03.2021).

Radicals are Assad's best friends. *The National*. 01.01.2014. URL: https://www.thenationalnews.com/radicals-are-assad-s-best-friends-1.308145 (дата обращения 05.03.2021).

Rampant human rights violations and war crimes as war-torn Idlib faces the pandemic UN Syria Commission of Inquiry report. *United Nations Human Rights Council*. 07.07.2020. URL: https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=26044&LangID=E (дата обращения 16.03.2021).

Report of the independent international commission of inquiry on the Syrian Arab Republic. *United Nations Human Rights Council*. 24.03.2014. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/secretary-generals-reports/page/8?ctype=Syria&cbtype=syria#038;cbtype=syria (дата обращения 05.03.2021).

Resolution adopted by the Human Rights Council. *United Nations*. 04.05.2011. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Syria%20AHRC%20RES%20S-16%201.pdf (дата обращения 05.03.2021).

Roche C. Syrian Opposition Factions in the Syrian Civil War. *Bellingcat*. 13.08.2016. URL: https://www.bellingcat.com/news/mena/2016/08/13/syrian-opposition-factions-in-the-syrian-civil-war/ (дата обращения 05.03.2021).

Russian airstrikes in Syria: September–October 2015. *Institute Study of the War*. 22.10.2015. URL: http://www.understandingwar.org/map/russian-airstrikes-syria-september-30-october-18-2015 (дата обращения 06.03.2020).

Sands P., Vela J., Maayeh S. Assad regime set free extremists from prison to fire up trouble during peaceful uprising. *Souriya Houriya*. 28.01.2014. URL: https://souriahouria.com/assad-regime-set-free-extremists-from-prison-to-fire-up-trouble-during-peaceful-uprising-by-phil-sands-justin-vela-and-suha-maayeh/ (дата обращения 05.03.2021).

Seyidli S. Syria's Unending Inter-Rebel Conflict: The War within the Opposition. *Suriye Gundemi* 04.03.2019. URL: http://en.suriyegundemi.com/2019/03/04/syrias-unending-inter-rebel-conflict-the-war-within-the-opposition/ (дата обращения 05.03.2021).

States must act resolutely on UN report on Syria. *Amnesty International*. 28.11.2011. URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2011/11/states-must-act-resolutely-un-report-syria/ (дата обращения 05.03.2021).

Syria: Sednaya prison killings: independent investigation needed. *Amnesty International*. 07.08.2008. URL: https://www.amnesty.org/en/documents/mde24/018/2008/en/ (дата обращения 05.03.2021).

Syria: UN Calls for the Release of Freedom of Speech Advocate Bassel Khartabil. *Al Karama*. 23.06.2015. URL: https://web.archive.org/web/20150625170229/http://en.alkarama.org/1763-syria-un-calls-for-the-release-of-freedom-of-speech-advocate-bassel-khartabil (дата обращения 05.03.2021).

Syria's Top Five Insurgent Leaders. *Syria Comment*. URL: https://www.joshualandis.com/blog/biggest-powerful-militia-leaders-syria/ (дата обращения 05.03.2021).

Tamimi A. J. The Assad Regime and Jihadis. *Syria Comment*. 11.02.2014. URL: https://www.aymennjawad.org/14413/the-assad-regime-and-jihadis-collaborators (дата обращения 16.03.2021).

Targeting Life in Idlib. *Human Rights Watch*. 15.10.2020. URL: https://www.hrw.org/report/2020/10/15/targeting-life-idlib/syrian-and-russian-strikes-civilian-infrastructure (дата обращения 16.03.2021).

UN blacklists Syria's al-Nusra Front. *Al Jazeera*. 31.05.2013. URL: https://www.aljazeera.com/news/americas/2013/05/201353021594299298.html (дата обращения 05.03.2021).

Weiss M. Bashar al-Assad's Connection to ISIS. *Carnegie Council*. 16.10.2015. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nyxg0J3alX0 (дата обращения 05.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-238-243

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ЕГИПТЕ В 2020 г.

© 2021

В. В. Беляков*

Статья посвящена двум выборам в Египте 2020 г. — в Сенат и парламент. Выборы в Сенат прошли впервые, после того как в 2019 г. на референдуме были утверждены поправки к конституции и он был восстановлен. Ему приданы прежние совещательные функции. С учетом пандемии в выборах участвовало лишь небольшое число избирателей. Чуть больше, около 30 %, участвовало в выборах в парламент. На это снова повлияла пандемия, а также устоявшийся курс президента. Члены запрещенной ассоциации «Братья-мусульмане» в выборах практически не участвовали. На каждом избирательном участке во время парламентских выборов должен присутствовать юрист, поэтому страна была разделена на две части. Первый тур состоялся 25–26 октября 2020 г. в 14 провинциях, второй тур — 7–8 ноября в 13 провинциях. Кандидатов в парламент выдвинули 38 политических партий. Такое количество партий (всего их более ста) отражает привычную для Египта картину: харизматичный лидер, объединяющий группу людей. Больше всего мест завоевал альянс «Будущее родины», поддерживающий президента Абдель Фаттаха ас-Сиси. Три четверти членов парламента — новички. 5 % парламентариев (28 человек) назначил президент. Первое заседание нового парламента состоялось 12 января 2021 г. Его председателем избран 71-летний бывший глава Конституционного суда Ханафи Али аль-Гибали. Новый парламент приступил к своим полномочиям. Он значительно отличается от предыдущего — и по количеству депутатов, и по своему составу. И парламент, и Сенат соответствуют нынешней политике президента Абдель Фаттаха ас-Сиси.

Ключевые слова: Египет, Сенат, парламент, выборы, Абдель Фаттах ас-Сиси.

Для цитирования: Беляков В. В. Парламентские выборы в Египте в 2020 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 238–243. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-238-243

PARLIAMENT ELECTIONS IN EGYPT IN 2020

Vladimir V. Beliakov

The article looks into two elections in Egypt in 2020, i. e. to Senate and Parliament. The elections to Senate were organized after the referendum of 2019, which confirmed corrections to the Constitution, thus restoring the Senate and giving it consulting functions as previously. Participation in elections proved to be small because of the pandemic; more people (around 30 %) took part in the Parliament elections, though they were also affected by the pandemic and by the weighed politics of the President, while members of the prohibited organization "Al-Ihwan al-Muslimun" practically did not participate in elections. A lawyer must be present at every polling station during parliamentary elections; therefore, the country was divided into two parts. The first round took place

* Владимир Владимирович БЕЛЯКОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; beliakov2007@yandex.ru

Vladimir V. BELYAKOV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; beliakov2007@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8121-4040

on October 25–26, 2020 in 14 provinces, and the second round took place on November 7–8 in 13 provinces. 38 political parties nominated their candidates for parliament. The number of parties (more than a hundred in total) reflects the usual picture for Egypt: A charismatic leader is able to unite some group of people, supporting him during the elections. The *Future of the Homeland Alliance*, which supports President Abdel Fattah al-Sisi, won the most seats. Three quarters of MPs are newcomers; while 5 % of parliamentarians (28 in total) were appointed by the President. The first meeting of the new Parliament was held on January 12, 2021. Ali al-Gibali, the 71-year-old former head of the *Hanafi Constitutional Court*, was elected its chairman, and the new Parliament commences its proceedings, differing significantly from the previous one — both in the number of deputies and in its composition. Both the Parliament and the Senate are in line with the current policies of President Abdel Fattah al-Sisi.

Keywords: Egypt, Senate, Parliament, elections, Abdel Fattah as-Sisi.

For citation: Beliakov V. V. Parliament Elections in Egypt in 2020. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 238–243. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-238-243

Прошедший 2020 г. был отмечен в Египте не только вспышкой коронавируса. В стране прошли две избирательные кампании: сначала в Сенат, а затем и в парламент.

Принятая в 2014 г. новая конституция преобразовала двухпалатный египетский парламент в однопалатный орган и упразднила верхнюю палату — Консультативный совет (*шуру*), имевший исключительно совещательные функции. В 2019 г. на общенациональном референдуме были утверждены изменения конституции. Они вновь восстановили верхнюю палату с теми же совещательными полномочиями, изменив ее название на Сенат. В Египте рассчитывают, что Сенат со временем получит законодательные функции. Пока же «Сенат авторизован изучать и предлагать основы демократии, укрепления социального мира, базовых элементов общества и его высших ценностей, прав, свобод и общественного долга, углубления и расширения демократической системы» (статья 248 Конституции) [Беляков, 2019, с. 224]. На восстановление верхней палаты с законодательными полномочиями уйдут годы, потому что это влечет за собой реструктуризацию всей политической системы страны и принятие новой конституции.

Сенат состоит из 300 представителей. Впрочем, согласно поправкам Конституции, он должен состоять из 180 депутатов и избираться на срок пять лет [Беляков, 2019, с. 224]. Две трети избираются прямым тайным голосованием, оставшуюся треть назначает президент при условии, что 10 % от общего числа мест выделяется женщинам. При этом 100 мест занимают индивидуально партийные или независимые кандидаты, а еще 100 — по закрытым спискам. Все места получает список, набравший 51 % от общего числа поданных голосов. Каждый список должен включать трех кандидатов от христиан, двух кандидатов от рабочих и крестьян, кандидата с особыми потребностями, кандидата от египетской зарубежной диаспоры и, по крайней мере, одну женщину. Сенатор должен быть египтянином в возрасте не менее 35 лет, иметь диплом университета и разрешение на осуществление своих гражданских и политических прав.

В связи с пандемией голосование проходило с мерами предосторожности. Все участки прошли санитарную обработку, избиратели были обязаны соблюдать социальную дистанцию и находиться в масках. При входе на участок у всех измеряли

температуру. Избирательные участки разместили на территории школ. Агитационная кампания в связи с пандемией была запрещена, в печати избирательная кампания прошла почти незамеченной.

Выборы в Сенат прошли 11–12 августа 2020 г., повторное голосование состоялось 8–9 сентября. 70 % мест завоевал альянс «Будущее родины».

Активность избирателей была невысокой. На некоторых столичных участках было значительно меньше избирателей, чем сотрудников избирательных комиссий и обеспечивающих безопасность силовиков и военнослужащих. Интерес к выборам в верхнюю палату и раньше, до ее упразднения, был значительно меньше, чем к нижней палате парламента. Заметно снизила активность избирателей и пандемия.

Парламентские выборы прошли во время второй волны коронавируса. В отличие от выборов в Сенат, где присутствие юристов на избирательном участке не обязательно, Египет был разделен на две более или менее равные части. На каждом избирательном участке председательствовал юрист. 25–26 октября 2020 г. состоялся первый тур в 14 провинциях, 7–8 ноября — в 13 провинциях. Египтяне, проживающие за рубежом, голосовали досрочно.

Согласно конституции, 284 человека избираются по индивидуальной системе, еще 284 человека — по закрытым спискам. Каждый избирательный список должен включать христиан, женщин, рабочих, крестьян, людей с особыми потребностями и тех, кто проживает за границей. При этом женщинам в обоих случаях выделяется не менее 25 % мест. Еще 28 депутатов (5 % членов парламента) назначает президент.

Кандидатов в парламент выдвинули 38 политических партий. Такое количество партий (всего их более ста) отражает привычную для Египта картину: харизматичный лидер, объединяющий группу людей. Разница в программе партий необязательна.

Разберем далее участников парламентских выборов.

«Будущее родины» — крупнейший политический альянс Египта, состоящий из 12 партий. Альянс выдвинул 280 индивидуальных кандидатов во всех 27 провинциях страны. Альянс был основан в 2014 г., на выборах 2015 г. он занял второе место с 53 депутатами, уступив другому альянсу, «Свободные египтяне», с 65 мандатами. В мае 2018 г. «Будущее родины» объединилось с альянсом «Во имя Египта», что добавило ему 50 депутатов, в основном из партий «Свободные египтяне» и «Аль-Вафд», и стал крупнейшим в парламенте.

«Стражи нации» выдвинули 121 кандидата в 24 провинциях. Партия была основана в 2013 г. отставными офицерами. Она имела 18 мест в прежнем парламенте.

Партия «Аль-Вадф» — старейшая политическая партия Египта, основанная в 1918 г., выдвинула 67 кандидатов в 23 провинциях. Эта партия раздроблена на несколько течений. В прежнем парламенте у нее было 26 депутатов.

Народная республиканская партия выдвинула 58 кандидатов в 22 провинциях. Партия была основана в 2012 г. и во время президентских выборов поддерживала бывшего министра иностранных дел Амра Мусу. В прежнем парламенте партия имела 13 мест.

Партия свободы выдвинула 49 кандидатов в 20 провинциях. Партия была основана летом 2011 г. в основном бывшими членами распущенной Национально-демократической партии (НДП).

Партия «Конференция» выдвинула 46 кандидатов в 20 провинциях. Партия была создана в 2012 г. из пяти либеральных и левых партий, а также части бывших членов НДП. Эта партия имела 12 мест в прежнем парламенте.

Консервативная партия была основана в 2006 г., ее членами являются журналисты и публичные фигуры. Партия заморозила свою деятельность в 2010 г., накануне выборов, а после свержения режима Хосни Мубарака в 2011 г. возобновила ее. Она выдвинула 26 кандидатов в 15 провинциях.

Национальную партию Египта возглавляет Талаат Садат, племянник покойного президента Анвара Садата, последний глава НДП. Она выставила 23 кандидата в 12 провинциях.

Египетское патриотическое движение выставило 20 кандидатов в 9 провинциях. Движение было создано кандидатом в президенты 2012 г. Ахмедом Шафиком.

Египетская социально-демократическая партия выдвинула 17 кандидатов в 9 провинциях. Партия была основана в 2011 г. путем слияния двух партий — Египетской либеральной и Египетской демократической.

Партия салафитов «Ан-Нур» выдвинула 15 кандидатов. Эта партия в 2011–2012 гг. выиграла четверть мест в парламенте.

«Свободные египтяне» на парламентских выборах 2015 г. завоевали больше мест, чем другие партии, — 65. Но ныне партия выдвинула всего 14 кандидатов в 7 провинциях.

Национально-прогрессивная (левая) партия «Ат-Тагамму» претендует на 11 мест, *«Сыновья Египта»* и *Египетская партия свободы* выставили по 10 кандидатов.

Десять политических партий выдвинули по 5 кандидатов или меньше, пять партий — по одному кандидату[1].

За выборами наблюдали 56 местных и 14 иностранных организаций, три совета по правам человека, а также местные и иностранные журналисты. Как и на выборах в Сенат, избиратели были обязаны соблюдать социальную дистанцию и быть в масках. На избирательных участках находилось немало силовиков и военных.

Накануне выборов глава Национального избирательного совета Лашин Ибрагим[2] заявил: «Приходите на выборы! Не слушайте врагов нации, тех, кто распространяет слухи, граждан, пользующихся оружием лжи, чтобы изменить взгляды людей»[3]. Это высказывание вызвано наличием в Египте миллионов граждан, связанных с запрещенной организацией «Братья-мусульмане». Большинство из них участия в выборах не принимали, явка составила менее 30 % — значительно меньше, чем на предыдущих парламентских выборах. При этом по итогам двух туров 2,5 миллиона бюллетеней были признаны недействительными. По-видимому, эти бюллетени принадлежали в основном членам организации «Братья-мусульмане».

---

[1] El-Bey D. The race for seats: Parties contesting Egypt parliament elections. *Ahram Online*. 27.10.2020. URL: http://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1201/389415/AlAhram-Weekly/Egypt/The-race-for-seats-Parties-contesting-Egypt-parlia.aspx (дата обращения 25.11.2020).

[2] Лашин Ибрагим скончался от коронавируса 25.12.2020.

[3] Egypt second phase of parliament elections sees 29.5% voter turnout. *Ahram Online*. 15.11.2020. URL: http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/393849/Egypt/Politics-/UPDATED-Egypt-nd-phase-of-parliament-elections-se.aspx (дата обращения 21.12.2020).

Состав нынешнего парламента отличается от предыдущего. 76 % депутатов — новички. Больше всего мест завоевал альянс «Будущее родины» (315 мест, 53 %). Затем следуют Народная республиканская партия (50 мест), партия «Аль-Вафд» (26 мест), «Стражи нации» (23 места), партия «Свободные египтяне» (11 мест) и Египетская партия свободы (9 мест). Египетская социально-демократическая партия, «Свободные египтяне», «Ан-Нур» и партия «Конференция» завоевали по 7 мест каждая. Национально-прогрессивная (левая) партия «Ат-Тагамму» завоевала 6 мест, партия «Справедливость» 2 места и партия «Воля поколения» — 1 место. В общей сложности в парламент вошли 472 члена различных партий, 93 независимых кандидатов, 147 женщин (в два раза больше, чем в предыдущем парламенте), 31 христианин и 64 депутата моложе 35 лет[4].

Большинство партий поддерживают президента Абдель Фаттаха ас-Сиси. В парламент также избрана и группа его противников.

Египетская пресса обращает внимание на единственного победителя в выборах, пробившегося с самого низа. Это 32-летний Ахмед аш-Шишини из провинции Бехейра (Дельта). За последние два года вокруг него образовалась большая группа молодых сторонников, поддерживавших его на выборах. «Позиция депутата требует человека, который знает о страданиях людей, — сказал аш-Шишини. — Этот человек должен знать, от чего страдают люди в его избирательном районе и их требования за право на лечение, образование и социальные услуги. Он должен знать реальные проблемы людей и их решения, причем без личного интереса»[5].

Как и положено по конституции, президент Абдель Фаттах ас-Сиси назначил в парламент 28 человек (5 % членов парламента).

Первое заседание нового парламента состоялось 12 января 2021 г. Открытие сессии возглавила старейший член парламента — 83-летняя журналистка Фарида аш-Шубаши, которой ассистировали двое самых молодых членов парламента. Из-за эпидемии коронавируса члены парламента были поделены на две группы. Каждый произнес присягу, зафиксированную в статье 104 Конституции: «Клянусь Всемогущим Аллахом защищать республиканский строй, уважать Конституцию и законы, служить интересам народа и охранять независимость, единство и территориальную целостность страны» [Сапронова, 2014, с. 208]. Председателем парламента избран 71-летний бывший глава Высшего конституционного суда Ханафи Али аль-Гибали, двумя его заместителями — крупный бизнесмен Мухаммед Абу аль-Энейн и бывший генеральный секретарь парламента Ахмед Саадэддин.

Новый парламент приступил к своим полномочиям. Он значительно отличается от предыдущего — и по количеству депутатов, и, что важнее, по своему составу. И парламент, и Сенат соответствуют нынешней политике президента Абдель Фаттаха ас-Сиси, нацеленной на быстрое развитие Египта.

---

[4] Gamal Essam El-Din. A new Egyptian parliament: End of the election. *Ahram Online*. 19.12.2020. URL: http://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1201/396952/AlAhram-Weekly/Egypt/A-new-Egyptian-parliament-End-of-the-election-mara/aspx (дата обращения 23.12.2020).

[5] Grassroots politics. A story from Beheira. *Ahram Online*. 15.12.2020. URL: https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/396028/Opinion/Grassroots-politics-A-story-from-Beheira-.aspx (дата обращения 22.03.2021).

Литература / References

Беляков В. В. Изменения в конституции Египта 2014 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2. С. 221–225 [Beliakov V. V. Change of the Egyptian 2014 Constitution. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019. 2. Pp. 221–225 (in Russian)].

Сапронова М. А. *Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)*. М., 2014 [Sapronova M. A. *Egypt: 90 Years of Constitutional Transformations (1923–2013)*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Egypt second phase of parliament elections sees 29.5% voter turnout. *Ahram Online*. 15.11.2020. URL: http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/393849/Egypt/Politics-/UPDATED-Egypt-nd-phase-of-parliament-elections-se.aspx (дата обращения 21.12.2020).

El-Bey D. The race for seats: Parties contesting Egypt parliament elections. *Ahram Online*. 27.10.2020. URL: http://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1201/389415/AlAhram-Weekly/Egypt/The-race-for-seats-Parties-contesting-Egypt-parlia.aspx (дата обращения 25.11.2020).

Gamal Essam El-Din. A new Egyptian parliament: End of the election. *Ahram Online*. 19.12.2020. URL: http://english.ahram.org.eg/NewsContent/50/1201/396952/AlAhram-Weekly/Egypt/A-new-Egyptian-parliament-End-of-the-election-mara/aspx (дата обращения 23.12.2020).

Grassroots politics. A story from Beheira. *Ahram Online*. 15.12.2020. URL: https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/396028/Opinion/Grassroots-politics-A-story-from-Beheira-.aspx (дата обращения 22.03.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-244-258

ПРОБЛЕМА ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ АРАБСКИХ СТРАН, ИРАНА И ТУРЦИИ В КОНТЕКСТЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО МИРНОГО ПРОЦЕССА

© 2021

Е. А. Якимова*

Несмотря на то что проблема беженцев является одним из принципиальных вопросов в ближневосточном мирном процессе, ей уделяется существенно меньшее внимание в сравнении с проблематикой, касающейся границ или статуса Иерусалима. Более того, если право палестинских беженцев на возвращение воспринимается как неотъемлемый элемент, который должен быть отражен в мирных договоренностях, то судьба евреев из арабских стран, Ирана и Турции, покинувших страны своего постоянного проживания под воздействием гонений, фактически игнорируется в большинстве документов, положенных в основу разрешения данного конфликта. В самом Израиле указанная тематика также долгое время не получала развития, что было связано с проблемами адаптации мизрахов в обществе. Существенные изменения в подходе к проблеме еврейских беженцев наметились на рубеже первого десятилетия XXI в. и были связаны с нарастанием противоречий между Израилем и БАПОР, а также с эволюцией положения восточных евреев в государстве. Дополнительным фактором стала политика США на палестино-израильском треке. Целью статьи является выявление особенностей израильских подходов к проблеме еврейских беженцев из стран Востока. На основе метода пяти сил М. Портера построена модель анализа, включающая общую характеристику вопроса, эволюцию его понимания в Израиле, соотношение проблемы палестинских и еврейских беженцев, ее место в мирном процессе, а также перспективы развития темы на фоне современных региональных процессов. Определены основные факторы, воздействующие на израильскую позицию, включая внутриполитическую ситуацию и действия международных посредников. Сделан вывод о необходимости трансформации израильского курса с учетом нормализации контактов с умеренными региональными режимами.

Ключевые слова: Израиль, еврейские беженцы, мизрахи, мирный процесс, БАПОР.

Для цитирования: Якимова Е. А. Проблема еврейских беженцев из арабских стран, Ирана и Турции в контексте ближневосточного мирного процесса. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 244–258. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-244-258

THE ISSUE OF JEWISH REFUGEES FROM ARAB STATES, IRAN AND TURKEY IN THE CONTEXT OF THE MIDDLE EAST PEACE PROCESS

Elizaveta A. Iakimova

* Елизавета Александровна ЯКИМОВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; yaki-elizaveta@yandex.ru

Elizaveta A. IAKIMOVA, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; yaki-elizaveta@yandex.ru

ORCID ID 0000-0001-7609-2261

The problem of refugees is one of the core issues in the Middle East peace process, but it receives significantly less attention in comparison with the problems of borders or the status of Jerusalem. Moreover, if the right of return for the Palestinian refugees is perceived as an integral element that should be reflected in peace agreements, the fate of Jews from Arab countries, Iran and Turkey is actually ignored in most of the documents that constitute the basis for resolving this conflict. In Israel this topic was not popular for a long time because of difficulties in adaptation of mizrachim. The article aims at identifying specific features of Israeli approaches to the problem of Jewish refugees from the East. The matrix of analysis based on the model of M. Porter's Five Forces framework includes general description of the issue, the evolution of its understanding in Israel, the ratio between the problem of Palestinian and Jewish refugees, its place in the peace process, as well as the prospects for the evolution of the topic in the context of modern regional developments. The main factors influencing the Israeli position are determined, including the internal political situation and international mediators' actions. The author concludes that the need to transform the Israeli course taking into account the normalization of contacts with moderate regional regimes.

Keywords: Israel, Jewish refugees, mizrachi, peace process, UNRWA.

For citation: Iakimova E. A. The Issue of Jewish Refugees from Arab States, Iran and Turkey in the Context of the Middle East Peace Process. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 244–258. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-244-258

Одной из наименее изученных проблем в рамках ближневосточного конфликта является судьба еврейских беженцев в XX в., под давлением гонений покинувших арабские страны, Иран и Турцию. При этом виной тому, что тема не получила должного внимания, является в том числе непоследовательность ее развития в Израиле, где такая ситуация была связана с противоречиями внутри создававшегося еврейского государства. Целью настоящего исследования является выявление особенностей израильского подхода к формулированию и решению проблемы еврейских беженцев в контексте мирного процесса. При этом под последним понимается вся совокупность усилий по нормализации отношений Израиля со странами Большого Ближнего Востока.

Терминология и методология

В качестве методологической основы исследования был избран анализ пяти сил М. Портера [Porter, 1979]. Несмотря на то, что концепция, предложенная в конце 1970-х гг. в Гарвардской школе бизнеса, изначально была ориентирована на изучение конкурентной среды, видится целесообразным ее внедрение в политические и исторические исследования, поскольку она позволяет рассмотреть эволюцию того или иного явления с учетом внутренних и внешних факторов. На базе «модели Пяти сил» М. Портера предлагается построить матрицу исследования проблемы еврейских беженцев в контексте ближневосточного урегулирования, включающую в себя следующие категории: состояние вопроса, трансформация подходов к его пониманию в Израиле, соотношение еврейских и палестинских беженцев, место проблемы в миротворческих усилиях региональных и внерегиональных посредников, а также перспективы ее оттеснения на второй план под влиянием актуализации других пунктов т. н. «окончательного статуса» в рамках палестино-израильского конфликта.

Ключевым и наиболее дискуссионным с точки зрения настоящего исследования является понятие беженец, а точнее его применимость к еврейскому населению стран

Востока, покинувшему государства рождения в XX в. и переселившемуся в Израиль. Традиционно для определения статуса евреев, совершивших *алию* (репатриацию), используется Закон о возвращении 1950 г. На основании этого документа в отношении вновь прибывших употребляется термин *олимы* (репатрианты)[1], что отличает их от трудовых мигрантов, руководствующихся преимущественно экономическими причинами, или беженцев из очагов конфликтов в Африке, которых все чаще именуют «инфильтрантами» с целью подчеркнуть факт их нелегального проникновения[2]. Следовательно, руководствуясь Законом о возвращении, понятие беженец для описания еврейского населения в Израиле, откуда бы оно ни прибыло, не используется.

Однако без обращения именно к этой категории не представляется возможным включить судьбу еврейских беженцев из арабских стран, Ирана и Турции в контекст ближневосточного мирного процесса, поскольку именно в такой трактовке пункт интегрирован в список вопросов, требующих согласования «окончательного статуса». Так, резолюция № 242 Совета Безопасности ООН, принятая 22 ноября 1967 г. по итогам Шестидневной войны, призывает к «достижению справедливого урегулирования проблемы беженцев»[3]. Это один из серии документов, не утверждающих, что речь идет исключительно о палестинских требованиях «права на возвращение».

Еще одним значимым фактом, дающим основание для употребления при обращении к рассматриваемой группе лиц термина беженцы, является то, что евреи, покидавшие арабские страны насильственно, как и палестинцы, селились в лагерях. В Израиле в начале 1950-х гг. они получили название *маабарот* (от ивр. Maabara — переход) [Grinberg, 2014, p. 104]. Несмотря на ряд особенностей (маабарот создавались вблизи существующих населенных пунктов для облегчения интеграции в общество и вовлечения в трудовую деятельность), по доступу к социальным услугам, медицинскому обслуживанию и водными ресурсами от обычных палаточных лагерей они отличались мало[4]. Кроме того, особый статус маабарот придает и то, что преимущественно селились там именно восточные евреи. По данным 1951 г. 80 % из общего числа таких поселенцев составляли выходцы из стран региона, что связывается с существенной разницей в объемах государственного финансирования программ абсорбции переживших Холокост и беженцев из арабских стран, Ирана и Турции[5].

Приведенный пример — далеко не единственная иллюстрация конфликта между восточными и европейскими евреями в Израиле. В отношении последних применяется термин *ашкеназы* (от средневекового названия евреев Рейнской долины)[6], в то время как

[1] Закон о Возвращении (1950 г.). *Кнессет*. 05.07.1950. URL: https://knesset.gov.il/laws/ru/lawofreturn_ru.htm (дата обращения 16.11.2020).

[2] Ziegler R. A Matter of Definition: On "Infiltrators" and "Asylum Seekers" in Israel. *Israel Democracy Institute*. 26.01.2011. URL: https://en.idi.org.il/articles/3940 (дата обращения 22.12.2020).

[3] Security Council Resolution 242. *United Nations Organization*. 22.11.1967. URL: https://unispal.un.org/unispal.nsf/0/7D35E1F729DF491C85256EE700686136 (дата обращения 22.12.2020).

[4] Gavriely-Nuri D. Why Have Transit Camps for Mizrahi Jews Been Written Out of Israeli History? *Haaretz*. 18.04.2015. URL: https://www.haaretz.com/.premium-a-giant-gap-in-consciousness-1.5351999 (дата обращения 22.12.2020).

[5] Gavriely-Nuri D. Why Have Transit Camps for Mizrahi Jews Been Written Out of Israeli History? *Haaretz*. 18.04.2015. URL: https://www.haaretz.com/.premium-a-giant-gap-in-consciousness-1.5351999 (дата обращения 22.12.2020).

[6] Ашкеназы. *ЭЕЭ*. URL: https://eleven.co.il/diaspora/ethno-linguistic-groups/10358/ (дата обращения 22.12.2020).

евреи, рожденные в странах Ближнего Востока и Северной Африки, получили название *мизрахи* (от ивр. Мизрах — Восток)[7].

В соответствии с основополагающими документами, принятыми в целях урегулирования палестино-израильского конфликта, к вопросам «окончательного статуса» относятся ключевые проблемы, затрагивающие принципиальные позиции сторон противостояния. Учитывая сложность их решения, в Декларации принципов 1993 г.[8] был заложен механизм поэтапного продвижения к миру, где на начальной стадии предполагалось согласовать временные меры с последующим переходом к согласованию итогового статуса Иерусалима, вопросов о границах и поселениях, а также проблемы беженцев.

СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Рамки сравнительно небольшого исследования не дают возможности подробно раскрыть особенности выезда евреев из всех стран региона. В этой связи видится целесообразным рассмотреть общие тенденции, снабдив их рядом конкретных примеров. При этом в центре внимания находятся два вопроса: количественные характеристики, дающие представление о численности еврейских беженцев и их материальном уроне, а также социокультурные аспекты процесса, оказавшие воздействие как на последующую адаптацию переселенцев в Израиле, так и на представление государства о потерях в конфликте с палестинцами.

По оценкам израильского правительства, численность евреев, насильственно покинувших арабские страны, Турцию и Иран в XX в. составляет порядка 850 тыс. человек[9]. Согласно исследованию, проведенному в 2008 г. и включенному в доклады МИД Израиля по данной проблематике, еврейское население арабских стран лишилось имущества на сумму порядка 6 млрд. долларов по современному курсу[10]. Так, в годы Второй мировой войны правительство Виши конфисковало еврейскую собственность в Алжире, Марокко и Тунисе, бросить все нажитое были вынуждены евреи, эвакуированные из Йемена и Ирака, после провозглашения Израиля Лига арабских государств (ЛАГ) призвала заморозить банковские счета евреев и национализировать их собственность, дабы эти средства не пошли на поддержку сионистского проекта[11].

[7] Mizrahi Jews. *Britannica.* URL: https://www.britannica.com/topic/Oriental-Jews (дата обращения 22.12.2020).
[8] Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangements. 12.09.1993. *Israel Ministry of Foreign Affairs.* URL: https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/declaration%20of%20principles.aspx (дата обращения 24.12.2020).
[9] Jewish refugees expelled from Arab lands and from Iran. *Israel Ministry of Foreign Affairs.* 30.11.2017. URL: https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Issues/Pages/Jewish-refugees-expelled-from-Arab-lands-and-from-Iran-29-November-2016.aspx (дата обращения 16.11.2020).
[10] Special Report on the Issue of Jewish refugees from Arab Countries. *Israel Ministry of Foreign Affairs.* 03.04.2012. URL:
https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/jewish_refugees_from_arab_and_muslim_countries-apr_2012.aspx (дата обращения 16.11.2020).
[11] Special Report on the Issue of Jewish refugees from Arab Countries. *Israel Ministry of Foreign Affairs.* 03.04.2012. URL:
https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/jewish_refugees_from_arab_and_muslim_countries-apr_2012.aspx (дата обращения 16.11.2020).

Приведенные цифры положены в основу современного восприятия Израилем материального измерения проблемы еврейских беженцев.

Основным выталкивающим фактором для восточных евреев традиционно принято считать политику властей арабских государств. На фоне провозглашения Израиля и в периоды последовавших за этим войн с ним местное еврейское население, проживавшее там до этого несколько сотен лет, стало восприниматься как символ врага и подвергаться притеснениям. Так, с 1948 по 1951 гг. страны рождения практически полностью покинули евреи Ирака и Йемена, в результате Суэцкого кризиса из Египта бежали около 25 тыс. евреев, массовый исход еврейского населения Ливии спровоцировала Шестидневная война 1967 г. [12] Таким образом, гонения на евреев вписывались в общее понимание ближневосточной реальности того времени, определявшееся арабо-израильским противостоянием.

Однако нельзя не учитывать, что преследования еврейского населения в арабских странах в XX в. начались ранее, еще в годы Второй мировой войны, когда антисемитизм был следствием пронацистской политики местных властей, ограничивавших евреев в правах, а в некоторых случаях депортировавших их в лагеря смерти. Французское правительство Виши проводило антисемитский курс в Алжире, Марокко и Тунисе, аналогичные меры предпринимались в итальянской Ливии. В Ираке Багдадский погром (Фархуду) 1–2 июня 1941 г., жертвами которого стали порядка 180 человек, стал следствием не только местных антиеврейских настроений, но и столкновения интересов Великобритании и нацистской Германии [Gat, 1997, p. 21]. Переименование Персии в Иран шахом Р. Пехлеви, подчеркнувшее и общее с нацистской Германией «арийское наследие», избавило местное нееврейское население от действия Нюрнбергских законов, одновременно стимулируя тем самым всплеск антисемитизма [Motadel, 2017, p. 57].

Таким образом, проблему еврейских беженцев из арабских стран, Ирана и Турции можно в некоторой степени считать и производной от ситуации в Европе периода Второй мировой войны. Помимо того, что данный факт сближает мизрахов с сионизмом как идеологией спасения в национальном доме в противовес угнетенному существованию в галуте (изгнании), он связан и с пониманием ближневосточного конфликта. В последнем случае речь идет о том, что палестинцы рассматривают Холокост как чуждое им политически, идеологически и географически историческое событие, за которое они расплачиваются невозможностью создания собственного государства [Litvak, Webman, 2003]. В палестинскую социокультурную память вписана собственная трагедия — Накба, в то время как массовый исход евреев из арабских стран, Ирана и Турции не приобрел аналогичного значения в Израиле, а внимание к теме на государственном уровне и в СМИ стало активно привлекаться лишь в 2010-е гг.

В целом проблема еврейских беженцев из арабских стран, Ирана и Турции включает в себя два компонента. Первый состоит в факте физического преследования и понесенных материальных потерь и на этом основании вписывается в процесс согласования условий достижения мирного урегулирования. Второй носит социокультурный характер и связан с дальнейшими трудностями интеграции восточных

[12] Jewish refugees expelled from Arab lands and from Iran. *Israel Ministry of Foreign Affairs*. 30.11.2017. URL: https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Issues/Pages/Jewish-refugees-expelled-from-Arab-lands-and-from-Iran-29-November-2016.aspx (дата обращения 16.11.2020).

евреев в израильское общество, а также отражается на понимании идеологической сущности палестино-израильского конфликта его участниками.

Этапы развития кампании по привлечению внимания к евреям-беженцам из арабских стран, Ирана и Турции в Израиле

В 1950-е гг. объединение выходцев из Египта в Израиле предприняло попытку вынести проблему беженцев на государственный уровень. Глава организации Ш. Коэн-Зидон обратился к тогдашнему премьер-министру Л. Эшколю для составления официального списка имущества и недвижимости, утраченной евреями, покинувшими Египет. В 1956 г. была создана соответствующая комиссия, за несколько лет работы зафиксировавшая порядка 7 тыс. обращений, однако в дальнейшем процесс был заморожен[13].

Более серьезная попытка добиться для евреев-беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки статуса жертв арабо-израильского конфликта была предпринята в 1970-е гг. При этом важно, что инициатива вновь исходила не от государства, а от Всемирной организации евреев из арабских стран (WOJAC), созданной в 1975 г. [Gilbert, 2010, p. 308]. В качестве основной своей цели данная структура продвигала необходимость блокировки претензий палестинских беженцев путем выдвижения собственных требований[14].

Активность организации и избранная ею постановка проблемы довольно быстро породила возражения в правительстве, аргументированные несколькими группами причин.

Во-первых, часть тогдашних политиков и депутатов Кнессета, которые сами были выходцами из стран Востока, заявили, что их семьи прибыли в Израиль не под давлением упомянутых выталкивающих факторов, а под влиянием идеологических причин. Другими словами, они подчеркивали, что мизрахи разделяли сионистские убеждения [Shenhav, 2002]. Последнее утверждение до сих пор остается спорным. С одной стороны, в некоторых общинах, например в ливанской, репатриация в Израиль распространения не получила вплоть до Гражданской войны, более того, страна даже приняла у себя часть еврейских беженцев из соседних государств в период более ранних гонений. С другой стороны, понимая необходимость объединить в национальном доме всех евреев, первый премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион осознавал, что открытое декларирование принципов сионизма в арабских странах может лишь усугубить положение местного еврейского населения, а потому распространение таких идей там не приветствовалось [Meir-Glitzenstein, 2004, p. 43].

Впрочем, в этой области было еще одно важное противоречие. Как отмечает профессор кафедры социологии и антропологии Тель-Авивского университета Й. Шенхав, самим фактом своего существования демонстрируя, что евреи в регионе присутствовали всегда, выходцы с Ближнего Востока подрывали концепцию

[13] Cohen E. There Was a Jewish Nakba, and It Was Even Bigger than the Palestinian One. *The Tower Magazine*. 2012. 39. URL: http://www.thetower.org/article/there-was-a-jewish-nakba-and-it-was-even-bigger-than-the-palestinian-one/ (дата обращения 23.12.2020).

[14] Shenhav Y. Nakba anxiety and refugee bookkeeping. *Haokets*. 16.09.2012 URL: https://www.haokets.org/2012/09/16/חרדת-הנכבה-ופנקסנות-הפליטים/ (дата обращения 16.11.2020).

«перерождения» евреев прошлого, живших в *галуте* (изгнании), в «новых евреев», т. е. израильтян, самостоятельно строивших собственное государство [Shenhav, 2002].

Во-вторых, правительство увидело в активности WOJAC угрозу углубления противоречий между восточными и европейскими евреями. Связано это было с тем, что сама организация, как утверждали ее критики, представляла собой субэтническое объединение, действующее в собственных интересах [Shenhav, 2002]. Не случайно, что многие политические деятели того времени из общины мизрахов стремились от активности организации дистанцироваться. Вместе с тем активные участники WOJAC с подобной оценкой своей деятельности не соглашались, отмечая, что в действительности ставили своей задачей поддержку государства в процессе выдвижения израильских требований в мирном процессе [Fischbach, 2008, p. 159].

Наиболее жесткую линию в отношении WOJAC проводил МИД, который, судя по всему, был недоволен вмешательством в свою компетенцию. Среди противников Всемирной организации евреев из арабских стран был Й. Бейлин, в 1990-е гг. работавший над соглашениями Осло. По его мнению, WOJAC потенциально могла не блокировать палестинские требования, а поставить перед Израилем задачу компенсаций и расселения на своей территории палестинских беженцев в том случае, если их количество будет превышать численность израильских переселенцев из арабских стран [Shenhav, 2002]. Впрочем, как кажется, это не единственное объяснение такого восприятия WOJAC, поскольку борьба со смежными структурами за распределение обязанностей в дальнейшем стала одной из особенностей внешнеполитического ведомства [Якимова, 2013].

В конце 1990-х гг., возглавляя министерство юстиции Израиля, Й. Бейлин добился увольнения с поста руководителя отдела арабского права Я. Мирона — активиста WOJAC, отстаивавшего применимость термина беженец к евреям-выходцам из стран Ближнего Востока и Северной Африки [Shenhav, 2002]. В 1999 г. WOJAC полностью прекратила свое существование[15].

Второй этап, связанный с широкомасштабным привлечением внимания к проблеме еврейских беженцев, стартовал в 2010-е гг. Сначала на фоне 60-летия Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) в Израиле представили свою программу «правда о беженцах», ориентированную на зарубежную аудиторию[16]. В 2012 г. она была подкреплена масштабной кампанией под названием «Я беженец», задачей которой стал сбор максимального количества семейных историй о выходцах из арабских государств, Турции и Ирана в социальных сетях под соответствующим хэштегом[17]. Тогда же Совет национальной безопасности страны создал межведомственную группу экспертов, куда вошли представители министерства иностранных дел, финансов и юстиции, которые занялись исследованием соотношения проблем палестинских и еврейских беженцев. В

[15] Zamkanei S. Israel's National Security Council Urges to Include Jewish Refugees in Deal With Palestinians. *Haaretz*. 07.09.2012. URL: https://www.haaretz.com/shayna-zamkanei-arab-jews-dubious-campaign-1.5157592 (дата обращения 22.12.2020).

[16] Eichner I. Hasbara campaign: "I'm a Jewish refugee". *Israel Hayom*. 29.08.2012. URL: https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4274424,00.html (дата обращения 22.12.2020).

[17] Eichner I. Hasbara campaign: "I'm a Jewish refugee". *Israel Hayom*. 29.08.2012. URL: https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4274424,00.html (дата обращения 22.12.2020).

2014 г. Кнессет принял закон, согласно которому 30 ноября стало ежегодным днем памяти еврейских беженцев[18].

Данный этап от предыдущего отличал ряд важных особенностей. Прежде всего, запущена программа была от лица правительства. Руководить этой активностью традиционно поручалось министру, который сам представляет семью выходцев с Востока. Первоначально проект курировал заместитель министра иностранных дел Д. Аялон, отец которого родился в Алжире. Демонстрация проблемы беженцев в подобном ключе, как представляется, позволяла показать равные возможности, которые обеспечивает государство для ашкеназов и мизрахов, то есть отсутствие оснований для конфликта между ними не только в настоящем, но и в прошлом.

Примечательно, что в тот период внешнеполитическое ведомство находилось под контролем партии, ориентированной на русскоязычный электората — «Наш дом Израиль», членом которой был и сам Д. Аялон. Учитывая дальнейшую историю НДИ, связанную с современными попытками эволюционировать из секторальной в общеизраильскую политическую структуру, обращение к теме еврейских беженцев из стран Востока можно считать одной из первых попыток расширения электората. Кроме того, для НДИ проблема была важна и в контексте решения вопросов, актуальных для их основной группы избирателей, поскольку после мизрахов со своеобразным «стеклянным потолком» в процессе интеграции в израильское общество столкнулись выходцы из СССР / СНГ.

Основной идеей кампании стала не блокировка требований палестинцев, как это было с WOJAC, а признание еврейских беженцев такими же жертвами ближневосточного конфликта и справедливое урегулирование проблемы в целом. Соответственно, правительство уже в меньшей степени, чем в 1970-е – 1990-е гг. опасалось, что обращение к теме беженцев принесет материальный урон. Наоборот, был сделан вывод о том, что собственные претензии позволят сдержать палестинские запросы на компенсации и «право на возвращение».

Таким образом, за истекший период наблюдались существенные изменения в подходах Израиля к решению проблемы еврейских беженцев, связанные не только с региональной, но и внутриполитической обстановкой, а также конфликтами, имевшими место в процессе складывания переселенческого общества. При этом последние, как кажется, сыграли на начальном этапе большую роль, нежели опасения, связанные с встречными палестинскими требованиями.

СООТНОШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКИХ И ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Взаимосвязь проблем еврейских и палестинских беженцев характеризуется прежде всего количественными показателями. По статистике Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), численность последних составляет сегодня порядка 5,6 млн. человек[19]. Сюда традиционно включаются те, кто покинул места своего постоянного проживания во

[18] Jewish refugees from Arab lands: The Jews of Iraq. Israel Ministry of Foreign Affairs. 30.11.2014. URL: https://mfa.gov.il/MFA/VideoLibrary/Pages/Jewish-refugees-from-Arab-lands.aspx (дата обращения 22.12.2020).

[19] Who we are. *United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East.* URL: https://www.unrwa.org/who-we-are (дата обращения 23.12.2020).

время войн 1948 и 1967 гг. В первом случае речь идет о 750 тыс. человек, во втором — о 250 тыс. человек[20]. Кроме того, к беженцам приравниваются лица, находившиеся в периоды эскалации арабо-израильского конфликта за границей, а также потомки тех, кто относится к одной из названных категорий[21].

Часть палестинцев, оставивших территории в 1948 г., затем смогли вернуться, пусть и не всегда на прежнее место, а потому попали в статистку дважды, будучи вынужденными покинуть Израиль вновь в ходе «Шестидневной войны». Таковых могло быть не менее 65 тыс. человек [Miller, 2012, p. 5]. Причем информация, свидетельствующая об этом, содержится в палестинских источниках [Bokaeíe, 2003, p. 2–3]. Наконец, в конце 1940-х – 1950-е гг., а затем в 1990-е гг. Израиль участвовал в программах «фактического возвращения беженцев» и воссоединения семей, в ходе реализации которых могло вернуться по меньшей мере около 40 тыс. человек [Alpher et al., 1999].

Наиболее спорным, с точки зрения Израиля, в настоящий момент является наследственный статус беженца. Данный феномен, как отмечается в израильских исследованиях, поддерживается именно БАПОР, которое, в свою очередь, ссылается на нормы международного права[22]. Однако Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г. предусматривает исключение из данной категории лиц, получивших гражданство иных государств[23]. Таким образом, в данном вопросе Израиль вступает в противоречие не только с позициями палестинского руководства, но и БАПОР.

Аналогичная ситуация наблюдается и при оценке материальных потерь. Согласно израильским расчетам, суммарная стоимость утраченного палестинскими беженцами имущества равна 3,9 млрд. долларов по современному курсу[24]. Это допущение дает Израилю потенциальную возможность снять одно из основных опасений, высказывавшихся в 1970-е – 1990-е гг., в соответствии с которым актуализация проблемы евреев, насильственно покинувших страны Востока, повлечет за собой в разы превышающие финансовые претензии палестинцев.

К этой теме примыкает и важный для Израиля пункт о понесенных издержках на абсорбцию беженцев. Как отмечалось выше, важной чертой современной кампании по привлечению внимания к евреям, вынужденно покинувшим страны Востока, является демонстрация на конкретных примерах их успешной интеграции, в то время как подход палестинского руководства и БАПОР обрекает новые поколения наследственных беженцев на существование в лагерях.

---

[20] Palestinian refugees and the right of return. *American Friends Service Committee*. URL: https://www.afsc.org/resource/palestinian-refugees-and-right-return (дата обращения 23.12.2020).

[21] Palestinian Refugees. *Anti-Defamation League*. URL: https://www.adl.org/resources/glossary-terms/palestinian-refugees (дата обращения 23.12.2020).

[22] Palestinian Refugees. *Anti-Defamation League*. URL: https://www.adl.org/resources/glossary-terms/palestinian-refugees (дата обращения 23.12.2020).

[23] Convention relating to the Status of Refugees. *United Nations Conference of Plenipotentiaries on the Status of Refugees and Stateless Persons*. 28.07.1951. URL: https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/statusofrefugees.aspx (дата обращения 23.12.2020).

[24] Special Report on the Issue of Jewish refugees from Arab Countries. *Israel Ministry of Foreign Affairs*. 03.04.2012. URL: https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/jewish_refugees_from_arab_and_muslim_countries-apr_2012.aspx (дата обращения 16.11.2020).

Большое значение при оценке соотношения двух проблем имеет понимание сторонами конфликта вопроса ответственности. С израильской точки зрения обязательства в отношении палестинских беженцев должны брать на себя государства региона, участвовавшие в войнах с Израилем, подпитывая тем самым потоки людей, покидающих места своего постоянного проживания. Более того, некоторые исследователи настаивают, что арабские режимы, воевавшие с провозглашенным еврейским государством, во многом поощряли уход палестинцев, обещая им возвращение после победы над противником [Bilby, 1950]. Руководствовались они двумя факторами: палестинское население не будет создавать препятствий в зоне боевых действий, в то время как внутри арабских государств они могут побуждать к более ожесточенной борьбе для скорейшего поражения Израиля и снятия с себя экономического бремени в виде беженцев[25].

С палестинской стороны, претензии на «право на возвращение» зачастую также понимаются ими не буквально как физическое перемещение самих беженцев или их потомков на место, которым некогда владела семья. Речь идет о требовании признания Израилем ответственности за создание самой проблемы вынужденного перемещения и потери собственности.

Таким образом, рассмотрение данного аспекта проблемы показывает, что при нарастании внимания к проблеме беженцев в контексте ближневосточного урегулирования Израиль вступает в противоречие не только с палестинской стороной, но и структурой ООН. Это обстоятельство усложняет как мирные усилия, так и привлечение международного сообщества к поддержке претензий еврейского населения, насильственно покинувшего государства региона в XX в.

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ В РАМКАХ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Генеральная Ассамблея ООН в ноябре 1948 г. дала старт процессу обсуждения проблематики беженцев в рамках организации, приняв резолюцию 212 (III), призывающую к помощи палестинским беженцам[26]. Однако уже в декабре того же года была одобрена резолюция № 194 (III), содержавшая упоминание права на возвращение и выплаты компенсаций без конкретизации, о каких именно беженцах идет речь[27]. В дальнейшем в документах ООН по данной проблематике неопределенность сохранилась. Если резолюция Совета Безопасности ООН № 242 была максимально размытой[28], то другой знаковый для процесса урегулирования конфликта документ —

[25] Cohen E. There Was a Jewish Nakba, and It Was Even Bigger than the Palestinian One. *The Tower Magazine*. 2012. 39. URL: http://www.thetower.org/article/there-was-a-jewish-nakba-and-it-was-even-bigger-than-the-palestinian-one/ (дата обращения 23.12.2020).

[26] 212 (III). Assistance to Palestine refugees. *United Nations General Assembly*. 19.11.1948. URL: https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/EDC284B4A5508FD7852560E500670213 (дата обращения 23.12.2020).

[27] 194 (III). Palestine. Progress Report of the United Nations Mediator. *United Nations General Assembly*. 11.12.1948. URL: https://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/C758572B78D1CD0085256BCF0077E51A (дата обращения 23.12.2020).

[28] Security Council Resolution 242. *United Nations Organization*. 22.11.1967. URL: https://unispal.un.org/unispal.nsf/0/7D35E1F729DF491C85256EE700686136 (дата обращения 22.12.2020).

резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3236 от 22 ноября 1974 г. вновь признавала именно палестинское право на возвращение, называя его «неотъемлемым»[29].

Подобная двойственность привела к тому, что Израиль стал черпать легитимность для своих требований из документов с широкими формулировками, в то время как палестинцы предпочли основывать существующие у них претензии на конкретизации в ряде резолюций ООН именно их проблемы. При этом стороны конфликта сосредоточились на достижении собственных интересов, не учитывая, что размытая трактовка порождает встречные претензии других государств. Так, Иордания, предоставившая палестинским беженцам гражданство, не только затратила на их абсорбцию большие финансовые ресурсы, но и поставила себя в сложное положение в контексте ближневосточного мирного процесса, что объяснялось выдвижением на разных этапах урегулирования т. н. «иорданской опции». Под ней понимается совокупность инициатив создания иордано-палестинского объединения, заменяющего собой тезис об обязательной необходимости провозглашения суверенного Государства Палестина [Якимова, 2019, с. 136]. Исходя из этого, Хашимитское королевство также имеет возможность претендовать на перечисление компенсаций беженцам в свой адрес, а не в бюджет палестинских организаций или администрации. Последнее во многом напоминает опыт евреев в борьбе за реституцию собственности, утраченной в годы Второй мировой войны, когда к претензиям общин государств, таких как Латвия, присоединились еврейские организации из-за рубежа [Якимова, 2014, с. 114]. Более того, на этой основе претендовать на возможные будущие выплаты может и БАПОР.

Примечательно, что в мирном договоре, подписанном между Израилем и Иорданией в 1994 г.[30], равно как и в израильско-египетском соглашении 1979 г.[31] проблема беженцев представлена размытыми формулировками о необходимости справедливого решения и участия других региональных игроков и международных организаций. Арабская мирная инициатива 2002 г., в свою очередь, вновь сужает проблему до сугубо палестинской, но не содержит деталей относительно ее желаемого разрешения, также ограничиваясь тезисом о справедливости[32]. Разницу в восприятии арабскими государствами данной проблематики можно объяснить в полной мере не совпадающими целями в рамках мирных усилий и разницей в подходах относительно условий сближения с Израилем. Так, формулировка, заложенная в Арабскую мирную инициативу, стала следствием претензий Ливана. Однако в текущих условиях нормализации отношений Израиля с арабским миром есть основания говорить о расхождении позиций по вопросу статуса беженцев, который может актуализироваться

[29] 3236 Question of Palestine. *United Nations Organization.* 22.11.1974. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/IP%20A%20RES%203236.pdf (дата обращения 22.12.2020).

[30] Treaty of Peace between the State of Israel and the Hashemite Kingdom of Jordan. 25.07.1994. URL: https://www.peaceagreements.org/viewmasterdocument/594 (дата обращения 22.12.2020).

[31] *Egypt and Israel Treaty of Peace.* 26.03.1979. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/EG%20IL_790326_Egypt%20and%20Israel%20Treaty%20of%20Peace.pdf (дата обращения 22.12.2020).

[32] Official translation of the full text of a Saudi-inspired peace plan adopted by the Arab summit in Beirut, 2002. *Konrad Adenauer Stiftung.* URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=a5dab26d-a2fe-dc66-8910-a13730828279&groupId=268421 (дата обращения 22.12.2020).

более локально на ливано-израильском треке в свете попыток добиться прогресса в отношениях и экономических трудностей Бейрута.

В последние годы на первое место в рамках достижения палестино-израильского мира вышла активность американской администрации во главе с Д. Трампом, принявшим ряд знаковых решений, вызвавших противоречивую реакцию. Среди них отказ финансировать БАПОР. Вместе с тем данный шаг демонстрирует преемственность с политикой США в конце первого десятилетия 2000-х гг. В 2008 г. Палата представителей Конгресса одобрила резолюцию № 185, признающую проблему еврейских беженцев из арабских стран и требующую для них, как и для палестинцев, справедливого решения[33]. Значимость данного документа определяется не только тем, что он впервые в американской истории зафиксировал, что жертвами конфликта стало население обоих сторон. Подобная политика подтолкнула Израиль к актуализации проблемы еврейских беженцев на международной арене. Более того, деятельность Трампа в отношении БАПОР, несмотря на спорные оценки, показала, что при решении проблемы беженцев требуется не только урегулирование вопроса на уровне сторон конфликта, но и переоценка роли данной структуры.

Вторым знаковым этапом стала публикация т. н. «сделки века» — проекта палестино-израильского мирного урегулирования. Обращаясь к теме беженцев, документ подтверждал, что пострадавшим от конфликта является еврейское и арабское население, и признавал равное количество беженцев с обеих сторон, а также предписывал, что палестинские беженцы могут быть расселены на территории стран нынешнего фактического проживания, в будущем палестинском независимом государстве или по квоте распределены между членами ОИС, но не в Израиле, который самостоятельно позаботился о своих беженцах[34].

Таким образом, попытки добиться прогресса в урегулировании статуса беженцев не учитывали ряд важных обстоятельств, среди которых потенциальные претензии на компенсации арабских государств и необходимость трансформации роли БАПОР, который по мере урегулирования проблемы неизбежно должен будет повторить судьбу Совета по опеке ООН. Кроме того, в уже принятых документах наблюдается непоследовательность в определении самой проблемы беженцев, что затрудняет поиск ее компромиссного решения.

Перспективы проблемы еврейских беженцев в контексте других вопросов «окончательного статуса»

Несмотря на важность урегулирования проблемы беженцев, данная проблематика нередко уходит на второй план, уступая вопросам о статусе Иерусалима и границ. Подобное ранжирование приоритетов во многом отвечает и интересам Израиля, где получила развитие другая кампания, ориентированная на призыв к

[33] H.Res.185 — Expressing the sense of the House of Representatives regarding the creation of refugee populations in the Middle East, North Africa, and the Persian Gulf region as a result of human rights violations. *Congress.gov*. URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-resolution/185/text (дата обращения 22.12.2020).

[34] Peace to prosperity. A vision to improve the lives of Palestinian and Israeli people. *White House*. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/01/Peace-to-Prosperity-0120.pdf (дата обращения 22.12.2020).

зарубежным партнерам перенести посольства в город, который власти считают «единой и неделимой столицей». Объясняется это тем, что особенно в период нахождения Д. Трампа на посту президента США израильское правительство осознавало открывшуюся возможность добиться прогресса на данном направлении, в то время как решение проблемы беженцев в ближайшем будущем не просматривается. Кроме того, нарастает внимание к статусу Иерусалима со стороны региональных центров силы. В числе последних фигурирует Турция и Саудовская Аравия, претендующие на то, чтобы оспорить статус Иордании в отношении комплекса святынь Храмовой горы.

Ближневосточный мирный процесс, в широком контексте понимаемый не только как достижение соглашения с палестинцами, но и как нормализация отношений с умеренными региональными государствами, также сказывается на перспективах урегулирования проблемы беженцев. Актуализировалась данная тема в связи с подписанием «соглашений Авраама» о примирении Израиля с Бахрейном и ОАЭ. В дальнейшем расширение «пояса дружественных режимов», как определил этот процесс премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху, стало распространяться на другие государства региона, в том числе Марокко, к которому проблема беженцев имеет прямое отношение.

В целом опыт Египта и Иордании, подписавших с Израилем мирные договоры, равно как процесс нормализации отношений с умеренными региональными режимами, стартовавший в 2020 г., показывает, что вопрос о беженцах не имеет принципиального значения для государств Большого Ближнего Востока в принятии решения о сближении с Израилем. На этом основании можно сделать вывод, что сама по себе израильская кампания по привлечению внимания к проблеме еврейских беженцев из арабских стран, Ирана и Турции обладает большим потенциалом. Более того, в нынешних условиях трансформации региональной реальности она может получить дополнительный импульс, однако для этого требуется ее корректировка. В новой инициативе акцентом должно стать не сбалансирование претензий противоположной стороны конфликта в рамках узкого палестино-израильского урегулирования, что только накаляет обстановку, а демонстрация того, что евреи являлись интегральной частью региона с древнейших времен, а текущее потепление отношений восстанавливает историческое равновесие и открывает новые возможности для мирного сосуществования.

Литература / References

Якимова Е. А. В поисках палестинского государства: альтернативы резолюции 181 (II). *Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события.* Т. 2. М., 2019. С. 135–146 [Iakimova E. A. In the search for Palestinian state: Alternatives to the resolution 181 (II). *Formation of Jewish statehood in the 21st century: key events.* Moscow, 2019. Pp. 135–146 (in Russian)]

Якимова Е. А. Трансформация израильской внешней политики в каденцию А. Либермана. *Науч. труды по иудаике. Материалы XX Междунар. конф. по иудаике.* Академическая серия. 2013. Вып. 47. Т. 3. С. 253–265 [Iakimova E. A. Transformation of Israeli Foreign policy under A. Liberman. *Scientificworks on Jewish Studies. Materials of the 20th International Scientific conference on Jewish Studies. Academic series.* 2013. 47.3. Pp. 253–265 (in Russian)].

Якимова Е. А. Формирование израильской внешнеполитической концепции отношении стран Балтии в 2009–2012 гг. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.* 2014.

№ 6. С. 111–117 [Iakimova E. A. Formation of Israeli foreign policy concept in relation to Baltic states. *Vestnik of the I. Kant Baltic Federal University*. 2014. 6. Pp. 111–117 (in Russian)].

Alpher J. et al. Concept Paper: The Palestinian Refugee Problem and the Right of Return. *Middle East Policy*. 1999. 6.3. Pp. 167–189.

Bilby K.W. *New Star in the Near East*. Doubleday, 1950.

Bokaeíe N. *Palestinian Internally Displaced Persons inside Israel: Challenging the Solid Structures*. Bethlehem, 2003.

Fischbach M. R. *Jewish Property Claims Against Arab Countries*. New York, 2008.

Gat M. *The Jewish Exodus from Iraq, 1948–1951*. London, 1997.

Gilbert M. *In Ishmael's House: A History of Jews in Muslim Lands*. Yale, 2010.

Grinberg L. L. *Mo(ve)ments of Resistance: Politics, Economy and Society in Israel/Palestine 1931–2013*. Boston, 2014.

Litvak M., Webman E. Perceptions of the Holocaust in Palestinian Public Discourse. *Israel Studies*. 2003. 8.3. Pp. 123–140.

Meir-Glitzenstein E. *Zionism in an Arab Country: Jews in Iraq in the 1940s*. London, 2004.

Miller E. *The Intractable Issue: Palestinian Refugees and the Israeli-Palestinian Peace Negotiations*. London, 2012.

Porter M. E. How Competitive Forces Shape Strategy. *Harvard Business Review*. 1979. 57.2. Pp. 137–145.

Shenhav Y. Jews from Arab Countries and the Palestinian Right for Return: An Ethnic Community in Realms of National Memory. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2002. 29.1. Pp. 27–56.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Ашкеназы. *ЭЕЭ*. URL: https://eleven.co.il/diaspora/ethno-linguistic-groups/10358/ (дата обращения 22.12.2020).

Закон о Возвращении. *Кнессет*. 05.07.1950. URL: https://knesset.gov.il/laws/ru/lawofreturn_ru.htm (дата обращения 16.11.2020).

Cohen E. There Was a Jewish Nakba, and It Was Even Bigger than the Palestinian One. *The Tower Magazine*. 2012. 39. URL: http://www.thetower.org/article/there-was-a-jewish-nakba-and-it-was-even-bigger-than-the-palestinian-one/ (дата обращения 23.12.2020).

Convention relating to the Status of Refugees. *United Nations Conference of Plenipotentiaries on the Status of Refugees and Stateless Persons*. 28.07.1951. URL: https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/statusofrefugees.aspx (дата обращения 23.12.2020).

Declaration of Principles on Interim Self-Government Arrangements. 12.09.1993. *Israel Ministry of Foreign Affairs*. URL: https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/declaration%20of%20principles.aspx (дата обращения 24.12.2020).

Egypt and Israel Treaty of Peace. 26.03.1979. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/EG%20IL_790326_Egypt%20and%20Israel%20Treaty%20of%20Peace.pdf (дата обращения 22.12.2020).

Eichner I. Hasbara campaign: "I'm a Jewish refugee" (In Heb.). *Israel Hayom*. 29.08.2012. URL: https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4274424,00.html (дата обращения 22.12.2020).

Gavriely-Nuri D. Why Have Transit Camps for Mizrahi Jews Been Written Out of Israeli History? *Haaretz*. 18.04.2015. URL: https://www.haaretz.com/.premium-a-giant-gap-in-consciousness-1.5351999 (дата обращения 22.12.2020).

H.Res.185 — Expressing the sense of the House of Representatives regarding the creation of refugee populations in the Middle East, North Africa, and the Persian Gulf region as a result of human rights violations. *Congress.gov*. URL: https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-resolution/185/text (дата обращения 22.12.2020).

Jewish refugees expelled from Arab lands and from Iran. *Israel Ministry of Foreign Affairs*. 30.11.2017. URL: https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/Issues/Pages/Jewish-refugees-expelled-from-Arab-lands-and-from-Iran-29-November-2016.aspx (дата обращения 16.11.2020).

Jewish refugees from Arab lands: The Jews of Iraq. *Israel Ministry OF Foreign Affairs*. 30.11.2014. URL: https://mfa.gov.il/MFA/VideoLibrary/Pages/Jewish-refugees-from-Arab-lands.aspx (дата обращения 22.12.2020).

Mizrahi Jews. *Britannica*. URL: https://www.britannica.com/topic/Oriental-Jews (дата обращения 22.12.2020).

Official translation of the full text of a Saudi-inspired peace plan adopted by the Arab summit in Beirut, 2002. *Konrad Adenauer Stiftung*. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=a5dab26d-a2fe-dc66-8910-a13730828279&groupId=268421 (дата обращения 22.12.2020).

Palestinian Refugees. *Anti-Defamation League*. URL: https://www.adl.org/resources/glossary-terms/palestinian-refugees (дата обращения 23.12.2020).

Palestinian refugees and the right of return. *American Friends Service Committee*. URL: https://www.afsc.org/resource/palestinian-refugees-and-right-return (дата обращения 23.12.2020).

Peace to prosperity. A vision to improve the lives of Palestinian and Israeli people. *White House*. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/01/Peace-to-Prosperity-0120.pdf (дата обращения 22.12.2020).

Security Council Resolution 242. *United Nations Organization*. 22.11.1967. URL: https://unispal.un.org/unispal.nsf/0/7D35E1F729DF491C85256EE700686136 (дата обращения 22.12.2020).

Shenhav Y. Nakba anxiety and refugee bookkeeping (In Heb.). *Haokets*. 16.09.2012. URL: https://www.haokets.org/2012/09/16/חרדת-הנכבה-ופנקסנות-הפליטים/ (дата обращения 16.11.2020).

Special Report on the Issue of Jewish refugees from Arab Countries. *Israel Ministry of Foreign Affairs*. 03.04.2012. URL: https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/jewish_refugees_from_arab_and_muslim_countries-apr_2012.aspx (дата обращения 16.11.2020).

Treaty of Peace between the State of Israel and the Hashemite Kingdom of Jordan. 25.07.1994. URL: https://www.peaceagreements.org/viewmasterdocument/594 (дата обращения 22.12.2020).

Who we are. *United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East*. URL: https://www.unrwa.org/who-we-are (дата обращения 23.12.2020).

Zamkanei S. Israel's National Security Council Urges to Include Jewish Refugees in Deal with Palestinians. *Haaretz*. 07.09.2012. URL: https://www.haaretz.com/shayna-zamkanei-arab-jews-dubious-campaign-1.5157592 (дата обращения 22.12.2020).

Ziegler R. A Matter of Definition: On "Infiltrators" and "Asylum Seekers" in Israel. *Israel Democracy Institute*. 26.01.2011. URL: https://en.idi.org.il/articles/3940 (дата обращения 22.12.2020).

194 (III). Palestine. Progress Report of the United Nations Mediator. *United Nations General Assembly*. 11.12.1948. URL: https://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/C758572B78D1CD0085256BCF0077E51A (дата обращения 23.12.2020).

212 (III). Assistance to Palestine refugees. *United Nations General Assembly*. 19.11.1948. URL: https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/EDC284B4A5508FD7852560E500670213 (дата обращения 23.12.2020).

3236 Question of Palestine. *United Nations Organization*. 22.11.1974. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/IP%20A%20RES%203236.pdf (дата обращения 22.12.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-259-271

ОБЗОР ЧЕТВЕРТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТИБЕТОЛОГИЯ И БУДДОЛОГИЯ: НА СТЫКЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ»

© 2021

А. М. Шустова*

Статья представляет собой обзор Четвертой Международной конференции «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии», состоявшейся в дистанционном формате 9–10 ноября 2020 г. Конференция была организована Институтом востоковедения РАН при участии фонда «Сохраним Тибет» и прошла в необычном составе: в ее работе приняли участие специалисты не только гуманитарного профиля, но и таких наук, как нейрофизиология, психология, биология и физика. Ученые-биологи представили первые научные результаты, полученные в рамках проекта российско-буддийского исследовательского центра на базе буддийских монастырей-университетов в южноиндийском штате Карнатака. Проект был запущен в 2019 г., с российской стороны в нем участвуют Институт мозга человека имени Н. П. Бехтеревой РАН, Институт медико-биологических проблем РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова. С помощью различных физиологических методов были предприняты попытки исследования механизмов буддисткой медитации. Что касается исследователей гуманитарного знания, то они осветили на конференции достаточно широкий круг вопросов исторической, культурологической и религиоведческой проблематики буддологии и тибетологии.

Ключевые слова: обзор конференции, буддология, тибетология, нейрофизиология, история Тибета.

Для цитирования: Шустова А. М. Обзор Четвертой Международной конференции «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 259–271. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-259-271

REVIEW OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE “TIBETOLOGY AND BUDDHOLOGY AT THE INTERSECTION OF SCIENCE AND RELIGION”

Alla M. Shustova

The article covers the proceeding of Fourth International online conference Tibetology and Buddhology at the Intersection of Science and Religion, which took place on 9–10 November 2020. The conference was organized by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

* Шустова Алла Михайловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; parinama@yandex.ru

Alla M. Shustova, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; parinama@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9372-6553

with participation of the *Save Tibet* Foundation. Researcher in the fields of neurophysiology, physiology, biology, and physic took part in the conference side by side with the researchers of humanities. Biologists presented their first results of the Russian-Buddhist research center on the base of Buddhist monasteries-universities in Karnataka state of South India. The project was initiated in 2019 by Natalia P. Bekhtereva Institute of the Human Brain of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg), with Institute of Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow), and Moscow State Lomonosov University also taking part in the project from Russian site. Scholars researched the mechanism of Buddhist meditation with the help of various physiological methods. Academics discussed wide range of historical, culturological, and religiological problems of Buddhology and Tibetology.

Keywords: conference chronicle, Tibetology, Buddhology, neurophysiology, Tibetan history.

For citation: Shustova A. M. Review of the International Conference "Tibetology and Buddhology at the Intersection of Science and Religion". *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 259–271. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-259-271

9–10 ноября 2020 г. состоялась Четвертая Международная конференция «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии»[1]. Организатором конференции выступил Институт востоковедения Российской академии наук при участии фонда «Сохраним Тибет». Конференция прошла в онлайн режиме, как и многие научные форумы 2020 года. На конференцию было заявлено 32 доклада от участников из России, Индии, Монголии, Казахстана, КНР, Нидерландов и Франции. Важно, что на ней были представлены научно-образовательные центры всех трех буддийских регионов России — Калмыкии, Тувы и Бурятии.

На открытии форума прозвучали приветственные выступления Директора Института востоковедения РАН А. К. Аликберова и почетного представителя Его Святейшества Далай-ламы в России, Монголии и странах СНГ, директора Центра тибетской культуры и информации в Москве, Верховного ламы Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче.

А. К. Аликберов отметил многообразие представленных в программе конференции докладов, а также актуальность темы, затрагивающей большую область культуры, связанной с буддизмом, а также с диалогом науки и религии. Он поделился собственным опытом изучения религий мира в рамках системного классификационного подхода и отметил важную черту буддизма, который отличается от авраамических религий направленностью к человеку как творцу своей судьбы, отметив также, что тибетология является важной частью наук о Востоке.

Тэло Тулку Ринпоче сказал, что в буддийском сообществе растет понимание важности диалога с учеными. В последние годы было сделано немало шагов на пути сближения буддизма с западной наукой. Конференция «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии», проводимая в Институте востоковедения уже в четвертый раз, представляет собой заметный вклад в это относительно новое направление научного знания.

Четвертая конференция «Тибетология и буддология» прошла в необычном составе. От предыдущих конференций ее отличали не только более широкий охват тем, но и участие целого ряда специалистов негуманитарного профиля, таких наук, как нейрофизиология, психология, биология и физика. Среди них известные российские

[1] Отчет о предыдущих конференциях см. [Шустова, 2019б].

ученые: академик С. В. Медведев, более четверти века возглавлявший Институт мозга имени Н. П. Бехтеревой РАН, глава лаборатории нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов биофака МГУ профессор А. Я. Каплан, кандидат биологических наук Ю. А. Бойцова (Институт мозга человека РАН имени Н. П. Бехтеревой), физик-теоретик С. Ю. Александров (Университет Монпелье, Франция), автор резонансной книги «Буддизм глазами физика» [Александров, 2019]. К дискуссии были привлечены их коллеги, хорошо известные в этой области знаний, — нейролингвист, заслуженный деятель науки РФ, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, член-корреспондент РАО профессор Т. В. Черниговская, нейробиолог, академик РАН К. В. Анохин и другие ученые.

На конференции сложилась уникальная атмосфера, позволившая обсуждать не только вопросы «на стыке науки и религии», но и вести диалог ученых-гуманитариев с представителями естественных наук. Как было отмечено одним из организаторов, директором фонда «Сохраним Тибет» Ю. С. Жиронкиной, конференция явилась новым шагом в развитии знаний о буддизме: «До сего дня у представителей буддологии и нейронауки практически не было точек соприкосновения — невозможно было представить себе их совместное обсуждение в рамках одного форума. Это уникальная конференция. Собрав в одном виртуальном пространстве ведущих нейроученых, с одной стороны, и ведущих специалистов, посвятивших жизнь изучению древних буддийских трактатов, — с другой, мы перевернули новую страницу в буддологии»[2].

Конференция была отмечена и тем, что ученые-биологи представили на ней первые результаты важного проекта по изучению измененных состояний сознания на примере людей, практикующих буддийскую медитацию. Исследования проводились в рамках совместного российско-буддийского исследовательского центра на базе двух конгломератов из семи буддийских монастырей-университетов в южноиндийском штате Карнатака. Проект был запущен в 2019 г. С российской стороны в нем участвуют Институт мозга человека имени Н. П. Бехтеревой РАН, Институт медико-биологических проблем РАН, МГУ, Институт радиоэлектроники РАН и отделение физиологии РАН.

Предысторией проекта стал начатый в 2017 г. диалог между российскими учеными и буддийскими философами, организованный по инициативе Далай-ламы и состоявшийся благодаря поддержке фонда «Сохраним Тибет» и лично Тэло Тулку Римпоче, продолживших курировать и дальнейшие мероприятия, направленные на сближение российской науки и буддизма. В рамках проекта уже состоялись два форума «Фундаментальное знание: диалоги российских и буддийских ученых» в Дели и Дхарамсале (Индия)[3], проходившие при участии Далай-ламы, а также известных в буддийском мире буддийских философов и ученых монахов.

---

[2] Российские ученые исследовали феномен «посмертной медитации». *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2020/11/11/medvedev.html (дата обращения 12.02.2021).

3 Далай-лама и российские ученые. Диалоги о природе сознания. Сессия 1. *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2017/10/31/dalai-lama-14.html (дата обращения 12.02.2021); В Дхарамсале начался диалог между российскими и буддийскими учеными «Понимание мира». *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2018/05/05/dalai_lama.html (дата обращения 12.02.2021). См. также: [Шустова, 2018; 2019а].

Участвовавший во втором форуме академик С. В. Медведев заинтересовался вопросом интегрирации в западную науку результатов, наработанных с помощью буддийских методов изучения сознания и мозга человека. Он уверен, что если буддийскую картину мира переформулировать в терминах западной науки, понимание мира и человека западными учеными и буддистами будет во многом совпадать.

С одобрения Далай-ламы С. В. Медведев активно включился в процесс и стал руководителем большого проекта по изучению сознания человека. Активным участником и генератором идей также явился профессор А. Я. Каплан, который еще задолго до последних встреч с Далай-ламой начал интересоваться проблематикой измененных состояний сознания у продвинутых практиков йоги и буддизма.

Участие Далай-ламы чрезвычайно важно, так как он не только поспособствовал скорейшему налаживанию связей с нужными буддийскими монастырями, но и порекомендовал, какие именно медитативные техники следует выбрать для исследования. Примечательно, что Далай-лама разрешил исследовать посмертную медитацию *тукдам* — состояние человека, когда тело после констатации смерти еще долгое время не имеет признаков разложения. Медитация *тукдам* рассматривается в буддизме как сокровенное явление, окруженное религиозным почитанием. Разрешение исследовать его показывает не только то, насколько Далай-лама доверяет российским ученым, но насколько он сам заинтересован в научном подходе к сокровенным явлениям буддизма, которые до настоящего времени находились глубоко внутри буддийской традиции. В последние годы Далай-лама демонстрирует большую заинтересованность в научном обосновании наблюдаемых в буддизме феноменов. Выдвинутая российскими учеными инициатива как раз находилась в русле ожиданий буддийского лидера.

Предложенный российскими учеными проект по изучению измененных состояний сознания подразумевает именно совместное исследование: идея состоит в том, чтобы привлечь к исследовательской работе буддийских монахов. Для этого в 2018 г. для них было организовано обучение по курсу «Подход срединного пути в нейронауке» (“Middle Way Approach in Neuroscience”). Восемь монахов, прошедших специальный отбор, покинули монастыри на юге Индии и приехали в Москву для обучения нейрофизиологии и методам, используемых западной наукой при изучении мозга человека. Одной из задач подобного курса было то, чтобы после возвращения в монастыри со специально оборудованными постоянно действующими лабораториями, монахи смогли бы продолжать исследования и в отсутствие российских ученых.

В 2019–2020 гг. в рамках проекта велась целенаправленная работа по изучению измененных состояний сознания на модели различных видов буддийской медитации. Что особенно важно, ученым удалось получить разрешение не только исследовать человека в состоянии медитации *тукдам* опосредованными методами, но и взять у него образцы тканей. К сожалению, активная работа российских ученых в Индии была приостановлена из-за эпидемим коронавируса. В будущем проект будет обязательно продолжен, ведь он рассчитан на долгие годы.

В процессе исследований, которым подверглись более ста монахов и четыре человека в состоянии *тукдам*, был собран достаточно обширный материал. Часть результатов исследований некоторых видов буддийской медитации, проведенных в тибетских монастырях на юге Индии, были представлены на Национальном конгрессе

по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике, состоявшемся в октябре 2020 г. На конференции в Институте востоковедения коллектив авторов и участников проекта представили некоторые выводы, сделанные в результате анализа полученных данных при работе с монахами-практиками. Доклады сопровождались интересной дискуссией, которую поддержали участники диалогов российских ученых с Далай-ламой — нейроученые Т. В. Черниговская и К. В. Анохин.

В интервью корреспонденту РИА «Новости» *Т. В. Черниговская* сказала, что следует «…помнить, что классическая западная наука, включая российскую, работает над вопросами природы сознания от силы несколько сотен лет, тогда как буддийские монахи работают над ними тысячелетиями. Поэтому западной науке не стоит быть высокомерной, она должна набраться терпения и сил, чтобы в эти бесценные кладовые философских знаний буддизма влезть. Там она может найти ответы на свои вопросы… У буддистов лучшие мозги этим веками, тысячелетиями занимались, а мы что — будем делать вид, что этого нет? Нужно умерить гордыню и смотреть не только на то, что вышло в научных журналах в последние пять лет. Нужно посмотреть еще на тысячи лет назад»[4].

Доклад «Физиологическая лаборатория в буддистском монастыре. Зачем и как» от коллектива соавторов представил руководитель проекта академик *С. В. Медведев.* Он рассказал об организации исследовательских лабораторий на базе буддийских монастырей и о методах, использованных исследователями, особо остановившись на феноменах медитации *тукдам* и отметив, что такие явления объективно существуют, что было зафиксировано и российскими учеными, но пока наука не может дать им объяснение. С. В. Медведев все-таки считает, что изучение подобных феноменов возможно научными методами, способными включать в себя физиологические, биохимические и психофизиологические исследования.

В докладе кандидата биологических наук *Ю. А. Бойцовой* (Институт мозга человека РАН) «Подходы к объективной оценке успешности медитации во время ЭЭГ исследований», также представленном от коллектива соавторов, были представлены первые результаты исследования физиологических результатов механизма медитации — важнейшей практики в буддизме. Типы медитативных техник, подвергавшихся изучению, были рекомендованы Далай-ламой специально для данного исследования и включали широко распространенные в буддизме практики однонаправленного сосредоточения на пустоте, непостоянстве и бодхичитте, а также аналитическую медитацию. В экспериментах приняли участие 94 практикующих монаха из буддийских монастырей на юге Индии. Докладчик описала стадии исследовательского процесса, а также факторы, которые следует принять во внимание, чтобы добиться более объективных и точных результатов.

В докладе «Динамика показателей электроэнцефалограммы у монахов при тантрических медитациях в условиях монастыря Гьюдмед: предварительные данные» профессор *А. Я. Каплан* (биологический факультет МГУ) отметил, что одним из наиболее фундаментальных проявлений деятельности мозга человека является его способность к формированию субъективной реальности. Именно субъективная реальность определяет поведение человека в течение жизни. Однако ее поверхностные

[4] Черниговская: буддисты помогут ученым связать мир идей и материю. *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2020/11/11/buddhism-and-science.html (дата обращения 12.02.2021).

слои отягчены картинами чувственного опыта. Помочь добраться до глубоких слоев субъективной реальности человека, по мнению докладчика, могут некоторые буддийские практики, например, высших тантр, соответствующих Ануттара-тантре. Эти практики могли бы дать возможность исследовать «первичную ментальную ткань», или «первичные ментальные конструкты», или «тонкое сознание», которые невозможно отследить в обычном состоянии сознания. В экспериментах участвовали 13 монахов монастыря Гьюдмед, многие годы практикующих тантрические медитации Гухьясамаджа и Ямантака. Проводилась регистрация многоканальной электроэнцефалограммы, в анализе которой устанавливалось, какие корковые структуры мозга могут создавать кластеры устойчивых отношений в процессе тантрической медитации и каковы их специфические характеристики.

С. Ю. Александров (Университет Монпелье, Франция) в докладе «Современная физика и шуньята: новые аналогии» представил новые подходы в описании процесса возникновения Вселенной в современной теоретической физике, которые могли бы рассматриваться в соответствии с доктриной «пустоты» в буддизме Махаяны. Подобные аналогии чаще всего рассматриваются на базе квантовой механики и квантовой теории поля. Новым в этом рассмотрении является теория квантовой гравитации, открывающей новые горизонты в понимании природы материи, пространства и времени.

Ц. Дорджи (Институт тибетской политики, Дхарамсала, Индия) представил доклад «Буддизм в индо-тибетском приграничье: отношения Тибета с Мон-Тавангом до 1914 года». Как отметил докладчик, отношения Тибета с индийскими приграничными областями выстраивались в соответствии с буддийской доктриной «учитель-ученик». Исторически отношения Тибета и Монъюла начинаются еще в древности и связываются с первым правителем Тибета Ньятри Цэнпо (Ngytri Tsenpo). В середине XVIII в. в Тибете была проведена административная реформа, согласно которой Монъюл был разделен на 32 части (Tso De kha), возглавляемые старостами (Tso Gen). Регион Таванг стал тогда административным центром вплоть до подписания Конвенции в Шимле в 1914 г., согласно которой он перешел британской Индии.

А. Мак-Кей (Международный институт азиатских исследований, Лейден, Нидерланды) в докладе «Мандала государства: взгляд из Лхасы» коснулся отношений Тибета с соседними государствами Сикким, Бутан, Мустанг, Ладакх, где не существовало доминирования тибетской школы гелуг. Были рассмотрены модели построения государства по принципу мандалы и галактики.

А. А. Базаров (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ, Республика Бурятия) сделал доклад «Фото буддийских учителей: тибетские монахи и бурятская идентичность в конце XIX–XX вв.» посвятил проблеме изучения визуальных образов в повседневной ритуальной практике буддистов Бурятии. Он рассматривал раритетные фотографии с буддийским сюжетом в качестве исторического и культурологического источника. Для анализа были взяты коллекция редких фотографий Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и фоторяд ритуального комплекса «хоймор-гунгурба», собранные в ходе экспедиций 1950–1970-х гг. По мнению докладчика, культура повседневной практики почитания визуальных образов была важным аспектом в формировании бурятской идентичности с конца XIX в. до конца XX в. Образы тибетских монахов занимали центральное место в этой практике.

М. П. Биткеев (Научно-образовательный центр Буддийской философии, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Калмыкия) представил доклад «Далай-лама XIV о необходимости углубления диалога буддийского учения с наукой и образованием в современных условиях». По мнению докладчика, диалог буддийского учения с современной наукой и западной культурой, выстраивающийся при активном участии Далай-ламы, имеет далеко идущие перспективы. Это не только философское понимание современных глобальных процессов, но и более тщательное понимание взаимозависимости как жизни отдельных индивидов, так и социального, а также всего их природного окружения. Этот диалог мог бы поспособствовать разрешению кризисного состояния современного общества, в котором воспитанию и образованию не уделяется должного внимания.

В докладе *Р. Н. Крапивиной* (Институт восточных рукописей РАН, Санкт Петербург), «Abhisamayālamkāra (Украшение из постижений): два фрагмента о буддизме и науке» рассматривались два первых фрагмента (части) общей композиции сочинения Майтреи/Асанги Abhisamayālamkāra (IV в.), — полное название сочинения и вводная часть, включающая выражение почтения и четыре характеристики трактата. Текст представляет собой высочайший уровень буддийской науки (nang don rig pa) в индо-тибетской традиции буддизма Махаяны и является методологической опорой в буддийском образовании. Буддийские методы работы с умом, содержащиеся в основных философских текстах, интересны не только для исследователей гуманитарного знания (источниковедение, филология, философия), но и для ученых естественных наук (психология, нейропсихология, нейробиология, неврология). Современная наука допускает возможность ее плодотворного взаимодействия с буддийскими практиками развития ума.

А. А. Терентьев (главный редактор журнала «Буддизм в России», Санкт Петербург) представил доклад «Еще одна интерпретация буддийского “номинализма”? (о статье Sonam Thakchoe. Prāsaṅgika’s semantic nominalism: reality is linguistic concept)». В докладе разбирается стержневое в основной школе тибетского буддизма гелуг положение мадхьямака-прасангики о том, что вещи — это «всего лишь имена» (санскр. nāmamātraṃ; тиб. ming tsam). Современный тибетский исследователь Сонам Такчо (Sonam Thakchoe), работающий в Тасмании, предложил еще одну трактовку этого положения. Докладчик задался вопросом: действительно ли такой эрудированный ученый, как Сонам Такчо, решил, что реальность, с точки зрения мадхьямака-прасангики, является «лингвистическим понятием»?

Г. Б. Корнеев (Центр по развитию калмыцкого языка, Элиста, Калмыкия) и *А. Х. Корнеева* (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста) представили доклад «Десять эпитетов Будды: особенности их перевода с санскрита на китайский, тибетский и монгольские языки». Сравнение эпитетов Будды позволяет установить разницу как между текстами, написанными на пали (Theravāda) и на санскрите (Mahāyāna), так и их переводами в китайской, тибетской и монгольской традициях. Докладчики представили анализ методов перевода не имеющих эквивалентов санскритских эпитетов китайскими, тибетскими и монгольскими буддистами.

Б. У. Китинов (Институт востоковедения РАН) представил доклад «Роль титулов, дарованных Далай-ламой, в развитии калмыцкой государственности». Как заметил

докладчик, калмыки, рассеянные по территории России, нуждались не только в сильном лидере, но и в унифицированной религии, способной объединить общество в условиях постоянного перемещения в силу их кочевого образа жизни. Такой религией стала буддийская школа гелуг. Два калмыцких лидера Дайчинг (в 1640 г.) и Аюка (в 1682 г.) встречались с Далай-ламой и получили от него ханские титулы. Сын Аюки Церен Дондук также удостоился титула хана. Докладчик рассматривает эти события как усиление позиции калмыцких лидеров в калмыцких и ойратских сообществах. История Калмыцкого каганата показывает, насколько сильным было влияние данных Далай-ламой титулов на развитие национальной государственности.

Е. С. Лепехова (Институт востоковедения РАН) посвятила доклад «Философия школы Тэндай в интерпретации Ямада Этай (1895–1994)» жизни и деятельности 253 первосвященника школы Тэндай японского буддизма. Она провела анализ понимания Ямадой Лотосовой сутры в соответствии с его попытками реформирования современного буддизма школы Тэндай в целях развития международных межрелигиозных контактов и диалога.

Х. Лау (Городской университет Гонконга, КНР) представил доклад «Подлинная "китайская версия" истории Тибета: с древних времен Тибет никогда не был частью Китая». При подготовке доклада использовались официальные документы на китайском языке, написанные до образования КНР и переизданные после 1949 г., анализ которых показал, что до 1950 г. Тибет не являлся частью Китая.

Ч. К. Ламажаа (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста; Национальный архив Республики Тыва, Кызыл), *У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш* (Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл) представили доклад «История тувинского буддийского паломничества: проблема источников». В докладе были указаны две причины малой изученности истории тувинского буддийского паломничества. Во-первых, только к XVIII в. сформировался тувинский вариант буддизма в результате «импорта религии» из Монголии и Тибета. И, во-вторых, имеется слишком мало источников, отражающих тувинское паломничество. Существующие свидетельства были разделены на четыре группы: научные труды по истории тувинского буддизма; архивные документы из архивов Тувы и Монголии; художественная литература (произведения тувинских писателей); публицистика, биографические труды.

О. Батсайхан (Институт международных отношений АН Монголии) в докладе «Буддизм и современная Монголия: Богдо Джебцзундамба-Хутухта IX» коснулся некоторых фактов биографии Богдо Джебцзундамба-хутухты IX Жамбалнамдолчойжижанцана. Как отметил докладчик, выражая пожелания монгольского буддийского сообщества, в 1991 г. Далай-лама официально утвердил теократическим главой Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухту IX. В 1999 г. 67-летний Богдо IX впервые посетил Монголию, где был неофициально провозглашен главой монгольских буддистов в монастыре Эрденэ-Дзу. В 2009 г. Богдо IX снова приехал в Монголию и в 2010 г. указом президента получил монгольское гражданство. В 2011 г. Богдо-гэгэн IX уже официально был провозглашен главой буддистов Монголии в монастыре Гандан-Тегченлин, что 19 января 2012 г. подтвердил президент Монголии Ц. Элбэгдорж своим указом. 1 марта 2012 г. в 8-й день первого месяца нового года по

лунному календарю Богдо-гэгэн IX скончался в монастыре Гандан-Тегченлин в Улан-Баторе.

Б. Л. Митруев (Калмыцкий научный центр РАН, Элиста) представил доклад «Относительно санскритской надписи на печати VIII Богдо-Гэгэна Монголии». 29 декабря 1911 г. была провозглашена независимость Монголии. Богдо Джебцзундамба VIII (1869–1924) был интронизирован как теократический глава Монголии. Во время церемонии ему было вручено помимо других вещей три печати: золотая для администрирования религиозными делами, нефритовая и серебряная для ведения дел светского государства. На печатях были сделаны надписи, дающие благословение делам владеющего ими правителя. Докладчик сделал перевод этих надписей, а также предоставил соответствующие комментарии.

С.-Х. Д. Сыртыпова (Институт востоковедения РАН) представила доклад **«**Об отношениях Занабазара с Далай-ламой V и Панчен-ламой IV (на основе визуальных и письменных источников)». В соответствии с письменными источниками, будущий духовный и религиозный лидер Монголии Джебцзундамба-хутухта Ундур-гэгэн Занабазар (1635–1723) родился в благородной семье Туши-хана и был признан как перерождение умершего за год до этого знаменитого тибетского ученого Таранатхи (1575–1634). В 1640 г. Далай-лама V послал ачарью из тибетского монастыря Дрепунг обучать мальчика текстам буддийской школы Кадам. В 1649 г. Богдо-Гэгэн прибыл в Тибет обучаться в монастырях школы гелуг и стал учеником Панчен-ламы IV. После двух лет интенсивного обучения Панчен-лама IV посоветовал ему вернуться на родину и построить там монастырь в горах для распространения дхармы, предсказывая великое будущее в духовной практике, если он последует этому совету. Занабазар выполнил завет учителя и вернулся в Халху в 1951 г. В 1954 г. он основал монастырь Ribo-gazhei-gandan-ling (тиб.: ri bo dge rgyas gling). Занабазар создавал портреты своих учителей Далай-ламы V и Панчен-ламы IV, а также других иерархов школы гелуг. Как утверждает докладчик, их иконографическое исследование свидетельствует о том, что портреты были созданы при жизни моделей. Мастерство Занабазара позволило отразить в скульптурном портрете Панчен-ламы IV теплоту и духовную близость, существовавших в отношениях учителя и ученика, что нельзя сказать о портретах Далай-ламы V.

Ю. Ю. Эрендженова (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста) в докладе «Значение тибетской буддийской культуры для развития религиозной традиции калмыков», используя философский и герменевтический подход (П. Рикер), проанализировала «археологию» калмыцко-тибетского культурного диалога применительно к будущим перспективам. Ведущей причиной, по мнению докладчика, выбора калмыками тибетского буддизма, был поиск ответов на жизненно важные вопросы и возможность решения их актуальных проблем. Тибетская буддийская культура, основанная на альтруизме, связанном как со знанием реальности, так и с логическими основами буддийской теории и практики, остается значимой для калмыцкой религиозной традиции и сегодня. Вдохновляемые бодхичиттой тибетские учителя способствуют развитию религиозного сознания и религиозной терпимости калмыков, что приводит к их духовному росту и к конструктивному подходу в межкультурном диалоге.

В. С. Белимова (Институт философии РАН) в докладе «Буддизм и наука в перспективе межкультурной философии» осветила некоторые проблемы начавшегося

во второй половине XX в. диалога между западной наукой и тибетским буддизмом. Диалог проходил в форматах встреч между представителями западной науки и буддийского сообщества, конференций, публикаций и т. д. Как считает докладчица, все эти виды контактов требуют нового методологического базиса. Здесь может быть использован философский подход, в особенности новый тренд современной философии — межкультурная философия. Межкультурная философия как метод предполагает равные основания для всех участников культурного диалога.

М. К. Аубакиров (Частная общеобразовательная школа с философским уклоном, Уральск, Казахстан) в докладе «Применение буддийской научно-философской мысли в системе современного образования» проанализировал возможности применения буддийских философских понятий и используемых в буддийских монастырях методов обучения в системе современного образования. Докладчик считает, что их использование действительно уместно, так как они эффективны как средство трансформации и развития сознания человека.

О. П. Гуттенлохер (Частная общеобразовательная школа с философским уклоном, Уральск, Казахстан) в докладе «Буддийский принцип естественного развития в практике школьного образования» коснулась фундаментального в доктрине буддизма принципа естественного развития сознания человеческой личности. Буддийская педагогическая традиция предполагает реализацию естественных потребностей человека и основана на законах его сознания. По мнению докладчика, применение буддийских методов может быть эффективным в системе светского образования.

С. С. Аверьянов (независимый исследователь, Пермь, Россия) представил доклад «Буддизм как наука о природе ума. Сходства и различия с современными воззрениями». Он отметил, что традиционные буддийские представления о происхождении сознания и личности не противоречат современной научной парадигме. Так, буддийская концепция о скандхах, формирующих личность, соответствует основным положениям психофизиологии. Докладчик считает, что попытки интегрировать буддийские знания в современную психологию и психотерапию неубедительными, причину чего видит в непреодолимых различиях в целеполагании.

А. М. Шустова (Институт востоковедения РАН) представила доклад «Основные положения светской этики Далай-ламы», где рассмотрела развиваемое Далай-ламой XIV нравственно-философское учение, названное светской (или секулярной) этикой. Светская этика Далай-ламы, хотя и опирается на буддизм, отделяется от религии и основывается на базовой духовности человека, присущей всем без исключения. Этическое учение Далай-ламы исторически находится в русле традиции, заложенной Б. Р. Амбедкаром и Р. Прасадом, авторами светской конституции Индии, а также ее вдохновителем Махатмой Ганди. Буддийский лидер уверен, что светская этика способна помочь нравственному воспитанию молодежи, поэтому он предпринял шаги по внедрению ее в образование.

С. В. Дмитриев (Институт востоковедения РАН) в докладе «Буддизм по тангутско-китайскому глоссарию “Перл в ладони” (1190). Продолжение: удел монаха» продолжил исследование тангутско-китайского глоссария «Перл в ладони», уникального документа, составленного самими тангутами и отражающего сущность тангутской культуры. В докладе был рассмотрены ряд ритуальных предметов и инструментов, а также наиболее важные действия в почитании Будды.

С. Ю. Куваев (Учебная группа ФПМТ «Лама Цонкапа»; БУ «Музейно-выставочный комплекс города Лесной») представил доклад «Источники сведений о религии и культуре Тибета в «Письмах Махатм»». Прошло около столетия с момента первой публикации «Писем Махатм». Содержащаяся в источнике информация о религии и культуре Тибета уже становилась предметом исследования. докладчик попытался проследить, какая литература из имевшейся на тот период могла быть использована при написании «Писем Махатм».

С. Л. Кузьмин (Институт востоковедения РАН) в докладе «Российские архивные материалы о цинской "новой политике" в Тибете» проанализировал данные из Архива внешней политики Российской империи (Москва) на предмет реализации цинской «новой политики» в Тибете в начале XX в. По мнению докладчика, цинская администрация в Тибете пыталась проводить политику колонизации земель и китаизации тибетцев, в особенности северных земель Тибета как наиболее подконтрольных Китаю. «Новая политика» свидетельствовала об окончании отношений Тибета и Китая, основанных на принципе священник-покровитель и исторически сложившихся между Далай-ламой и императором Цин.

Т. Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН) представила доклад «События вокруг Тибета в начале XX века в зеркале российских и иностранных публикаций». Она заметила, что все возрастающий интерес британских колониальных властей к Тибету во второй половине XIX — начале XX в. объяснялся желанием защитить Индию от внешних угроз, в первую очередь, от «интриг» России в Центральной Азии. Опубликовано множество документов: тексты договоров, соглашений, мемуары, дневники, монографии, статьи из газет и журналов, неопубликованные ранее документы из Архива внешней политики Российской империи, а также Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге. По мнению докладчика, исследователи иногда приходят к диаметрально противоположным выводам, в особенности, в отношении миссии Агвана Доржиева к русскому царю, а также по вопросу роли Тибета в российской внешней политике.

С. В. Бойко (независимый исследователь, Москва) в докладе «Некоторые замечания об использовании советской авиации во время установления контроля КНР над Тибетом» представил некоторые свидетельства об использовании КНР советских самолетов для достижения больших озер в Северном, Западном и Центральном Тибете (среди них сокровенное озеро Манасаровар). Решалась задача возможности использовать регионы этих озер как воздушные базы для гидропланов.

Т. К. Мкртычев (Государственный музей Востока, Москва) представил доклад «Буддийские археологические памятники и буддийские материалы в Российской Федерации». Было найдено множество археологических буддийских памятников в Приморье, Приамурье, Южной Сибири и на Нижней Волге, датирующихся VI–XV вв. О буддизме в этих регионах можно узнать также и из письменных источников. В целях прояснения истории буддизма на Дальнем Востоке, в Сибири и Поволжье в докладе был сделан анализ опубликованных материалов по буддизму этих регионов.

В. Н. Бадмаев и *О. А. Максимова* (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова) представили доклад «Идея и миссия буддийского университета (по материалам интервью с преподавателями международного буддийского института Кармапы)». Буддийские положения, основанные на целостной картине мира и человека

в их взаимозависимости, нашли свое отражение в образовательных учреждениях и уникальной образовательной традиции буддизма. В Древней Индии буддийские монастыри формировались как образовательные центры. Позднее буддийская образовательная модель была воссоздана в Тибете, Монголии и в буддийских регионах России, поэтому буддизм надо рассматривать не только как религию, но и как образовательную систему и философию образования. Содержащиеся в буддийской образовательной традиции методы коррелируют с подходами, используемыми в западной философии образования, и имеют неоспоримую ценность для образовательных систем, основанных на диалоге между Западом и Востоком, между наукой и религией. Представленная информация получена в результате интервью, проведенных с директором, деканом и преподавателями международного Буддийского института Кармапы (KIBI).

Таким образом, на конференции был представлен большой диапазон тематики докладов, а также весьма разнообразный состав участников. Проведенный форум свидетельствует о большой заинтересованности исследователей в развитии научных подходов в изучении феномена буддизма. Как отметили многие докладчики, диалог науки и буддизма на современном этапе развития не только интересен, но и весьма плодотворен, тем более что и сам буддизм в последние годы предпринял шаги для сближения своих положений с научными концепциями. Можно с уверенностью сказать, что в российской буддологии и тибетологии начался новый этап, и проведенные четыре конференции «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии» на базе Института востоковедения РАН внесли существенный вклад в научное исследование огромной исторической и культурной сферы человеческого бытия под названием буддизм.

Литература / References

Александров С. Ю. *Буддизм глазами физика*. М., 2019 [Aleksandrov S. Yu. *Buddhism through the Eyes of a Physicist*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Шустова А. М. Диалог Далай-ламы с российскими учеными: как одухотворить науку. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 23. *Тибетология и буддология на стыке науки и религии*. Отв. ред. вып. С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. М., 2019а. С. 292–306 [Shustova A. M. Dialog of Dalai-Lama with Russian Scientists: How to Spiritualize Science. Kuz'min S. L., Shaumyan T. L. (eds.). *Trudy Instituta Vostokovedeniya RAN*. Vol. 23. *Tibetology and Buddhology at the Intersection of Science and Religion*. Moscow, 2019a. Pp. 292–306 (in Russian)].

Шустова А. М. Международная конференция «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии» как важный вклад в развитие российского востоковедения». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019б. № 2. С. 326–334 [Shustova A. M. International Conference "Tibetology and Buddhology at the Intersection of Science and Religion" as an Important Contribution in Russian Oriental Studies. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2019b. 2. Pp. 326–334 (in Russian)].

Шустова А. М. Понимание мира: диалог российских и буддийских ученых. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9. С. 68–72 [Shustova A. M. Understanding the Word: Dialog of Russian Scientists and Buddhist Scholars. *Asia and Africa Today*. 2018. 9. Pp. 68–72 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

В Дхарамсале начался диалог между российскими и буддийскими учеными «Понимание мира». *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2018/05/05/dalai_lama.html (дата обращения 12.02.2021).

Далай-лама и российские ученые. Диалоги о природе сознания. Сессия 1. *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2017/10/31/dalai-lama-14.html (дата обращения 12.02.2021).

Российские ученые исследовали феномен «посмертной медитации». *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2020/11/11/medvedev.html (дата обращения 12.02.2021).

Черниговская: буддисты помогут ученым связать мир идей и материю. *Сохраним Тибет!* URL: http://savetibet.ru/2020/11/11/buddhism-and-science.html (дата обращения 12.02.2021).

К ЮБИЛЕЮ ЕЛЕНЫ ЛЕОНИДОВНЫ КАТАСОНОВОЙ

23 декабря 2020 г. отметила юбилей Елена Леонидовна Катасонова — ведущий российский японовед, филолог, историк, культуролог, автор большого числа широко востребованных монографий и публикаций о Японии. Редакция «Вестника Института востоковедения РАН» от души поздравляет Елену Леонидовну с — уже прошедшим — днем рождения и публикует в связи с этим знаменательным событием оду ее коллеги — известного специалиста по литературе и поэзии Японии — Александра Аркадьевича Долина. Но сначала немного о юбиляре.

Елена Леонидовна Катасонова родилась в Москве 23 декабря 1950 г. В 1973 г. окончила Институт стран Азии и Африки при МГУ по специальности востоковед-филолог. После окончания Института в 1973–1981 гг. работала в Союзе советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), где провела массу интересных встреч с японскими политическими деятелями, деятелями культуры — режиссерами и художниками, как в нашей стране, так и в Японии. В 1981–1986 гг. Елена Леонидовна находилась в КНДР по месту командировки мужа, где преподавала русский язык. С января 1987 г. по настоящее время Е. Л. Катасонова работает в Центре японских исследований Института Востоковедения РАН — сначала в качестве научного, затем старшего и ведущего научного сотрудника, а ныне возглавляет его. В 1983 г. Е. Л. Катасонова под руководством Татьяны Петровны Григорьевой защитила кандидатскую диссертацию по творчеству одного из самых известных и весьма неоднозначных классиков японской литературы Танидзаки Дзюнъитиро, получив ученую степень кандидата филологических наук. А в 2004 г. ею была покорена следующая научная вершина — докторская диссертация по специальности «всеобщая история», которая посвящена такой важной странице в истории российско-японских отношений как урегулирование проблемы японских военнопленных, находившихся на территории бывшего СССР после окончания Второй мировой войны. Дело в том,

что в 1991 г. Елена Леонидовна была направлена в научную командировку по линии нашего Института для оказания научной и информационной поддержи в далекий японский город Цуруока, где находился главный офис Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. И проработала там более 5 лет, осуществляя в подлинном смысле этого слова «полевые исследования» проблем послевоенного урегулирования между нашими странами. Так волею судьбы Елена Леонидовна одна из первых в отечественной науке занялась вопросами японских военнопленных в СССР: собирая материал для книги, она, по ее словам, «обошла полтайги», работала с Б. Н. Ельциным, встречалась с множеством российских и японских политиков. И как результат называет себя «мамой военнопленных», потому что занималась их реабилитацией, участвовала в захоронении останков погибших в плену японцев, поиском без вести пропавших, выявлении имен захороненных на территории бывшего СССР и т. д. Именно поэтому среди монографий Елены Леонидовны несколько книг посвящены военной истории (две из них изданы в Японии и высоко оценены японскими учеными и общественностью).

А вообще Елену Леонидовну интересует самый широкий спектр вопросов, связанных с изучением Японии. Это — движение за дружбу между нашими странами, культурная дипломатия, проблемы мягкой силы и феномены современной японской массовой культуры, включая кино, анимацию, молодежные субкультуры и т. д. Е. Л. Катасонова — автор таких ярких монографий, как «Японские корпорации: культура, благотворительность, бизнес» (1992), «Японские военнопленные в СССР: Большая игра великих держав» (2003), «Последние пленники Второй мировой: малоизвестные страницы российско-японских отношений» (2005), масштабного сборника архивных документов, большая часть которых были введены в научный оборот впервые — «Японские военнопленные в СССР: 1945–1956» в серии «Россия. XX век». А вслед за этим она обратилась к современной культуре, что также отчасти оказалось связанным с ее дружеским общением с бывшими военнопленными. Интересно, что в исследование темы современной культуры Японии Е. Л. Катасонова вошла через моду: один из ее знакомых — бывший военнопленный, вернувшись на родину, возглавил японскую академию моды. А затем по его инициативе последовал обмен идеями и сотрудничество между японскими и российскими молодыми дизайнерами, а Елена Леонидовна стала в этой академии приглашенным профессором.

В последние годы Е. Л. Катасонова уделяет большое внимание многотомному проекту «Очерки массовой культуры Японии», посвященному феномену, не только определяющему в наши дни важный вектор духовно-нравственных и художественно-эстетических трансформаций, происходящих в японском обществе, но и с каждым годом все более ощутимо формирующий новый образ культуры для миллионов людей в других странах. Толчок исследованиям также дала мода и современное искусство и, в частности, интерес к творчеству знаменитого эпатажного художника Такаси Мураками. В рамках этого проекта в 2012 г. увидела свет индивидуальная монография Елены Леонидовны «Японцы в реальном и виртуальном мирах», не только вызвавшая широкий резонанс, как среди специалистов, так и в молодежной среде, но и способствовавшая продвижению этой тематики в сферу научных исследований.

А в юбилейный для нее год вышла и прекрасно изданная книга «Новое японское кино. В споре с классикой экрана» (2020) — второй том культурологического проекта —

посвящена другому не менее интересному виду современного искусства, зародившемуся в Японии в почти те же годы, что и в Европе, но приобретшему широкое мировое признание и многомиллионных поклонников за рубежом лишь на рубеже XX и XXI вв. Эта работа, как и предыдущие, основана на большом библиографическом материале — монографиях и статьях известных японских, российских и зарубежных исследователей, значительном информационном массиве российской и зарубежной периодики, а также на личном опыте автора, которой посчастливилось наблюдать многие из описываемых явлений собственными глазами и быть знакомой с заметными фигурами в области японской киноиндустрии.

Елена Леонидовна — автор большого числа научных и популярных статей общим объемом более 100 п. л., член Диссертационного Совета ИВ РАН, член редколлегии нашего журнала. Она часто дает интервью российским и зарубежным средствам массовой информации, является участником и организатором международных научных симпозиумов и общественных встреч, многократно выезжала в научные командировки в Японию и другие страны, где ее знают благодаря работе, связанной с военнопленными и правами человека: так, в одном глянцевом японском журнале Елена Леонидовна делила полосы с М. С. Горбачевым.

Е. Л. Катасонова — член Совета Российской ассоциации японоведов, активно участвует в жизни Центра японских исследований и Института востоковедения и заслуженно пользуется уважением и любовью коллег.

Редакция «Вестника Института востоковедения РАН» от души — пусть и с запозданием — поздравляет Елену Леонидовну с юбилеем и желает новых захватывающих исследований и публикаций!

Юбилейная ода
ЕЛЕНЕ КАТАСОНОВОЙ

Александр Долин

Как на берег морской набегают и пенятся волны,
Набегают года и кому-то грозят юбилеем,
Но встречаем мы их, задором по-прежнему полны,
И шампанское пьем, и возвышенных слов не жалеем.

Впрочем, что говорить! Не исчислить заслуг юбиляра,
Как весенней порой лепестков не исчислить на ветках.
Тут потребен поэт самобытного, редкого дара —
Об ученых писать, а не о смазливых кокетках.

Тем хорош юбиляр, что, будучи женского рода,
Далеко позади он оставил мужей достославных,
Заслужив уваженье всего трудового народа —
Младших, старших, ведущих, слегка завидущих и главных.

Начинал юбиляр тем, что дружбы нелегкое бремя
В ССОДе доблестно нес, стремясь донести поскорее,
Но досталось дружить не с теми: хотя и на время,
Другом стал Ким Чен Ыр, а площадкой для дружбы Корея.

Там, в корейской глуши вызревали великие планы
Покоренья высот, погруженья в глубины науки,
Ибо видно, что в ней окопались жлобы и мужланы —
Всех пора обуздать, взять в ежовые женские руки!

За японский роман присвоена первая степень
И за пленных японцев присвоена вскоре вторая.
Так, науку творя, мы имидж незыблемый лепим
И в печатных трудах прославляем от края до края.

Много издано книг о разных аспектах культуры,
О судьбе рядовых, офицеров различного ранга,
О кино, анимэ и о низменных свойствах натуры,
Что влекут молодежь от классики к радостям манга.

От сибирской тайги до японской дизайнерской моды —
Необъятен охват культурологической музы,
И не властны над ней ни ковид, ни наветы, ни годы,
Ни коварный недуг, ни административные узы.

Крепко держит штурвал Центра японоведческих штудий,
Прозревая вдали бескрайнее море открытий,
Славный наш юбиляр — и скоро всех выведет в люди,
Хоть приходится плыть порой на разбитом корыте.

Краткая библиография трудов Е. Л. Катасоновой

Заметки о японском кино: все оттенки розового. *Японские исследования*. 2016. № 3.

Как русские и японцы вместе снимали кино? *Актуальные проблемы современной Японии*. М., 2017.

Кантогун хэйси ва надзэ Сибэриа–ни окурарэта-ка? (Почему солдаты Квантунской армии были отправлены в Сибирь?). Токио, 2004.

Новое японское кино. В споре с классикой мировой культуры. М., 2020.

Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М., 2005.

Разделы: русская анимация и русская мода. *Росия бунка гэйдзюцу*. (Русская культура и искусство). Токио, 2011.

Сибэриа-ни какэру хаси (Мост над Сибирью). Токио, 1997.

Такэси Китано: комедиант и трагик. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 10.

Танидзаки Дзюнъитиро. Шут. *II была любовь, и была ненависть*. Пер. с яп. Е. Л. Катасоновой. М., 1975. С. 111–125.

Танидзаки Дзюнъитиро и проблемы массовой литературы в Японии. *Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока*. С. 115–120. М., 1982.

Танидзаки Дзюнъитиро и проблемы стиля. *Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока*. С. 120–127. М., 1982.

Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сборник документов. М., 2013 (в соавт. с В. А. Гавриловым).

Японские военнопленные в СССР: Большая игра великих держав. М., 2003.

Японские корпорации: культура, благотворительность, бизнес. М., 1992.

Японцы в реальном и виртуальном мирах. Очерки современной японской массовой культуры. М., 2013.

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ (1946–2021)

18 января 2021 г. после непродолжительной болезни скончался выдающийся российский турколог, один из самых авторитетных сотрудников Института востоковедения РАН Дмитрий Дмитриевич Васильев.

Дмитрий Дмитриевич всегда был примером сочетания глубоких академических знаний и практических навыков работы с музейными, архивными и археологическими коллекциями. Его труды по рунической эпиграфике изданы в нескольких странах мира, они стали признанной классикой отечественной и мировой науки о письменности древних тюрков. Д. Д. Васильев не просто изучал, переводил и издавал древнетюркскую рунику Южной Сибири и Алтая: он стал первооткрывателем многих памятников. Многие километры сибирских дорог и бездорожья были пройдены им в поисках заветных камней с древними письменами.

Весь его путь в науке был связан с Институтом востоковедения, в котором Дмитрий Дмитриевич трудился всю свою жизнь, где на протяжении долгих лет он возглавлял Отдел истории Востока. Мы знаем, как щедро Дмитрий Дмитриевич делился знаниями и опытом со своими коллегами и учениками. Уверен, что его имя навсегда останется и в истории Института, и в истории отечественной науки о Востоке.

Он никогда не гнался за званиями и чинами, они сами его находили. Его заслуги в области науки и образования были по достоинству оценены в России и за рубежом — Д. Д. Васильев являлся лауреатом многочисленных премий и наград, среди них Памятная медаль Хубилай-хана Монгольской Академии наук, премия ЮНЕСКО «Хираяма — Шелковый путь» и многие другие.

Одной из его главных черт было умение делиться — знаниями, опытом, связями, просто добрым советом… На одной из своих книг он как-то написал мне пожелание успехов на «каменистом» пути турколога-руноведа. Сам он прошел этот путь с честью и до конца.

Д. и. н. И. В. Зайцев

DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-277-287

ПАМЯТИ ДРУГА. ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

© 2021

А. Л. Рябинин*

Материал рассказывает о жизненном пути, человеческих качествах и выдающихся достижениях одно из наиболее выдающихся российских тюркологов — Дмитрия Дмитриевича Васильева, ученого, организатора науки, учителя и друга многих отечественных и зарубежных востоковедов.

Ключевые слова: личная история, российское востоковедение, российская тюркология, Д. Д. Васильев, воспоминания, устная история.

Для цитирования: Рябинин А. Л. Памяти друга. Дмитрий Дмитриевич Васильев. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1. С. 277–287. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-277-287

IN LOVING MEMORY OF A FRIEND. DIMITRY D. VASILIEV

Alexey L. Ryabinin

The publication looks into the life path, outstanding human qualities and achievements of one of the most renowned Russian Turkologists — Dimitry D. Vasiliev, an academic, organizer of science, teacher, and friend of many Russian and foreign orientalists.

Keywords: personal history, Russian Oriental studies, Russian Turkology, Dimitry D. Vasiliev, memoirs, Oral History.

Для цитирования: Ryabinin A. L. In Loving Memory of a Friend. Dimitry D. Vasiliev. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 1. Pp. 277–287. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-277-287

18 января 2021 г. ушел из жизни Дмитрий Дмитриевич Васильев. Российская наука потеряла не только блестящего тюрколога, выдающегося ориенталиста, обладавшего обширными знаниями востоковеда, энциклопедически образованного ученого, но и организатора российской востоковедной науки, крупного общественного деятеля, всю свою жизнь укреплявшего связи России с тюркоязычными и монголоязычными странами, способствовавшего дружбе и сплоченности между Россией и сопредельными с ней народами в целом и евразийской востоковедной общественностью в частности.

Весь жизненный путь Д. Д. Васильева свидетельствует о его огромном трудолюбии, верности избранной еще в юности профессиональной, научной и творческой стезе, но, в то же время, лишь в малой мере обозначает ту невосполнимую потерю, которую российская востоковедная наука понесла с уходом Д. Д. Васильева из жизни.

* Алексей Леонидович РЯБИНИН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; rjabinin50@rambler.ru

Alexei L. RYABININ, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; rjabinin50@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Д. Д. Васильев родился 11 октября 1946 года в Москве. В 1971 г. он окончил Институт восточных языков Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова по специальности «история и филология тюркских народов» и в том же году поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР в Отдел памятников письменности Востока. В Институте восточных языков, я, поступивший в него в 1968 г., видел Дмитрия Дмитриевича лишь мельком. Помню первое впечатление: он все время куда-то спешил. Говорили, что он очень способный тюрколог, занимающийся древнетюркскими руническими памятниками.

По-настоящему я познакомился с Дмитрием Дмитриевичем в 1973 г., когда поступил в тот же Институт, где он работал уже два года. Поскольку я занимался Вьетнамом, то «был приписан» к Отделу социалистических стран Востока (этот отдел, в отличие от всех остальных, был сформирован тогда не по региональному, а по политическому признаку — из стран, входящих в социалистический лагерь). Я всеми силами пытался выбраться из этого «болота», стремясь перейти в какой-либо иной, более соответствующий моим стремлениям и идеям коллектив. Занимаясь вьетнамской хроникой XIX в., я попытался перейти в Отдел памятников, где и столкнулся с Дмитрием Дмитриевичем, который в середине 1970-х гг. стал уже одним из ведущих сотрудников этого отдела. Он всячески пытался помочь мне с переходом, но начальство моего отдела меня не отпускало. Дмитрий Дмитриевич попытался меня утешить и предложил поехать в археологическую экспедицию в Туву. Я уже ездил в несколько подобных экспедиций, но его рассказы об этом удивительном крае очаровали меня, и я отправился в далекую Туву на все лето 1974 г.

Сам Дмитрий Дмитриевич, вдохновляемый примерами таких русских востоковедов-путешественников, как Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлов, В. А. Обручев, М. В. Певцов, Г. Н. и А. В. Потанины, Н. М. Пржевальский, Н. К. Рерих, В. И. Роборовский, Н. А. Северцов, П. П. Семенов-Тян-Шанский и Е. Ф. Тимковский, с первого же года работы в Институте востоковедения принял участие в работе Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР, занимаясь обследованием петроглифов и памятников древнетюркской письменности в устье реки Хемчик, в Монгун-Тайгинском и в Улуг-Хемском районах.

Сразу же влюбившись в Туву с ее высокими густо заросшими лесом горами, узкими горными ущельями, быстрыми реками и «рериховским» пейзажем, Д. Д. Васильев сохранил эту любовь на всю жизнь, почти ежегодно посещая эту далекую республику с научными целями. Впоследствии к Туве присоединились Хакасия и Горный Алтай.

В 1973 г. в значительной степени благодаря настойчивости Д. Д. Васильева был заключен договор между Советским Комитетом тюркологов, Институтом востоковедения АН СССР, Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) и Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ХНИИЯЛИ) о совместной подготовке Корпуса памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея.

Работа в Саяно-Тувинской археологической экспедиции была увлекательной и познавательной. В сезоне 1974 г. мы раскапывали небольшие курганы с захоронениями скифов, сарматов и гуннов, лазили по высоким горам, купались в ледяных водах Хемчика, плавали на моторках по быстрой глади своевольной горной реки. Время от

времени к нашей стоянке приезжал Дмитрий Дмитриевич в образе белогвардейского офицера: в белом картузе «царского» покроя, иногда — на одолженном у местных тувинцев стройном гнедом скакуне. Он разбивал собственную палатку около нашего лагеря и устраивал «приемы». Хлебосольством Дмитрий Дмитриевич славился всегда, но в данном случае он превосходил самого себя: на хорошо выделанных овечьих шкурках появлялись купленные у тувинцев деликатесы и арака. У Дмитрия Дмитриевича была собственная исследовательская программа: он искал памятники тюркской рунической письменности на стелах, скалах, каменных плитах, предметах материальной культуры. Сезон 1974 г. был для Дмитрия Дмитриевича очень удачным: он сделал много находок и увлекательно рассказывал нам о них вечерами у полыхающего костра.

Во исполнение договора 1973 г. Д. Д. Васильев начал руководить специальной группой, действовавшей в составе Саяно-Тувинской экспедиции Академии Наук (СТЭАН) и копировавшей надписи на территории Тувы и Хакасии в поле и в собраниях Тувинского, Минусинского и Абаканского музеев. В 1975–1976 гг. Дмитрий Дмитриевич стал начальником Эпиграфической экспедиции ИВ РАН и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), работая в Дзун-Хемчикском, Улуг-Хемском и Каа-Хемском районах. В 1978–1982 гг. вместе с знаменитым ленинградским тюркологом С. Г. Кляшторным, его старшим другом и учителем, а также известным тувинским ученым И. У. Самбуу, Дмитрий Дмитриевич принял участие в работе Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР, занимаясь обследованием петроглифов и памятников древнетюркской письменности в устье реки Хемчик, Монгун-Тайгинском, Улуг-Хемском районах. В рамках этой экспедиции Д. Д. Васильев и его коллеги работали по отдельной изыскательской программе с целью подготовки к изданию тюркских письменных памятников. Параллельно с этой работой в 1980–1982 гг. Д. Д. Васильев вел полевые исследования в Горном Алтае совместно с сотрудниками Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (НИИЯЛИ).

Результатом исследований стала защита Д. Д. Васильевым в 1983 г. диссертации по истории тюркских народов средневековой Евразии на тему: «Палеографическая систематизация памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала». В том же году Д. Д. Васильев опубликовал свою первую монографию «Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала», вышедшую в издательстве «Наука» под совместным грифом ИВ РАН, ТНИИЯЛИ и ХНИИЯЛИ. Эта монография получила Международную награду Стамбульского университета «За высшие заслуги в тюркологии» и премию ЮНЕСКО «Хираяма — Шелковый путь».

Был и вид деятельности, которую Дмитрий Дмитриевич осуществлял с душевной болью и нравственными страданиями, хотя прекрасно понимал, что делать это совершенно необходимо. Речь идет о строительстве Саяно-Шушинской ГЭС, в результате чего воды Енисея залили огромные пространства культурных земель, которые кроме массы уже открытых, в неизмеримо большей мере таили в себе еще не найденные исторические памятники. Нужно было срочно спасать то, что еще можно было спасти. Поэтому в 1980-е гг. Д. Д. Васильев лично принял участие в эвакуации в Тувинский музей памятников древнетюркской письменности из зоны затопления СШ ГЭС. Эпизод спасения тувинских культурных памятников был снят в фильме

Свердловской киностудии режиссера В. Шунькова «Зона затопления», вышедшем в 1992 г.

В 1984–1986 гг. участие Д. Д. Васильева в работе ряда археологических экспедиций в Туве в качестве тюрколога продолжилось: он также искал, находил и исследовал древнетюркские надписи в Улуг-Хемском, Кочетовском, Эрзинском, Дзун-Хемчикском районах Тувы. В 1987 г. стараниями Дмитрия Дмитриевича к экспедиционным работам по поиску и анализу древнетюркских надписей в южно-енисейском регионе была привлечена научная общественность Турции: в этой деятельности принял участие профессор Стамбульского университета О. Ф. Серткая. Руководителем же Российско-Турецкой тюркологической исследовательской группы, проводившей контрольный осмотр памятников древнетюркской письменности в Туве и Хакасии, стал Д. Д. Васильев.

Накануне Перестройки, в 1984 г., в Институте востоковедения был создан Сектор истории, в задачи которого входила подготовка Шеститомной истории Востока с древнейших времен до наших дней. Возглавила этот сектор Клара Зармайровна Ашрафян, индолог, блестящий знаток Делийского султаната. Вошел в этот сектор и я, наконец-то отпущенный руководством Отдела социалистических стран Востока после 12-летней «каторги». Началась новая «перестроечная» жизнь: встречи с будущими авторами, конференции и дискуссии на темы, запрещенные в прежнее время в СССР. Для более фундаментальной подготовки Шеститомной истории Востока в разгар Перестройки наш сектор был преобразован в Отдел истории Востока, который возглавил Николай Алексеевич Иванов, энциклопедически образованный арабист, чьи обширные научные познания, утонченная интеллигентность и природная доброта позволили создать в новом отделе уникальную атмосферу доброжелательности, товарищества, взаимной поддержки и в то же время строгой научной требовательности к работам своих коллег. Вошел в этот коллектив и Дмитрий Дмитриевич Васильев. Он сразу же включился в общее дело, привлекая к участию в написании Шеститомника своих друзей-тюркологов — С. Г. Кляшторного, М. С. Мейера, С. Ф. Орешкову, коллегу по Отделу памятников Е. А. Давидович. Однако работа в Отделе истории Востока была лишь одной из граней его многосторонней деятельности.

В годы Перестройки, когда активизировались контакты советских ученых с научными кругами западных стран, Д. Д. Васильев подготовил в 1989–1990 гг. для выставки РАН «Кочевники — владыки Евразии», экспонировавшейся в США, специальный раздел с памятниками древнетюркской письменности из Тувы и Хакасии. Не забывал Дмитрий Дмитриевич и «родную» Турцию, а она отвечала ему взаимностью: в 1988 г. он был удостоен Международной награды Стамбульского Университета «За высшие заслуги в тюркологии», в 1989 г. был избран членом-корреспондентом турецкого научного общества Türk Dil Kurumu. В том же году научные и организаторские способности Д. Д. Васильева были по достоинству оценены советскими коллегами-востоковедами: он впервые был избран вице-президентом Общества востоковедов АН СССР и вплоть до самой смерти оставался одним из главных организаторов российской ориенталистики, проявляя на этом поприще недюжинные творческие способности. За более чем 30 лет деятельности на этом посту Д. Д. Васильев подготовил и провел семь Всероссийских съездов востоковедов в Элисте, Казани, Санкт-Петербурге, Москве, Уфе, Улан-Удэ, Звенигороде.

В непростом 1991 г., когда распался Советский Союз и возникла демократическая Российская Федерация, в которой вслед за свободой пришли неизбежные экономические трудности, Д. Д. Васильев остался неизменен своему научному призванию и энергично работал в археологической экспедиции Кемеровского ГУ в Бай-Тайгинском и Ак-Довуракском районах. Тогда же он стал активным участником, можно сказать, «мотором» процесса паспортизации памятников древнетюркской письменности в Туве. С 1992 года Дмитрий Дмитриевич руководил Эпиграфической экспедицией ИВ РАН в Горном Алтае и приглашал в 1993–1995 гг. в Туву ведущих мировых ученых для текстологического исследования новонайденных памятников древнетюркской письменности.

В сложный начальный период развития постсоветский российской науки в целом, и востоковедения в частности, в 1993 г. Д. Д. Васильев встал во главе Отдела Истории Востока ИВ РАН, заступив на этом посту безвременно ушедшего создателя отдела Николая Алексеевича Иванова. К чести Дмитрия Дмитриевича, он достойно продолжил путь, заложенный его предшественником. Д. Д. Васильеву удалось сохранить в Отделе то, что более всего ценится его сотрудниками — обстановку взаимной приязни, дружбы и доверия, помощи друг друга в трудных обстоятельствах, соучастия в победах и поражениях. В то время, когда ломались человеческие судьбы, и многие ученые, особенно молодые, вынуждены были покидать академическую стезю, уходя в бизнес и на административную работу, Дмитрий Дмитриевич постоянно являл пример непоколебимого мужества в отстаивании ученым своей профессии и призвания. Даже тогда, когда на зарплату научного сотрудника можно было купить один килограмм колбасы, Дмитрий Дмитриевич упрямо повторял: «Выдержка, выдержка и еще раз выдержка». Однако он не ограничивался увещеваниями, а всячески стремился облегчить тяжелые условия существования своих коллег.

В 1995 г. Д. Д. Васильев начал работать в должности профессора Российского государственного гуманитарного университета, а в 2001 г. стал директором Российско-Турецкого учебно-научного центра РГГУ. Зная научную квалификацию своих коллег, он привлекал их для чтения лекций в Центре, и для некоторых это был выход из тяжелого материального положения.

Продолжая тюркологические исследования, Дмитрий Дмитриевич с 1995 г. стал членом Секретариата Международного Союза по Восточным и Североафриканским исследованиям (МСВАИ в Париже), а также членом Секретариата Международных конгрессов востоковедов ICANAS. В это же время он проводил большую работу по паспортизации памятников в ТНИИЯЛИ и Музее Алдан Маадыр в Кызыле.

В конце 1990-х гг. на Д. Д. Васильева начал сыпаться «дождь наград», который уже не прекращался вплоть до конца его жизни: в 1997 г. Указом Правительства РФ он был награжден медалью в честь 850-летия Москвы, а в 1999 г. Монгольская Академия наук предоставила ему памятную медаль Хубилай-хана за серию работ по письменной культуре кочевников.

С начала нулевых годов Д. Д. Васильев расширил сферу своих интересов. Он начал заниматься Кавказом, и в 2000 г. за участие в подготовке иллюстрированной энциклопедии «Шамиль и его эпоха» был награжден Почетным знаком Фонда Шамиля. В следующем году он был избран членом-корреспондентом Российской Академии

Естественных наук с присвоением звания «Рыцарь науки и искусства» и вручением Ордена Св. Георгия.

С 2002 г. Д. Д. Васильев начал заниматься непосредственно кочевниками Монголии. Совместно с археологом Ю. С. Худяковым и этнографом В. Я. Бутанаевым он провел исследования в окрестностях Улангома, у озера Кыргыз-Нур и в Баян-Ульгийском аймаке Монголии. При этом в экспедициях принимали участие сыновья Васильева: старший — Дмитрий Дмитриевич, и младший — Александр Дмитриевич. Восприятие в детском возрасте рассказов о путешествиях Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлова, Н. М. Пржевальского, Н. К. Рериха, сообщения о загадочном городе Хара-Хото и таинственных рукописях Дуньхауна в сочетании с неподражаемым очарованием работы в полевых условиях дали свои плоды: впоследствии младший сын Дмитрия Дмитриевича стал продолжателем дела отца, унаследовал его научные интересы и к настоящему времени является талантливым и квалифицированным тюркологом, подающим надежды на блистательную научную карьеру.

В 2002–2003 гг. в качестве руководителя Экспедиционной группы ИВ РАН по исследованиям и изысканиям памятников древнетюркской письменности в Тыве Д. Д. Васильев провел исследования в Овюрском, Балгазынском, Кунгуртукском, Балгазынском и Эрзинском районах Тывы, а также осуществил первое обследование крепости Пор-Бажын на острове посреди озера Тере-Холь в Тере-Хольском районе той же Республики. И снова в этой экспедиции приняли участие оба сына Дмитрия Дмитриевича. Работа археологической экспедиции в Пор-Бажыне была начата спустя 4 года — под эгидой МЧС России. И в 2007–2009 гг. Д. Д. Васильев стал Членом Оргкомитета и Научного совета Российского Федерального научного проекта «Крепость Пор-Бажын», а также начальником Отдельного отряда востоковедческих исследований Комплексной экспедиции «Крепость Пор-Бажын».

Влияние с ранней юности идеалов русского офицерства способствовало тому, что Дмитрий Дмитриевич издал альбом «Православные святыни Балкан», за что в 2003 г. был удостоен статуса действительного члена Императорского православного палестинского общества и награждения Бронзовым знаком ИППО. С 2005 г. начинаются работы Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в Южной Сибири, где Д. Д. Васильев работал вместе с теперь уже постоянным участником — младшим сыном Александром Васильевым. Вместе они обследовали памятники тюркской рунической письменности в бассейне Енисея — в Эйлиг-Хемском и Кунгуртукском районах. Кроме того, Д. Д. Васильев провел исследования в окрестностях озера Сут-Холь в Сут-Хольском районе Республики Тыва.

В конце нулевых годов Д. Д. Васильев стал активно привлекать к работе над изучением тюркских памятников комплексные интернациональные исследовательские группы. В 2008 г. Д. Д. Васильев провел исследования памятников древнетюркской письменности на территории Тувы и Хакасии совместно с венгерским археологом И. Фодором, турецкими тюркологами А. Ташагылом и С. Сомунджуоглу. В том же году он принял участие в Международной конференции «Крепость Пор-Бажын», впервые обследованной именно им. В 2009–2010 гг. Д. Д. Васильев исследовал памятники древнетюркской письменности на территории Хакасии с участием этнографа В. Я. Бутанаева и краеведа Н. И. Рыбакова. Особое внимание они обратили на комплекс надписей из урочища Оргенек, с которым были связаны путешествия Страленберга и

Аспелина. В 2011 г. Д. Д. Васильев провел исследования памятников древнетюркской письменности на территории Хакасии с участием уже упомянутого краеведа Н. И. Рыбакова. В том же году Д. Д. Васильев совершил поездку в лагерь экспедиции Кызыл-Курагино к профессору Ю. С. Худякову, с которым дружил многие годы. В 2012 г. Д. Д. Васильев исследовал памятники древнетюркской письменности на территории Хакасии с участием Н. И. Рыбакова, В. Кильчичакова и археолога В. П. Балахчина. Тогда же он совершил поездку на озеро Кара-Холь в Тыве и изучил надписи Алашского плато. В 2013 г. Д. Д. Васильев провел полевые исследования в Хакасии с участием своего теперь уже постоянного коллектива. В Тыве совместно с К. А. Бичелдеем Дмитрий Дмитриевич исследовал памятники в окрестностях Шанчы, а также принял участие в Археологической экспедиции Кызыл-Курагино. В 2014 г. Васильев обратился к памятникам древнетюркской письменности на территории Хакасии теперь уже с новым коллективом: с краеведом И. И. Ботвичем (Тамги), этнографом В. Я. Бутанаевым, краеведом С.Г. Нарылковым (Крес-Хая). Тогда же он исследовал и фото памятников из Абаканского музея. В 2015–2016 гг. Д. Д. Васильев вновь провел Эпиграфическую экспедицию ИВ РАН в Южной Сибири, предприняв полевые изыскания в Хакасии, обследование и факсимильное копирование новонайденных памятников с тюркскими руническими надписями Уйтаг и Алтын-Кёль.

В 2004 г. Дмитрий Дмитриевич стал Генеральным секретарем Международного конгресса востоковедов в Москве — ICANAS-37. Прекрасно помню это событие, так как мне суждено было стать председателем секции по древней и средневековой истории Востока. Будучи главным организатором этого масштабного форума, Дмитрий Дмитриевич прекрасно справлялся с возникающими проблемами, устранял случайные накладки, улаживал неизбежно вспыхивающие в подобных обстоятельствах мелкие конфликты. И все это не только благодаря недюжинным административным способностям, но вследствие мягкого обращения с собеседниками, природного чувства толерантности, умения находить взаимоприемлемые решения к общему удовлетворению в самых сложных ситуациях. Немалое значение имело и то, что со многими из присутствующих на Конгрессе маститыми востоковедами Дмитрий Дмитриевич был хорошо знаком лично. Успех Международного конгресса востоковедов в Москве был достигнут в немалой степени благодаря Д. Д. Васильеву.

В том же 2004 г. Васильеву было присуждено звание Почетного профессора Казахстанско-Турецкого Университета им. Ходжи Ахмеда Ясеви. В следующем 2005 г. Указом Президента РФ Д. Д. Васильев был награжден медалью «1000-летие Казани». В 2006 г. — еще одна Серебряная медаль им. Петра Великого Международной Академии наук о природе и обществе «За заслуги в деле возрождения науки в России». В 2008 г. Дмитрий Дмитриевич удостоился звания «Заслуженный деятель науки Республики Тыва». В 2009 г. он был награжден Министерством образования и науки Казахстана медалью «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» и удостоен звания Почетного профессора Кокчетавского государственного университета им. Ч. Валиханова.

В 2010 г. Дмитрий Дмитриевич был избран членом Международной тюркской академии в Астане и членом редколлегии ее изданий. В 2011 г. Васильев стал Почетным доктором Турецкого государственного университета в Ушаке. В 2012 г. Дмитрий Дмитриевич был избран Почетным членом Общества востоковедов им. барона Чома де

Кёреши Венгерской Академии наук. В 2015 г. его избрали членом Научного Совета по востоковедению при Президиуме РАН.

В 2015–2016 гг. Приказом Министра культуры РФ Дмитрий Дмитриевич был назначен Председателем Государственной аттестационной комиссии в Московском Государственном университете культуры и искусства. В 2016 г. Дмитрий Дмитриевич был награжден Золотой медалью Международной Тюркской Академии за ценный вклад в развитие тюркологии и научных связей в Евразии. В 2016 г. Васильев стал обладателем Золотой медали им. И. Ю. Крачковского.

Во второй половине 2010-х гг. Д. Д. Васильев стал плохо себя чувствовать: появились проблемы с ногами, трудно стало ходить, пришлось время от времени ложиться в больницу. Однако несмотря ни на что Дмитрий Дмитриевич продолжал вести активную научную деятельность, участвовать в научных конференциях, эффективно руководить Отделом истории Востока ИВ РАН, даже ездить в экспедиции в Тыву и Хакасию, что кажется невероятным, так как требует немалого физического напряжения.

В октябре 2017 г. Д. Д. Васильев был организатором международной конференции «Историко-культурное наследие Сельджуков» и одноименной выставки, прошедших в РГГУ при поддержке Посольства Турции в Москве и ИВ РАН.

Дмитрий Дмитриевич Васильев активно сотрудничал с Турецким историческим обществом при Кабинете премьер-министра Турции, являясь членом Оргкомитета Международного симпозиума «Правовой и исторический аспекты Первой мировой войны», проведенного в Анкаре. В 2018 г. Васильев являлся организатором международной выставки «Документы по истории российско-турецких отношений из архивов Турции», проведенной при поддержке Управления по делам Государственных архивов Турецкой Республики, РГГУ, ИВ РАН, Посольство Турции в ноябре 2018 г. и приуроченной к 200-летию Института востоковедения РАН.

В том же году Д. Д. Васильев и Э. Е. Кормышева подготовили материалы для двух разделов юбилейной выставки ИВ РАН в Государственном музее Востока, посвященной полевым исследованиям Института востоковедения РАН в Египте, Судане и Южной Сибири. Д. Д. Васильев активно принимал участие в дебатах с турецким историками по теме «Россия и Турция в контексте истории и культуры», проведенных по инициативе Посольства Турции 13 ноября 2018 г. в Турецком культурном центре в Москве.

В ноябре 2018 г. Д. Д. Васильев был награжден Почетной грамотой Президента РАН А. М. Сергеева за плодотворную научную деятельность и в связи с 200-летием ИВ РАН.

24 ноября 2018 г. Турецкий Фонд международных научных и культурных исследований «Валех Хаджилар» присудил Д. Д. Васильеву награду «За заслуги в области культуры, истории, языка и литературы мира тюркских народов».

2 июня 2019 г. Ассоциацией турецких предпринимателей в России Д. Д. Васильеву была присуждена «Международная премия дружбы им. Назыма Хикмета за вклад в укрепление дружбы и культурного сотрудничества между Турецкой Республикой и Российской Федерацией». Указом Правительства Республики Тыва от 18 февраля 2020 г. за вклад в развитие науки Республики Д. Д. Васильев был награжден орденом Республики Тыва «За трудовую доблесть».

Дмитрий Дмитриевич Васильев является автором семи книг и более 250 научных публикаций по истории Востока и тюркологии, среди которых есть изданные в Турции, Венгрии, Монголии, США, Германии, Финляндии, Японии, Иране, Иордании, Греции. Он является членом Академических Советов Международного института ЮНЕСКО по изучению Центральной Азии в Самарканде и Международного Института ЮНЕСКО по изучению кочевых цивилизаций в Улан-Баторе, членом координационного совета международного проекта ЮНЕСКО «Караван-сараи», одним из авторов многотомного проекта ЮНЕСКО «История цивилизаций Центральной Азии», координатором с российской стороны совместного с Венгерской АН двустороннего межакадемического исследовательского проекта «Сибирь», Ответственным секретарем Российско-Турецкой комиссии историков. Избранная библиография Д. Д. Васильева приведена в конце статьи.

Дмитрий Дмитриевич неоднократно участвовал в международных востоковедческих конференциях и конгрессах в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Грузии, Турции, Венгрии, США, Канаде, Франции, Польше, Нидерландах, Германии, Болгарии, Чехии, Финляндии, Норвегии, Греции, Египте, Кипре, Македонии, Монголии, Китае, Тайване, Гонконге, Таиланде, Японии, Иордании, Иране, Хорватии, Черногории. Д. Д. Васильев являлся членом российских и зарубежных постоянных редколлегий и редакционных советов журналов и периодических изданий «Восток (Oriens). Афро-азиатские общества. История и современность», «Вестник Института востоковедения РАН», «Восточный курьер», «Восточный архив», «Эпиграфика Востока», «Палестинский сборник» (все — Москва), «Проблемы востоковедения» (Уфа), «Тюркология» (Туркестан, Казахстан), «Bal-Tam Turkluk Bilgisi» (Призрен-Косово, Сербия), «Tarihi aratirmalar dergisi» (НЗМНр, Турция), «Karadeniz» (Ардаган, Турция), «Бюллетень ОВ РАН», «Базы данных по истории Евразии в средние века»; многотомных коллективных монографий «История Востока» (в 6 тт.), «История татар» (в 7 тт.), Turkler «Тюрки» (Анкара, Турция, Энциклопедия в 20 тт.).

Д. Д. Васильев не был кабинетным ученым, его научные публикации опирались на знания опытного исследователя-полевика. Это подтверждается многочисленными экспедициями по Туве и Монголии, ежедневной работой с пыльными архивными папками и штудированием книг, что является необходимой частью кропотливого труда рунолога и петроглифиста.

Дмитрий Дмитриевич Васильев успешно совмещал научную деятельность с преподавательской: он читал курс лекций по теме «История Центральной Азии и Кавказа» в РАНХиГС при президенте РФ. Д. Д. Васильев вел научное руководство аспирантами: десять его аспирантов успешно защитили кандидатские (из них двое — уже докторские) диссертации; вплоть до последнего времени он руководил тремя аспирантами в Институте востоковедения РАН.

Очевидно, что Дмитрий Дмитриевич Васильев не сумел бы сделать так много, если бы не поддержка его семьи. Его жена Елена, также тюрколог, блестящий переводчик с турецкого языка, много лет проработавшая в Посольстве Турции в Москве, всегда была для Димы надежной опорой и прочным тылом. Они прожили вместе более полувека и умерли с разницей в несколько дней. Как в сказке. О детях Д. Д. Васильева я уже говорил: ими мог бы гордиться любой отец.

В последние годы мы часто обсуждали с Дмитрием Дмитриевичем будущее российского востоковедения. Он, как и я, был очень озабочен тем, что в востоковедение идет мало молодежи, что оно «стареет», что крупнейшие востоковеды, умирая, к сожалению, оставляют мало учеников. В результате со смертью таких титанов исчезают целые школы и направления российского востоковедения. Так, после смерти Леонида Сергеевича Васильева у нас, кроме Леонида Борисовича Алаева, не осталось востоковедов широкого профиля, способных написать оригинальный учебник по истории Востока. Смерть Михаила Викторовича Горелика образовала огромную брешь среди специалистов по традиционному оружию Востока: заменить его не может никто. Последнее печальное событие — смерть Сергея Всеволодовича Кулланды — повергла в шок и Дмитрия Дмитриевича и меня; Кулланда также не оставил после себя учеников. Поэтому Дмитрий Дмитриевич выдвигал мысль о том, что необходимо поставить перед руководством Института вопрос о создании условий для обеспечения преемственности школ российского востоковедения, возможно, путем оформления этого процесса через план-карты. Он хотел поговорить об этом в Дирекции, но, очевидно, не успел. И вот теперь мы встаем перед новой проблемой: заменить Дмитрия Дмитриевича невозможно.

Жизненный путь Д. Д. Васильева — яркий пример служения науке и Родине. Он оставил после себя большое научное наследство и ту традицию научного содружества, в которой всегда жил Отдел истории Востока ИВ РАН. Лучшее, что мы можем сделать для сохранения его светлой памяти, — это продолжение этой традиции.

Светлая память!

Избранная библиография трудов Д. Д. Васильева

Аникеева Т. А., Васильев А. Д., Васильев Д. Д. Мир Бекира Чобан-заде. *Восток (Oriens).* 2015. № 6. С. 183–185 [Anikeeva T. A., Vasiliev A. D., Vasiliev D. D. Choban-Zade and His World. *Vostok (Oriens).* 2015. 6. Pp. 183–185 (in Russian)].

Васильев Д. Д . Персоналии древнетюркских эпитафий. Возможности источниковедческого анализа. *Источниковедение Кыргызстана.* Бишкек, 2004. С.174–180 [Vasiliev D. D. Personalities of Ancient Turkic Epitaphs. Opportunities for Source Analysis. *Source Studies of Kyrgyzstan.* Bishkek, 2004. Pp. 174–180 (in Russian)].

Васильев Д. Д. Addenda et Corrigenda к фонду енисейской руники. Памятник Ийме 1. (Е 73). «*ALTAICA I*». М., 1997. С. 34–45 [Vasiliev D. D. Addenda et Corrigenda to the Yenisei Runica Foundation. Monument to Iyme 1. (E 73). "*ALTAICA I*". Moscow, 1997. Pp. 34–45 (in Russian)].

Васильев Д. Д. Corrigenda к дешифровке наскальной рунической надписи на утесе Городовая стена. *Вестник Института востоковедения.* 2018. № 2. С. 46–50 [*Vasiliev D. D.* Deciphering Runic Inscription on the Rock Gorodovaya Stena [Town Wall] (Corrigenda). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2018. 2. Pp. 46–50].

Васильев Д. Д. Кочевая аристократия енисейской периферии Каганата. *Cronica. Annual of die Institute of History University of Szeged, 2007–2008, Published by the Institute of History University of Szeged.* Vols. 7–8. S. 249–260 [Vasiliev D. D. Nomadic Aristocracy of the Yenisei Periphery of the Khaganate. *Cronica. Annual of die Institute of History University of Szeged, 2007–2008, Published by the Institute of History University of Szeged.* Vols. 7–8. S. 249–260 (in Russian)].

Васильев Д. Д. Очерк к итогам комплексных исследований древнеуйгурской крепости на озере Терехоль в Туве. *Мир Большого Алтая.* 2016. № 2. С. 364–370 [Vasiliev D. D. An Essay on the Results of Comprehensive Studies of the Ancient Uighur Fortress on Lake Tere-Khol in Tuva. *Mir Bolshogo Altaya.* 2016. 2. Pp. 364–370 (in Russian)].

Васильев Д. Д. Руноподобная надпись на костяной пластине из Калоча. *Бюллетень Общества востоковедов РАН*. Вып. 9. *Hungaro-Russica*. М., 2002. С. 37–46 [Vasiliev D. D. Rune-Like Inscription on a Bone Plate from Kaloch. *Bulletin of the Society of Orientalists of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 9. *Hungaro-Russica*. Moscow, 2002. Pp. 37–46 (in Russian)].

Васильев Д. Д. Тюркские рунические надписи правобережья Улуг-Хема и создание базы данных эпиграфических источников. *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург*. СПб, 1998. С. 225–231 [Vasiliev D. D. Turkic Runic Inscriptions of the Right Bank of Ulugh-Khem and Creation of a Database of Epigraphic Sources. *Ancient Cultures of Central Asia and St. Petersburg*. Saint Petersburg, 1998. Pp. 225–231 (in Russian)].

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. 100-летие единения Тувы и России. *Восток (Oriens)*. 2014. № 6. С. 150–152 [Vasiliev A. D., Vasiliev D. D. Centennary of the Unification of Tuva and Russia. *Vostok (Oriens)*. 2014. 6. Pp. 150–152 (in Russian)].

Васильев А. Д., Васильев Д. Д. Древний и современный Байбурт. *Восток (Oriens)*. 2014. № 6. С. 147–150 [Vasiliev A. D., Vasiliev D.D. Ancient and modern Bayburt.*Vostok (Oriens)*. 2014. 6. Pp. 147–150 (in Russian)].

Васильев Д. Д. *Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала*. М., 1983 [Vasiliev D. D. *Graphic Fund of the Turkic Runic Writing Monuments of the Asian Area*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири*. Ч. 1. *Древнетюркская эпиграфика Алтая*. Астана, 2013 [Vasiliev D. D. *Corpus of Turkic Runic Inscriptions of Southern Siberia*. Part 1. *Ancient Turkic Epigraphy of Altai*. Astana, 2013 (in Russian)].

Васильев Д. Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея*. Л., 1983 [Vasiliev D. D. *Corpus of Turkic Runic Monuments of the Yenisei Basin*. Leningrad, 1983 (in Russian)].

Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Малевинская М. Е. *Православные святыни Балкан*. СПб., 2004 [Vasiliev D. D., Dluzhnevskaya G. V., Malevinskaya M. E. *Orthodox Shrines of the Balkans*. Saint Petersburg, 2004 (in Russian)].

Васильев Д. Д., Дмитриев С. В. Первая международная конференция по уйгуроведению: история, культура и общество. *Восток (Oriens)*. 2015. № 1. С. 162–171 [Vasiliev D. D., Dmitriev S. V. First International Conference on Uyghur Studies: History, Culture and Society. *Vostok (Oriens)*. 2015. 1. Pp. 162–171 (in Russian)].

Васильев Д., Скобелев С. Addenda et Corrigenda (2) к фонду енисейской руники. Фрагменты надписи из окрестностей Саянского острога. «*ALTAICA II*», М., 1998. С. 27–31. [Vasiliev D., Skobelev S. Addenda et Corrigenda (2) to the Yenisei Runic Foundation. Fragments of an Inscription from the Vicinity of the Sayan Prison. "*ALTAICA II*". Moscow, 1998. Pp. 27–31 (in Russian)].

Basileus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева. М., 2007 [*Basileus. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Dimitry D. Vasiliev*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Vasiliev D. Turkic Runic Inscriptions on Monuments of Southern Sibiria. *Archeology and Art History of the Eurasian Steppe*. University of Southern California, 1992. Pp. 121–130.

Vasiliev D. D. New Finds of Old Turkic Inscriptions in Southern Siberia. *Rulers from the Steppe*. Los Angeles, 1991. Pp. 116–131.

Vasilyev D. D. Information in Orhon Inscription on the Identies of Sayan-Altai Nobles. *Uluslararasi Tьrk Dili Kongres. 1992*. Ankara, 1996. S. 357–366.

Vasilyev D. D. Versuch zur Lozung der Kerbinschrift aus dem Ungebung von Kalocsa im Spiegel der eurasischen parallelen. *Folia Archaelogica*. T. XLIII. Budapest, 1994. S. 180–191.

Wassilieff D. D. Alt-Turkische Runen-Inschriften auf den Chinesischen Metallspiegeln aus Minussinsk Museum. *Hungaro-Russica III*. Vol. 13. Moscow, 2008. S. 136–149.

Wassilijew D. D. Datenbasen fur turkische Runeninschriften. Epitaphisce Epigraphik aus Sudsibirien. *Writing in Altaic World*. Helsinki, 1999. S. 298–313.

Подписано в печать 29.03.2021. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 36. Уч.-изд. л. 28,4.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами